

ІНСТИТУТ РУКОПИСУ НАЦІОНАЛЬНОЇ БІБЛІОТЕКИ УКРАЇНИ
ІМЕНІ В. І. ВЕРНАДСЬКОГО

КИЇВСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ БОРИСА ГРІНЧЕНКА

ГРИГОРІЙ ГАЛАГАН

ЖУРНАЛ (1836–1841)

Упорядкування, статті, коментарі:
Марина Будзар, Євген Ковальов

КИЇВ
StreamARLine
2020

УДК: 82-94:930.25 Галаґан
Г 15

Григорій Галаґан. Журнал (1836–1841) / упорядкування, вступна та прикінцева статті, коментарі: Марина Будзар, Євген Ковалев; за редакцією д.і.н., проф. Ірини Колесник. К.: StreamArLine, 2020. 248 с. («З Галаґанівського архіву»).

Публікація юнацького щоденника («журналу») Григорія Павловича Галаґана (1819–1888), одного з найпомітніших діячів в історії України в суспільно-політичній та культурній сферах, продовжуючи серію книг «З Галаґанівського архіву», охоплює період з 1836 до 1841 р. – від підготовки 16-річного автора до вступу в Петербурзький університет до початку його мандрівки країнами Західної Європи, і знайомить читача зі світом ідей та почуттів молодого аристократа, його вчинками та їхніми мотивами у соціокультурному контексті. Цей текст містить цінний матеріал для осмислення того, як реагувало українське дворянство на соціокультурні новації свого часу, як ставилося до різних проектів національного й державного будівництва.

Текст, що оприлюднюється, робить спроможним поглиблене вивчення культурних пріоритетів української дворянської інтелігенції в найширшому антропологічному контексті – освітні практики, комунікації з інтелектуалами, художні пріоритети.

Для широкого читацького загалу.

Рецензенти:

Доктор історичних наук, професор Лариса Буряк (Інститут біографічних досліджень, Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського)

Кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Валерій Томазов (Інститут історії України Національної академії наук України)

Затверджено до друку Вченою радою
Київського університету імені Бориса Грінченка
(протокол № 3 від 27 квітня 2020 року).

ISBN 978-617-7786-02-2

© Будзар М.М., Ковалев Є.А., 2020
© Вид-во StreamARLine
(ФОП Антоненко Л.І.), 2020

Тішся, юначе, своїм молодецтвом, а серце твоє
нехай буде веселе за днів молодощів твоїх!
І ходи ти дорогами серця свого й видінням очей своїх,
але знай, що за все це впровадить тебе Бог до суду!

Ек. 11:9.

Пам'яті Григорія Павловича Галагана
(1819–1888)

ЗМІСТ

Ковальов Є. Юнацький щоденник («Журнал») Григорія Галаґана: історія тексту	7
Журнал	
Книга перша	18
Книга друга	82
Будзар М. Відкриття власного «Я»: Григорій Галаґан в його юнацькому щоденнику	215
Глосарій	230
Іменний покажчик	231
Географічний покажчик	240

Євген Ковальов

ЮНАЦЬКИЙ ЩОДЕННИК («ЖУРНАЛ») ГРИГОРІЯ ГАЛАГАНА: ІСТОРІЯ ТЕКСТУ

В Інституті рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського серед документів архіву Галаганів, української аристократичної родини, зберігся юнацький щоденник одного з них – Григорія Павловича (1819–1888). Перший запис він зробив 1 лютого 1836 р. у Петербурзі, де мешкав, готовуючись вступати до університету, а востаннє писав у Мюнхені 8 жовтня 1841 р., під час мандрівки Європою. Два зошити у твердих оправах. Перший має 93 списаних аркуша, у другому їх 131.¹ На другому зошиті є замочек, тепер зламаний, що мав уберегти довірені паперу сочровенні юнацькі думки від чужого погляду. Думки юнак викладав здебільшого російською мовою, його рідною, зрідка переходячи на французьку, англійську, німецьку або українську. Свої записи він називав «журналом». Це французьке слово у російській літературній мові того часу означало не тільки періодичне друковане видання, але і щоденні нотатки («Словарь Академии Российской» наприкінці XVIII ст. дав йому такі тлумачення: «поденная запись», «поденник»²). Щоправда, хлопчина був непосидючий, тому вів щоденник далеко не регулярно, інколи надовго перериваючи записи. Якщо гортати сторінки цих зошитів від початку до кінця, то помічаєш, як змінювався з часом почерк автора – спочатку він писав більш-менш акуратно, не кваплячись, доволі старанно виводячи літери, але згодом почерк псувється, його інколи дуже важко розібрати, особливо місця, написані імпульсивним молодиком у сильному хвилюванні. Ось так почерк свідчить про дорослішення людини. На берегах аркушів є чимало поміток – підкреслень і «NB». Це сліди роботи з рукописом, залишенні його першим дослідником і публікатором – істориком Олександром Матвійовичем Лазаревським (1834–1902).

Знайомство О. Лазаревського з Г. Галаганом сталося у Чернігові 1861 р. Тоді вони були товаришами по службі, беручи участь у здійсненні селянської реформи на Чернігівщині – Григорій Павлович став членом від уряду в Чернігівському губернському з селянських справ присутствії, а молодий Олександр Матвійович обійняв посаду члена від уряду в з'їздах мирових посередників у Кролевецькому, Конотопському, Сосницькому та Борзnenському повітах. Мешкаючи у Чернігові по сусідству з Г. Галаганом, О. Лазаревський бував у нього вдома, познайомився з його дружиною Катериною Василівною і сином Павлусем.³

¹ IP НБУВ. Ф. I. Од. зб. 93-94.

² Словарь Академии Российской. Ч. 2. СПб., 1790. С. 1198.

³ Лазаревский А. Отрывки из черниговских воспоминаний (1861–1863 гг.). Киевская старина. 1901. № 3. С. 383–384, № 5. С. 282–283.

Досліджуючи історію Гетьманщини, О. Лазаревський зацікавився предками Г. Галагана, котрі у XVIII ст. належали до козацької старшини і мали неабиякий вплив на тогочасне українське суспільно-політичне життя. У 1875 р. у журналі «Русский архив» у серії нарисів про старшинські роди О. Лазаревський опублікував розвідку, присвячену Галаганам.¹ У ній здебільшого йшлося про Гната Галагана, прилуцького полковника у 1714–1739 рр. Історик охарактеризував його як нахабного ділка, котрий не гребував жодними засобами для зміцнення своєї влади й нагромадження багатств. Григорій Павлович, котрий завжди ставився з пістетом до пам'яті про своїх предків, сприйняв таке потрактування його родинної історії як особисту образу. «Небіжчик Галаган п'ять років не розмовляв зі мною за повідомлення про його предка», – згадував згодом про цей випадок Олександр Матвійович у листі до свого багаторічного кореспондента Г. О. Милорадовича.² Однак спростувати твердження історика, оперті на свідчення джерел, Г. Галаган не міг, і зрештою вони порозумілися. Ба більше, Григорій Павлович дозволив йому дослідити галаганівський родинний архів, що зберігався у Сокиринцях. О. Лазаревський побував там у 1883 р.³ Знайдені ним в архіві Галаганів джерела з історії України XVIII ст. були опубліковані у журналі «Киевская старина», активним дописувачем якого був Олександр Матвійович і який існував за підтримки Григорія Павловича.⁴

Після смерті Г. Галагана доступ до галаганівського архіву здобув директор Колегії Павла Галагана⁵ А. І. Степович. Він волів бути біографом Григорія Павловича і розпочав публікацію його рукописів.⁶ О. Лазаревський, що мав великий археографічний досвід, став найближчим співробітником А. Степовича у цій справі. Таким чином, до рук Олександра Матвійовича потрапили щоденники Григорія Павловича, які той вів час від часу з юності до схилу життя. Про знайомство з ними О. Лазаревський повідомляв у листах Г. Милорадовичу. З червня 1898 р. він писав, що редакція «Киевской старины» вирішила вшанувати пам'ять Г. Галагана з нагоди десятиріччя з дня його смерті, присвятивши йому вересневе

¹ Лазаревский А. М. Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII и XVIII в. Русский архив. 1875. Кн. 1. № 3. С. 318–325.

² Листи Олександра Лазаревського. Український археографічний збірник. Т. 2. К., 1927. С. 329 (пер. з рос. оригіналу).

³ Тарасенко О. Щоденник О. М. Лазаревського. Сіверянський літопис. 2016. № 6. С. 139.

⁴ Лазаревский А. Галагановский фамильный архив. Киевская старина. 1883. № 11. С. 452–469.

⁵ Колегія Павла Галагана була привілейованою школою, створеною Г. Галаганом для увічнення пам'яті про його передчасно померлого сина-одинака Павлуся. Після смерті Г. Галагана частина його особистих паперів (листування, щоденники тощо) зберігалася в архіві колегії; тепер ці документи належать Інституту рукописів Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського.

⁶ Подейкували, що А. Степович був позашлюбним сином Г. Галагана. О. Лазаревський знав про ці чутки (Тарасенко О. Щоденник О. М. Лазаревського. С. 141).

число журналу. Тому Олександр Матвійович мав намір упродовж літа 1898 р. «підготувати до видання частину щоденника молодого Галагана, себто Григорія Павловича у молодості».¹ І дійсно, «Киевская старина» за вересень 1898 р. містила публікацію уривків з юнацького щоденника Г. Галагана 1836–1841 pp.²

Як О. Лазаревський ставився до цього тексту і до його автора? Якою була археографічна якість публікації? Відповісти на перше питання можна, взявши до уваги невеличку, але концептуально дуже важливу вступну статтю, якою супроводжувалася публікація фрагментів щоденника. З неї випливає, що лейтмотивом у характеристиці, яку О. Лазаревський дав юному Г. Галагану, була двоїстість його вдачі. З одного боку, він, на думку історика, був продуктом поміщицького середовища з усіма його вадами, спричиненими кріпацтвом. Це був, так би мовити, темний бік вдачі юнака-панича. З іншого же боку, світлого, на нього впливав його наставник Ф. В. Чижов, котрому вдалося розвинути у свого вихованця гуманістичне прагнення самовдосконалення. Втім, дамо слово самому Олександру Матвійовичу:

Щоденник Галагана містить у собі історію бентежного духу юнака, котрий шукає прямого шляху [тут і далі курсив О. Лазаревського. – Є. К.] в житті й ніяк не може його знайти, збиваючись у життєвих протирічях. Безсумнівно, що розумний та енергійний учитель (Чижов) постійно збуджував у свого вихованця діяльність думки, спрямовуючи останню на пошук ідеалу. Може бути, тому учень у своєму щоденнику постійно роздвоюється: одне каже він як учень Чижова, і зовсім інше думає як сокиринський панич. Таким чином, психологія Галагана постійно двоїлася і ніяк не могла усталитися... Тому в словах і діях його вбачається постійне протиріччя, яке ставить юнака інколи у становище трагічне. Дуже часто Галаган сам бачить, що паничівські його схильності перемагають інші прагнення його свідомості, й тоді він про це тільки обмовляється у щоденнику («соромлюється»), але панич у ньому бере гору над учнем Чижова...³

О. Лазаревський вважав, що у юнацькому щоденнику Г. Галагана до найдрібніших деталей відбилося його особистісне зростання. Окрім того, на думку історика, текст цей демонструє визрівання у юнаку ідеалів «народодобування».

¹ Листи Олександра Лазаревського. С. 362 (пер. з рос. оригінал). Катерина Лазаревська, дочка Олександра Матвійовича, котра підготувала публікацію батьківського листування, помилково вважала, що у цьому листі йшлося про уривки із щоденника Г. Галагана за 1845 р., надруковані у листопадовому числі «Киевской старины» за 1899 р. Насправді же то був більш ранній юнацький щоденник за 1836–1841 рр. До речі, О. Лазаревському були знайомі й галаганівські щоденники 1880-х рр. У листі Г. Милорадовичу від 21 квітня 1899 р. він зауважив, що днями читав щоденникові записи Г. Галагана того часу, які стосувалися долі «Киевской старины» (Листи Олександра Лазаревського. С. 364).

² Матеріали для біографії Г. П. Галагана. Отрывки из юношеского дневника Г. П. Галагана. *Киевская старина*. 1898. № 9. С. 188–224.

³ Там само. С. 193 (пер. з рос. оригіналу).

любства» й українофільства, що вирости на ґрунті естетського замилування природою і народом України. З точки зору Олександра Матвійовича, щоденників записи молодого Григорія Павловича відзначаються неабиякою ширістю і правдивістю, обумовленими інровертністю цього тексту («такі щоденники пишуться тільки для себе»).¹ Зважаючи на усе це, О. Лазаревський безперечно був переконаний, що публікує вельми важливе історичне джерело, в якому поціновувачі минувшини знаходитимуть багатий матеріал для характеристики суспільства тих часів, на які припала молодість Г. Галагана.

Звернімося до археографічних особливостей публікації О. Лазаревського. Насамперед зазначимо, що він оприлюднив лише навілику частину юнацького щоденника Г. Галагана, оскільки оригінал складається з 224 аркушів рукописного тексту, а журнальна публікація налічує тільки неповних 30 сторінок. Тому постає питання, на яких же засадах публікатор відбирав матеріал? Сам О. Лазаревський зазначив, що вирішив опублікувати тільки ті фрагменти щоденника, в яких найчіткіше оприявнюються особистість молодого автора і характер тогочасного суспільства, особливо поміщицької верстви Лівобережної України. При цьому Олександр Матвійович зізнався, що багато чого не міг надрукувати через цензурні обмеження й етичні міркування, зокрема те, що стосувалося суто приватного життя – «епізоди з родинних і сусідських взаємин Галаганів та з деяких юнацьких вибухів самого Галагана».²

Проте що ж саме історик мусив залишити у таємниці від читачів «Київської старини»? Це легко з'ясовується порівнянням журнальної публікації з оригінальним текстом. По-перше, на сторінки журналу не потрапило майже нічого з того, що стосувалося інтимного життя юного Г. Галагана (зв'язків з жінками, венеричних захворювань тощо), а це була ледве не найважливіша тема його тогочасних щоденникових записів. По-друге, О. Лазаревський з граничною обережністю відбирав те, що стосувалося ставлення юнака до «національного питання» і суспільно-політичного ладу Російської імперії доби царювання Миколи I. Він не міг, мабуть, і помислити про можливість познайомити читацький загал з записами юного вільнодумця, в яких, скажімо, йшлося про «жорстокий, глупий, скотський деспотизм», що панував у Росії, а архієрейська обідня іменувалася «ляльковою комедією». Тому журнальна публікація вийшла занадто фрагментарною, їй бракує сюжетних ліній. З мінливої картини світу молодої людини, явленої через щоденниковий текст, О. Лазаревський наважився показати читачам «Київської старини» тільки маленькі шматочки.

Істотною вадою опублікованих фрагментів щоденника є численні скорочення, що інколи навіть не означені звичними трьома крапками. Наведемо приклади таких купюр, які видаються нам вельми промови-

¹ Там само. С. 193 (пер. з рос. оригіналу).

² Там само. С. 191 (пер. з рос. оригіналу).

стими. Спочатку подаємо фрагмент з публікації О. Лазаревського, а за ним – те ж саме місце з оригінального тексту. Жирним шрифтом означено те, чого бракує у журнальній публікації.

Я в Малороссии! в моем отечестве! я не могу описать то приятное чувство, которым я обладал, войдя в церковь (сегодня здесь храм) и увидя, что я опять нахожусь с мирными моими соотечественниками, которые (и мужчины, и женщины) так прекрасны!¹

Я в Малороссии! в моем отечестве! я не могу описать то приятное чувство, которым я обладал, войдя в церковь (сегодня здесь храм) и увидя, что я опять нахожусь с мирными моими соотечественниками, которые (и мужчины, и женщины) так прекрасны *после русских!*²

* * *

Мы проезжали через множество деревень, и я везде наблюдал за всеми движениями малороссиян.³

Мы проезжали через множество деревень, и я везде наблюдал за всеми движениями малороссиян и сравнивал их с русскими. **Какое сравнение! есть ли у русских эта гордость, которая невольно выказывается в обращении у малороссиянина? это остаток прежней их независимости.**⁴

* * *

В Секиринцах, в саду, есть долина, в которой стоит большой дуб с образом. Идя от пруда в глубину долины, вы увидите, пройдя колодезь, на левой стороне, довольно высокую, в долину наклонившуюся березу; под этою березою я завещаю, чтобы меня похоронили!... Над мною поставить каменный крест, чтобы показать, что я был один из последователей великого Иисуса Христа, и положить простой камень, без всякой надписи и фигур.⁵

В Секиринцах, в саду, есть долина, в которой стоит большой дуб с образом. Идя от пруда в глубину долины, вы увидите, пройдя колодезь, на левой стороне, довольно высокую, в долину наклонившуюся березу. Под этою березою я завещаю, чтобы меня похоронили. **Заклинаю мою матушку, сестру и всех родственников, чтобы меня не хоронили в церкви или возле церкви. Я во всю жизнь свою слишком мало уважал все католические, лютеранские, греческие, реформатские и все другие христианские секты и обряды, которые составляют так называемые религии. Клянусь Богом, что я любил и уважал Христа, и всегда готов был следовать его мудрому, Божественному учению, но я не уважал христианской церкви, и потому, если я ошибался в моих понятиях и мнениях, то не хочу моим телом осквернять место, которое я не уважал,**

¹ Материалы для биографии Г. П. Галагана. Отрывки из юношеского дневника Г. П. Галагана. С. 197.

² IP НБУВ. Ф. I. Од. зб. 93. Арк. 24 зв.

³ Материалы для биографии Г. П. Галагана. Отрывки из юношеского дневника Г. П. Галагана. С. 197.

⁴ IP НБУВ. Ф. I. Од. зб. 93. Арк. 25.

⁵ Материалы для биографии Г. П. Галагана. Отрывки из юношеского дневника Г. П. Галагана. С. 203.

которое столь священно для всех других. Над мною поставить каменный крест, чтобы показать, что я был один из последователей великого Иисуса Христа, и положить простой камень, без всякой надписи и фигур.¹

* * *

Если я когда-нибудь буду господином всех этих рабов [мовиться про селян-кріпаків – Е. К.], и если узнаю, что они меня не любят, то скорее я их всех продам! Но нет – тогда я и мое семейство умрет с голодом, потому что я сам ничего не знаю и не буду знать, чтобы поддержать самого себя своими трудами! Мне суждено быть скотом, повелевать скотами.²

Если я когда-нибудь буду господином всех этих рабов, и если узнаю, что они меня не любят, то скорее я их всех продам! Но нет! тогда я и мое семейство умрем с голодом, потому что я сам ничего не знаю, и не буду знать, чтобы поддержать самого себя своими трудами! Мне суждено быть скотом, повелевать скотами и **повиноваться скоту!**³ [Йдеться про царя – Е. К.].

* * *

Маменька несколько раз намекала, что боится, чтобы я не был слишком строг [з кріпаками – Е. К.]... Меня все-таки ужасно огорчает, что я не имею права претендовать на внутреннюю образованность; ко мне образованность также привита, как и ко всем русским, а внутри я все-таки напитан отвратительным азиатизмом.⁴

Маменька несколько раз намекала, что боится, чтобы я не был слишком строг, **ведь папенька был, кажется, строг, но об этом поговорим после;** меня все-таки ужасно огорчает, что я не имею права претендовать на внутреннюю образованность; ко мне образованность также привита, как и ко всем русским, а внутри я все-таки напитан отвратительным **русским** азиатизмом.⁵

* * *

Я сейчас был на похоронах Сперанского; там я видел множество карет, в которых приехали по должности, но народу вовсе нет. Умри такой государственный человек и при том собиратель законов, в Англии или Франции и – десятки тысяч простого народа сопровождали бы его гроб с чувством благодарности. А у нас? Никто об этом и не знает. Бедный народ... он вовсе не знает о существовании законов, они ему вовсе не нужны...⁶

Я сейчас был на похоронах Сперанского; там я видел множество карет, в которых приехали по должности, но народу вовсе нет. Умри такой государственный человек, и притом собиратель законов, в Англии или Франции, и десятки тысяч

¹ IP НБУВ. Ф. I. Од. зб. 93. Арк. 52 зв. – 53.

² Материалы для биографии Г. П. Галагана. Отрывки из юношеского дневника Г. П. Галагана. С. 204.

³ IP НБУВ. Ф. I. Од. зб. 93. Арк. 55 зв. – 55.

⁴ Материалы для биографии Г. П. Галагана. Отрывки из юношеского дневника Г. П. Галагана. С. 206.

⁵ IP НБУВ. Ф. I. Од. зб. 93. Арк. 65 зв.

⁶ Материалы для биографии Г. П. Галагана. Отрывки из юношеского дневника Г. П. Галагана. С. 209.

простого народу сопровождали бы его гроб с чувством благодарности. А у нас! никто об этом и не знает. Бедный угнетенный народ, поставленный на степень скотов, не принимает никакого участия в делах государственных; мало того! он вовсе не знает о существовании законов, они ему вовсе не нужны, он чужд всякого требования личности и свободы, он знает только деспота и налоги; к первому он привержен всею душою по врожденному рабству в характере, на второе он смотрит как на волю царя. А мы (дворяне) – варвары, угнетатели и враги всего русского, подые поклонники деспота, мы не принимаем никакого участия в том, что касается до России, потому что мы – развратные эгоисты. Народ поклоняется царю от полноты чувств. Если же мы это делаем, то это происходит от подлости. Скоро придет то время (не знаю только, должно ли желать скорее этого), когда наши головы вместе с головой автократа падут под секирами руssкого народа!¹

Окрім цього, О. Лазаревський перекручував текст, замінюючи оригінальний вислів, що здався йому неприйнятним, своїми власними словами, не оговоривши цю заміну. Так, Г. Галаґан, розповідаючи, як П. Скоропадський, межовий суддя, оголосив козакам про переведення їх у відомство державних маєтностей, пише:

Один раз он, будучи принужден ехать в поле с казаками для того, чтобы измерять их земли, как принадлежащие теперь казне; он проехал с ними в поле и, остановив лошадь, поворотил ее к старым казакам, ехавшим за ним верхами, и сказал на нашем языке речь, в которой он объявил волю самодержца – взять их в казну.²

Надзвичайно обережний О. Лазаревський не наважився згадувати у своїй публікації «волю самодержця» і свавільно змінив її на «указ». Ось що вийшло: «...Он объявил указ – взять их в казну».³ Таким чином, вочевидь, приглушувалося політичне звучання цього фрагменту.

Зазначимо також, що О. Лазаревський на власний розсуд приховав у публікації прізвища багатьох осіб, згаданих Г. Галаґаном, або наводячи лише початок і кінець (Тр-на – Троцина), або ж скоротивши їх до ініціалів (кн. В. – кн. Васильчиков).

Зрештою, у публікації О. Лазаревського є чимало похибок у відтворенні оригінальної мови галаґанівського щоденника (невірно передані слова тощо). Однак їх майже неможливо було уникнути, зважаючи на нерозбірливий почерк Г. Галаґана, читання якого є вельми нелегкою справою.

Здається, що наведених прикладів втручання О. Лазаревського у текст вистачає, аби оцінити археографічну якість уривків з юнацького щоденника Г. Галаґана, опублікованих у «Киевской старине». Очевидно,

¹ ІР НБУВ. Ф. I. Од. зб. 93. Арк. 91 – 91 зв.

² ІР НБУВ. Ф. I. Од. зб. 94. Арк. 94 зв.

³ Материалы для биографии Г. П. Галаґана. Отрывки из юношеского дневника Г. П. Галаґана. С. 219.

що вони у дуже малій мірі відображають багатий зміст оригіналу. Читацький загал «Киевской старины» отримав вихолощений текст.

До того ж, як будь-яке історичне джерело, щоденник юного Г. Галаґана потребує коментування, необхідного для його контекстualізації. У публікації в «Киевской стариине» О. Лазаревський обмежився стислими коментарями щодо деяких осіб і населених пунктів, згаданих у тексті. Є, однак, виняток – вельми розлогий коментар до запису розмов Г. Галаґана з П. Скоропадським. Галаґан вважав його щирим українським патріотом, відданим козацьким традиціям. Проте, коментуючи цей фрагмент, О. Лазаревський, посилаючись на те, що сам чув замолоду про Скоропадського, назвав його «фантазером», котрий морочив голову юнаку, зануреному в патріотичні мрії, а насправді був звичайним поміщиком, винятковість якого серед тогочасного панства проявлялася хіба тільки у тому, що інколи він носив народне вбрання і підмішував до своєї російської мови українські слова, що, втім, цілковито вкладалося у рамки романтичного козакофільства 1840-х років, підживленого «Історією русів» разом з шевченковим «Кобзарем». ¹ У цьому коментарічується відомін народницьких переконань, властивих О. Лазаревському з молодості.

Отже, публікація фрагментів юнацького щоденника Г. Галаґана на сторінках «Киевской старины» мала чимало хиб, обумовлених цензурними обмеженнями, морально-етичними та суспільно-політичними переважаннями публікатора. Проте завдяки О. Лазаревському це історичне джерело стало відомим читацькому загалу.

Юнацький щоденник Г. Галаґана привернув увагу літературознавців, які досліджували творчість Т. Шевченка. 21 вересня 1840 р. Г. Галаґан занотував у своєму щоденнику:

После обеда все отправились по своим квартирам: я пошел на квартиру Миши, который был помещен с Закревским и Штекером; я принес с собою «Кобзаря» Шевченки, пришли к нам Лаврент[ий] Никол[аевич] и Николай Иванов[ич], и мы начали читать. Когда Закревский услышал, как я читал по-малороссийски, то начал от радости меня обнимать. Он рассказал пресмешные анекдоты про малороссиян.²

О. Лазаревський включив цей фрагмент до своєї публікації, однак відтворив його неточно.³ До шевченкознавчого дискурсу його запровадив Павло Филипович – інтелектуал часів «Розстріляного Відродження»,

¹ Там само. С. 220.

² ІР НБУВ. Ф. I. Од. зб. 94. Арк. 75–75 зв.

³ Материалы для биографии Г. П. Галаґана. Отрывки из юношеского дневника Г. П. Галаґана. С. 217–218. Між іншим, О. Лазаревський помилково ідентифікував згаданого Г. Галаґаном Лаврентія Миколайовича як Раковича, тоді як насправді це був Милорадович, поміщик з с. Калюжинці, розташованого поруч з галаґанівськими Сокиринцями, родич Галаґанів.

поетнеокласик, талановитий літературознавець і, до речі, вихованець Колегії Павла Галагана. Беручи участь в академічному виданні шевченкових творів, він в одному із своїх коментарів, торкаючись взаємин Г. Галагана з Т. Шевченком, зауважив, що Галаган познайомився з «Кобзарем» невдовзі після його публікації 1840 р. Процитувавши уривок, надрукований у «Киевской старине», П. Филипович принагідно зазначив, що, на його думку, ця галаганівська нотатка засвідчує легковажне ставлення українського панства до творчості Т. Шевченка, бо «Кобзар» ставився поруч з анекдотами.¹ Так само трактував цю нотатку і Микола Зеров, котрий вважав, що українське великосвітське товариство, до якого належав Г. Галаган, недооцінювало літературну вагу шевченкової поезії.² Напевно, такі твердження П. Филиповича і М. Зерова обумовлювалися впливом шевченкових біографів народницького ґатунку, котрі зазвичай протиставляли поета-демократа українському панству.³

До речі, «Кобзар» був не єдиним шевченковим твором, згаданим у юнацькому щоденнику Г. Галагана. На початку грудня 1840 р., дедалі палкіше закохуючись у дівчину-селянку Тетяну, він пише декілька напрочуд цікавих рядків, які, мабуть, належать до найліпших місць цього щоденника, вражаючи дивовижним сплетінням ліризму з патріотизмом. Його Тетяна зливається з його Україною. Кохана дівчина, нація та природа гармонійно єднаються у світосприйнятті молодого романтика. Наприкінці цього запису вміщено ремінісценцію шевченкової «Тарасової ночі»: «О, Україно, моя ненько!». ⁴ О. Лазаревський не опублікував цей фрагмент, взагалі не бажаючи відкривати інтимного життя молодого Г. Галагана, тому він залишився, здається, невідомим шевченкознавцям.

Юнацький щоденник не міг не зацікавити біографів Г. Галагана, але фрагменти, опубліковані на сторінках «Киевской старины», не задовольняли дослідників, як прагнули якомога ближче познайомитися з цією далеко не пересічною особистістю, тому їм доводилося звертатися безпосередньо до рукопису. Ним користувався літературознавець, вихованець і викладач Колегії Павла Галагана Михайло Марковський, працюючи над біографічним нарисом «Поминка по учредителе Коллегии Григории Павловиче Галагане», приуроченим до 25-річчя його смерті, який став докладним оглядом життєвого шляху Г. Галагана.⁵ Щоденник був для М. Марковського головним джерелом матеріалів для характеристики юності Григорія Павловича. Цей вдумливий біограф на підставі

¹ Повне зібрання творів Тараса Шевченка / Під заг. ред. акад. С. Єфремова. Т. 3: Листування. [К.]: Держ. вид-во України, 1929. С. 802.

² Зеров М. Українське письменство. К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2003. С. 1002.

³ Див. давню, але досі актуальну розвідку: Оглоблин О. П. Проблема українських зв'язків Шевченка. Український історик. 1973. Вип. 3-4. С. 38-53.

⁴ ІР НБУВ. Ф. I. Од. зб. 94. Арк. 84.

⁵ Марковский М. Н. Поминка по учредителе Коллегии Григории Павловиче Галагане. К., 1914. 42 с.

щоденників нотаток показав, як відбувалося інтелектуальне дорослішання юнака. Він відзначив зростання зацікавленості молодого Ґалагана взаєминами поміщиків з селянами та його захоплення романтичним народництвом: «Уже у той час Григорій Павлович відчуває свій кровний зв'язок з рідним краєм, і в його щоденнику ми часто зустрічаємо гімн Малоросії, прекрасним якостям малоруського народу тощо», – зазначив М. Марковський.¹ Рефлексії молодого Г. Ґалагана щодо релігії, світського життя столичного й провінційного дворянства, навчання у Петербурзькому університеті – усе це також не залишилося поза увагою М. Марковського. Особливо цікавим видається те, що він відзначив визначальний вплив літератури на світогляд юнака.² Дійсно, для молодого Григорія Павловича образи і сюжети, знайдені у белетристиці, ставали поведінковими моделями, програмували його життя, формували стиль мислення. У юнацькому щоденнику Г. Ґалагана чимало місця відведено роздумам щодо прочитаної літератури і випробовуванню власних творчих сил у художній словесності. Слушною здається думка М. Марковського, що молодий Г. Ґалаган вживався в образ «поміщика-народолюбця» («каючогося дворянина»), на кшталт гоголівського Тентетнікова і толстовського князя Нехлюдова.³

Отже, очевидно, що юнацький щоденник Г. Ґалагана є текстом з великим інформативним потенціалом, важливим як для біографії його автора, так і загалом для осягнення української історії XIX століття, в якій Г. Ґалаган був, на нашу думку, одним з найцікавіших діячів. Тому ми вирішили опублікувати цей текст у повному обсязі згідно з сучасними археографічними нормами. Це видання є продовженням публікації рукописної спадщини родини Ґалаганів – «Ґалаганівського архіву». В попередньому випуску – «Ми виїхали з Сокиринців...»: тревелогії родини Ґалаганів: документальна монографія / упорядники: М. Будзар, Є. Ковалев; за редакцією д.і.н., проф. І. Колесник. К., 2019. 516 с. – уже була опублікована завершальна частина юнацького щоденника Г. Ґалагана, де йдеться про його мандрівку європейськими країнами 1841 р. Її включено і до теперішнього повного видання цього щоденника.

Текст публікується згідно з сучасними нормами російської орфографії. Виправлення очевидних мовних помилок не оговорюється. Упорядники прагнули втрутатися у текст з граничною обережністю, аби по можливості зберегти авторський стиль, зважаючи на важливість його для дослідження мовної культури. Тому було збережено авторське написання деяких слів (сертук тощо).

Частини тексту, написані українською мовою, подані в авторській реакції, прибрано було тільки тверді знаки (ъ) наприкінці слів після твердих

¹ Там само. С. 9 (пер. з рос. оригіналу).

² Там само. С. 10.

³ Там само. С. 12.

приголосних. Упорядники вирішили не передавати українське мовлення за сучасними нормами орфографії, щоб уникнути модернізації, яка унеможливила би використання цього тексту в філологічних дослідженнях як джерела з історії української мови.

Частини тексту, написані французькою, німецькою та англійською мовами, залишенні в авторській редакції, з виправленням тільки очевидних помилок. До цих місць додано український переклад. Поетичні твори Альфреда де Мюссе («Балада до Місяця») і Джорджа Гордона Байрона («Абідоська наречена»), які Г. Галаґан цитував французькою та англійською мовами відповідно, подаються у підрядковому перекладі, позаяк, наскільки відомо упорядникам, українські переклади цих текстів досі не публікувалися.

У квадратних дужках розкриті скорочення, а також подані вставки, зроблені упорядниками заради уточнення смислу тексту. Незначна частина тексту, що залишилася, на жаль, не розібраною, позначена трьома крапками, взятими у квадратні дужки.

У публікації відтворені підкреслення, зроблені автором, та його ма-люнки, вставлені у текст.

Упорядники додали до авторського тексту свої коментарі, маючи на меті таким чином відтворити контекст, в якому створювався щоденник.

Смотреть не позволяетя.
Цензор Григорий Галаган.

ЖУРНАЛ
1836
Февраль

1. Суб[бота]. Поутру в 8 часов пришел Мокр[ицкий], я рисовал довольно-прилежно, но не мог этот раз окончить пейзажа, потому что, воспользовавшись болтливостью Мокр[ицкого], я с ним проговорил с $\frac{1}{4}$ часа; проигравши с Фуксом час на фортепьяно, я довольно-прилежно занимался с Тибо и не сделал ошибок в диктанте. За обедом я в разговоре вполне увидел еще раз ненависть иностранцев к русским: они хвалили конфекты Вольфа и Амбиеля и брали почти Рязанова и Чернышова;¹ я был в душе моей по справедливости на них очень сердит. Вечеру, после нем[ецкого] чтения, лень преодолела меня, я ходил по комнатам и разговаривал с встрешним и поперешним почти до $7\frac{1}{2}$ часов и почти совсем не занимался с Сюби. Постараюсь этого не делать.

2-е. Воскр[есенье]. Этот день мы провели дома, и к нам никто не приезжал; после завтрака я привел в порядок мои счеты, которые были немного запущены. (Вечером мы услышали об ужасном несчастье, случившемся на Исаакиевской площади, а именно: балаган Лемана сгорел, и с ним много народа – 136 человек²).

3. Пон[едельник]. Сегодня ничего особенного не случилось со мною. Поутру я занимался с Чиж[овым], и он был мною доволен. За завтраком Сюби рассказал новость: что какой-то священник собрал будто бы народ на Марсовом поле и пророчествовал, что государь будет во все это время несчастлив. В газетах мы читали, что в Англии делают заготовления во флоте, что у нас укрепляют приморские места, не понапрасну все это! не понапрасну пожары, необыкновенные морозы! все клонится к чему-то ужасному. Я об этом сегодня говорил с мам[енькою]: она старалась меня разуверить, но не знаю почему – не разуверила.

4. Вт[орник]. Поутру Баршев, Мокр[ицкий] и Рихт[ер] были мною довольны, потом приехала Ал[ександра] Анд[реевна] и Маш[енька], они рассказывали нам о пожаре ужасные вещи. После обеда я приготовлял

¹ Йдеться про петербурзьких кондитерів.

² Пожежа у балагані (народному театрі) Х. Лемана на Адміралтейській площі Петербургу, де з нагоди настання Масниці для розваг скупилася велика кількість глядачів, сталася 2 (14) лютого 1836 р. Зайніялося від лампи, підвішеної занадто близько до крокв даху. Люди, охоплені панікою, намагалися врятуватися втечею, але гинули у тисняві, зрештою на них обвалився палаючий дах. Поліція перешкоджала добровольцям рятувати постраждалих до прибуття пожежників, які з'явилися занадто пізно. За офіційним повідомленням, загинуло 126 осіб (Северная пчела. 1836. № 28. 4 февраля. С. 109), проте за чутками жертв було вдвічі більше (Нікітенко А. В. Днівник. Т. 1. М., 1955. С. 180–181).

для середы и насилиу начал писать мое сочинение для четверга о концерте у хозяина, это сочинение должно было бы давно быть написано, и я его начал, скорее боясь упреков Чижова, нежели по убеждению. Непростильная лень!

10. Пон[едельник]. 12 час. утра. Наконец прошла масляная; постаралась вкратце описать ее. В среду ввечеру приехал и[з] Царского [Села] Базиль Гуд[ович],¹ и мы в тот же вечер поехали с ним к Борк[овским], там я как обыкновенно провел весьма приятно время. В четверг, разбудивши Базиля, мы отпили кофе спокойно и так же спокойно провели весь день, у нас обедали де Брини,² Андрюша, потом мы поехали на гуляние. В пятницу мы провели день приятно, в полдень были на гулянии. В субботу мы провели время еще приятнее; гулянье было прекрасное; еще в 10 часов утра мы были с Базилем у Казад[аева], вот у него был прекрасный спор между ним и мам[енькою]: он доказывал (хотя и не совсем основательно), что мам[енька] ошибается в том, что не пускает Маш[еньку] в театр, на бал и пр., они оба немного сбивались, Каз[адаев] – потому что он не имел основания в своем доказательстве, а мам[енька] – потому что довольно горячо это приняла, как свойственно матери. Ввечеру провели приятно время у Борк[овских], бегали, играли и пр. В воскр[есенье] мы после обедни поехали к Репнину, где я с Базилем вышли с кареты и пробыли у него с $\frac{1}{2}$ часа, ввечеру у нас были Борк[овские], Шах[овской] и де Брини, и мы довольно играли. Сегодня Базиль уехал!.. На этой неделе мы говеем, и я положил себе настояще постить (т. е. лишать себя любимой пищи, а именно пирожного и конфет), пойду спать, не знаю, что об этом скажет мам[енька].

11. Втор[ник]. Сего^{дня} нехороший день!.. Поутру я начал учить латинские слова, которые я во всю масленую не учил, мам[енька] это заметила и была недовольна, да и правда! не приближается ли экзамен?.. Правда, я делаю славно разбор, но слова меня могут задержать. В 10 час. мы были в церкви (в Мар[ииинской] боль[нице]), что мне в этой церкви нравится, это молчание, которое в ней царствует, и от чего? от того, что в ней стоят люди образованные, понимающие, как прилично стоять в церкви, а не мужики, которые беспрестанно шумят. Как горько русскому это различие! Ввечеру я опять провинился! Придя с вечерни, не занялся с Сюби. Мам[енька] меня браница за это и за то, что я за чаем немного забылся; она даже говорила, что я ее не люблю; Боже сохрани! Но что же делать, я сам виноват.

Пятн[ица]. 14. Поутру мы были в церкви, и после обеда – опять в церкви. В одиннадцать часов вечера пришел к нам наш исповедник

¹ Ймовірно, Василь Васильович Гудович, двоюрідний брат Г. Галагана.

² Олександр і Сергій де Брини, двоюрідні брати В. Гудовича.

от. Іоанн і исповедував нас. Он хорошо спрашивает, и особенно спрашивал, не имею ли я много товарищай, думая, что я хожу в гімназию, и говорил, что товарищество почти всегда вредно.

Суббота. 15. Наконец пришел тот день, в который душа, принимая плоть Христа Спасителя, должна очиститься от грехов!.. этот день должен быть первым праздником для христиан, потому что он есть единственный день, в который они соединяются телом и душою с Богом. В Мариинской больнице прекрасно приобщаться: вас никто не толкает, хотя вы стоите и в толпе, но в толпе людей благородных, где все пристойно; вы не развлекаемы этими странностями, которые вы находите в простом народе. Ввечеру мы с Miss Potts [рассматривали] картинки в библии.

Воскресенье. 16. После обедни мы в санях сделали 4 визита, потом претихо позавтракали, потом я подготовил математику, потом мы так же тихо пообедали. После обеда я немного погрузился в разные размышления. Вот уже с неделю, как что-то все меня занимает, а именно: в моей голове составляется целая история, которую я бы очень желал изложить на бумаге, но – нет времени! Это так меня занимает, что из каждого моего чтения я невольно почерпаю разные обстоятельства и невольно вскрикиваю: ах, вот вещь, приличная для моего героя! Уж я составил в уме план, но к чему! Для себя? Потеряю время, а оно дорого. Для славы? Для других? Что же! Кто, взяв в руки эту историю, будет искать в ней хорошего? Никто! Следовательно, не к чему и писать... Впрочем, я в моем журнале буду понемногу излагать мой план.

Понедельник. 17. Сегодня поутру я был довольно скучен, не знаю сам, что чувствовал, но после обеда разгулялся. По-немецки мы читали описание самоедов: чудо что за народ!¹ Вот прекрасные стишкі известного нынешнего классика Александра Дюваль из его романа «Le misantrope du Marais»,² он насмеяется над романтиками и над их простым и плоским слогом (я разумею романтиков, т. е. отчаянных), вот они:

Ballade à la lune.

Était dans la nuit brune,
Sur le clocher jauni,
La lune,
Comme un point sur un i.
Lune, quel esprit sombre
Promène au bout d'un fil,

¹ Самоїдами називали ненців, мешканців Північної Росії. Ймовірно, йдеться про працю мандрівника, етнографа та натуралиста Й. Г. Георгі (Georgi) «Опис усіх народів Російської імперії» (*Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs*), 3-й випуск якої (вид. у Петербурзі 1777 р.) містить етнографічний нарис про самоїдів (S. 273–284).

² «Мізантроп з Маре» (фр.).

Dans l'ombre,
 Ta face et ton profil?
 Es-tu l'oeil du ciel borgne? (прекрасно)
 Quel chérubin cafard
 Nous lorgne ,
 Sous ton masque blafard?
 N'es-tu rien qu'une boule ,
 Qu'un grand faucheur bien gras,
 Qui roule,
 Sans pattes et sans bras?
 Qui t'avait éborgnée
 L'autre nuit? T'étais-tu
 Cognée, (еще лучше)
 A quelque arbre pointu?¹

Непременно покажу это Федору Васильевичу, что-то он скажет? Он большой защитник романтиков. Сегодня он мне прочел поутру вступление в его диссертацию. Ученая вещь! но вот талант: прикрывать ученость приятностью слога, который я в нем замечал. Ввечеру я занимался физикой и прошел о свойстве сжимания тел и далее. Норка ощенилась.

1836, февраля 19 сделано ужасное преступление, чужой взор взглянул в тайны этого журнала, чужие руки...² Чижов, впрочем, он ничего не успел прочесть.

Втор[ник]. 18. Что мне писать сегодня? Я не только устал от четырех уроков, но и ничего особенного не случилось со мною.

Середа. 19. Сегодня поутру Чижов дал мне урок физики; как он хорошо толкует! он прошел в один урок то, что я с Сюби прошел в 5. Он также сделал физический опыт: именно – в бутылочку с экстрактум сатурнум опустил на нитке кусок цинку; через час начали расти на этом куску белые ветки, и он говорит, что через два дня вырастит деревцо (этот опыт называется «Сатурново дерево»). Тибо немного опоздал, и после урока с Маш[енъкой] мне оставалось только $\frac{1}{4}$ часа, а потому он придет завтра; я этому рад, потому что не совсем выучил урок.

¹ Балади до місяця. Це було темною ніччю. // На пожовкій дзвіниці, // Місяць, // Ніби крапка над "ї". // Місяць, що його безрадісний дух // Водить краєм нитки, // У темряві // Твій фас і твій профіль? // Ти погляд одноокого неба? // Який це нещирій херувим // Розглядає нас // З-під твоєї тьмяної машкари? // О, ти лише куля, // Великий, розжирілий павук, // Що виграє без ніг і рук? // Хто засліпив тебе тоді, вночі? Чи вдарили тебе // Гострою палею? А. Дювалль процитував без зазначення авторства уривок з «Балади до Місяця» французького поета-романтика Альфреда де Мюссе.

² Ця жартівлива приписка зроблена рукою Ф. В. Чижова.

Четверг. 20. Сьогодні прошов день так і сяк; ввечеру приїхал к нам Чижов, он прочел мое сочинение и нашел, что я слишком мало написал; правда! я ленился... Мы просидели с ним (и Miss P[ottts]) до 12 часов ночи. Я не только не чувствовал этого, но я бы желал в сердце моем, чтобы он всю ночь просидел.

П'ятниця. 21. Доволено приятний день!!! Я хорошо занимался с Чиж[о-вым] и Барш[евым], в 12 часов мы ездили в санях на Пет[ербургскую] стор[ону] к Алек[сандр] Ник[олаєвне], а потом я читал с Сюби ист[орию] Poirson¹ о пеласгах. Что это был за народ? Были ли они необыкновенно сильные и великие исполины? Этого не может быть, потому что скоро после них мы видим в Греции весьма обыкновенных людей; имели ли они машины, чтобы притаскивать такие огромные обломки скал и строить из них почти вечные здания? И это весьма трудно поверить: не знаю даже, будут ли когда-нибудь решены сии вопросы. Ввечеру был у нас Веббер, и между тем, как он разговаривал с мам[енькою] и Сюби, я в гостиной смешил наших дам [и] сестру разными шалостями.

Суббота. 22. О, скучный, несносный день! Мам[енька] весь день была мною недовольна, и не понапрасну: я это заслужил, и был скучен, как не знаю что. Сьогодні мам[енька] отказалася Мокр[ицькому]. Жаль мне его было, когда он, посмотревши странным взглядом на всех нас, важно сказал: «*Dernier regard du soleil couchant*».²

Воскр[есенье]. 23. О, прекрасный день! он загладил вчерашинее. Поутру в 8½ часов я с Сюби отправились к доброму Чижову, оттуда с ним – в университет, чтобы смотреть физические опыты Шеглова. На лекции были: Лобановы с гувер[нером], Сергей Кочубей с гуверн[ером], Сюби, Чижов и я. Опыты были презентабельные и прелюбопытные. Сверх того Чижов показал нам почти все кабинеты, унив[ерситетскую] бібліотеку и церковь, потом мы с Чижовым отправились домой и застали у нас Стражевых, Стог, Сангорского и Булича. Ввечеру мы (я и сестра) едем на концерт и живые картины³ с Борковскими – очень приятно! но... по совести, опыты физики еще занимательнее. В 5 часов веч[ера] мы получили письмо от Данила Яковл[евича] – дорожное письмо! Оно уведомило нас, что прах нашего Отца привезен в Сокиринцы.⁴ Нельзя было без слез и стеснения души читать,

¹ Огюст Сімон Жан Пуарсон, французький науковець, був автором праць з античної історії.

² Останній промінь Сонця, що заходить (фр.).

³ Живі картини – різновид пантоміми, коли актори з'являлися перед глядачами у позах, що відтворювали мистецькі пам'ятки, зазвичай добре знані скульптури або живописні полотна.

⁴ Павло Григорович Галаґан помер 17 жовтня 1834 р. у Москві, дорогою з України до Петербургу, і був похований у Новодівичому монастирі. У 1835 р. його родина отримала дозвіл на перепоховання небіжчика у дідичному маєтку Сокиринці. Прикажчик економії Галаґанів Д. Я. Лесик повідомив К. В. Галаґан про те, як приїхав 6 лютого 1836 р. із тілом померлого до Сокиринців: «...вдруг раздался звон колокола, встретили нас священство (кроме песковского): сокиренские, калюжинский диакон, с ним дегтяревский диакон, Петр Григорьевич с Софиею Александровною, вся фамилия господ Милорадовичей, Пелагея Осиповна с братом, с Песок приехавшая старуха Ульяна, старик Матвей и многое стеченье народа...» (ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 617. Арк. 10–10 зв.).

как его там приняли. Уже скоро приедут Борковские, чтобы ехать в театр, пойду приготовляться!!!!

Понедельн[ик]. 24. Вчера концерт был очень хорош, картины превосходны. Как прекрасен Михайловский театр! как он чист, красив, на концерте отличался особенно Бем¹ на скрипке и какой-то Ф... на флейте, словом, все прекрасно; à propos, сегодня я опять еду с Сюби на концерт в залу Энгельгарта, совершенно сделался mandarin!

Вторн[ик]. 25. Вчера мы были на концерте Мейгарта, и я познакомился, т. е. говорил с Ульяниным, он, кажется, добрый малый. Что меня удивило, это то, что в то время, когда один из артистов пленял меня своею прекрасною музыкою, Сюби и Ульянин разговаривали между собоюprehладнокровно о довольно пустых вещах, и когда артист кончил играть, то они начали со всех сил аплодировать! Не понимаю, к чему ездить на концерт? разве чтобы аплодировать и, как говорят французы, pour voir le monde.²

Пятница. 28. Что я делал в четверг и в среду? работал, уставал, как не знаю что, потом прогуливался с Сюби, и он мне сказал: «Alexis Oulianine m'a fait dire de vous prier de passer chez lui... comme cela – quand vous passerez par là bas».³ Я не отвечал ни слова и продолжал идти.

Суббота. 29. Вчера ввечеру я был скучен, потому что я худо играл на фортепьяно – спешил, не слушался, и мам[енька] мною была недовольна. В 12 часов мы ходили в Милутины лавки, чтобы купить лимбургского сыру etc. – он дорог. После обеда мы пошли за часами и шли тихо, наблюдая все физиономии, словом, мы делали (как говорит Сюби) les Badeaux de Paris,⁴ я очень люблю этот род гуляний.

Март.

Воскресенье. 1. Сегодня в 10 часов мы поехали в ц[ерковь] Спаса Преображения, а оттуда в 12 часов к Борковским, и они нас задержали на целый день. У них был Свет, Миклашевский и др., потом также я разговаривал с Пихлау и нашел, что она не очень femme savante⁵ и о многом весьма хорошо разговаривает. Наденька прекрасно играла на фортепьяно. А я сделал одну ошибку: я заспорил с Николашей,⁶ не утер-

¹ Скрипаль-віртуоз Франц Бьом (нім. Franz Böhm, 1788–1846), уродженець міста Пешт (Австро-Угорська імперія), був одним із знаних музикантів Петербургу, з 1816 р. обіймав осаду першого скрипала Петербурзьких імператорських театрів, його сольні виступи у виставах позначалися особливим рядком в афішах. Докладніше про Ф. Бьома та його родину див.: Синкевич Г. Бём – сем'я скрипачей. *Musicus*. 2010. № 5 (24). С. 54–59.

² Аби бачити світ (фр.).

³ Олексій Ульянін прохав мене вам переказати заїхати до нього... просто так, коли ви там будете (фр.).

⁴ Паризьких роззв'яз (фр.).

⁵ Зарозуміла жінка (фр.).

⁶ Ймовірно, з Миколаю Шаховським, двоюрідним братом Дуніних-Борковських.

пел. Он слишком заступался за французов (хотя кажется слишком глуп, чтобы судить о них), а Свет заступался слишком за русских; я же держал середину, и мне очень трудно было спорить с двумя. Свет – претихий человек; он носит на себе сильный отпечаток Малороссии, и особенно Нежинского лицея; страстен к наукам, часто делает сентиментального, весел, но довольно неловок.

Вторн[ик]. 3. Сегодня мною были довольны: Барш[ев], Рихт[ер] и Тол-м[ачев], этот последний начал опять читать историю, как он прежде читал ее, т. е. наизусть и рассказывавши, и я этому очень рад. Он также нам сказал, что скоро приедет к нам священник. Я теперь опять начал рассказывать мою фантастическую историю (M. Potts и сестре) в сумерках, и это будет для меня практикою для аглинского языка.

Середа. 4. Теперь совсем весна, уже две недели, как тает, и три дня, как появились дрожки! Как приятна всякая новость! Петухи поют, ручьи текут везде. На Невском просп[екте] уже паркет с одной стороны открыт. Сегодня был у меня Чижов, что за прекрасный человек и учитель, он у меня просидел от $8\frac{1}{2}$ до $11\frac{1}{2}$; $1\frac{1}{2}$ часа занимались тригонометриею, проходили о синусе, тангенсе и пр., а потом разговаривали: он мне говорил, какие его планы для будущности. О! он, верно, прославится, и я приготовляюсь писать его биографию; мне так понравились эти высокие планы, что..., что..., право, стала завидна его участь; вопрос: к чему после этого служит богатство? где человек беспрестанно развлекаем то должностю, то разными удовольствиями! В положении Чижова человек (любящий науку) совершенно посвящает себя ей; и (как Чижов рассказывал о себе, встает поутру и, занятый своим предметом, говорит во сне о нем человеку своему) тогда, верно, он успеет. А богатый, какой бы он ни был любитель науки, не может предаться ей, и тогда не будет успеха; после этого к чему и заниматься богатому наукой! его дело убирать, украшать дом, ездить на рысаке по Невскому, делать балы, потому что без этого его осудят, следовательно, гораздо лучше быть с состоянием Чижова; он всегда прилично одет, всегда весел. Человек с его состоянием может давать бедным и помогать им, и эти жертвы гораздо приятнее Богу, нежели жертвы богача, который дает бедному от своего избытка.¹ Следовательно, опять лучше быть бедным, чем богатым! с другой стороны: можно быть счастливым, добрым, не занимаясь наукой... противоречие! Вот как человек никогда не довolen своим состоянием! Один хочет быть богаче, другой завидует бедному! Впрочем, пора спать! Завтра ввечеру Чижов будет и принесет нам «Жулио Мости», новую драму Кукольника. Ожидает нас приятный вечер!

¹ Ремінісценція євангельської притчі про вдовину лепту: «Поправді кажу вам, що ця вбога вдовиця поклала найбільше за всіх, хто клав у скарбницю. Бо всі клали від лишка свого, а вона поклала з убозтва свого все, що мала...» (Мр. 12:43–44).

Пятница. 6. Вчера ввечеру был у нас Чижов и читал «Юлио Мости». Как хорошо написано! Я бы, право, расцеловал за это Кукольника. Какой легкий слог, как он слог этот приоравливает к тому, кто говорит.

Сегодня же я не выучил мой математический урок, а сказал Чижову, что знаю; как глупо! Как это я смел сказать, зная, что от этакой лжи зависит много. Чижов был недоволен и, след[овательно], и мам[енька]. Латинский учитель был мною очень доволен.

Суббота. 7. Сегодня мы два раза прогуливались по Невскому пр[оспекту], опять город сделался шумным! опять трудно говорить на улицах! опять стали петиметры разъезжать в модных колясочках! Теперь все носят длинные сертуки; мне бы хотелось иметь такой сертук, тем более, что это мне идет, но... нету денег.

Воскресенье. 8. О, как приятно и прекрасно я провел сегодняшнее утро! После обедни я пошел к Чижову; там я застал Сюби, занимающимся с ним. Чижов нам показал все машины, употребляемые в тригонометрии для планирования, для снимания планов, для измерения земли, высоты зданий и пр., и пр. Как любопытно! до чего дошел человек! У Чижова все в отменном порядке, он мне все показывал, читал многие свои сочинения, и мне они очень понравились; разговаривая, шутя, шаля, мы только что осмотрелись, что уже было более 3-х часов. Итак, Чижов начал делать свой туалет, и мы пришли с ним домой в четыре часа; уже маменька начинала беспокоиться. Потом мы были ввечеру у Борковских и начали наши чтения и пр.

Понедельн[ик]. 9. Сегодня для нас печальный день, потому что мам[енька] была нездорова после обеда, и я не пришел даже наведаться, что с нею делается! мне кажется, что все мои чувства исчезают, что я делаюсь хладнокровен ко всему! о Боже! разве с летами отходят от меня чувствительность, которую я имел четыре года тому назад, любовь к матери?.. да! Норка не отходила от кровати мам[еньки], а я, сын ее, не пришел увидеть, что с нею делается! мне кажется, что я не достоин ее взгляда! иногда мне как досадно, когда мам[енька] начинает делать разные замечания! но если рассмотреть, что она говорит, то все правда. Итак, постараемся понемногу исправляться от этих пороков. Возьмем на эти две недели порок хвастовства и будем замечать его.

Сюби принес для шутки от Исакова¹ книжку «I'Oracle», по которой можно отгадывать участь свою. Я взял книгу и на вопрос: «Si la chose qui je désire arrivera bientôt»² (т. е. экзамен) я нашел ответ: «Cela sera longtemps incertain».³ Что мне теперь об этом думать?

¹ Від петербурзького книготорговця Я. О. Ісакова.

² Чи відбудеться найближчим часом те, чого я бажаю? (фр.).

³ Це буде тривалий час невідомо (фр.).

Среда. 11. О, какая сегодня прекрасная погода! Мы были ввечеру у Борковских, и у нас было чтение. Пихлау сказала нам, что надобно было делать сочинения для чтения; черт знает что! и то нет времени!

Четверг. 12. Сегодня еще лучше погода! 7 градусов тепла. Я с Сюби ходил на Невский проспект, и в одних сертучках! Вечеру Чижов у нас был и прочел второе отделение «Жулио Мости» и «Скоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем»,¹ от которой мы все так рассмеялись, что в боку кололо. Чижов также читал и поправлял мое сочинение (то же, что приготовил для Толмачева), и какая разница! Он вдвое и...

Апрель. 12. Воскресенье. Как давно я не беседовал с тобою, любезный журнал! и как много накопилось вещей, чтобы тебе передать их. В это время я приобрел нового друга Чижова. Я узнал этого бесценного человека и очень с ним сблизился. На праздники я довольно веселился, особенно с Борковскими, и еще больше полюбил Васю Борковского; его вкус почти во всем согласуется с моим, странно! как будто мы с малых лет воспитывались вместе. В. Гудович прожил у нас, он предобрый. В пятницу я был в театре с Чижовым и видел «Сильфиду».² Я восхищен! я очарован, я... не знаю что! ах, какой балет и какая высокая мысль: поэт имеет невесту, но, как поэт, прельщен другою идею. О, несчастный! Пленяется ею, но не желай, чтобы она сделалась земною, она потеряет всю свою прелесть. Но что же? Шотландский поэт захотел ее иметь, Сильфид умирает, и он, теряя ее, теряет вместе и все земное; весьма высокая идея! но, к сожалению, только $\frac{1}{4}$ театра понимает ее! А все прощие приезжают только для того, чтобы видеть танцы; глупцы! это слишком высоко для вас. Чижов теперь дает мне уроки каждый день и часто у нас обедает. Скоро! скоро! мы отправимся в нашу Палестину.

13. Понедельник, утро. Вчера я был на «Баядерке»³ с Чижовым и в высшей степени восхищен. О, Круазета! как она танцует, чудо! нель-

¹ «Оповідання про те, як посварився Іван Іванович з Іваном Никифоровичем» М. Гоголя, з його збірки повістей «Миргород».

² Балет «Сильфіда» на петербурзькій сцені у сезоні 1835–1836 років поставив хореограф А. Тітюс, з балериною Луїзою Круазет у головній ролі. Вистава мала надзвичайний успіх (Вольф А. И. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. Ч. I. СПб., 1877. С. 48).

³ «Закохана баядерка» – опера (з танцювальними партіями) французького композитора Д. Обера. Ця вистава з великим успіхом ішла на петербурзькій сцені у сезоні 1835–1836 років завдяки балеринам Луїзі Круазет і Варварі Волковій. «Обстановка была блестательная, Круазет и Волкова очаровательно танцевали, а первая даже и отлично сыграла трудную мимическую роль Золое. Весьма игривые мотивы этой партитуры тотчас пристаскивались для кадрилей и маршней» (Вольф А. И. Хроника петербургских театров. Ч. I. С. 47–48). Зауважимо принагідно, що пристрасна балетоманія була вельми важливим складником повсякдення петербурзьких великосвітських юнаків тієї доби, слугуючи для них джерелом еротичних переживань. Для порівняння див. відвертий щоденник Йосифа Віельгорського: Ляминна Е.Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Йосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М.: Языки русской культуры, 1999. Passim.

зя поверить, если рассказывать. Волкова тоже хорошо танцует, но без Круазеты, а при ней... ночь и день! А многие были на стороне Волковой, я думаю, потому что она фаворитка государя. Еще были две пьески, из которых «Романтик»¹ довольно хороша.

14. Вторник. Сегодня я был после обеда у Чижова и взял у него урок из аналитики о точке и о линии. Он мне сказал весьма неприятную вещь: именно – он макрировал в пятницу у Кочубея, этот последний спросил у него, отчего он не был. – «Потому что я был на «Сильфиде»!» – «Так вы не желаете, чтобы я приготовился? – перервал Кочубей. – С кем же вы были?» – «С Галаганом». – «Как с Галаганом! – сказал Кочубей. – Я не понимаю, как человек, который приготовляется к университету, успевает ездить в будни в театр».

Да! вот что сказал мне Чижов; может быть, он выдумал это, чтобы поощрить меня; впрочем, я этого не думаю; может быть тоже, Кочубей сказал это от досады, думая, что я пригласил Чиж[ова] ехать в театр и отклонил его от урока. Впрочем, это меня так оскорбляет, что я не знаю! И, с одной стороны, правда! как я мало занимаюсь! как каждая вещь отклоняет меня. *Veto*, себе больше ничего не сделаю.

Проект. Завтра рано я хочу встать и повторить большую часть тригонометрии и то, что прошел из аналитики. Если же нет, то....:

1-е. Какая бы ни была хорошая погода, не пойду в Летний сад.

2-е. Не буду целые два дня напевать [н]и «Баядерки», ни «Сильфиды», потому что они напоминают приятные вещи.

3-е. Два дня буду лишать себя всего хорошего за обедом и пр.

Пятница. 17. Скоро! скоро! отправимся мы в путь, но наша Мисинька² остается! скучно! Сегодня Чижов целый день был у нас, и мы очень много шалили. Хочется писать (что редко случается), да! вот рассуждения, которые занимали меня целый день!

Всякий народ имеет свой характер, и как этот его характер соображен с его землею, с его климатом и пр. Начнем с Франции. Эта земля самая приятная по своему расположению, климату, по своим произведениям, тоже и жители оной суть народ самый приятный, самый любезный; взгляните на форму Европы, вы увидите, что она немного похожа на женщину, коей сердце есть Франция. За то не из Франции ли выходят все новости, все моды, и Европа следует за Франциею так, как человек следует за влечением его сердца. Агличане – народ торговый, мореплаватели, за то и страна их находится в самом лучшем положении для сего. Взгляните на агличанина, на его лицо, и во всех делах его изображается

¹ Ймовірно, йдеться про водевіль «Пристрасть або романтизм», що був у петербурзькому театральному репертуарі сезону 1835–1836 років (Вольф А. И. Хроника петербургских театров. Ч. II. С. 40).

² *Mic Pottcs.*

эгоизм в высшей степени; посмотрите теперь на карту: этот остров стоит гордо один, и он во всем может обойтись без помощи других держав (продолжение впредь).

Суббота. 18. Испанцы. Их государство на краю Европы, за то и они имеют в характере все крайности. Теперь Россия; посмотрите на карту, она занимает 1/7 часть земли, а что в ней находится? пустыня, необращованность, также и многие русские только лакированы, а загляните в их голову! но об этом помолчим. Сегодня мы были в Горном корпусе и видели все редкости, они чрезвычайно любопытны, видели единственный скелет мамонта в 5 саженей высоты.¹

Вторник. 21. Какой у меня новый сертук! (кулер *fournie de Londre*), т. е. заказанный в Лондоне! а какие брюки! фу ты, пропасть, какие брюки!

Середа. 22. Наконец завтра мы отправляемся. До сих пор я не имел той отважности, чтобы спросить моему сердцу, довольно ли оно, что я еду? Посмотрим, что оно скажет! Сердце говорит: «Я еду в Секиринцы! в мою родину, в то место, которое мы так любим, туда, где покоятся прах нашего родителя, и где нас ожидают такие добрые родные». Рассудок говорит: «В дороге потеряется время, там маменька будет ужасно скучаться, может заболеть». Нет!.. эту минуту я никогда не забуду! ох, горькая минута! хочется ехать, а рассудок совершенно отклоняет меня от этого: я нездоров душевно и телесно, потому что бок болит, но не хочу говорить этого маменьке, может быть, пройдет. Наша мисс Потс решительно остается, как жаль! не для нее, потому что она остается с родными, но для нас, потому что не только она для нас необходима, но и потому, что она очень любезная и умная девушка. Какая разница с Шенк² – день и ночь, и пр., ох!!!

Пятница. 24. Станция Тосна. Итак, наконец мы выехали из Петербурга, прощай, Петербург! прощай, Вавилон! нас провожали Дмитрий Андр[еевич]³ и Чижов. Жаль, очень жаль было с ними расставаться; мне кажется, что я оставляю в Петербурге другую родину. Я обещал писать Чижову, Васе Б[орковскому] и Мисс Потс, она расставалась с такими слезами, как будто навсегда! и кто знает! о, люди, люди, как вы не мо-

¹ Гірничий кадетський корпус мав багатий промисловий і природничий музей. У ньому, зокрема, зберігалися моделі копалень і гірничозаводського обладнання, колекції мінералів і скам'янілостей, зібраних золотих самородків Монетного двору, зразки продукції металургійного виробництва тощо (див.: Соколов Д. Историческое и статистическое описание Горного кадетского корпуса. СПб., 1830. С. 102–146). Г. Галаган, вочевидь, цікавився Гірничим кадетським корпусом через те, що у цьому закладі навчалися його батько і дядько. До того ж його тітка, Софія Олександровна, дружина Петра Григоровича Галагана, була дочкою колишнього командира корпусу О. В. Казадаєва.

² О.І. Шенк була гувернанткою, як і Е. Потс.

³ Можливо, це був Д. А. Дунін-Борковський, батько Василя Дуніна-Борковського, з яким приятлював Г. Галаган.

жете отвечать за свою жизнь, даже за три месяца; впрочем, это показывает ее чувствительное сердце. Да! вспомнил: сегодня поутру я ходил прощаться с кн. Репниным. Он заставил меня целый час дожидаться, ему хорошо! а мне – не очень.

Между субботою и пятн[ицею], 2 часа ночи. Станция Спасская Польсть. Здесь очень хорошенъкая квартира, такая, как в Померании,¹ если не лучше. Днем все в карете спали, а я, как обыкновенно, смотрел в окно, но нет терпения! По какой стране мы едем? По стране, в которой болота и каменъя служат почвою земли, а мрачные сосновые леса и где да где черные деревушки служат единственным украшением, все угрюмо; теперь и здесь весна, все должно бы улыбаться, но эта улыбка здесь горькая, принужденная, все мне напоминает, что я нахожусь под шестидесятым градусом с. ш. Мы будем пить чай в одиннадцать часов, я думаю, в Новгороде.

Суббота. 25. Наконец мы в 9 часов утра приехали в Новгород, в жалкий остаток прежней цветущей Республики. Город красив по местоположению, большие суда плывут на парусах по Волхову, окруженному крутыми бегами, с одной стороны – публичный сад, а с другой стороны – укрепление, окруженное валом, в этой крепости находится Софийский собор с голубем на кресте, и башня, где находился вечевой колокол; я невольно вздохнул, посмотревши на эту башню. Здесь, думал я, собирались некогда вече! здесь гордые республиканцы подавали каждый свой голос. Они имели свое отчество! они имели что-то общее, а ныне их потомки составляют только губернию империи; впрочем, в их выговоре заметно еще славянское наречие. Теперь все изменилось, и по Волхову плывут пароходы. Уже мы 186 верст отъехали от нашего Питера.

Суббота, полдень. В Бронницах мы переехали Мсту на пароме, потом я с Сюби рассмотрели всех пассажиров и отправились дальше, теперь мы в Зайцеве, и квартира прекрасная, а обед еще лучше. Здесь местоположение изменяется, уже видны Валдайские горы; природа и здесь очень мертвa, но, по крайней мере, приятна, часто открываются долины, деревушки, речки и разные вещи.

Воскресенье. 26. 6 часов утра, мы ночевали здесь, то есть в Рахино, спали очень хорошо. Здесь чисто, потому что немка держит трактир. Погода ужаснейшая. Метет, как средь зимы, и уже нападало на вершок снегу. Карета готова! Еду.

Полдень. Едрово. Я пишу как ученики Сократа, державши книгу на коленах, оттого и такой хороший почерк. В другой комнате обедают Кан-

¹ Померанье (Померанія) – поштова станція на шляху з Петербурга до Москви, що славилася своєю комфортабельністю.

такузины, у сына княгини прекрасное греческое платье, на сторонах с двумя кинжалами. В дороге я берегу мам[еньку] сколько только могу, но она сама не бережется. Карета сломалась около козел, и мы принуждены ждать. Уже с самого Новгорода целковый ходит по 3,80.

После обеда. Я хорошо пообедал, и мы пошли с Сюби к озеру; оно большое, со всех сторон окружено холмами и рощами, на берегу его стоят три деревушки, местоположение хорошо, но совершенно мертвое, ни одна лодка не прорежет чистой ее поверхности, и на другой стороне – пустыня и безмолвие; сего дня воскресенье, крестьяне и крестьянки сидят, собравшись под навесом одного большого дома, и тихо разговаривают, несколько ямщиков стоят около кареты и спорят о чем-то, а другие примачивают голову одному старику, который недавно ушибся; посреди улицы утка дерется с петухом, вот единственное оживление картины.

Вечер. Хотилово. Эта деревня самая красивая из тех, через которые мы проезжали. И я сидел на том диване, на котором я полтора года тому назад сидел, и думал, каким другим человеком я теперь сижу на диване, сколько я приобрел новых познаний, знакомств, сколько я увидел редкостей и вещей, о которых я не имел тогда и понятия. Петербург с прекрасным Невским проспектом и со всеми своими зданиями, дачи, театр – все это не было тогда в моей голове, даже и математика до конических сечений не наполняла тогда моей головы.

Понедел[ъник]. 27. Утро, полдень. Выдропуск. Здесь прекрасный сад, но пора ехать.

Медное. Около этого mestечка все делается живее, и уже около Торжка деревни делаются гораздо красивее, на полях являются хлебопашцы, угрюмые леса исчезают, и вместо их заступают березовые рощи; в поле рожь уже выросла на два вершка. Мы теперь едем в Тверь.

Вечер. Городня. Мы проезжали через Тверь – это старинный, но красивый город, посереди его течет Волга и омывает крутые берега своими водами, которые спешат в теплейшие страны. О, воды волжские! скажите, протекая по счастливой Симбирской губернии, что вы видели человека, который дышит вами [пошкоджениј текст]! Да! а я теперь сижу в холодной комнате, на дворе несносный ветер; наши люди стоят около холодной печи и думают, что они греются; счастливцы – им тепло от воображения, а мне – ох! как неприятно, колени болят, потому что в карете не могу протянуть ноги; маменька не хочет ночевать, она и не устала, и это очень натурально, потому что она так желает видеться с братом, которого она так любит;¹ сестра лежит, лежит себе в карете, и ей хорошо! Сюби устал, его глаза как горошинки.

¹ Графом Михайлом Васильевичем Гудовичем.

Вторник. 28. Черная Грязь. Еще часов шесть – и мы увидим Белокаменную со всеми своими церквами, монастырями, бородачами, петиметрами и со всеми своими странностями, которые так поражают малороссиянина-петербуржца.

29 и 30. Середа и четверг. 28-го к обеду мы приехали в Москву, все здесь по-старому, я уже успел подразнить кузенов и поспорить с ними о Москве и Петербурге. Вечером меня повезли в театр, и я тотчас увидел разницу с петербургским – совсем другое; притом, что меня очень поразило – это то, что возле нас в ложе был шут, в XIX столетии иметь шута в ложе! о Москва, как ты отстал! я об этом писал Феденьке Чижику. После пьесы я был удивлен молчанием в театре, никто никого не вызывал, все мертво, все холодно!

29-го мы делали визиты, и я везде хвалил Петербург и бранил Москву. 30 – рождение Катерины Николаевны, и я приглашен на вечер, увидим, как я буду веселиться. Маменька ставит мне все в пример, как Миша и Саша¹ занимаются, сам дяденька это думает, но я был у них несколько раз и заставлял Мишу лежащим и поющим. Сегодня мы обедали у тёти П. Г. Ригельман, там были некоторые, также и Миклашевский,² я заметил, что в разговоре Миша, Саша, Никола³ и др. переливаются с пустого в порожнее, а ни о чем путно не говорят, хотя они и добрые малые.

Май.

1. Пятница. Вчера я был на бале и увидел совсем другое, чем то, что я ожидал от московского общества. Церемоний совсем нет, все любезно, приятно, особенно здешние дамы и девушки очень хорошенкие и милые. Я много танцевал, вальс, б кадрильев и мазурку, большею частью с незнакомыми дамами. Андрей Иванович познакомил меня с двумя молодыми людьми – с графом Толстым и с студентом Сухово-Кобылиным,⁴ первый – совершенно немчик, и даже говорит по-немецки лучше, чем по-русски.⁵ Я сам удивился, что, не танцовавши полтора года, я так славно танцевал, впрочем, теперь легко танцевать, потому что все, даже

¹ Михайло Й Олександр Гудовичі, сини графа Михайла Васильовича Гудовича, двоюрідні брати Г. Галаґана, його ровесники, студенти Московського університету.

² Анатолій Михайлович Миклашевський, студент юридичного факультету Московського університету, уродженець Стародубщини.

³ Микола Рігельман, син П. Г. Рігельман, двоюрідний брат Г. Галаґана, студент Московського університету.

⁴ Це був Олександр Васильович Сухово-Кобілін, котрий навчався у Московському університеті. Згодом він зробить вагомий внесок у російську літературу як драматург.

⁵ Йдеться, ймовірно, про графа Олексія Костянтиновича Толстого, далекого родича Галаґанів, котрий згодом стане видатним російським літератором. Він глибоко шанував німецьку культуру і досконало володів німецькою мовою, якою написав частину своїх творів, а також перекладав. Докладніше див.: Шешнева Т. Н. Творчество А. К. Толстого в контексте русско-немецких литературных и историко-культурных связей: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Саратов, 2007.

дамы, ходят. Как все приводится к простейшему виду! Анета мне тоже понравилась, она так хорошо судит о литературе, и любит романтизм, и говорит, что Расина и других нельзя назвать поэтами, а стихотворцами, – это очень правда.

Гуляние в Сокольниках. О, какое гуляние! сколько здесь карет, хороших, дурных, прямых, кривых, больших, малых, четырехугольных, круглых. Продолжение впредь.

2. Суббота. Итак, я опишу гуляние. В Сокольниках мне 3 вещи понравились, а 6 не понравились. Вот то, что мне понравилось: во-первых, все дамы очень хороши, потом – лошади прекрасны, каких нет в Петербурге, это показывает, что здесь сено и овес весьма дешевы, также мне понравилось то, что в Москве более живости в народе, и гуляние от этого блестящее. Вот то, что мне не понравилось: петиметры – пресмешные ферлюке,¹ с шляпой набекрень, подбочившись, ездят верхом, студенты (несмотря на то, что приближаются их экзамены) разъезжали верхом, подъезжали к каретам и пр., пр., армейские офицеры пресмешные, один из них с важным лицом надел шляпу наоборот и преважно делал честь солдатам из своих старинных дрожек. Много еще странностей мне бы хотелось передать моему журналу, но нет времени, не потому, что я бы желал почитать что-нибудь, а потому что меня внизу ожидают танцы, там будет Кирило Иванович с семейством, и де Брени с семейством. Лечу с лестницы!!! allons Grégoire, allons faire l'amiable avec les dames, seulement pas trop car on dira que je fais la cour à quelqu'un.² Прощай, журнал! the last evening und die letzte tanzen.³

3. Воскресенье. Подольск. Мы приехали сюда в 6 часов, и вот 9 часов, и станционный смотритель не дает лошадей. Я был у него, и туда приехал какой-то флотский офицер, мы с ним разговорились и я узнал, что он Гамалей. Маменька приказала его просить, и он теперь пьет чай у нас; вот человек без церемонии! я это люблю.

4. Понедельник. 5 часов. Подольск. Станционный смотритель не дал лошадей, и мы принуждены были переночевать. Дурак станционный, вчера мне было тебя жаль, когда Гамалей написал на тебя жалобу, а теперь не только написал бы на тебя, но я в состоянии тебя побить.

Вечер. Волость. Погода прекрасная, мы обедали в Серпухове; это превошенський городок, близ него течет чистая Ока, которая весною так разливается, что делается в 4 раза шире, по отлогим ее берегам видны разбитые барки, остаток ее разлиния, а дальше на возвышенностях

¹ Ймовірно від фр. *freluquet* – фат, вітрогон.

² Ходімо, Грэгуаре, ходімо люб'язно з дамами, тільки не занадто, бо, схоже, я за кимось упадаю (фр.).

³ Останній вечір та останній танок (англ., нім.).

видны деревеньки, которые здесь гораздо живее и приятнее, потому что в них есть деревья. Когда мы подъехали к мосту, то он был разведен, казенная барка проходила, а казну что остановит, хоть бы от этого зависела наша участь. Я ехал на телеге, а София была в карете. На повозке очень трясет, но для меня гораздо приятнее, чем сидеть в этой душной темнице, которую мы в XIX веке называем каретою. Все заставляет меня не любить карету, и главное то, что ныне все, до самой малости, выходит из своих тесных пределов и распространяется далее, а мой глаз принужден для наблюдения природы ограничивать свои взоры тесной рамкой каретного окна. Я взял камень из Оки, и мы поехали далее. Продолжение впередь, потому что скоро час, маменька поставила будильник на 5 часов, завтра допишу.

Вторник. 5. Ясная Поляна. Вчера, ложившись, маменька упрекала меня во многом, и правда, будучи в Москве, я не взялся ни одного разу за книгу. Сегодня мы проезжали через Тулу; как жаль смотреть на его развалившиеся дома; впрочем, город начал поправляться. В одной станции за Тулой я купил карманный пистолет за целковый, теперь я вооруженный человек! Я везде наблюдал, как положение места, воздух, самые люди, – все показывает, что мы приближаемся к югу и удаляемся от тех мест, где видны одни болота и дикие леса. На одной горе мы встали с Сюби и шли по роще с версту, как приятно! после дождя все дышит приятностью, свежестью, березки зеленые плачущие; пахнут ароматом цветов множество, я нарвал два букета их; птички поют и прославляют возвращение лета, которое придет согреть всех благотворною своею теплотою.

Вечер. 10 часов. Сергиевское. Дорогой мы разговорились о Малороссии, как заметно, что уничтожают мало-помалу наши права, нашу Малороссию! о, Николай! теперь я тебя люблю и уважаю, но... если ты коснешься до уничтожения нашего отечества, тогда я не твой, я тебя позабуду. Гордясь именем малороссиянина, я презираю тех, которые порочат Украину, тоже я презираю дурака Паскевича, который смеет называться украинцем;¹ он зазнался, глупец, он хочет подтвердить мнение иностранцев, которые думают, что русского нельзя возносить, или он зазнается.

Середа. 6. Полдень. Мценск. Поутру мне не хотелось писать, я заложил пистолет за сертук и расхаживал по двору, и покрикивал на ямщики. В шесть часов мы выехали из Сергиевского, и первая станция была Малый Скуратов, эта деревня замечательна своими жителями; мне показалось, что я перенесся в другую страну: вместо рослых и красивых

¹ Генерал-фельдмаршал І. Ф. Паскевич, російський полководець, намісник Царства Польського, був уродженцем Полтави.

русских я увидел безобразных мужичков, с плоскими и очень смуглыми лицами, длинными рыжеватыми волосами, толстыми губами, они беспрестанно спорят и дерутся.

Четверг. 7. Орел. Можно видеть легко различие между Орлом и Тулою. Тула – город торговый, мануфактурный, а Орел – город, в который соседние помещики съезжают[ся], чтобы повеселиться, город, в котором видно много экипажей, благородное собрание, театр, словом – значительный кусок Москвы. Поутру мы пошли с Еленой Васильевной¹ к обедне в женский монастырь (сегодня Вознесение), церковь хороша, была проповедь изрядная, особенно мне понравилось, что здесь видна национальность: все крестьянки – в больших кокошниках, а купчихи – в парчовых платьях, что касается до монастыря, то особенно женский не может мне понравиться. Потом мы умылись, нарядились, к Кочубеям покатились и там обедали; за обедом было много гостей, был Отрешков (полк, где он служит, стоит в Орле), он мне много рассказывал, мы вспоминали прежние времена, и я узнал, что в Орле очень веселятся. Дети – большие шалуны, а их гувернер – большой оригинал во всем. Я еще бы сделал несколько замечаний, но мы едем.

Пятница. 8. Утро. Дмитриевск.² Мы ехали всю ночь, и когда я подумаю, что сегодня мы въедем в Малороссию, то мое сердце крепко застывает.

Полдень. Севск. Я ходил с Сюби по всему почти городу, и нашли хорошие виды. Теперь мы садимся за стол, а перед окнами собралась толпа народа, немец играет на шарманке, а баба перед ним танцует, вдали два мужика дерутся.

Суббота. 9. Погошки.³ Я в Малороссии! эта мысль не выходит из моей головы, и как бы я желал, чтобы она долго из нее не выходила; я в Малороссии! в моем отечестве! я не могу описать то приятное чувство, которым я обладал, войдя в церковь (сегодня здесь храм) и увида, что я опять нахожусь с мирными моими соотечественниками, которые (и мужчины, и женщины) так прекрасны после русских! Пульхерия Ивановна – пре-

¹ Маюровою, сестрою орловського губернатора А. В. Кочубея.

² Дмитрієв.

³ Маєток у с. Погошки Глухівського повіту Чернігівської губернії на той час належав П. І. Скоропадській. У 1780 р. його отримав Іван Андрійович Маркевич, представник прилуцької гілки роду Марковичів/Маркевичів, як посаг за Єлизаветою Василівною Кочубеї. Його син Андрій Іванович Маркевич після смерті батька передав володіння у Погошках своїй сестрі Пульхерії Іванівні, у шлюбі – Скоропадській, натомість отримавши маєток у с. Васильківці на Прилуччині, пізніше успадкований його молодшим сином Михайлом. Докладніше див.: Маркевич Н. А. Автобіографіческі заметки // ИРЛИ (Інститут русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук). Ф. 488. Ед. хр. 38. 136 л.; Барабаш Н. Панська садиба Погошки за споминами М. А. Маркевича. *Сіверщина в історії України*. 2017. Вип. 10. С. 235–238.

добрейшая дама, и тем более я ее люблю, что она так гонима судьбою!¹ сад в Погошках очень мне нравится; теперь на дворе прекрасно! соловьи, кукушки и все птицы поют во все лопатки.

Вечер. Алтыновка. Мы проезжали через множество деревень, и я везде наблюдал за всеми движениями малороссиян и сравнивал их с русскими. Какое сравнение! есть ли у русских эта гордость, которая невольно выражается в обращении у малороссиянина? это остаток прежней их независимости. Сюби очень понравилась Малороссия, и я этим доволен, он находит в мужиках что-то похожее на иностранное, напр., они бреются, рубашку видно из-за кафана, и они всегда имеют сапоги; крестьянки здесь также лучше, нежели в России, там...

Воскресенье. 10. Я в Секиринцах, в земном раю, там, где покоятся прах моего родителя! Секиринцы! Секиринцы! Секиринцы! я вас нашел еще улучшенными и увеличенными! о, милые, любезные, прекрасные Секиринцы! земным раем вы бы для нас были, если бы жил творец и благодетель ваш!

Середа. 13. В понедельник и вчера я не писал ничего. В понедельник приехали дяденька Петр Григорьевич и тетенька София Александровна, когда они приехали, я прохаживался на той стороне реки и нашел там большую перемену, человек меня позвал, о, как я бежал домой! мне казалось, что я бегу ко второму отцу! и точно не ошибся, с какою радостью мы обнялись! Я скоро увидел, что дяденька – ангел доброты, имея отца, я не мог этого заметить, но теперь я вижу, какое отцовское участие он принимает во всем том, что до меня касается! Тетенька также как добра! она так мало переменилась, что Сюби принял ее за Мишину жену.²

Понедельник, 18. Какой я лентяй: все это время прогулял, прокутил, а в журнал – ни пол слова; теперь что мне сказать? множество накатилось вещей! Все вообще здесь очень мало переменились, почти все уже у нас были. Вчера, в Духов день, мы обедали в Дегтярях и очень весело провели время, катались в лодке, между тем как духовая музыка раздавалась в саду. Я очень люблю Дегтяры, и особенно хозяев их.

¹ П. І. Скоропадська (1781(?)–?) рано залишилася удовою з п'ятьма дітьми, втративши чоловіка, Івана Михайловича Скоропадського (1864–1808): «Мы провожали Пульхерию Ивановну, которая лишилась Михаила Яковлевича! Он скончался 19-го сего месяца и погребен подле нашей церкви. Как жаль сего добрешиего человека, как он нам был усерден! Бедные дети теперь сироты, и еще более их жаль, что они не понимают своей потери...» (З листа А. В. Маркевич сестрі К. В. Гудович (у шлюбі – Галаган) від 29 листопада 1808 р.: ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 215. Арк. 21).

² Йдеться про Катерину Василівну Маркевич, уроджену Лобисевич (1816(?)–1847), дружину Михаила Маркевича, котра була щонайменше на 10 років молодша за С. О. Галаган (1804–1864) («в 1824 г. малолетня» (Модзалевский В. Малороссийский родословник. Т. 3. К., 1912. С. 187)).

Тetenька прислала мне свой кабриолет (желтый), и я поутру проехал в нем с Родионом Ивановичем¹ до горы. Ввечеру мы были у Григория Ивановича; дяденька и тetenька, Миша и кузины² также с нами были; мы пили и ели. Завтра я непременно хочу сделать замечания *de chacun en particulier*.³ Иду спать.

Вторник. 19. Ичня. Где тут делать замечания о всяком. Мы едем в Мостищи к тетушке⁴ и заехали в Ичню. Здесь у нас все в порядке. Приказчик – молодец, головою выше меня, и расторопный. Я забыл сказать, что мы обедали у Осипа Андреевича Меницкого в Иванице. Он добрый старик, но я бы не желал быть на его месте: жить одному в деревне, имея подагру, – это ужасно! В Ичне ввечеру мы ездили в хутор Романовича; он просит за него 10000 рублей, но отбирает 5 десятин лесу из 41, и на это маменька не согласна. Родион Ив[анович] остался с ним, не знаю, чем кончится дело. Я забыл заметить, что я еду с Сюби в крытых дрожках, а маменька и сестра едут в карете, нам очень приятно, и мы читаем по переменкам историю Коха.⁵

Середа. 20. Прилуки. Мы здесь обедали, и у нас был Саша Опарин⁶ и Шефер с женой.

Четверг. 21. Гнилица. Как я люблю Гнилицу! я как-то к ней особенно привязан. Здесь все наше, ни одного человека не видно чужого, и как приятно, когда все это нас любят, к нам привязано, чтобы смотреть на эту деревню как на член нашего семейства. Завод здесь поправился, лошади хорошие, 7 жеребцов и 8-ой – мой; особенно рыжий, чудесный, на него нельзя насмотреться; еще есть три рыжих, два вороных и один серый. Ильин – хороший человек и за ними очень хорошо смотрит. Мы смотрели быков и коров, овец и птиц, поля и винокурню, словом, все осмотрели и все в порядке нашли.

¹ Йдеться про Р. І. Лукомського, відставного поручика, поміщика с. Журавка Пирятинського повіту, котрий у др. пол. 1830-х рр. був управителем Сокиринської економії Галаганів (ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 620. 17 арк.).

² Маркевич та його сестри Варвара і Євдокія.

³ Про кожного окремо (фр.).

⁴ У маєтку в с. Мостище мешкала Віра Іванівна Чорба (уроджена Галаган), двоюрідна бабка Г. Галагана.

⁵ Крістоф Гйом Кох (Koch, 1737–1813), французький історик німецького походження, професор Страсбурзького університету, був автором праць з історії міжнародних відносин.

⁶ Олександр Опарін (Апарін) – імовірно, син Агафії Іванівни Апаріної, уродженої Милорадович, троюрідний брат Г. Галагана. Його долею переймалася К. В. Галаган. 31 травня 1835 р. Г. І. Милорадович писав їй: «Я осмеливаюсь Вас беспокоить насчет Саши Апаріна, который у Григоровского. Не благоугодно ли Вам будет, чтобы до времени определения его в какое заведение определить его в Прилуки для учения к тамошнему учителю. Он будет тогда поблизу нас, а, наведавшись к нему, можно поощрять к возможным успехам... От отца же Сашенькина, писав много раз к нему, я не получаю никакого известия...» (ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 629. Арк. 5 зв.).

Пятница. 22, утро. Сего^{дня} мы уезжаем. Ко мне приходила кормилица, и я ей дал ситца на кофту. Гринвальд давно кончил фортепьян наш, но все не выезжает из дома.¹

Полдень. Веприк. Я теперь в деревне дурака-Апраксина; я не могу его назвать иначе, потому что этот подлый человек мучит своих крестьян; я за это его ненавижу; мне кажется, что я бы взбунтовал крестьян против него, чтобы они уничтожили своего тирана. Он живет в России, потому что не смеет жить здесь, боится, чтобы его мужики не убили.²

Суббота. 23. Вчера после обеда мы приехали в Мостищи, к добной тетушке Вере Ивановне, она немного опустилась, и очень натурально; впрочем, для 70 лет она очень сильна, говорит скоро и плавно, имеет хорошую память и хорошо играет на фортепьяне. Может быть, несчастие сделало ее таковою.³ Сего^{дня} я занимался с Сюби во флигеле математикой, историою и латинским языком; потом мы гуляли в лесу.

¹ Йдеться про фортепіанних справ майстра Гріонвальда, котрий ще за життя П. Г. Галаґана почав працювати у маєтку села Гнилиця над фортепіано, отримавши 950 руб. асигнаціями й провізії на 500 руб. (ЦДАК України. Ф. 1475. Спр. 2025. Арк. 3). Це фортепіано зберігалося у маєтку Сокиринці до початку ХХ ст., Г. К. Лукомський писав про нього у 1914 р.: «...чудовий рояль, дуже багато і тонкої роботи: ніжки його кручені, що вказує на час його не раніше миколаївського...» (Лукомський Г. Сокиринці. Хроніка-2000. 2005. Ч. 2, вип. 63/64. С. 204.). Фортепіано було серед предметів, що у 1926 р. надійшли з Сокиринців до Прилуцького краєзнавчого музею, а у 1953 р. цей інструмент (за № 1429/547) разом з понад тисячею експонатів з колекції Галаґанів було передано з Прилук до Чернігівського державного історичного музею (ЧІМ. Оп. 7. Арк. 34), звідки його відправили на фабрику музичних інструментів. Подальша його доля невідома.

² Граф Олександр Петрович Апраксін (1784–1845), власник с. Веприк у Козелецькому повіті, онук гетьмана К. Г. Розумовського, багатий поміщик Чернігівської та Орловської губерній, відзначався безжалісним ставленням до своїх кріпаків і служників. Наприкінці 1830-х років він мешкав в Одесі й Криму, належачи до оточення родини новоросійського генерал-губернатора графа М. С. Воронцова. Одеський лікар Е. С. Андреєвський згадував: «Граф Александр Петрович Апраксин, статський советник, был страшный человек. Жесток, под, он считал девок своих поместий собственностью в полном смысле слова и даже замужних жен отбирал от мужей. Сек он на смерть за собак, за лошадей. Бил даже французов, которые у него служили, если его парики, прически и прикраски его не вполне удовлетворяли и не показывали его юношою, между тем, как ему уже было за 60 лет. [...] Ему подвозили непрерывно девок из его Черниговской вотчины; он держал их возле себя и наряжал великолепно француженками, но все-таки в гостиных он ухаживал за молодыми девицами и долго выбирал, которой из них бросить платок» (Записки Э. С. Андреевского. Из архива К. Э. Андреевского. Одесса, 1914. Т. 2. С. 60–61). О. П. Апраксін загинув під час пожежі у своєму маєтку в с. Нарішкино Сердобського повіту Саратовської губернії. Будинок нена-висного поміщика підпалили його селяни (Там само. С. 60).

³ В. І. Чорба була нещаслива у шлюбі з майором Федором Миколайовичем Чорбою, поміщиком, кобеляцьким повітовим предводителем дворянства у 1809–1812 рр. У 1793 р. він добився у Катеринославській духовній консисторії розлучення з нею, звинувативши її у перелюбстві й змусивши свідчити проти неї своїх кріпаків. Покинута чоловіком, В. І. Чорба мешкала у родичів – тітки княгині С. Ю. Хованської у Москві та двоюрідного діда графа К. Г. Розумовського у Батурині. Лише у 1803 р. вона змогла віправдатися і домоглася скасування ганебного розлучення (Архів Государственного совета. Т. 3. СПб., 1878. Стб. 593–598). У 1807 р. психічнохворий генерал-майор Д. А. Миницький звинувачував її у тому, що вона розповідала про підготовку ад'ютантами великого князя Костянтина Павловича замаху на життя царя Олександра I (Описъ дел архива Государственного совета. Т. 16. СПб., 1912. С. 6).

Воскресенье. 24. После обедни мы поехали в Козелец и там обедали, все там по-прежнему, дом у нас в Козельце очень хорошенъкий, и один только новый дом Гнилицкий может его перещеголять величиною, но не красотою. У нас были: Григоровский с женою, доктор с женою и Туманская с дочерьми; у всех сих можно заметить в обращении добродушие и провинциализм. Теперь я сижу в спальне и, полураздетый, пишу журнал, в другой комнате слышно, как тетушка разговаривает с маменькой, в углу сидит сестра и зевает (уже теперь $\frac{1}{2}$ 12-го ночи), а на моей кровати храпит Норка; иду заступить ее место.

Понедельник. 25. Веприк. Мы выехали сегодня в 9 часов утра из Мостищи, бедная тетушка плакала, Бог знает, когда мы ее увидим!.. Сегодня за обедом мы разговорились о памяти человеческой. Вот мои суждения. У человека в голове находятся миллионы нервов, которые как струны натягиваются и издают звуки, те нервы, которые были сделаны и натянуты во время крепчайшего возраста человека (от 8 до 45 лет) издают долго звуки; иногда человек не хорошо замечает предмет или обстоятельство, и потому нерв издает слабый звук и скоро совсем исчезает.

Вторн[ик]. 26. Гнилица. Уже скоро конец мая, а все неимоверно холодно для Малороссии: ветер дует и свистит повсюду, мелкий дождь идет как туман, и только слышен этот несносный шум, когда лошади ходят по грязи. Мы здесь ночевали; я вчера разговаривал с Ильиным о лошадях, он славно смотрит за ними! как бы я желал, чтобы он выездил для меня рыженького жеребчика. Мы теперь сейчас едем и будем обедать в Прилуке у Шефера, т. е. будем в семействе краснощеких немцев, они все очень добрые люди. В Секиринцах мы проживем дней пять, а там отправимся в Пески, я совсем позабыл Пески и помню только залу, портрет прадеда и одну аллею в саду.

Середа. 27. Вчера ввечеру мы приехали в Секиринцы и застали все благополучным, кузины уехали в Нежин к Николе, его бедный Андрюша болен чахоткою, не знают, может он прожить, мне очень жаль Николу, он в нем потеряет умного мальчика; сегодня был у нас Миша.

Четверг. 28. Сегодня был приятный день. У нас обедали: дяденька Петр Григорьевич с тётинькою, Миша, Г. И. Милорад[ович] с женою и Магеровская с братом. После обеда я был очень обрадован приездом Н. С. Огравновича (он сегодня остался ночевать у нас). Потом я поехал провожать тётиньку в кабриолетке с Сюби и доехали за Калюжинцы, там у Лаврентия Ник[олаевича] Милорад[овича] пир горой! Мы встретили ces messieurs¹ прохаживающихся по деревне. Три брата Милорад[овича], Трофимовский, Брижинский, Г. С. Тарновский и Петр Тарн[овский], который мне даже не поклонился (дурак!).

¹ Цих панів (фр.).

Пятница. 29. После завтрака я поехал с Никол[аем] Степ[ановичем] на ту сторону реки в кабриолете, а Сюби ехал верхом, его фигура была пресмешная, штрипки на ногах порвались, и панталоны поднялись до колен, словом, был похож на чухонца; после обеда мы поехали (также и Григ[орий] Иван[ович] с семейством) в линейке к Магеровской. Там было довольно гостей, после чаю мы пошли, т. е. я, Сюби, Гр[игорий] Ив[анович] и Жуковский, проходиться в сад и посмотреть на прелестное местоположение, потом я, Сюби и Жук[овский] спустились с крутой горы к реке, чтобы оттуда лазить на гору, между тем я зашел в кустарник и сел, как обыкновенно, чтобы заплатить дань природе, вдруг – о чудо! я увидел на горе маменьку и Анну Конст[антиновну],¹ я вспрыгнул оттуда и упал в ров, из которого Сюби меня вытащил (впрочем, к счастью, они ничего не видали), потом, оправившись, мы пустились все три.

Воскресенье. 31. Вчера я любовался сам собою! славно знаю десятичные дроби! с объяснением! а механику плохо! хуже всего. Родион Ив[анович] мне сказал, что мне приведут верховую лошадь, которая принадлежала Витгенштейну, потом досталась Горленку, а этот дурак продал ее жиdam, эти передали ее одному помещику, у которого Род[ион] Ив[анович] ее достал; ей уже 20 лет. Мой служивый Буцефал начинает поправляться, маменька все упрекает меня, что я его забыл, как можно! я его очень люблю и не мог без слез смотреть на него, когда он был болен! После обеда мы ездили (и я в кабриолетке) к Михайлу Петровичу и пили там чай.

Сегодня ночевал у нас Николай Степ[анович], и мы едем втроем – он, Сюби и я, в Дехтяры обедать, там много собралось гостей.

Іюнь.

1. Понедельник. Вчера я провел так день, как давно я и часу не проводил. Жаль только, что без маменьки и без сестры, я еще в большем восхищении от дяденьки и тётеньки, они смотрят за мною как за своим сыном, а балуют, как не знаю что! В Дегтерях было много гостей, человек 40; из новых лиц были: Трофимовский, такой же нечесанный, rauvre diable,² как и прежде, Петр Ив[анович] Мил[орадович], который корчит брата своего Николая, и большой провинциал, и еще Гр[игорий] Ст[епанович] Тарновск[ий] – молодой человек 50 лет, и др. Мы приехали к завтраку, потом играли в веревочку, потом проходились, тётенька подарила мне прекрасный английский альманах, и наконец обедали. После обеда начался праздник. Мы поехали в Десятки³ и там играла музыка, мы танцевали в лесу, и я танцевал экосез с оригинальною Шостовою,

¹ Це була, ймовірно, Анна Костянтинівна Милорадович, дружина поміщика з с. Калюжинці Михайла Петровича Милорадовича.

² Бідолаха (фр.).

³ Урочище біля с. Дехтярі.

потом крестьянки пели, и тёти собирали для них деньги, я дал гри-
венник; оттуда мы поехали в десяти экипажах домой.

Вторник. 2. После вчерашней грозы все опять все спокойно, все bla-
goухает, уже завтра расцветут розы (*à cent feuilles*¹). Сегодня были у нас
Мария Ив[ановна] и Миша Марк[евич], всякий день кто-нибудь бывает,
впрочем, я нашел такое время, когда никого не было, и прокатал ма-
меньку и сестру в синих дрожках по той стороне и сам правил лошадью.
Завтра, о радость!!! будут дяденька и тёти!!!!...

Середа. 3. Сегодня после обеда собралось у нас довольно много го-
стей, из новых *personnages* были Варвара Ник[олаевна] Мил[орадович]
и Ульяна Ив[ановна] Афанасьевна. Потом приехали дяденька и тёти.
Завтра мы едем в Деймановку на ярмарку.

Четверг. 4. Сегодня к обеду съехалось 18 человек гостей, и мы все по-
ехали на ярмарку в Деймановку, ее нечего описывать мне, малороссу,
во-первых, я ее не первый раз вижу, а второе, что мне трудно быть бес-
пристрастным! все, что я скажу, это что я заставлял мужиков танцевать
козачёк, под музыку трех скрипок; ярмарка этого года была блестящая,
т. е. много красных товаров, соли, дегтя, сала, сена, посуды, шерсти,
рыбы, лошадей; множество русских купцов, жидов, десятки тысяч мало-
россиян, много панов и пр., и пр. К вечеру мы пошли к толстому дубу, ко-
торый стоит возле Деймановки; этакого дуба у нас в саду нету, он почти в
четыре человеческие обхватки, потом мы все сели на отлогости большо-
го холма, откуда видна вся деревня и часть ярма[нки]; там, в тени фрук-
товых деревьев, комиссар потчевал нас мороженым, сим и окончилась
ярмарка; я позабыл сказать, что Ив[ан] Мих[айлович] Скор[опадский]
обедал у нас и что погода уж несколько дней знойная.

Пятница. 5. Сегодня что мне заметить: от 12 до 3-х часов мы езди-
ли по той стороне. Я сидел один в желтой кабриолетке и ехал вперед,
за мною Сюби верхом, там, в другой кабриолетке, тёти с сестрою,
и, наконец, в маленьких дрожках, дяденька с маменькою. После обеда
дяд[енька] и тёт[енька] уехали; Миша нам сказал приятную новость, что
Андрюше лучше, и что кузины скоро будут.

Понедельник. 8. Я эти два дня совсем не писал в журнал, да и правду
сказать, все, что в это время делалось, можно заключить в двух строчках:
в субботу мы были в Лозовом, а в воскресенье сидели дома, у нас был
(как и всякий день) кой-кто; жары постоянные, частый гром с молнией.
Сегодня мы провели вечер в Восковцах у Миши, он нас очень прият-
но принял; все эти вуаяжи я делаю в кабриолетке, и сегодня два раза

¹ Троянда-сентіфолія (фр.).

чуть не опрокинули. Маменька получила сегодня письмо от Алекс[андры] Андреевны из Петербурга, где она говорит, что там все по-прежнему; только Николай Шаховской выдержал экзамен, а мисс Потс все страдает грудью. Я сегодня долго рассуждал: счастлив ли я? или, по крайней мере, счастливы ли мои обстоятельства? конечно, нет!

Середа. 10. Мы сейчас едем в Пески и будем обедать в Дехтярях; с нами также едут тётиенька и Григ[орий] Иван[ович] Милор[адович], мне кажется, что маменька хочет ему поручить Пески. Это место для меня будет совсем новая вещь, итак, я беру журнал.

Четверг. 11. Вчера мы выехали в 11 часов и обедали в Дегтярях, между тем приехали Ограновичи – Ник[олай] и Степ[ан], и вместе с нами поехали в Петровский хутор ночевать; это время мы очень весело провели: в одном флигеле ночевали все дамы, в другом – дяденька, я и Ограновичи, а в палатке – Сюби и Григ[орий] Ив[анович]. На другой день поутру мы смотрели лошадей; у дяденьки весьма хороший завод, и он был так добр, что подарил мне прекрасного темногнедого жеребчика Персея; он еще не совсем сформировался, но будет чудесная лошадь; хорошее начало! что, если бы мне купить несколько кобыл и продать две или три ремонтных лошадей, а за деньги сделать богатый мундир. Я забыл сказать об одной моей ошибке: вчера ввечеру я заспорил с тётиенькою, как обыкновенно защищал малороссиян и в некотором неосновательно бранил русских, надобно мне отучаться от пылу, который совсем не уменьшается; с этим я могу наделать беды.

Сегодня мы разъехались: Огран[овичи] уехали; дяденька остался в хуторе; мне приятно смотреть на этот хутор, потому что он сотворен дяденькою и в большом порядке. Мы обедали в Ивахниках,¹ и дорогой я сидел с тётиенькою в коляске, а Сюби читал нам интересные вещи. Потом мы приехали в Пески, они мне очень, очень понравились, все здесь ново для меня, я опишу их завтра.

Пятница. 12. Сегодня мы после обеда поехали в Ереминский хутор, где мы смотрели коров и пчел, коих 182 улья. Здесь местоположение очень хорошо, много долин, в коих текут чистые ручьи; мне здесь привели лошадь Витгенштейна, очень хорошую и крепкую, хотя ей и за 30 лет. Потом мы полудничали в хуторе Летвишенском, где мы смотрели жеребцов; я бы их описал, но ужасная лень, причиненная зноем, мешает мне продолжать.

Суббота. 13. Сегодня рано перед чаем мы купались в реке; как было приятно! воздух чист, вода прохладна, со мною купались: Сюби, Гр[игорий] Ив[анович], Кристиани и Лесик; после чаю, о горе! тётиенька, несмотря

¹ Нині с. Яхники у Лохвицькому районі Полтавської області.

на все наши просьбы, уехала, а маменька объявила мне, что она недовольна, что я купался вместе с садовником и Лесиком; это меня очень удивляет, тем более, что она всегда меня учила не быть гордым, и я постараюсь не иметь этого порока. Мы сейчас едем на гору.

Воскресенье]. 14. Вчера мы были на горе; это место всем нам понравилось; совершенный эрмитаж!¹ в густом лесу на горе, откуда видна даль более чем на 30 верст, внизу блестит вода и видны разные деревни; в лесу много волков, змей и разных хищных птиц, орлов, аистов и пр. Сегодня мы были в церкви; потом я опять купался. Я не могу терпеть Лесика! он делается каждый день отвратительнее для меня, а после того, что я об нем слышал, то если я буду когда-нибудь господином, то он не будет знать ни Песок, ни моего порога! Я слышал еще одну вещь: в 1833 [году], во время голода, в Песках писарь, приказчик и др. не давали крестьянам хлеба, они взбунтовались и хотели бежать в Секиренцы, их не пустили. С тех [пор] я еще больше люблю Пески.

После обеда. Сегодня необыкновенный жар! в это время нельзя ничего делать, кроме спать. Все мужчины наши спят, маменька говорит о делах с Дараганом, сестра пошла спать, я один и не знаю, что делать; принимался несколько раз читать газеты; начитал, что во Франции большие холода и наводнения, и пр., но никак не мог продолжать! что же мне остается делать? я уже лежал, и устал, лежавши! Пойду к нашим господам? посмотрю, спит ли Сюби, если да, то лягу, если же нет, то пойду с ним походить в тени возле воды.

Середа. 17. В понедельник мы приехали на ночь в Дегтяри; дорогой была страшная буря; во вторник мы там обедали и приехали к вечеру домой; сегодня мы были очень обрадованы приездом кузин и доброго Николы, он мало переменился и еще пополнел. Он показывал мне свой лексикон, и я увидел, что это подлинно гигантский труд;² Академия советует ему продать лишние статьи энциклопедическому словарю,³ но он хочет поднести свой труд императору. Сегодня я начал повторять стереометрию; нам остается месяц пробыть здесь и работать двенадцать дней; как время летит! никогда в жизни моей оно так не летело, не старалось разлучить меня с приятными днями! о жестокое время! погоди немного! а там несись! несись! до лучших дней.

¹ Місце усамітнення (від фр. *hermitage*).

² Микола Маркевич понад десятиліття працював над створенням «Большого исторического, мифологического, статистического, географического и литературного словаря Российского государства», написавши для нього близько 100 тис. статей. Однак з цієї грандіозної праці було опубліковано лише невеликий уривок, який включав статті, що починалися на АН (М.: Тип. Августа Семена при Імператорській медико-хірургіческій академії, 1836. 43 с.).

³ Йдеться про «Энциклопедический лексикон», що видавався А. Плюшаром у Петербурзі з 1835 р.

Четверг. 18. Сегодняшний день был очень приятный. Мы ездили все на ту сторону. После обеда Никола было уехал, но, к счастью, кучер сбился с дороги, и он опять ночевал у нас и забавлял музыкою.

Понедель[ник]. 22. Опять лень помешала мне писать: вчера у нас было много гостей, между прочим, Риттер (она) с дочерью и Маркевич (он), и еще Катенька возвратилась с пути; дяденька и тётина привозили Данилевского;¹ еще были Милорадовичи и пр.

Вторн[ик]. 23. Сегодня приезжал ревизор ревизовать души; прогуливавшись, мы встретили одного мужика, который остановил маменьку и говорит: «Сударыня, у мене е хлопец, такій гарный, шо гу! дак шо ж, уин у пивчих, и болтає соби, и кричить там по-дурному, а мини треба, шоб уин изучавсь науци, науци, еге! дак прикажить, пани, отдать его к Мелюсю» и пр. Мне весьма это понравилось! что мужик знает имя Науки. Я и Дунечка брали сегодня первый урок верховой езды у Ильина, он очень хорошо учит.

Среда. 24. Сегодня случилось много событий: Сюби улетел с Гр[и-]горием Ив[ановичем] на ярманку в Прилуку; мы все поехали (также Мар[ия] Ив[ановна]) в Восковцы обедать. Они нас очень хорошо приняли и угостили, Миша показывал мне единственные местоположения; в Восковцах на что приятно смотреть, это что у него крестьяне очень хорошо живут. Катенька премилая! Сегодня Варенька ужасно раскашлялась, так что решили ехать в Нежин, лечиться; было большое недоумение, ехать ли Дунечке, она хотела остаться, но Варенькины слезы заставили ее ехать; итак, они с Мишею поехали в Нежин, а Катенька осталась и будет к [нам] приезжать.

Июль.

7. Вторник. О, время! время! как ты протекло для меня! как прекрасный метеор! как милый приятный звук, коего только слабое эхо останется для приятных воспоминаний! Вот уже две недели, как я не писал в моем журнале, и чуть ли не забыл о его существовании, сколько в это время случилось событий! и приятных, и горестных! Вот они: сперва мы были у Риттера; потом (29) мы веселились в Дехтярах, но вдруг среди веселостей Машенька заболела горячкою; она, бедная, до сих пор больна, и маменька уже решается отправить меня одного в Петербург! горестно

¹ Григорій Трохимович Данилевський, скрипаль-віртуоз, часто бував у маєтках Галаганів, передусім у Дігтярях Петра Григоровича Галагана, котрий утримував оркестр, створений ще його батьком Г. І. Галаганом: «...Я остаюсь один за отъездом доброго нашего Григория Трофимовича [...], который своим десятидневным пребыванием доставил мне самое приятное препровождение времени [...], играл несколько концертов, квартетов и проч., и все отличным образом» (з листа Петра Галагана брату Павлу, 29 березня 1831 р., ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 76. Арк. 99).

вспомнить! душа замирает, но надо покориться судьбе. Между тем у нас всякий день гости и весьма частые parties de plaisir¹ разного рода, но (продолжение впредь).

Среда. 8. Но, что же? но... я забыл сказать об одной важной вещи; добрая Катенька, ехавши однажды со мною в кабриолете, спросила меня: «Скажи мне откровенно, правда ли, что ты был когда-то немного занят Улиньюко Т.?».² Я крепко покраснел. «Итак, берегись, – говорит она, – потому что, может быть, ее привезут сюда с некоторыми видами». После того мы много смеялись над моей прежнею глупостью; этим милая Катенька много меня одолжила!

Понедельник. 13. Как я редко теперь пишу в журнал! всегда что-нибудь помешает: или гости, или несносный жар, или прекрасная ночь, или сон от усталости! Итак, я не говорил о наших прекраснейших parties de plaisir, которых я никогда не забуду, а лучше скажу о многих важных вещах, именно: меня очень польстило то, что Маркевичева привозила к нам своего сына Ивана нарочно для того, чтобы я давал ему советы и охоту к учению, но он, мне кажется, довольно прост.³ Григ[орий] Ив[анович] сделан управителем Песок.⁴ Леонид Миницкий женится на гречанке Клице; погода жаркая и довольно непостоянная, частые грозы и град. Решено! я еду с Родионом Ива[новичем] в воскресенье, 19 числа; как грустно!

¹ Розваги (фр.).

² Ймовірно, йдеться про Уляну Тарновську, дочку Петра Васильовича Тарновського.

³ Це був Іван Петрович Маркевич, ровесник Г. Галаґана, син Євдокії Андріївни Маркевич, поміщик с. Смош у Прилуцькому повіті.

⁴ Г. І. Милорадович, двоюрідний дядько Г. Галаґана, був управителем економії у Пісках наприкінці 1830-х рр. Цього вимагав скрутний матеріальний стан його родини, адже він радів навіть мізерному спадку: «...я получаю наследство из 11 душ, которое достается по смерти родного моего Шостака. Хотя это малость, но для меня много значит...» (з листа Г. Милорадовича до К. Галаґана від 16 квітня 1837 р.: ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 629. Арк. 24 зв.).

1838

3 генваря. Опять принимаюсь я за журнал, опять хочу поверить мои чувствования, мысли, дружбу, любовь!..

Когда-то я писал в этой книге каждый день, ложась спать или доро-го на каждой станции; тогда я писал машинально, по внушению Федо-ра Васильевича, мои записки были полны пустых описаний; теперь же совсем другая цель заставляет меня писать в журнале или, лучше ска-зать, я не имею никакой цели; прежде я думал передать историю моего юношества потомству! и какая другая цель могла находиться в бедной шестнадцатилетней голове; теперь же писать в журнале есть для меня потребность. В душе моей вмещается слишком много чувствований тай-ных, которых я не могу никому поверить, а между тем не могу вмешать их в себе, изложив же их в этой книге, некоторым образом остаюсь по-койнее. Теперь журнал для меня то, что для другого молитва. Я не могу передать моих чувствований маменьке, потому что все слишком горячо принимает, и с некоторого времени я отклоняю с нею всякий разговор, в котором бы могла поместиться хоть одна мысль, не сходная с ее поня-тиями. Поверять чувства мои Федору Васильевичу – не знаю сам, что меня отвращает, и точно! я сам виноват, что он находит меня теперь до-вольно пустым, а при этом условии язык у меня не повернется поверить ему тайну. Других друзей у меня нет!

Последняя строка моего старого журнала была писана 13 июля 1836 года. С тех пор сколько замечательных событий! Скоро после того я вступил в университет; первый курс был странный, удивительный, курс, который дал во многих отношениях уроки опытности мне, неопытному 17-и-летнему студенту. Зиму (прошлую) провел я очень приятно. У нас в Петербурге прожили тогда: добрый дяденька Михайло Васильевич и мой дядя и попечитель Петр Григорьевич Галаган. Теперь я студент 2-го курса, и мне 18 лет, и [я] юрист по названию. Я слушаю много профессоров. Много фактов хотел бы я передать журналу, но на них не стоит (хотя они весьма замечательны), не стоит терять времени.

Теперь в Петербурге у меня и у нас гораздо больше знакомых, и жизнь наша разнообразнее, чем прежде. Мы живем недалеко от недавно пе-реведенного на Васильевский остров университета; живем на острову с Федором Васильевичем, я имею много товарищ, но мало друзей или, лучше сказать, один – Жемчужников. Добрая маменька, более для нас, чем для себя, начала выезжать с нами в театр, но и то редко.

5 генваря. Сегодня утром маменька мне дала напиться какой-то святой воды, т. е. не какой-то, потому что я знаю, что это вода, которая прошлого года была освящена. Она сказала мне потереть ею лицо, а я сам от себя потер еще больное ухо; странно!.. неужели я верю, что эта

простая вода, над которойю поп пропел несколько слов, может исцелить мое ухо? конечно, нет! Однако я ею тёр ухо; может быть, по привычке, нет, нет, здесь не действовала привычка, нет, вот уж более года, как я совершенно оставил всякую веру в чудеса, а между тем, не доказывает ли это противного. Это показало совершенную истину того, об чем я думал недели две тому назад, и точно! – теперь я в душе смеюсь, как каждое утро в шесть часов мой Евдоким становится на колени за перегородкой и молится Богу, и бьется лбом об пол, а я не знаю, что буду делать сам, если один, в несчастном положении, буду умирать, да, не знаю, может быть, я так же буду молиться, как и он. И почему все это? потому я сам не уверен, во что я верю, все во мне не твердо. Я отвергнул то, что отвергает каждый здравый рассудок, а между тем ни в чем не уверен. Пришли! я должен оставить журнал.

6 генв[аря]. Сегодня долго у меня сидели Жемчужников и Полевой, и потом мы вместе ходили прогуливаться. Каждый день я нахожу более и более прекрасного в душе Жемчужникова; какие у него верные понятия о вещах, как он благоразумно либерален; какая пылкая благородная душа скрывается под этим слабым телом *d'un homme poitrinaire!*¹ и как он скромен в своих мнениях, не так, как я, ничтожный болтун! Я радуюсь, когда рождается во мне остроумная мысль, и говорю ее встречному и поперешнему! я знаю, что это дурно, гадко, но, о несносное самолюбие – необходимый признак ничтожности человека!

Сегодня хочу просидеть до 12 час. ночи и окончить мое сочинение для Никитенки.

7 генв[аря]. Сегодня! через час приедут Борковские, и мы едем в театр на «Деву Дуная»,² а оттуда я еду на бал к Ульянину! Но что же меня здесь радует? тяжело мне, трудно мне поверить журналу такую вещь, которую я никогда никому не вверял. Да... есть имя, при произношении которого я всыхиваю, при слышании которого мое сердце содрогается, и это имя есть – Nadine,³ но я не влюблен, далек от этого, нет, я не влюблен, я люблю..., люблю!.. люблю, но не влюблен. Я себя совершенно оправдываю в этом случае. Мне 18 лет; я очень развился телесно, люблю страстно женщин и ими не пользуюсь, часто окружен девицами, возможно ли, чтобы какая-нибудь из них мне не понравилась? возможно ли? и я ни одной не нашел лучше Надины, да я и не нашел, мне она понравилась, и только, и мне приятно ее видеть. Нет, что я сказал? мне сегодня будет наслаждение высадить ее из кареты! или опереться в ложе на спинку ее стула и спрашивать: «Comment vous plaît

¹ Людини, хворої на сухотку (фр.).

² «Діва Дунаю» – балет режисури Ф. Тальоні на музику А. Адана, в якому на петербурзькій сцені у сезоні 1837/1838 рр. з великим успіхом виступала танцівниця Марія Тальоні.

³ Надії Дмитрівні Дуніної-Борковської.

ла рièce?»¹ и пр., и она повернеться ко мне, и я буду близко ее милого лица! Что-то гремит, они едут...

8 генв[аря]. Вчера после театра я был у Ульяниных, где нашел огромное общество, полный дом! я танцевал, но ничто не могло меня занять после того, что так заняло меня в театре! Как она была мила! Elle était délicieuse, charmante, comme un ange.² Я думаю, маменька заметила, что я ей более услуживался, нежели другим, подавал ей шубу, которой я так завидовал! но это ничего, маменька ее очень любит, да как и не любить ее. Вот вопрос, который я могу теперь сделать: любит ли сама Nadine меня? Она так скромна, так боязлива во всех движениях и словах, могущих показать какую-либо любовь, что нельзя ничего верного узнать. В игре à l'avocat³ я, сидевши с нею раз (и это недавно), сказал ей, как я ее люблю, она покраснела и своротила разговор на что-то другое. Впрочем, она меня не не любит, и мне довольно; я ее люблю, потому что она мне нравится. Charmante Nadine! délicieuse Nadine, je t'adore.⁴ Какая глупость «je t'adore», я совсем не adore, от этого далеко, а она мне нравится.

Сегодня я ездил с маменькой делать несколько визитов, и мы заезжали к Александре Григорьевне. Как я не люблю бывать в этом доме!

10 генв[аря]. Как грустно мне! ужасно грустно! я был у маменьки и там не мог удержаться, и облился слезами, и теперь я плачу, горько плачу, не знаю, что делать, грустно, душно, душно!.. Все вдруг входит в мою грудь, и, кажется, оспаривает один у другого место, чтобы растерзать ее. Раскаяние, что я ничего не сделал полезного во все праздники, ужасно терзает меня. Неужели я так малодушен, что не мог принудить себя даже заниматься? неужели я не могу себя победить, принудить? ужасно! дал себе слово заниматься и ничего не сделал! Малодушный, глупый мальчишка я! к чему же важнейшему могу я себя принудить? ни к чему, неужели я допущу себя пойти по дяде? Но еще другое, ах, как грустно, грудь сжимается, я в силу могу писать это, грусть неразлучная всегда с глупою любовью, с проклятою любовью, которая как сатана лезет в мою душу. Прочь! прочь! раскаиваюсь, не люблю, нет, не люблю. Ничего не сделал во все каникулы, я без всякой энергии! неужели у меня нет довольно благородного чувства, чтобы сдержать слово? я лучше бы желал не существовать. Ужасно грустно.

13 генваря. Чрезвычайно загадочный для меня человек есть Федор Васильевич. Его философия, его ум, его физическое строение даже, потому что он имеет на голове горб больше, нежели у Сократа, его необыкновенная жизнь, – все это заставляет меня думать и быть иногда уверены, что он человек необыкновенный, рожденный, чтобы быть великим!

¹ Чи до вподоби Вам п'еса? (фр.).

² Вона була чудова, чарівна, неначе янгол (фр.).

³ В адвоката (фр.).

⁴ Чарівна Надін! Чудова Надін, я тебе обожнюю. (фр.).

иногда же вдруг я разочаровываюсь, и он представляется мне с весьма пошлой стороны; этот человек совершенно отжил физически и теперь живет жизнью чисто духовною. На этой жизни он должен принести пользу человечеству и тем обессмертить свое имя, он рожден, чтобы быть одним из великих представителей нашего века, и, судя по направлению его ума, подвигнуть философию и религию на высшую степень. Притом человек, рожденный среди варваров русских, воспитанный под жестоким, глупым, скотским деспотизмом, под которым мы все теперь задавлены, человек, с юности окруженный людьми самыми обыкновенными, чтобы не сказать более, и создавший все эти высокие понятия, не только ставящие его на ряду европеца, но еще на ряду тех людей, которые как путеводители, вожди, *duces*, ведут Европу из века в век, такой человек невольно заставляет себя глубоко уважать и собою удивляется. С другой стороны, некоторые вещи очень разочаровывают наблюдателя. Например, его натянутая оригинальность весьма в нем (именно) неприятна; также и мелочные занятия переводом в «Библиотеку для чтения» и многие другие, все это суть достояние ума обыкновенного; и в результате весьма часто на этот счет задумываюсь и всегда останавливаюсь на одном: что он весьма загадочный человек. Впрочем, ему 26 лет, и весьма может быть, что он вступит на великое свое поприще еще позже. Для великого человека нет срока для исполнения своего назначения. Если когда-либо его имя будет греметь в потомстве, то это еще более подтверждит, что великие рождаются везде, всегда и при всех обстоятельствах.

17 генваря. Сегодня я долго думал, как справедлива французская пословица *les extrémités se touchent*.¹ Это видно во всем: слабая женщина и мудрый философ – оба говорят, что есть Бог, но какая разница в их понятии. Надеясь, что мой журнал, запертый в шкатулке на ключ, который я всегда ношу с собою, не будет никем читаем, я передам мои настоящие понятия о религии, основанные самим мною на нескольких данных; потом мне будет очень приятно видеть, как эти понятия будут увеличиваться. Что такое Бог? Это не есть существо, отдельное от системы миров, нет! оно вместе с ними существовало, и будет существовать. Оно не все-могуще, потому что повинуется самым строгим законам природы; оно есть самая величайшая сила, держащая все телесное и нравственное в повиновении законов. Он есть вечный порядок, которому следует система миров, и нравственный мир. Сотворение земли было сделано ни по чьей воле, хаос, не знаю, по каким законам, собрался, и все творилось на нем по градации восходящей, начиная от рыбы до женщины. Книга откровения есть частью плод его умствований, частью почерпнутый из жрецов египетских. Нравственный мир неразделим с физическим; душа

¹ Протилежності притягуються (фр.).

человека есть организм всех жил и мускулов, и при изменении их изменяется и душа наша (продолжение далее).¹

19 генваря. Счастливец Морланд! он имеет, черт возьми, все, что ему нужно, все, что ему приятно иметь: дает уроки, получает порядочный доходец, нанимает хорошенъкую квартиру, имеет две славные собаки и, что всего лучше, прехорошенъкую Miss – как конкубину. Но чем же я несчастлив? Я имею предобре́йшую мать, ангела-мать, имею сестру, которая, кажется, меня любит, имею мудрого наставника Федора Васильевича, который также меня любит; в университете я не вмешиваюсь в партии аристократов и демократов,² потому что первые глупы, и чтобы с ними связаться, надобно подличать, и хотя в несчастном 1-м курсе я было начал это делать и тем приобрел от них же репутацию человека доброго, но

¹ Ці плутані міркування юного Г. Галагана щодо релігії є, як видається, ремінісценцією вольтер'янства. Зокрема це стосується твердження про наявність у Біблії запозичень єгипетського походження. Вольтер у своєму творі «Історія становлення християнства» заявив, що «юдеї сприйняли від єгипетських жерців звичай обрізання, суворе ставлення до м'яса різних тварин, очищення водою, назване згодом хрещенням, пости перед величими святами, що стали днями бенкетів, церемонію з козлом Азазелем, на якого складалися гріхи всього народу, ворожіння, пророцтва, магію, а також мистецтво виганяти злих духів за допомогою трав і заклинань» (*Oeuvres complètes de Voltaire*. Т. 31. Paris: Garnier, 1880. Р. 54). Загалом тогочасне ставлення Г. Галагана до Бога нагадувало дейзм доби Просвітництва.

² Поділ студентів на «аристократів» і «демократів» був характерною рисою російських університетів того часу. Приплив до них аристократичної молоді, чимдалі помітніший з другої половини 1830-х рр., обумовлювався, по-перше, поліпшенням якості університетської освіти завдяки реформам, здійсненим під проводом міністра народної освіти С. С. Уварова (удосконалення викладацького корпусу тощо), а по-друге, забороною російським підданим, насамперед молодим аристократам, здобувати освіту за кордоном (указ «Про виховання російського юнацтва переважно у вітчизняних навчальних закладах» від 18 лютого 1831 р.). О. О. Чуміков, що навчався у Петербурзькому університеті водночас з Г. Галаганом, згадував: «Прием 1836 года отличался чрезвычайным наплытом молодых людей из аристократических фамилий. Припоминаю князей Лобанова-Ростовского, Барятинского, Кочубея, Голицына, Дондукова-Корсакова, графов Комаровского, Игельштрома, Келлера; затем Галагана, М. Н. Лонгинова и др. Составляя один сплоченный кружок со своими однородцами, товарищами той же среди предыдущих приемов (кн. Шербатов, кн. Васильчиков, графы Блудовы, гр. Толь, барон Николай, граф Рибопьер), студенты-аристократы резко отделялись от остальной студенческой семьи, принадлежавшей к классу *minores gentes* (простолюдя – Е. К., М. Б.). Сообщались между собой члены этого кружка не иначе, как на французском языке, приезжали в университет по большей части в собственных экипажах, отличались от других студентов развязностью манер, которая нередко заходила за границы приличия. [...] Находились между этими “сливками студенчества” и такие, которых предусмотрительные родители отпускали на лекции не иначе, как вместе с гувернерами. Последние, обыкновенно услужливые французы, сопровождали своих милых питомцев также в биржевые лавки и другие злачные места. Этот же кружок студентов, неизвестно на каком основании, присвоил себе право садиться на ближайших к профессорской кафедре скамьях [...]. О некоторых из этих аристократов рассказывали, что они приняты были в университет лишь благодаря частным, дорого оплаченным урокам у экзаменаторов незадолго перед экзаменами. Все это взятое вместе не могло не породить заметного антагонизма между студентами-аристократами и теми из их товарищей, которые не принадлежали к их кружку» (Петербурзький університет полвека назад. Воспоминания бывшего студента. Русский архив. 1888. Кн. 3. № 9. С. 125–126).

теперь совсем их оставил, вторые слишком communs,¹ и я держу *le juste milieu*,² со мною Жемчужников, Полевой, Ульянин, Тулинов, – меня любят, по крайней мере, я отвечаю за двух первых (особенно за первого). В науках (хотя наш 2-й курс очень труден) я держусь хорошо, одни только приватные учителя и еще лень мешают мне заняться побольше. Моя любовь приносит мне по крайней мере два раза в неделю несколько часов наслаждения, когда я встречаюсь с нею и воображаю, что она меня любит. Одного мне недостает – женщин; о женщины, женщины! как я вас люблю! Что может быть прелестнее розовых уст молодой девы, манящих к горячему поцелую, к Божественному поцелую или..., или миленькой ножки, которую хочется обнять, прижать к губам!..

20 генваря. Сегодня маменька получила письма из Малороссии. Все идет очень дурно у нас, там, как говорится, плут на плуте. О, как я с нетерпением жду того времени, когда я выйду из университета и когда маменька даст мне власть над ними, эти бестии у меня не найдут для себя уголка, я явлюсь для них тираном, и, напротив, буду заходить в избы крестьян, буду все у них расспрашивать, они будут меня любить, о счастливое время! а между тем, может быть, эти плуты разграбят все совершенно – конный завод, скотный двор, овечий завод с каждым днем уменьшается, а дядя и попечитель за всем нашим так смотрит, как китайский император!³

21 генваря. Сколько я раз вооружался против наших аристократов-студентов, и сегодня, после нескольких размышлений, я решил, что они очень полезны для русского университета. До тех пор, пока у нас будут такие скоты, от самого трона до последнего шустера,⁴ необходим внешний блеск, и этот блеск составляют наши так называемые аристократы, так называемые, потому что, собственно говоря, у нас нет аристократов. Чрезвычайно понравились мне на этот счет слова Куторги, когда он в прошедшей лекции говорил о римской аристократии после Диоклетиана: «Там, где нет аристократии ума, богатства и происхождения в одно время, там нет аристократии, а собрание важных особ», которых звание, богатства и внешние отличия зависят от какого-нибудь глупца-деспота, как у нас.⁵

¹ Пересичні (фр.).

² Золоту середину (фр.).

³ Згодом Г. Галаган вважав скрутний економічний стан родинних маєтків після смерті батька наслідком відання господарства на поталу недбайливим управителям: «После кончины батюшки и до 1840-го году управляла имением матушки, окруженная самыми неблагоприятными обстоятельствами. Управляющие были дуры, обманывали и не исполняли никаких приказаний матушки... Самые даже экономические статьи или ход дел приходил в упадок» (ІР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 6936. Арк. 3 зв.).

⁴ Шустер (нім. *schuster*) – швець.

⁵ Правління Діоклетіана (284–305 рр. н. е.) означувалося утвердженням у Римській імперії домінанту – політичного ладу, за якого імператорська влада остаточно позбулася переважні республіканської доби, зокрема зведену було нанівець значення сенату, який тривалий час залишався оплотом знаті; відтак римські імператори стали деспотами, себто правителями з необмеженою владою. Згадуючи про «дурня-деспота», Г. Галаган натякає на російського імператора Миколу I, царювання якого стало апогеєм абсолютної монархії.

26 генваря. Я только что из театра, где студенты выкинули славную штуку, нас было человек 60. «*Der reisende Student*»¹ меня очень увлек: как бы я желал быть немецким студентом свободным! и притом учен не школьником, солдатом, как у нас теперь. Мне кажется, что я бы тогда был черт знает как счастлив.²

*Gaudeamus igitur! Bibimus collegiales!*³ Мы в театре много шумели, и я бы в душе желал, чтобы вышла какая-нибудь история!

29 генваря. Глупо! глупо! очень глупо я поступил сегодня, мы только что из театра (из «Фенеллы»⁴), Федору Васильевичу хотелось ехать, он спросил, не будет ли места в ложе, и я отвечал таким тоном, как будто прямо сказал: оставайтесь, вы будете лишний. Я чувствую, что я глупо поступил, а все этот несносный страх поступать против приличия, это была одна причина, а другая та, что, так как Nadine также с нами ездила, то мне чем меньше было с нами, тем лучше. Я эгоист, я это чувствую, хотя, однако, мне и приятно иногда поделиться с кем-нибудь.

30 генваря. Я один! и прогнан маменькою, и право, по чистой совести, я не чувствую себя виноватым! мы с маменькой спорили, я никак не уступал, потому что маменька нехорошо меня понимала, но когда она начала меня бранить за мое чрезмерное самолюбие, то я, думая, что при этом неприлично было лежать на диване, немного привстал, маменька же подумала, что я хочу убежать, начала очень горячиться и прогнала меня из комнаты. Теперь я думаю, точно ли я самолюбив? да, точно! я самолюбив, я думаю, что я умен, но я же не глуп, я это чувствую, если бы я был глуп, то, верно, я бы во многом не рассуждал так, как я рассуждаю теперь; конечно, я не чрезвычайно умен, далеко от этого, я не имею здравой логики, редко рассуждаю, мое сердце берет верх над моим рассудком, но, несмотря на то, кажется, я не глуп. Но вот еще другой *point* самолюбия: я думаю, что я хороший, что я *bel homme*.⁵ Даже сегодня на английских горах я думал, что дамы на меня смотрят и говорят: *voilà un beau garçon!*⁶, но вот вопрос: кто же (конечно, меньше или больше) об себе этого не думает? Однако из моих товарищей есть один, это Жемчужников, который совершенно не занят своим лицом, несмотря на то, что он очень недурен.

¹ «Мандрівний студент», п'єса німецького літератора Л. Шнайдера.

² Г. Галаґан противставляє традиційну свободу студентства у німецьких університетах казарменій дисципліні й суворій субординації, що насаджувалися у російських навчальних закладах.

³ Гей, повеселімся! П'ємо, товариш! (лат.) – слова з німецьких студентських пісень.

⁴ «Фенелла» («Німа за Портічі») – опера французького композитора Д. Обера.

⁵ Красень (фр.).

⁶ Ось гарненький хлопчик (фр.).

Февраль.

1-е. Идея или, скорее скажу, одна из главных идей нашего века есть эгоизм, говорит умный Никитенко, все новейшие писатели в героях своих романов обрисовывают самих себя, свои чувствования, свои мысли, свою любовь. Я в этом отношении, кажется, слежу за веком и начал для Морланда по-английски писать повесть, в которой я изображу некоторым образом свой характер, хотя совсем в других обстоятельствах поставленный.

2 февраля. Я целую голубенькую бумажку, на которой написано несколько строчек по-французски, что это такое? Это письмо от Nadine. Да! она осчастливила меня маленьким ответом на мое письмо на зеленой атласной бумажке, и это письмечко будет всегда лежать возле сердца!..

2. Я не понимаю, с какою целью маменька непременно хотела сегодня видеть митрополита киевского,¹ т. е. быть у него. После длинной и скучной кукольной комедии, которую мы называем архиерейскою обеднею, мы пошли к митрополиту. Он ужасный мужик (по крайней мере, судя по виду и по манерам), во всяком случае, он не святой, как говорят старые дамы, у которых язык чешется. Все эти глупые люди думают хвалить своего Бога, говоря о святых, а напротив того, они этим унижают Божество.

5 февр[аля]. Я долго говорил Федору Васильевичу о том, что читал на лекции поп² об ангелах и дьяволах. Каждый благомыслящий человек должен признаться, что ни ангелов, ни дьяволов не существует. Однако, что разумели под этим великие основатели религии? Ангелов делят на 9 властей,³ это должно иметь какое-нибудь основание; может быть, разумели под этим разные степени умов. Как все это фигулярно, это лабиринт, из которого очень трудно выйти. О, как много еще вещей, сокрытых для моего бедного ума в религии. Сколько раз я думал, думаю и буду думать о будущей жизни и не знаю, добьюсь ли когда-нибудь истины. «Просите и дастся вам, толците и отверзется вам»,⁴ – говорит великий Христос. Я также один из миллионов тех людей, которые стучат в эти двери, которые столь немногим и то чуть-чуть отворяются. Я почти всегда впадаю в так называемый материализм, и точно! если подумать, что такое наша душа? нервная система. Все наши благородные чувства, весь ум наш зависят от перестановки пустой какой-нибудь жилки; тогда я невольно соглашаюсь с физиологами, которые доказывают, что любовь, это прекрасное, воззвщенное чувство, есть ни что иное, как скопление излишних семян, гадкой жидкости! но... после этого прямое заключение есть, что, так как нервы

¹ Філарета (Амфітеатрова), незадовго до того призначеної київським митрополитом.

² Професор богослов'я у Петербурзькому університеті о. Андрій Райковський.

³ Йдеться про чини янголів, себто янгольську ієрархію, прийняту в православному богослов'ї.

⁴ Мат. 7:7, Лк. 11:9.

все сгниют, то и душа исчезнет. Где же тут бессмертность души, о которой говорит Христос?.. О разум! зачем отклонил ты меня от счастливой слепой веры, зачем ты ввел меня в толпу добивающихся истины?.. Прежде, нежели я не узнаю чего-нибудь основательного, я буду бояться умереть, потому что умру в ужасной неизвестности. Но открою ли я когда-нибудь хоть один луч истины? Но, с другой стороны, я благодарю разум за все это! блаженны слепо верующие! но что же? это скотское блаженство, скотская вера, без сознания! а потому лучше стучать, авось и откроется!

15 февр[аля]. Как давно я не писал в моем журнале, а всему этому причиной масленица; я не нашел свободной минуты, все веселился! (столько, сколько я мог), теперь я сижу дома, болен, геморрой в ногах меня мучит, и все это от того, что не сказал, что у меня было два сильные пароксизма на масленой, это, однако, малодущие!

Сестра только что вышла от меня, она мне сказала (по секрету) одну чрезвычайную вещь, именно: «Nadine m'a dit, – говорит она, – qu'elle part avec plaisir pour la Petite Russie mais qu'elle regrette une personne et que c'est très difficile de se séparer d'un certaine personne».¹ – «Mais de qui donc?» – demande Marie, et alors Nadine lui a dit le grand secret qui c'est de moi!² Неужели я любим? неужели она меня любит. Если да, то я счастливее, чем думал. Впрочем, это надобно повернее узнать. Теперь я делаю сестру некоторым образом мою confidente.

16 февр[аля]. Что, если я умру? это ужасно! однако, все может случиться, я болен, петербургский климат для меня – яд! К тому же я ужасным образом себя испортил, и лучшее лекарство – женщины. У меня каждую неделю поллюции и пр. Мне пришла прекрасная мысль в голову: дай-ка я напишу завещание! прекрасно, прекрасно!

Завещание.

1838 года. Тысячу восемьсот тридцать осьмого года, февраля шестнадцатого (16-го) дня, я, Григорий Галаган, в случае смерти или убийства, завещаю, чтобы те, которые останутся после меня (если не будет другого завещания после этого), исполнили во имя христианского Бога и всего для них священного следующие статьи.

1-е. В Секиринцах, в саду, есть долина, в которой стоит большой дуб с образом. Идя от пруда в глубину долины, вы увидите, пройдя колодезь, на левой стороне, довольно высокую, в долину наклонившуюся березу. Под этою березою я завещаю, чтобы меня похоронили.³ Заклинаю мою

¹ Надін сказала мені, що вона із задоволенням вирушає у Малоросію, але вона шкодує за однією людиною, і що дуже важко розлучатися з однією людиною (фр.).

² Але хто ж це? – питает Мари, й потім Надін розповіла їй під великим секретом, що це я! (фр.).

³ У Прилуцькому краєзнавчому музеї, куди наприкінці 1926 р. були перевезені, разом з іншим майном, меблі з палацу в Секиринцах, зберігається столик-підставка з написом на стільниці: «От старой любимой березы Секиренского сада, снятой в 1887 году». (ПКМ ім. В. І. Маслова. Од. зб. 10417).

матушку, сестру и всех родственников, чтобы меня не хоронили в церкви или возле церкви. Я во всю жизнь мою слишком мало уважал все католические, лютеранские, греческие, реформатские и все другие христианские секты и обряды, которые составляют так называемые религии. Клянусь Богом, что я любил и уважал Христа, и всегда готов был следовать его мудрому, Божественному учению, но я не уважал христианской церкви, и потому, если я ошибался в моих понятиях и мнениях, то не хочу моим телом осквернять место, которое я не уважал, и которое столь священно для всех других. Над мною поставить каменный крест, чтобы показать, что я был один из последователей великого Иисуса Христа, и положить простой камень, без всякой надписи и фигур.

2-е. Сестре и всем родственникам завещаю утешать добрую матушку, которую я любил и уважал до последней минуты. При этом матушку и всех

написано

друзей и родных прошу забыть все мои оскорблении, им причиненные, и простить меня во имя Христа. А людям, меня не любящим и смеющимся надо мною (каковы некоторые студенты и другие), я советую поговорить с своею совестью, и пусть они будут уверены, что если я буду существовать за гробом, то прощу им все их насмешки и оскорблении от доброго сердца. Сестре моей Марии благодарю за ее привязанность ко мне, в которой я был уверен до последней минуты жизни. Федора Васильевича Чижова благодарю за искреннюю его дружбу и за его мудрые советы, которые много послужили мне к добру. Надежде Дмитриевне Борковской желаю, чтобы нашелся человек, который так бы ее любил, как я. Всех людей, мне в мою жизнь служивших, благодарю от всего сердца за их привязанность и усердие.

3-е. Все, что мне принадлежало, я раздаю следующим образом. Все золотые и бриллиантовые вещи и зеленую готовальную (старинную) с золотыми фигурами я завещаю сестре.

4-е. Маленькие золотые часы и всю мою библиотеку завещаю Федору Васильевичу Чижову, в знак истинной дружбы.

5-е. Серебряные подсвечники с серебряными щипцами завещаю моему товарищу Николаю Аполлоновичу Жемчужникову на память от человека, истинно его любившего.¹

6-е. Жеребца моего, находящегося в нашем конном заводе, я завещаю продать и за деньги, полученные от продажи, выстроить избы

¹ 5-й пункт «Заповіту» Г. Галаган спочатку виклав так: «Все деньги, которые найдут в моей шкатулке, отдать бедным секиринским, гнилицким, песковским, ичинским, прилуцким и козелецким мужикам. При том завещаю продать моего жеребца, находящегося в нашем заводе, и на эти деньги выстроить избы для самых бедных мужиков, нам принадлежащих», але викреслив його і виклав ці свої розпорядження далі у дещо зміненій формі.

самым бедным нашим крестьянам, секиринским, гнилицким, песковским, ичинским, прилуцким и козелецким.

7-е. Деньги, которые найдете в моей шкатулке, я завещаю отдать: $\frac{1}{4}$ Евдокиму, а все прочие раздать всем людям (лакеям, поварам, кучерам и девкам¹) в знак благодарности за их ко мне услуги.

19 февраля. Я сегодня нечаянно подслушал разговор людей (т. е. лакеев) между собою; они говорили о нас, но я ничего не мог рассыпать совершенного; с этой минуты у меня возросла ужасная жажда узнать, какого они все обо мне мнения. Что, если они меня не любят? Это ужасно! Зачем я, презренное существо, родился, чтобы сделать столько несчастных. Неужели 4, а может быть 7 тысяч народа будут меня не любить? О жестокая судьба! зачем вложила ты меня в недра жены богатого помещика? зачем я осужден быть невинным виновником несчастия стольких людей! О! лучше я бы желал быть бедным, нищим, разбойником, чем тем, что я буду! И после этого могу ли я гордиться, что имею несколько тысяч рабов? мне кажется, что я бы теперь возгордился, надевши лохмотья. Как я несчастлив ужасно! Если я когда-нибудь буду господином всех этих рабов, и если узнаю, что они меня не любят, то скорее я их всех продам! Но нет! тогда я и мое семейство умрем с голода, потому что я сам ничего не знаю и не буду знать, чтобы поддержать самого себя своими трудами! Мне суждено быть скотом, повелевать скотами и повиноваться скоту!² Мысль, что я нелюбим, не оставляет меня, грызет, мучит меня! я не любим! я несчастлив!

21 февр[аля]. Долго рассуждал я сегодня и точно решил почти, что имею, на что жаловаться на судьбу! Теперь у меня открылась золотуха довольно сильная, у меня болят руки и ноги. Что, если она меня исковеркает? это ужасно! О! тогда я буду уродом и в нравственном отношении, буду лицом французского романа! но лучше об этом не думать. Вчера мне так было грустно, что если бы не милая Наденька, которая, к счастью, приехала одна с Кат[ериной] Як[овлевной], то я бы горько расплакался. Итак, я болен, и очень серъезно. Мне необходимо надобно перемнить климат. Что, если доктора посоветуют ехать за границу, это будет прекрасно!

28 февр[аля]. Вот уже неделя, как я не писал в моем журнале; и в эти 8 дней я более приобрел в наблюдениях над самим собою, чем в другое время в 8 недель. Мой характер чрезвычайно переменяется, я делаюсь ужасно недоверчив! не понимаю, от чего? Совершенно без желания я никому не доверяю, даже часто маменьке. Странно! Байрон, Пушкин и некоторые другие поэты, великие люди, делались недоверчивы, и люди их опротивляли. Это происходило от их опытности. Пылкие, благородные

¹ Тут маються на увазі служниці-кріпачки.

² «Скотом» Г. Галаган називає царя Миколу I.

характеры, как их, не могли видеть в людях столь дурные, гадкие стороны их; с другой стороны, эти великие поэты слишком высоко возвышаются на крыльях поэзии, чтобы уважать людей – столь земных, грязных существ; эти поэты также, как говорится, отжили, они насладились жизнью во всех отношениях, они насладились людьми, и они им наскучили. Я же ни поэт, ни человек опытный, окружен людьми, кажется, честными; однако, Бог знает, может быть, все меня обманывают. Да какая цель им меня обманывать? Чрезвычайно странно! Я ни в чем и никому не верю и ни на чью честность не полагаюсь. Это чувство недоверчивости совершен-но невольное, и мне остается приписать его одному, именно – болезни.

Март. 2. Прекрасный танец мазурка! сколько вещей переговорил я с Надиной во время этого танца, как я насмотрелся на ее губки! о, губки розовые, прелестные, очаровательные, обворожительные! как вы мани-те к горячему, небесному поцелую!¹ Что может быть прелестнее поцелуя на этой земле? особенно поцелуя от таких губок! очарование! блажен-ство!

8 марта. Сейчас читал я «Луизу» Фосса:² приятно, очень приятно ино-гда переноситься в счастливую сельскую жизнь, особенно так живо, как переносит своего читателя Фосс. Какую нежную и сладкую любовь мож-но найти в этой тихой жизни; здесь нет никаких пустых приличий, и в этом случае (только) я бы хотел быть немцем; он любит свою блондинку и всегда может разделять с нею любовь; ему доверяют во всем, ее пуска-ют с ним одну, и тогда тайные прелестные разговоры, поцелуи даже! Ве-ликая задача была бы для меня, если бы меня спросили: в каком кругу (в каком образе жизни) хочу я иметь любовницу? На эту чрезвычайную задачу невозможно отвечать утвердительно. Выбор велик. Иметь любов-ницею хорошенькую молоденькую немку или швейцарку, тихую, скром-ную, и вместе с тем предаваться всем прелестям семейной жизни, с

¹ Впродовж першої половини XIX ст. атмосфера великосвітських балів ставала дедалі роз-кутішою, зростали можливості комунікації у танці, передусім у мазурці, що передбачала більш-менш невимушну розмову партнерів: «Мазурка имела искони особое интересное значение, она служила руководством насчет сердечных склонностей – и сколько было сде-лано признаний под звуки ее живой мелодии» (Сабанеева Е.А. Воспоминания о бывлом // Россия в мемуарах. История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 409).

² «Луїза» (1794 р.) – поема-іділя Йоганна Георга Фосса (1751–1826), одного з послідов-ників виразників філософських і соціальних ідей пізнього Просвітництва з його ідеалізацією буржуазії, закликами до поміркованості та єднання з природою. Цей твір, де подієвий простір буржуазного повсякдення у сільському ландшафті постає як ідеальний для людини, котра прагне життєвої гармонії, став моделлю для наслідування, знайшовши численних наступників, від Й. В. Гете («Герман і Доротея») до М. В. Гоголя, в юнацькому творі якого – поемі «Ганц Кюхельгартен» – герой шукає того природного обширу, у межах якого міг би обладнати «сад свій» – прообраз «Едемського саду». Детальніше див.: Раствягаєв А.В., Ани-симова А.Н. Русский Данте: возвращение домой (к 200-летнему юбілею Н. В. Гоголя). URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/5/Anisimova&Rastiagaev/>.

отцом и матерью любезной, в какой-нибудь прекрасной долине между живописными горами; питаться чистою любовью, открытою – вот один род любовниц. Совсем другое – иметь любовницею прелестную, живую, игривую француженку, среди шумного Парижа, заводить интриги, торжествовать, блаженствовать! не знать никакой семейной жизни, любить, потом разлюбить, любить другую, опять блаженствовать! вот второй род любви. Кто же будет составлять 3-й род любовниц? Да! это горячая, любящая до бешенства гречанка, несчастная, которой отец хочет продать ее; тогда искать средства спасти ее, рисковать, или блаженствовать, или ужасно погибнуть! Вот три главные роды любовниц, но мне не суждено иметь ни одной из них! Нам, русским дворянам, жалкая участь в этом случае. Что может быть глупее русской любовницы или невесты, пойдет ли молодой человек с своею любезною один, сейчас закричат: «Как можно! cela ne convient pas»¹ и прочие глупости.

Марта 31. Вот уже почти месяц, как я не заглядывал в мой журнал, и в этом месяце многое, очень многое перебывало в моем сердце, многое переменилось в моем уме. Теперь уже я не ветреный насмешник всех церковных церемоний; я их чрезвычайно уважаю, и сегодня (в четверг Страстной недели) я, более чем всегда, находил, что они очень много говорят сердцу, наполняют его каким-то неизъяснимым высоким чувством; конечно, я говорю о тех обрядах, которые мы видим редко, не так, как обедню. Во время нашего говения я еще открыл в себе то, что во мне уже есть давно: мы говели в Кадетской церкви, там говело еще человек 50 и, между прочим, одно семейство (очень comme il faut) в трауре; между девушками (членами семейства) была одна блондиночка, очень хорошенъкая, и хотя очень скромненькая, но изредка поглядывающая на меня. Она мне очень нравится, но этого не довольно; мне не может женщина нравится без того, чтобы я ее не любил, и не краснел бы как рак каждый раз, что об ней заговорят; это очень странно! я думаю, что это происходит от моей пылкости. Я сгораю при виде хорошенъкой женщины и иногда заставляю всех смотреть на меня с удивлением. Еще одно я заметил во мне: у меня нет умеренности, когда предмет мне понравится, то я должен совершенно ему предаться; вчера и сегодня мне было грустно, ужасно грустно, мне казалось, и даже теперь кажется, что я без нее несчастлив, что я не могу жить без нее. Здесь одно только меня беспокоит: то, что скоро приходит, скоро и уходит! так и ушла моя любовь! Nadine совершенно забыта, и я вспоминаю об ней только тогда, когда с нею встречаюсь; она мне теперь кажется совсем не хорошенъкою, кривобокою, мямлею и пр., пр. Несчастливый характер! неужели вся жизнь моя протечет таким образом, что я буду за все пылко браться, но и все будет меня скоро наскучать; если я не переменюсь (да и трудно

¹ Так не годиться (фр.).

перемениться), то мне предстоит жалкая будущность; я должен быть несчастен в моем семействе, потому что жена мне наскучит.

Апреля 2. Как мне грустно! ужасно грустно! не знаю сам, что я? где я? О слезы, слезы! когда бы вы могли течь, облегчите меня! нет, слезы не текут, у меня нет слез, их не грусть иссушила, их иссушил ужасный порок; нет, они не текут, мне душно, сердце болит, но я не плачу! Что во мне? «It was not day, it was not night».¹ То вдруг досадно на самого себя! досадно, что я пошл, пуст, то вдруг представляются мне Секиринцы, прекрасная долина, и я не там! и я в этой мерзкой яме! то вдруг я пробегаю в уме все мои познания, вижу, как они ничтожны, боюсь за экзамен, мне представляется стыд, позор, оставаться в курсе;² то я вижу перед собою прекрасную... о нет! нет! это грезы, глупости! Боже, как тяжело!.. то вдруг все кажется гадко, то вдруг все прекрасно, и я один гадок, мерзок. О слезы, слезы, когда бы вы пришли меня облегчить.

Апреля 3. Христос воскрес! Вот великая задача для меня. Христос воскрес! Кто воскрес? Христос. Кто Христос? Человек. Что разумеется здесь под словом «Христос»? он ли сам воскрес или воскресла идея христианства? Нет, не могу, ум теряется в бездне, и остается все узнавать окончательно «и слагаша все в сердце своем!».³

Апреля 4-го. Как я люблю богослужение восточной церкви в эти 3 дня Пасхи. Как много в нем священного, глубокого.

Апреля 5-го. Утро. Вчера ввечеру были Борковские и Гудовичи, и я поссорился с Ф[едором] Васильевичем, мне кажется, что он очень глупо поступил; я взбешен, не чувствую сердца! И очень хорошо видно, что ма-менька вступается за него только для того, чтобы говорить что-нибудь. Он меня обидел и должен у меня просить прощения, да... он меня обидел, и я не кусок льду, чтобы все сносить хладнокровно.

5. Вечер. Я многое писал в журнал и еще до сих пор не поместил одной вещи, очень важной, которой не имею сил скрыть, потому что это суть простые факты, но, несмотря на то, очень важные. В университете был император, и я увидел, к великому удовольствию, что многие студенты были им недовольны. Три дня после этого была первая лекция Шаке-ева, и все шумели, а потом кричали *vivat!* Кутурге, и я в этом участвовал. И эта история много заставляет говорить о студентах! Потом, в пятницу 6-й недели, был у нас очень торжественный акт, и я, хотя по гадкому притворству показывал противное, но в душе очень был доволен, что меня выбрал князь⁴ дежурным при дамах; во-первых, потому, что этим показали, что [я] считаюсь одним из самых comme il [faut]...

¹ Це був не день, це була не ніч (англ.).

² Тобто залишитися на другий рік на II курсі.

³ Ак. 2:19.

⁴ Попечитель Петербурзького навчального округу князь М. О. Дондуков-Корсаков.

Апреля 10-го. Эти три дня я совсем почти (исключая утра) не занимаясь; погода прекрасная, гуляния блестящие; сегодня я почти полдня провел на Исакиевской площади и, часто, очень часто останавливаясь, смотрел вокруг себя и удивлялся, что занимает людей, а еще чаще делал престранные вещи: не знаю, почему, я всегда искал такого места, где бы был замечен императором или его женою, я в этом несколько раз ловил себя, мне самому было стыдно, да что делать! слабость непростительная. Я нахожу себя более чем недурным; хоть я и точно недурен, однако это тщеславие ужасно гадко; в этом отношении я благоговею пред Жемчужниковым.

Апреля 11. Я поэт! да, я поэт! сам удивляюсь и восхищаюсь творением моего воображения. Для повести, которую пишу по-английски, надобно было найти Героиню для моего Жоржа. Один месяц тому назад я был верно выбрал Nadine, но теперь все это исчезло и в моем воображении родилось существо чудесное, очаровательное. О, будь я Байроном или Рафаелем, верно бы весь свет восхитился моим произведением, о, как бы мне хотелось передать этот прелестный образ бумаге. Темно-голубые глаза, полные жизни, сладости, прекрасный нос, белое лицо, чуть-чуть румяные щечки, розовые прелестные губки чудесной формы, прекрасный лоб, осененный светло-русыми волосами, которые (так рисует воображение), которые завиты кругом головы и не достигают до плеч, прекрасный стан, прелестные формы, довольно высокий рост, благородная, величественная и вместе скромная осанка, ножки... одним словом, пред нею Зюлейка¹ увядает; я не знаю что-то жен, [которые могли бы] быть прекраснее моей героини, что может быть очаровательнее этой восемнадцатилетней девушки. [Залишено місце для цитати з Байрона], – как говорит Байрон. Вместе с тем я удивляюсь, как богато мое воображение.

«Я царь, я раб, я червь, я Бог!»²

Июня 6. Ужасно устал! похудел, побледнел; и наконец завтра кончается экзамен; и наконец завтра мы едем в Малороссию. О счастье! о радость. Никогда я так не желал ехать. Этого года я хорошо выдержал экзамен и почти во всем обязан себе самому.

3-го мая получил в истории – 3.

7-го мая – в истории римского права – 5.

13-го – в гражданских законах – 4.

16-го – в немецком языке – 4.

24-го – из законов торговли – 4.

26-го – из латинского языка – 4.

30-го – из теории поэзии – 3.

¹ Персонаж поэмы Дж. Г. Байрона «Абідоська наречена».

² Цитата з оди Г. Р. Державина «Бог».

Июня 2-го – из политической экономии – 3.

Завтра, 7-го числа, из богословия будет не менее 4-х.

Итак, я уже студент 3-го курса.

У Краухфельда мне помог немного Баршев. Из латинского помогли уроки с Шлитером, из теории поэзии – Никитенко, а из политической экономии я худо приготовился, потому что слишком устал, и внимание, и память совершенно исчезли. Теперь готовлюсь кое-как из богословия, на-деюсь несколько на знакомого священника. Впрочем, я доволен моим экзаменом, потому что я $\frac{3}{4}$ обязан самому себе, особенно в римском праве – 5. Жемчужников также хорошо кончил, и я рад, что мы вместе будем.

8 ноября 1838 года.

Вот уже скоро 2 месяца, как я в Петербурге, и уже 5 недель, как сижу дома... Да! мне суждено проволочиться в этой жизни больным, лишенным всех удовольствий, к которым моя душа всегда так стремилась. Секиринцы! милые Секиринцы, я вами не буду вполне наслаждаться. Другие веселы, ездят, пляшут, веселятся, а я... что мне предстоит? мне 19 лет, а я уже стариk! тем лучше не жить, чем так существовать. Последние строки моего журнала были писаны 6 июня. 7-го мы уже были в дороге. Я брал с собою журнал, но ничего не писал в нем. Опишу ли то время, которое провел в Секиринцах; нет, это невозможно! если бы мне предложили выбрать для себя высшее блаженство, я бы сказал: «Возвратите мне то время, которое я провел там», а теперь!..

Последние строки в моем журнале говорят об экзамене; теперь прощайте успехи. Мне доктора решительно запретили заниматься, и хотя я очень ленив, но это меня очень часто сокрушает, я очень отстал.

10 ноября.

Поспешно в сани он садится.

Пади! пади! Раздался крик.

Морозной пылью серебрится

Его бобровый воротник.¹

Да! решено, я покупаю сани. Из моей суконной фабрики я уже собрал 800 рублей. Из них 450 – на сани, 50 – на подарок маменьке, 30 – на шаровары, 40 – на панталоны, а остальное – на мебель. Вопрос: к чему покупать сани? ведь это ужасное ребячество, и притом мне нельзя даже будет франтить в них. Мне, может быть, придется во всю зиму раз 6 выехать, лучше не буду покупать саней. Кажется, я 19-и-летнее дитя: для того, чтобы казаться солидным, я лишаю себя большого удовольствия, и все притворство!

¹ Неточна цитата з поеми О. С. Пушкіна «Євгеній Онегін».

11 ноября. Я совершенно понимаю слова Федора Васильевича, когда он говорит: «Чтобы не сделаться пошлым, не должно писать рано повестей». Это точно правда: чтобы писать повесть или, скорее, чтобы написать сколько-нибудь порядочную, надобно знать людей, надобно уже прожить несколько в свете, и тогда можно верно изобразить характеры людей; без этого можно написать повесть, но что она будет? чем наполнит ее 19-и-летний человек (особенно я, который совсем еще не жил), если не общими mestами? Все это я знаю, но, несмотря на то, мне ужасно хочется писать повесть. Мне все кажется, что та, которая строится в моем воображении, должна быть очень хороша. Какую я создал прекрасную женщину! о милое, прелестное существо! что может с тобою равняться... Что я делаю? зачем я даю волю моему воображению? это для меня очень вредно! но я извиняю себя; я мало работаю, совсем не выхожу, и весьма естественно, что тогда воображение берет верх, и мне рисуются беспрестанно женщины, милые женщины! Я сегодня выходил гулять, каждая порядочная собою женщина мне казалась красавицею, и я готов был каждую из них остановить. Ужасно! сам знаю, что ужасно, но нечего делать; дней через 5 (когда наведут мост) приедет обоз и привезет...

12 ноября. Нет! повесть моя должна быть чрезвычайна, вот сюжет и ход ее. Герой повести – один молодой человек, положим Ж., образованный, хорош собою или, по крайней мере, приятной наружности; он воспитывался в университете, имеет 5000 душ и, послужив 2 года в военной службе, перешел в штатскую и жил в Петербурге с матерью и с своими сестрами. Имея пылкий сангвинический характер (с душою благородною и открытым сердцем), он не мог долго оставаться в одиночестве, и скоро, по желанию матери, всех родных и даже по собственному влечению, хотя небольшому, он посватался с одною девушкою, очень доброй, довольно умной, довольно хорошенъкой, и с которой он был связан узами дружбы с малых лет, потому что их семейства были тесно связаны даже по дальнему родству. Все радовались свадьбе, которая, однако, была отложена по некоторым обстоятельствам на 2 месяца. Между тем, Ж. поехал в Харьковскую губ[ернию] и там как-то встретился с одной девицей (героиней повести), милейшим, прекраснейшим существом в мире. Она из очень хорошей и богатой фамилии, получила прекрасное воспитание, но на 16-м году она потеряла мать, а вскоре и отца, который хотя был умный человек, но плохой хозяин и оставил много долгов. Лизу взял двоюродный брат ее отца, а ее 12-и-летнего брата поместили в губернскую гимназию. Этот ее дядя был выбран опекуном, продал с грехом пополам для заплаты долгов лучшую часть имения, а другую грабил, как мог. Его жена была глупая женщина и мучила Лизу, потому что она во всем превосходила ее двух дочерей, из которых старшей было 25 лет. Чтобы Лиза не имела никакой защиты, они удалили от нее ее брата

и поставили его против нее. К довершению несчастья старый дядя влюбился в Лизу. В это время является Ж. и первый раз в жизни чувствует любовь, забывает все и совершенно предается Лизе. Тут начинается его внутренняя ужасная борьба. Родственники его настоящей невесты оклеветали Лизу перед его матерью.

13 ноября. Что такое все мои понятия, вся моя любовь к человечеству, когда Федор Васильевич одним словом разрушает все это. Я очень претендую на человечество¹ и даже совершенно уверен, что не пойду против него, между тем Федор Васильевич недавно поймал меня, и я сам вижу ужасную ничтожность моих умствований и претензий. Мы говорили о лакеях: я на них ужасно сердит за их неопрятность и говорил, что первую вещь, которую я буду требовать от них, есть опрятность. «А будете ли вы сами подавать в этом пример?», – спросил Ф[едор] В[асильевич]. «Это нужды нет, – отвечал я, – все-таки буду от них этого требовать!». И я это сказал не от ветрености, нет! я это чувствую, эти слова говорит сердце, между тем как это очень против всякого человечества. Какое я имею право требовать от них то, чего сам не делаю, и еще требовать от рабов? Итак, следовательно, нельзя ничего требовать от них, потому что границ в требованиях положить нельзя. Одно то, что они мне принадлежат, кричит против всякого права человечества. Но что же делать, судьба вручила мне участь нескольких тысяч человек; переменить этого нельзя, но должно стараться, чтобы они поменьше чувствовали эту ужасную свою участь, а это очень трудно. Вопрос: как должно с ними поступать? Маменька несколько раз намекала, что боится, чтобы я не был слишком строг, ведь папенька был, кажется, строг, но об этом поговорим после;² меня все-таки ужасно огорчает, что я не имею права претендовать на внутреннюю образованность; ко мне образованность так же привита, как и ко всем русским, а внутри я все-таки напитан отвратительным русским азиатизмом.

Как я дурно делаю, что так много пишу, доктор мне это запрещает.

14 ноября. Как я люблю музыку! есть минуты, в которые я не могу, кажется, жить без нее, и тогда внимаю ей с таким чувством, как голодный принимает пищу. Тогда я пользуюсь моим малым знанием игры, сажусь

¹ Г. Галаган розмірює тут про власну віданість загальнолюдським цінностям, які розумів насамперед як цінності демократичні, на чому, вочевидь, не один раз наголошував Ф. В. Чижов, звертаючись до свого вихованця: «От тебя зависит одно – простые, демократические, то есть людские, а не помещичьи добродетели» (ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Спр. 389. Арк. 1).

² Згодом Г. Галаган так характеризував стан маєтків за життя свого батька: «Батюшка был увлечен постройками, огромными, сложными и которые были произведены в весьма непродолжительном времени; при слабости здоровья его едва становило для того, чтобы следить за этими постройками и распоряжаться по экономии. Исполнителями его приказаний были люди вредные, с одной стороны плуты, с другой люди с дикими понятиями о том, как должно управлять крестьянами...» (ІР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 6936. Арк. 3).

за фортепиано и разыгрываю творение какого-нибудь хорошего музыканта. Как хорош Гумель в концерте а моль, это соловей, он совершенно поет любовь! прекрасную любовь!.. Я прочел в «Biographie universelle» жизнь Моцарта.

15 ноября. Зачем я создан таким бесхарактерным! я ничего не могу делать, я ни к чему не способен. Самое даже мое стремление ко всему благородному есть не что иное, как обезьянство, пошлость, вспышка. О Боже, это ужасно! какую пустоту я чувствую в моем сердце. Ничто отрадное не облегчит моей души, грустно, тяжело! Прошедшее прекрасно, но невозвратно, настоящее тяжело, скучно, а в будущем я вижу только пустоту! У меня нет никакой силы воли; я ничего не делаю! а праздный рассудок занят пагубными мечтами! все мечты, которых я совсем не отвращаю. Милые Секиринцы, я не достоин, чтобы вы мне принадлежали!

20 ноября. Давно ли были времена, когда я ждал этого дня, как не знаю чего, а теперь я так хладнокровен.¹ Маменька мне подарила очень хорошие шкафы для книг и...

21 ноября. Сейчас получили письма от Миши, Катеньки и Дунечки, и, к большому сожалению, кажется, что Миша один будет. Я очень жалею, потому что я имею страсть все показывать тому, кто что-нибудь в первый раз [видит], и хотя я болен, все-таки, сколько мог, я бы показал. Вообще я чрезвычайно люблю передавать другим то, что я знаю, чтобы оно ни было, все равно! С одной стороны, эта страсть похвальна, но с другой стороны, она, кажется, меня делает слишком доверчивым. Для меня это величайшее удовольствие, когда даже Евдоким что-нибудь начнет спрашивать; тогда я начинаю ему толковать, потом перехожу в другой предмет и, наконец, замечаю, что у меня уши и щеки горят, а он стоит, вытараща глаза.

Того же числа. Вчера я получил письмо от доброго Николая Степановича, который потрудился поторговаться за сани. Все это дорого, мне обойдется 350 руб. за сани, да купец не хочет за хомуты уступить менее чем за 175 рублей. Ужасно грустно подумать, что я, может быть, совсем в них не буду ездить!.. Мне кажется, что моя болезнь совсем не уменьшается; я довольно сильно кашляю. Боже! как протекает моя молодость!

Как мне нравится это:
 Ой волы, волы, да поволовые,
 Чом же вы не орете?
 Ой лита мои да молодые,
 Чом же вы марно-то йдете!
 Колы бы нам погоничи,

¹ 20 листопада були іменини Г. Галаґана.

Може б мы и орали,
Ой коли б нам весело було,
Може б ми й погуляли!

22 ноября. Нет! это слишком, я ужасно страдаю. Теперь сырая погода, и у меня уже все болит! все ломит! Боже, помоги мне, облегчи меня, несчастного! да, ты прав, наставник мой!¹ ты мне несколько раз говорил, что наши умствования, что все наши отступления сливаются в несчастии в одно: в веру. И я готов веровать! Нет! я уже верую в Бога, в Божию Матерь, в ангелов! О! помогите мне, силы небесные. Господи! остави долги мои.²

24 ноября. Давно ли, как мы весело проводили этот день, а теперь как монотонно!³

Я подарил маменьке прекрасную белую шляпу. Добрая маменька, ангел маменька, как я ее люблю!

Каково? Владимир Александрович разъехался с женой, с этой фурией, бестией, которая точно пошла по матушке. Ах, как я не терплю ее; я думаю, тем кончится, что я, будучи в Малороссии, разругаюсь с этой проклятой старухой, тиранкой!⁴

27 ноября. Сегодня был у нас опять совет (*consilium*) между Чаруковским и Бушем, и они оба в один голос, так же, как и Раух, присудили мне ехать за границу – в Италию. Легко сказать! но куда тогда денутся все мои занятия? Тогда – пропал мой карьер, т. е., по крайней мере, мне надобно попрощаться с 10-м, 12-м и даже 14-м классом.⁵ Хотя я вовсе не дорожу службою, но обстоятельства у нас в России таковы, что одно слово августейшего автократа может переменить нашу судьбу, и, может быть, будет время, когда не служащие будут лишены чинов и дворянства и высечены кнутом, пожалуй!. Несмотря на то, я не могу жить в холодном мертвом Петербурге; я здесь исхачну, потому что здоровье страдает, и еще более потому, что душе нет пищи! Там! в Италии, на Юге, найду я ту жизнь, которой жаждет моя душа! в той прекрасной природе оживу я! там я забуду...

Я также не могу служить! к чему мне служба? если не вовсе, то, по крайней мере, долгая? к чему? когда я довольно богат, чтобы жить спо-

¹ Йдеться про Ф. В. Чижова.

² Перефразований вислів з молитви «Отче наш» («Й одпусти нам провини наші, як і ми відпускаємо винуватцям нашим». Мт. 6:12).

³ 24 листопада були іменини К. В. Галаґан.

⁴ Йдеться про В. О. Казадаєва, брата С. О. Галаґан, і його дружину Варвару Миколаївну. Її матір'ю була Уляна Миколаївна Селиванович, уроджена Милорадович, родичка Г. Галаґана.

⁵ Маються наувазі класні чини з «Табелі про ранги», що визначали становище урядовців у службовій ієрархії: XIV (наймолодший) – колезький реєстратор, XII – губернський секретар, X – колезький секретар. Згідно із «Загальним статутом імператорських російських університетів» 1835 р. (ст. 128), студенти, які успішно завершили курс навчання, вступаючи на цивільну службу, отримували чин XII класу.

койно даже и с самым ничтожным чином. Но нет, не богатство меня удерживает от службы, нет! меня удерживают Секиринцы. Да! возьмите все чины, и общество петербургское, и богатства, и долгую жизнь, оставьте мне только Секиринцы, милые, прелестные, восхитительные Секиринцы! Для вас хочу я посвятить всю жизнь мою; вы – главный предмет моей жизни. Любезный папенька! твоя прекрасная, благородная душа создала Секиринцы! ты поэт! да, ты поэт... В твоем изящном творении виден твой образованный ум.¹ Я докончу твою работу, я довершу ее... Это мой долг, это моя страсть! в Секиринцах хочу я вечно жить! там найду я счастье. Я должен выбрать себе подругу, которая бы разделяла со мной мои чувства. Главное, что я буду искать в этой особе, будет, кроме любви и доброты, – изящный вкус, для меня это одно из самых важных достоинств, как мужчины, так и особенно женщины, и оно имеет большое влияние на характер. Я могу похвалиться, что в нашем семействе вообще у всех есть чувство изящного; не говоря уже о папеньке, который это очень доказал в своем творении, но и у всех Гудовичей это также видно. Но я отвлекся от моего предмета. Да! жить в Секиринцах; однако можно, таким образом удалившись от света, совершенно отстать от него. Зачем же? можно изредка посещать родных в Москве, каждые 3, 4 года ездить за границу и иногда, пожалуй, и в Петербург, но только все-таки жить в Секиринцах!

28 ноября. Сейчас только от нас Кочубей А. В., он советует ехать весной за границу, но я думаю, что лучше перейти в Киевский университет.

1 декабря. Я сейчас только пришел из прогулки: мы заходили к одному переплетчику. Боже, что у него за гравюры и эстампы, загляденье; я думаю, что я куплю картинку, изображающую Наполеона; мне очень хочется иметь портрет этого гения. Однако, как беспредельны желания человека; мне кажется, что я бы теперь разорился на картинки. Впрочем, я чрезвычайно люблю эстампы. Нет! это есть у меня во всем! и от этого очень должно исправляться. Я купил, например, мебели на 350 рублей, а мне хочется еще и еще. Я покупаю сани, захочется купить дрожки, а французы не врут, говоря: il n'y a que le premier pas qui coûte!²

¹ П. Г. Галаган, котрий ще під час навчання у Петербурзі в 1808–1809 рр. у St. Petrischule, «имея большой вкус к изящным искусствам, занимался рисованием и основательно изучил архитектуру» ([Галаган Г. П.] Род Галаганов. 25-летие Коллегии Павла Галагана в Киеве / под ред. А. И. Степовича. Киев, 1896. С. 14), наприкінці 1824 р. розпочав будівництво палацово-паркового ансамблю у дідичному маєтку Сокиринці. У реалізації цього проекту взяли участь П. А. Дубровський (автор архітектурної частини ансамблю у стилі ампір) і садівник І. Бістерфельд (автор планування парку в «англійському», нерегулярному стилі). Ініціатива Павла Галагана тлумачилася його оточенням як засіб підвищення престижу родини в українській дворянській спільноті: «Его начинания сделали это место одним из первых в крае», – писав М. А. Маркевич К. В. Галаган 8 грудня 1834 р. (ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Од. 36. 2025. Арк. 2).

² Аби почати, а там воно й піде (фр.).

2-е декабря. Торжественна, прекрасна была та минута, в которую, по повелению в[еликого] к[нязя] Владимира 1-го, весь народ киевский погрузился в воды Днепра. В моей голове составляется, мне кажется, хорошенькое сочинение, где бы я описал это великое происшествие, во время которого «небеса и земля ликовали», как говорит Нестор. Я воображаю себе огромную толпу народа, стоящего на береге Днепра: патриархи во всем облачении с хоругвями, крестами совершают таинство под открытым небом; лиц греческих певчих отвечает ему своим согласным кирие! Народ стоит изумленный, восхищенный; и вот патриарх подымает руки к небу, и весь народ бежит, ссыпается в Днепр, и воды с шумом хлынули на противоположный берег. Какая картина! все отношения, все различия между людьми исчезают! Иные раздеваются; дева не стыдится наготы, юноша не восхищается красотою женщины, богатый не гордится, бедный не унижается... все вместе составляют одно семейство, все увлечены одним – верою! Народ выходит из воды совершенно новым, другим; все радуются, веселятся, и широкий Днепр гордо продолжает свое течение. О великий Христос, ты один можешь так действовать на сердца целого народа! это твое творение!..

Если бы могла явиться теперь какая-нибудь фея и спросила бы меня, чего я хочу? я бы отвечал: «Перенеси меня назад в прошедшие времена, дай мне увидеть три эпохи: 1) Рим, во времена Августа; 2) Французскую революцию и 3) Россию во времена Иоанна IV».

3 декабря. Чего хочу я? чего мне недостает? сам себе не могу дать в этом отчет. Ужасное чувство пустоты в моем сердце. Скорее соглашусь на все, чем на настоящее. Скучно! тесно душе моей. Если бы можно было, я бы сам от себя оторвался и полетел в неизмеримое море или в пространное чистое поле! мне бы хотелось теперь вечером ехать в кибитке на тройке почтовых; скакать, закутавшись в шубу, и ожидать нетерпеливо станции, чтобы там напиться чаю и лечь спать. Нет, не одного этого хочу я! Во мне ужасная пустота! я жажду какой-нибудь перемены, какого-нибудь впечатления... Дайте мне все, что хотите, бросьте меня в пустыню, и там мне будет легче! Ласки всех, меня окружающих, в эту минуту для меня хуже всякой браны, и я очень рад, что маменька, сестра и Ф[едор] В[асильевич] уехали и оставили меня одного. На моем сердце лежит горячий камень, который только тогда облегчится, когда потекут слезы. Как бы я желал быть на месте говорящего:

Віют витry, віют буйные,
Аж деревья гнуться,
Болит, болит мое сердце,
Сами слезы льются!

Льются, льются слезы,
Аж пути не бачу,

Тылько тогда и полегче,
Як трошки поплачу!..

Сколько чувств в этих простых словах! как я вхожу в положение поющего и как желал бы быть на его месте. Он идет по дороге, в поле, он свободно дышит, он плачет, счастливец! а я душусь в темнице, и все кругом меня однообразно; выгляну в окно – все те же люди и лошади беспрерывно мелькают и не оставляют никакого впечатления. Я без охоты ем, без желания ложусь спать, встаю, и опять все то же! возьму я Вальтер Скотту «Анну Гейерштайнскую»,¹ по крайней мере, в воображении перенесусь на горы Швейцарии.

5 декабря. Вчера был необыкновенный день. Царь обручил свою старшую дочь, хорошенькую Марию Николаевну, за принца Лихтенштейна.² Днем палили из пушек. А вечером большой театр превратился во что-то волшебное! Очень жаль, что я не мог этого видеть. Весь театр был наполнен. Бельэтаж был занят холодными красавицами-фрейлинами в кокошниках; все мужчины были в полных мундирах. А на сцене танцевала очаровательница, гений Талиони. Да! это гений, необыкновенное явление, самое грациозное создание в мире.

7 декабря (утро). Маменька сейчас получила письмо из Секиринец. Старик наш почтенный Матвей умер 15 ноября. Долго жил этот добрый человек! Сколько он видел перемен в свою жизнь, даже не далее Секиринец. Он помнил еще, когда старый дом не строился, потом – как он был выстроен, как стоял 45 лет, и, наконец, как и его оставили, и перешли в новый!³ Сколько людей при нем родилось, умерло, переменилось; сколько мест стали совсем другие. «Одни дубы, – говорил он, – как были давно, давно! так и теперь!». Мне очень жаль доброго старичка. Теперь в

¹ Историчний роман В. Скотта.

² Г. Галаган помилився, бо велика княжна Марія Миколаївна була заручена з герцогом Максиміліаном Лейхтенберзьким, за якого згодом вийшла заміж.

³ Йдеться про облаштування садибної, тобто житлової, частини маєтку Галаганів у Сокиринцях, а саме про спорудження панського будинку і планування парку за часів Івана Григоровича Галагана на межі 1770-х–1780-х рр. Це старосвітське помешкання залишилося у пам'яті М. А. Маркевича у контрастному порівнянні з пізнішими перебудовами: «Как теперь помню приезд мой в восхитительные Секирицы; в этот старый галаганский дом, которого уже нет; в эти флигели, которых уже нет; в эту залу белую с золоченым карнизом, тут на хорах стоял орган, той залы уже нет; в эти пристриженные аллеи, которых уже нет. Все это заменено парком обширным, одним из прелестнейших в целой империи, огромным барским домом, флигелями, оранжереями, ротондою, мостами, часовнями...» (ІРЛІ РАН (Пушкинський дом). Ф. 488. Д. 38. Л. 118). Для юного Григорія Галагана перебудови маєтку в Сокиринцях, так само, як спомини старого селянина, фіксували плин часу, але у зріому віці ці переміни стали для нього свідченням зміни історико-культурної парадигми, відзначаючи втрати українським панством давніх традицій: «Мало чем поддерживаемое аристократическое направление и фальшивое понятие об истинном комфорте заставили большую часть помещиков оставить свои дедовские дома и сады и перейти в аристократические, нового фасона и расположения хоромы, окруженные садом в английском вкусе и разными другими причудами...» (ІР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. 6860. Арк. 1 – 13в.).

Секиринацах уже немного осталось людей, подобных ему! Меня это очень огорчает, потому что я очень люблю этих почтенных débris du XVIII siecle.¹

7 декабря (вечер, 7 часов). Меня всегда удивляют и сердят слабости в умном человеке. Неужели ум нисколько не в силах убавить эти странности? Этот вопрос совершенно лишний, потому что история нам его решает: величайшие гении делали величайшие глупости. Человек с весьма обширным умом имеет непростительные слабости, и столько, сколько он в одно время бывает приятен, бесценен, столько в другое он бывает несносен.²

8 декабря (полдень, 12). Я теперь читаю роман В. Скотта «Anne of Geierstein». Он иногда слишком подробен и утомителен в описаниях, но, несмотря на то, мне очень нравятся некоторые описания, очень живые. Мне кажется, что я бы ввел в мою повесть подобные места, где так живо переносишься в положения героя.

О, женщины, женщины! вы никак не хотите оставить меня в покое. Я дал было себе слово не думать об них, но это невозможно! Несколько дней я, казалось, совсем об них не думал; теперь они опять с новою силою овладели мною. Опять я вижу этих прекрасных, очаровательных, нет! не буду писать.

9 декабря. Вот урок в жизни, а! я весь еще трепещу; это меня расстроит на несколько дней. Сейчас я получил письмо от дяденьки, который пишет об статье Ф[едора] В[асильевича] о Роменской ярмарке. В этой статье он касается личности Ивана Михайловича Скоропадского.³ Когда Ф[едор] В[асильевич] мне читал эту статью, то мне хотелось остановить его, но нет, он напечатал! там ее прочли, и теперь, по словам дяденьки, послана в «Северную Пчелу» статья против него. Но это бы было ничего!

¹ Уламків XVIII століття (фр.).

² Йдеться про Ф. В. Чижова.

³ Мовиться про статтю: Ч[иж]ов Ф. Письмо петербуржского жителя из Ромен в Кострому. *Литературное прибавление к «Русскому инвалиду»*. 1838. № 40. С. 798–800. Автор змальовує претензійність, зарозумілість провінційного українського панства, неприродність його поводження: «Приехав в Малороссию, или, правильнее, на Роменскую ярмарку, я никак не мог понять, почему здесь так нравятся вычурные фразы, натянутые остроты и пошлые насмешки над всем, что носит отпечаток чувства, насмешки, ежемесячно появляющиеся в известных толстых книжках; теперь я понимаю, – вся тайна в том, что этим господам наскучила природа». Попри те, що жодних імен у статті не згадано, І. М. Скоропадський, заможний український поміщик, родич Галаґанів, упізнав себе в одному з її персонажів. У листі М. А. Маркевича до К. В. Галаґан від 3 лютого 1839 р. йдеться про появу цієї статті: «Іван Михайлович и Елизавета Петровна обошлись очень свысока с нашим общим приятелем, с добрым не математиком, а поэтом – с Федором Васильевичем. Он принял это не как математик, [...] а как поэт. Написал преострую, преедкую статью и напечатал ее в Прибавлениях к Инвалиду. Но как он написал эту статью сгоряча, то и случилось, что он *qu'il généralisé* (що він узагальнив, – М.Б., Е.К.), т. е. досталось всей Малороссии вообще, а в особенности хлестнуло, да еще и прежестоко, Ив[ана] Мих[айловича] и Ел[изавету] Петровну» (ІР НБУВ. Ф. 243. Спр. 111. Арк. 1).

Он стоит очень дерзкого ответа, но дяденька пишет, что в этой статье касаются и до других лиц. Это меня крайне беспокоит. Боже! Что, если в ней касаются хоть одним словом до нашего семейства? Положим, что Ф[едор] В[асильевич], имея вес в теперешней подлой и мерзкой русской литературе, предотвратит эту статью чрез сношения с подлою цензурою. Но одно то, что она была написана, прочитана там всеми, приводит меня в отчаяние. Я не знаю, что думать, чего ожидать. Что, если в ней касаются до отношений маменькиных к Ф[едору] В[асильевичу]? Ангел-маменька может так невинно пострадать! а во всем виноват Федор Васильевич.¹ Во всем виновата его глупая самонадеянность, который с каждым днем более и более показывает мне, что даже умные люди очень скользят. Теперь Ф[едор] В[асильевич] поехал поправлять свою ошибку. Но нет! он ее не может поправить! Это меня приводит в отчаяние. Достигнувши до известной степени влияния на мерзейшую литературу в мире, он уже возмечтал Бог знает что.

11 декабря, утро. Какой у меня странный характер! совершенно сангвинический. В первую минуту я готов сделать все возможное – дурное и хорошее. Пройдет несколько часов после ужасной досады и скорби, и я не знаю даже, был ли я когда-нибудь сердит. Все решительно проходит. Его признание в собственной ошибке также много на меня подействовало. Одним словом, я уже не сердит!

Сейчас был у меня Ник[олай] Степ[анович] Огранович. Несколько раз рождалась во мне мысль, что люди ничего без собственного интересу и эгоизма для другого не станут делать. Но вот пример, который говорит совершенно противное: какую пользу для себя видит Николай Степанович в том, что так старается купить мне сани, каждый день заезжает к каретнику, сердится, хлопочет. Какую пользу получит от этого? спрошу я опять, – кажется, никакой! Он совершенно не зависит от маменьки ни в каком отношении; во мне он ничего не может искать; для чего же он это все делает? отчего? Разумеется, от доброты! Николай Степ[анович] абсолютно добр. И почему же я думал, что люди не могут безусловно доставлять услуги, делать одолжения? Какое имел я право так дурно думать об людях? Я, в мои лята, с моей неопытностью, уже такого мнения об людях! Это показывает, что это мнение перешло в меня от других и

¹ Йдеться про небезпеку поширення серед українського панства чуток, які б звинувачували К. В. Галаґан у тому, що вона занадто наблизила наставника сина, Ф. В. Чижова, до своєї родини і людей свого кола, до того ж такі плітки могли містити припущення щодо інтимних почуттів між ними, принаймні з боку Ф. В. Чижова. Насправді ж усе життя учитель і друг Г. Галаґана Ф. В. Чижов ставився до його матері з великою повагою, свідченням чого є, зокрема, листування за 1841–1867 рр. (ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 672. 96 арк.). У листі від 18 липня 1841 р. читаємо: «Вы знаете, что каждая Ваша строчка будет принята с восторгом; верьте Вы или нет, но я пишу, очень спросясь сердца, не знаю, уступлю ли я кому-нибудь, после Ваших детей, в любви к Вам...» («Ми вийшли з Сокиринців...»: тревелогії родини Галаґанів / упор. М. Будзар, Е. Ковальов; за ред. І. І. Колесник. К., 2019, С. 282).

частью, конечно, от духа времени. Вместе с тем это заставляет меня гораздо больше обращать внимания на действия людей и анализировать (сколько могу) их источник.

14 декабря. Прекрасно! в воскресенье у меня соберутся мои товарищи, я их буду угождать. Так как уже решено, что я перехожу в Киев, то недолго осталось с ними быть. Кажется, что они меня любят, по крайней мере, бывают у меня. Я приглашу Жемчужникова, Тулинова, Полевого, Аксакова,¹ Голицына,² Ульянина, Донича и, может быть, еще кого-нибудь. Только не знаю, как их лучше угостить! им нужны трубки, а мне нельзя нюхать табачный дым. Боюсь, чтобы им не было скучно! у меня будут фрукты, конфеты, чай, шахматная доска, *Kommersbuch*³ для пения и только. Очень невинно! да что делать! А я бы очень желал, чтобы они все приехали; в этом действует немного мое самолюбие. Вообще я очень люблю, когда у меня любят бывать, и потому для меня большое наслаждение угождать приятелей (конечно, более из тщеславия, нежели из гостеприимства!). Мне очень жаль расставаться с товарищами. Это будет иметь большое влияние на всю мою жизнь.

16 декабря. Я сегодня наслаждался так, как давно не наслаждался. Привезли сани, и я велел запрячь Козыря в корне, а Щеголя – на пристяжку. Чудо! Они проехали два раза по первой линии. Летят! Козырь – настоящий рысак, славно идет, откидывает вперед ноги, а Щеголь также очень красив с своим огненным глазом. И при этом прибавьте, что упряжь чудесная. Завтра будет, по моим приметам, хороший день, и я буду кататься.

Вечер. Слава Богу! теперь я спокоен. Сейчас Ф[едор] В[асильевич] получил письмо от Краевского, который присыпает ему статью, против него писанную, и в ней ничего нет дурного. Ее писал какой-то Чужбинский. Не знаю, кто бы это мог быть такой. Статья написана очень дельно, как мне кажется. Его упрекают в том, что он писал такие вещи, которых он не знал.⁴

17 декабря. Сегодня я катался в санях в одну лошадь, а кучером был Василий. Завтра будут ко мне товарищи, я велел купить цигар, винограду

¹ Напевно, це був один з синів літератора С. Т. Аксакова, найімовірніше – Григорій, ровесник Г. Галагана, що навчався тоді в Училищі правознавства.

² Князь Аркадій Сергійович Голіцин навчався одночасно з Г. Галаганом у Петербурзькому університеті. Він був племінником Варвари Яківни Гудович, уродженої княжни Голіциної, дружини графа К. І. Гудовича, а через нього належав до далекої рідні Галаганів.

³ Збірник студентських застільніх пісень (нім.).

⁴ Йдеться про статтю: Афанасьев-Чужбинский А. Письмо к приятелю в Петербург о Малороссии и о пишущих из ее быта. *Литературное прибавление к «Русскому инвалиду»*. 1839. Т. 1, № 1. С. 21–23. Автор, український літератор й етнограф, вказав на хиби начерку Ф. Чижова: «...Нет ничего досаднее, если берутся судить о стране, не зная совершенно ни ее, ни ее обычаев, – досадно, больно даже». Жодних згадок про Галаганів, їхніх родичів і знайомих стаття О. Афанасьєва-Чужбинського не містить.

и пр., мне будет очень горько, если они не приедут. Это покажет их малое ко мне расположение.

Я хочу в мой журнал поместить некоторые вещи, которые меня очень занимают, именно – написать о Гайдасе, которого мне очень хочется включить в повесть, только не знаю, как! Я буду писать об этом вечером, потому что в это время всегда мое воображение сильно играет.

19 декабря. Вчера были у меня 5 товарищей. Шум и песни были оглушительны; они, кажется, все веселились от всего сердца. До сих пор в моей комнате носится дым под потолком.

В эту минуту я бы желал... немногого: одной слезинки! одной слезинки, чтобы облегчить мое страдающее сердце. Да, я страдаю, и очень... Казалось, чего бы не доставало для моего счастья? одного здоровья? а это такая ничтожная вещь! Маменька меня чрезвычайно любит и даже балует, сестра, все родственники, Федор Васильевич беспрерывно доказывают большую ко мне привязанность! товарищи меня любят. Чего же мне не достает? Не знаю сам, что я чувствую; странно! в одном английском альманахе 1833-го года, который лежит открытый возле меня, есть одна хорошенькая картинка, изображающая the bridemaid.¹ Прелестная девушка, сидящая облокотившись на диване. В ее лице есть именно то грустное, меланхолическое выражение, которое я так люблю в девушке! Оно навело на меня приятную грусть; музыка Гумеля довершила ее, и теперь, о, если б я мог заплакать! Во всю жизнь мою или, скорее, в последние два года, которые стоят всей моей жизни, я встретил только одну особу с таким выражением лица, именно – девицу Фитингофф. Я ее видел в первый и, весьма может быть, в последний раз на ярмарке в Ромне. Она не тамошняя, но заехала туда из Москвы. Что за прелестное лицо! какое грустное, меланхолическое выражение в этих прекрасных глазах, в этой манере говорить, обращаться. Я еще вижу эту мазурку, которую я с нею протанцевал. Прочь, веселые, любезные лички, вечно улыбающиеся, правда! привлекательные, но что из них? Для жены я бы выбрал девицу с грустным, меланхолическим выражением лица. Мне кажется, что только такой особе можно поверять все чувства, подле такой только найдет сердце приятный отдых. Можно сказать про особ этого рода вместе с Байроном:

The light of love, the purity of grace,
The mind, the Music breathing from her face,
The heart whose softness harmonised the whole –
And, oh! that eye was in itself a Soul!¹²

¹ Дружка нареченой (англ.).

² Кохання посвіт, цнота любості, // Розуму наспів дихають в її обличчі. // Серце, чия ніжність все гармонізує. // Й, о, цей погляд! Він є сама душа. Цитата з поеми Дж. Г. Байрона «Абідоська нареченена», де прославляється краса головної героїні – Зюлайки.

Yes! It is quite true! The music, this enchanting melancholy music! Which is so agreeable for the suffering soul!¹ Когда моему воображению представляются такие милые особы с грустным выражением лица, то с этим во мне никогда не соединяются сладострастные мысли, а напротив того, тогда увлечение самое чистое!

20 декабря. Опять то же грустное, несносное чувство, опять то же в голове! Вчера были у нас Борковские. Мне так гадко было смотреть на Надинку и на Катеньку,² что я отворачивался, чтобы их не видеть! Сегодня я мечтал (но без всякой сладострастной мысли), как должна быть восхитительна такая минута. Когда иногда придет грусть на сердце, потому что она бывает и в счастье, и не мешает ему:

Не видели они, как время пролетало:

Бывало грустно им, а скучно не бывало!³

И тогда удалившись в свой кабинет, никого не хочешь видеть. Но дверь отворяется, и милое существо, окончивши некоторые хозяйствственные распоряжения, входит в кабинет, подходит ко мне, целует в лоб и спрашивает с участием, чего я грущу? и садится возле меня, и смотрит с состраданием, с любовью мне в глаза. О! как восхитительна такая минута! Это верх счастья! Как подле такой особы должна быть приятна грусть! Она тогда так же приятна, как ужасна в одиночестве или с холодным существом... О Боже! как тяжело! Я попробую найти удобную минуту и вы сказать мои чувства. Может быть, тогда я заплачу, и все пройдет!

Aх! не одно это меня тревожит, нет, у меня есть другая вещь! Чувство, которое до сих пор еще не бывало в моем молодом сердце. Не любовь, не женщина, нет. Может быть, сегодняшний день будет великий день для меня. Да! Я решаюсь открыть Чаруковскому такую вещь, которую я бы желал, если бы это было возможно, скрыть от самого себя! Она будет иметь влияние на всю мою жизнь. Я ее не напишу в мой журнал. Боюсь, чтобы эта книжка не попала в чьи-нибудь руки. Да! в этот день я сделаю, может быть, великий шаг. Я побежду самого себя, стыд! который так натурален в этом! стыд! который так натурален в этом. Что подумает обо мне Чаруковский... Но я решился! я решился снести презрительный взор, потому что это, может быть, спасет меня от погибели. Как сердце бьется, голова кружится.

Вечер. О милое прелестное существо, как ты рисуешься теперь в моем воображении. Я вижу в нем прелестную деву, а между тем никакая сладострастная мысль, никакое земное, материальное желание не промелькнет в моей голове. В прелестной женщине, деве, я хочу найти

¹ Так! Це цілковита правда! Музика, ця чарівна меланхолійна музика! Яка так приємна для душі, що страждає! (англ.).

² Йдеться, ймовірно, про Катерину Шаховську, двоюрідну сестру Надії Дуніні Борковської.

³ Цитата з байки І. А. Крилова «Два голуби».

только духовное, чувство! как можно более теплого чувства! я хочу духовно наслаждаться ею! Вот она: тихая, скромная, меланхолическая, белокурая, среднего (более высокого) роста, черты лица продолговатые; нос длинный, прямой; глаза голубые, выразительные, томные, грустные; на розовых губах легкая меланхолическая улыбка; на щеках самый нежный, неяркий румянец. Головка, немного подавшаяся вперед. Обхождение тихое, скромное; стан прелестный, гибкий! Ах, я невольно изобразил портрет особы, мною видимой! Что бы я делал с такою прелестной девой? ничего материального, гадкого, нет! Я бы ей смотрел в глаза, сказал бы ей, что мне грустно. Она бы одним взором меня утешила, о, ангел!

Я сегодня после завтрака, оставшись один с Федором Васильевичем, поверил ему мои чувства. Это меня немного облегчило; слезы покатились с моих глаз. Он с участием слушал меня, он разделял со мною мои чувства. Он понимает их, потому что они часто наполняли его душу.

Чаруковский не был! О Боже, подкрепи мою волю.

23 декабря. Кончено все! Слава Богу. Гора с плеч свалилась. Я все сказал Чаруковскому и вчера все сказал Федору Васильевичу.

Вчера ввечеру я провел вечер у Ульянина. Очень весело было. Мне чрезвычайно хочется писать повесть! Я сегодня, краснея, об этом признался Федору Васильевичу. Сочинение это принесет мне и пользу, и (чего я очень боюсь) вред. [Во-]1-х, пользу, потому что это меня рассеивает; потому что я в нем изолю все мои чувствования, и как приятно [это] будет для меня. Сам Федор Васильевич похвалил ее! [Во-]2-х, с другой стороны, я боюсь, что это отвлечет меня еще больше от занятий. Я и то слишком мало занимаюсь! Мне нечего рассказывать сюжет моей повести в моем журнале. Она всегда останется для меня, так, как и этот журнал. Скажу только, что действующие лица: Жорж – это некоторой степени я сам, Вера – портрет Наденьки Б[орковской] в отношении нравственности, Лиза в нравственном отношении есть мой идеал, в физическом отношении она будет портрет M-lle Фитингоф. Потом также: Жорж есть человек сердца, а его друг Березанов – человек рассудка.

28 декабря. Я сегодня надел мой партикулярный сертук, который я носил летом в Малороссии. Он заставил меня пролить несколько искренних слез. Сколько приятных воспоминаний соединено с этим сертуком. В карманах я нашел: желудки одного из секиринских дубов, потом бумажку с словами «Чайки»,¹ писанную Петром Никитичем, и еще билет на

¹ Ймовірно, йдеться про українську народну пісню-елегію «Ой, біда, біда мені, чайці-небозі...». Популярність пісні серед українського панства у першій половині XIX ст. може пояснюватися, між іншим, традицією, започаткованою на межі XVIII–XIX ст., за якою її автором вважався гетьман Іван Mazепа. Як-от, в «Історії русів» мовиться, що докази зради I. Mazепи, за виказом Коцубея та Іскри, полягали, зокрема, «...в загодах із пісень, скомпонованих гетьманом з алегоричними висловами, а особливо з пісні, так званої «Чайка», що означає страдницьку і гноблену Малоросію...» (Історія русів / пер. I. Драча. К.: Веселка, 2003. С. 261).

кресла Роменского театра. Милые Секиринцы, прелестная Роменская ярмарка! нет! мне так более никогда не проводить времени.

29 декабря. Вчера ввечеру мы были в театре (я был incognito) на «Гитане». Балет глупый, но как очаровательна Тальони¹! Когда она танцевала le bolero, то у меня сердце ужасно билось! я так восхищался! она своею грациозностью совершенно уносит в седьмое небо. Я непременно хочу иметь портрет этого почти неземного существа. Я хочу иметь портреты всех гениев в своем роде. У меня уже висит Наполеонов портрет, еще надобно Талиони, Шекспира, Моцарта, Рафаеля.

1 января 1839 года. Сегодня для меня большая радость! Миша Маркевич приехал совершенно свеженький из Малороссии. Как я рад! он заезжал в Москву, как там весело! как здесь скучно! Федор Васильевич подарил мне очень хорошенькую статую Талиони в «Сильфиде». Сегодня, вставши, я был в грустном расположении духа, я припоминал себе весь минувший год, и мне было очень грустно, но Мишин приезд совершенно развеселил меня.

Генваря 2-го. Каждый день по настоящему есть Новый год, но люди согласились считать его 1-го генваря, и потому с каждым таким днем начинается как бы новый период жизни, разумеется, во внешнем отношении. Приятно при этом переходе в новый год пробежать в воспоминании прошедший. Взглянем на 1838 год. Грустно мне вспоминать прошедшее. Мне кажется, что в этот год я более переменился во внутреннем отношении, нежели в какие-либо другие годы моей жизни. В 1838 году я вижу экзамен, первый шаг моей общественной жизни, в нем я в первый раз явился человеком, некоторым образом более самостоятельным, я работал, я настояще занимался, я чувствовал все наслаждение самодовольства; далее я вижу три счастливые месяца, одни из приятнейших моей жизни, и даже можно сказать: самые приятные. Как я наслаждался! как беззаботно, восхитительно провел время! Секиринцы, милые Секиринцы, добрые родственники, приятное общество, Роменская ярмарка, нет! я вас никогда не забуду! как я весело провел время! как я был счастлив. Эти три месяца достаточны, чтобы сделать 1838 год приятнейшим всей моей жизни. Не буду говорить о конце этого года, он для меня очень тяжел, но, может быть, принесет мне большую пользу.

¹ У театральному сезоні 1838/1839 рр. Марія Тальоні з великим успіхом виступила на петербурзькій сцені в балеті «Гітана» на музику Д. Обера та Й. Шмідта, спеціально поставленому для неї її батьком, хореографом Ф. Тальоні. Прем'єра відбулася 5 грудня 1838 р., глядачі відзначили, що танцівниця відмовилася від характерної для неї манери «повітряного», «неземного» танцю на користь більш жвавих, національно забарвлених танців: «Знаменита балерина особено отічалаась в pas styrien». (Вольф А. И. Хроника петербургских театров... С. 74).

Генваря 3-го. Мишин приезд меня очень рассеял. В эти дни я не имел тех горьких минут тоски, но за то и не имею приятных минут слёз! которые так уладительны после несносной тоски! Я знаю, что это очень для меня вредно, что это может расстроить мои нервы, но вместе с тем это приятно, как прием опиума. В эти дни я совсем не писал моей повести, ничто не идет в голову или, скорее, не выходит из головы, потому что охота писать всегда бывает у меня результатом грусти. Рассеянная жизнь приятна и очень полезна для здоровья человека, деятельная, разумеется, приносит величайшую пользу человеку, если только эта деятельность происходит из хорошего источника. Созерцательная жизнь для меня и полезна, и чрезвычайно уладительна. Мне кажется, что для меня высшим счастьем было бы соединение довольно рассеянной и вместе созерцательной жизни. Этим счастьем я наслаждался в Секриницах.

7 генваря. Я ожидал с большим нетерпением той минуты, когда я увижу имя Секиринец напечатанным в «Библиотеке для чтения». И что же? Я это увидел, Федор Вас[ильевич] в своей статье «Малороссийская лень» с восторгом говорит об них, десятки тысяч людей прочтут это имя, столь для меня любезное!¹ а я теперь к этому совершенно равнодушен. В эти последние 4 или 5 дней я сделался ко всему равнодушен! Я ничего особенного не чувствую, ничего не желаю, мне не грустно, но вместе с тем и не весело! ужасно неприятное время, лучше согласен страдать (душевно), чем быть в этом неопределенном положении! Теперь у меня даже очень мало мыслей в голове, и мне очень понравилось, как я сам отвечал вчера Наденьке и Варваре Николаевне на вопрос: «Что происходит в твоем сердце?» – «В нем заперты ставни и двери, – отвечал я, – и на карточке, прибитой к воротам, написано: сей дом продается и в наймы отдается!».

Бедная моя повесть приостановилась, в голове совершенно пусто! О! придите ко мне опять, минуты грусти! Уж мне и теперь грустно. Я сам не знаю, что во мне, кажется, одна только пустота, жажда ощущений, разумеется, ощущений духовных.

Генваря 9-го. Не знаю, что во мне происходит, прошедший раз я этим кончил мои замечания в журнале, сегодня с того же начинаю. Да! мое сердце требует духовных ощущений, и где ему, бедному, найти их? Вчера были у нас гости, я был очень скучен, мне было грустно среди смеху и шумных разговоров. Сегодня я один, а мне еще грустнее! Но эта

¹ У цьому нарисі, опублікованому мабуть для пом'якшення негативного ефекту від статті про відвідини Роменського ярмарку, Ф. В. Чижов докладно описав мастиок Галаґанів у Сокиринцях. Це засвідчило його справжню захопленість діздиною Галаґанів: «Представьте себе прекрасну пышную растительность, украсьте ее искусством, соедините с простотою и патриархальностию жизни, естественным следствием высокого образования, и из всего этого составьте одно целое...» (Бабак [Чижов Ф. В.] Малороссийская лень. Библиотека для чтения. 1839. Т. XXXII. С. 17–54).

грусть слаже вчерашней, теперь я беседую с самим собою и скоро, может быть, заплачу, а вчера я был окружён хотя своими добрыми людьми (были Борковских семейство, Казадаев, Миша, Огранович), но мне на них ужасно неприятно было смотреть.

Маменька вчера упрекала меня в том, что я всякий раз, что иду или еду гулять, не прошу у нее позволения об этом, а спрашиваю только: можно ли мне идти гулять? Она окончила тем, что сказала, чтобы я впредь спрашивал у нее только о лошадях, а что я совершенно свободен от ее власти в этом отношении! Увы! вот дверь закрывается для моего сердца! Может ли оно после такой речи прибегнуть к ней? Нет! оно испугалось этих мелочных упрёков! Федор Васильевич слишком занят, чтобы меня выслушать. Сестра? Ах, нет, она холодна, как лёд! Миша имеет теплые чувства, но он слишком ветрен. Жемчужников – материалист! Итак, я один! да, один, и что же? лучше быть одному, нежели с ними. Теперь я совершенно сосредоточен в себе самом, я грущу и не слышу несносных вопросов и мелочей.

Генваря 13-го. Вчера были у нас вечером гости, и между ними – Контини, учитель пения Машеньки; мы с ним все говорили о том, о сём; вдруг, рассказывая о чём-то, он сказал: «je l'ai vu chez Madame Fittenhof».¹ При этом имени я вздрогнул. Несколько минут я был в нерешимости, спрашивать ли об ней, или нет. Наконец я решился, отозвал его в сторону и начал об ней расспрашивать. О! зачем я это сделал. До сих пор я ее во все не знал, я ее только видел, и она оставалась для меня загадочным, фантастическим, идеальным существом. Теперь все кончено, я сошел на землю! Будь она принцесса, все равно! я знаю, кто она, и с этим она потеряла для меня половину прелести. Она – дочь директрисы женского института в Одессе, весьма почтенной и образованной дамы. Она вторая дочь, ее зовут Софию, вот слова Контини: «Oh! c'est une des plus charmants personnes que je connaisse! si bien élevée et avec tout cela si naïve, si naturelle».² Как мои догадки верны! Но со всем этим она перестала быть для меня идеальным существом. Она сошла на землю и как Сильфида потеряла свои крылушки. Несмотря на то, я бы желал с нею встретиться; мне все кажется, что мы бы с ней сошлись.

Генваря 14. Есть минуты восхищенья, в которые человек только восхищается, все чувства его сосредоточиваются в одном, и он ничего другого не знает, никакая другая мысль не пробежит в его голове. В этом состоянии высокого восхищенья был я вчера в те 5 или 6 минут, в которые Талиони танцевала каучучу. Весьма может быть, что я ее видел в последний раз!

Генваря 17. До сих пор я не нашел свободной минуты, чтобы сообщить журналу весьма важную для нас новость! Киевский университет по повелению самодержца закрыт на целый год. В [нем] нашли польских

¹ Я бачив це у мадам Фітінгроф (фр.)

² О, вона є однією з найчарівніших осіб, котрих я знаю! Яка вона гарна, так добре вихована і разом з цим так наївна, так природна! (фр.).

[Э]миссаров с прокламациями, что имп. Николай не столько вредит Польше оружием, сколько уничтожением национальности и образования. (Прокламация вполне справедливая).¹ Я удивляюсь сам, как эта новость меня мало поразила. Для меня кажется все равно: быть в Киевском или в Харьковском университете!

21 генваря. Еще вчера хотел я писать в журнале, но мне не дали ни одной свободной минуты; теперь принимаюсь за перо. Моим сердцем в первый раз овладело новое чувство – это чувство мщения, и я бы желал, чтобы оно никогда не вышло из моей груди. Мы обижены! и я жажду мщения как высочайшего счастья! Вот в чем вся история. Я уже говорил в моем замечании 9-го декабря об ответе из Малороссии на статью Ф[едора] Вас[ильевича]. Я был в отчаянии, но теперь узнали, что это не есть настоящий ответ. Этот же прислан сюда 7 дней тому назад для помещения в «Северную пчелу». В нем говорится с ужасными насмешками о Ф[едоре] Вас[ильевиче], Мишу называют животным, наш дом – негостеприимным, куда не заходит запоздалый путник.² Это еще бы была не беда! Черт с ними! Но Ракович, который теперь приехал из Малороссии, рассказывал у Казадаева, что в этой статье было помещено много насмешек на маменьку (которая так невинна в этой мерзкой истории). Когда я вздумаю, что эта статья была читана у Григория Степановича, при всех, что Григ[орий] Степ[анович] упрашивал вычеркнуть то, что было написано о маменьке, то я готов выйти из себя.³ Какой позор! Маменька, эта благородная женщина, вмешана в эту подлую историю. Казадаев ужасно сердится на Ф[едора] Вас[ильевича], называет его мальчишкою, дураком, говорит, что нажалуется министру⁴ за то, что он в «Библиотеке» для чтения писал о тётиньке Софии Александровне. (Он отчасти имеет причину сердиться). Статью, в которой замешана бедная маменька, писал какой-то мерзавец Карпинский, имя которого

¹ Указом від 9 січня 1839 р. Університет святого Володимира у Києві було закрито на один рік. Приводом для цього стало приєднання частини київських студентів-поляків до польського національно-визвольного руху.

² Автором «Антикритики», себто відповіді на статтю Ф. В. Чижова про Роменський ярмарок, був поміщик села Пирогівці Прилуцького повіту Степан Степанович Карпинський. Спонукало його до цього бажання додогти І. М. Скоропадському. М. А. Маркевич писав К. В. Галаґан про це: «И вот Карпинский написал ответ, не говоря уже о Федоре Васильевиче, которому пощады нет, разругал Карпинский брата Михаила Андреевича за то, что его Федор Васильевич хвалил, а Вас и Секиренцы за то, что Фед[ор] Вас[ильевич] был в гостях у Вас; этим не кончилось – объявили господа антикритики, что в Вашем доме никогда беседа умных людей не оглашала стен. Короче – все мы, посетители, а иногда и жильцы секиренские, называны дураками...» (ІР НБУВ. Ф. 243. Спр. 111. Арк. 1 зв.).

³ Ставлення Г. С. Тарновського до скандалу, що стався в його маєтку в Качанівці у день його іменин, за участю подружжя Скоропадських, описав для К. В. Галаґан М. А. Маркевич: «Григорий Степанович объявил, что статью против Федора Васильевича писал дурак и негодяй. Что он первый всегда бывал и будет бывать у Вас в доме, что он не только за удовольствие, но и за честь считает знакомство с Вами; и что написание пасквиля на женщину, всеми уважаемую и любимую, на женщину, отягченную заботами о детях и печалями по мужу, – это дело постыдное и подлое...» (ІР НБУВ. Ф. 243. Спр. 111. Арк. 3).

⁴ Міністру народної освіти С. С. Уварову, який керував цензурою. В. О. Казадаєв обурився згадкою про С.О.Галаґан у статті Ф. В. Чижова «Малороссийская лень», де йшлося про бал у Дігтярях на Петрів день: «Жена его, [П. Г. Галаґана], и родившаяся, и получившая

я в первый раз слышу; его, верно, научил Иван Мих[айлович] Скоропадский. О проклятие! Если бы я был в состоянии отомстить этим подлецам! Эта мысль не выходит из моей головы. Я придумываю, каким бы образом причинить им побольше вреда. Маменька очень этим расстроена, но она говорит, что «если мы дотронемся до чего-нибудь скверного, то это значит, что мы сами осквернимся». Да! я бы то же сказал, если бы это относилось ко мне, но это относится к маменьке. О! я с удовольствием думаю, что, может быть, будет минута, когда я, повстречаясь с кем-нибудь из этих мерзавцев, закричу ему: «Ты подлец!».

23 генваря. Вот уже почти неделя, как не только у меня нет сладострастных мыслей, но даже и не думаю об женщинах, несмотря на то, что прочел «*L'âne mort et la femme guillotinée*» (de Jules Janin).¹ Я хладнокровно встречаюсь с хорошенькими девушками, совсем перестал писать повесть! И всему этому я обязан чему? – каким-то сереньким порошкам, которые я принимаю утром и вечером по одному! И вот душа человеческая! ее стремлениями управляют порошки! Дайте комфортативу² – и все желания переменились!

27 генваря.

Ночной зефир
Струит эфир,
Шумит, бежит Гвадалквикир!³

Что бы я дал в эту минуту, чтобы быть на берегах Гвадалквикира! Вот какую картину рисую я себе в моем воображении: захождение солнца, тихий мартовский (в Испании) вечер; Гвадалквикир тихо течет по песочному дну. На берегу, по ту сторону реки, по горам разбросаны рощицы, между ними долины, испещренные цветами, розы, жасмин, померанец, – все делает зефир самым благовонным; соловьи беспрерывно свищут. Но перейдем на эту сторону. Я стою на террасе большого мраморного дома. Эта высокая терраса до половины входит в реку и окружена парком прелестнейшим; по реке плывут гондолы, а подле меня сидит прелестная девица, но не испанка, нет! у испанок черные волосы, «и в глазах горит смола», а я этого-то и не хочу; нет! она блондинка, у нее томные голубые, небесные глаза; она одета, как теперь одеваются, т. е. в костюм времен Людовика XI-го. Мы говорим с нею о любви! она наигрывает чудную ручкою фантазии на гитаре, и при этом воды Гвадалквикира! песнь соловья, аромат, нет! это слишком хорошо! это рай.

2-го февраля. Я ужасно сердит! не зная, что бы я сделал в эту минуту. Кучер Александр уже в 5-й раз пьян! я сердит, а между тем ничего не могу

самое блестящее воспитание в столице, умела придать ему такой вид, что изгоните вы истинное, ненатянутое столичное удовольствие, и лишите его некоторой пестроты, без которой не может быть ни одного довольно многолюдного провинциального собрания, и вы бы могли подумать, что вы в самом деле на столичном бале...» (Бабак [Чижов Ф. В.] Малороссийская лень. С. 48).

¹ «Мертвий віслюк і гільйотинована жінка» (Жуля Жанена) (фр.).

² Збуджувач (афродизіак) (від фр. *confortatif*).

³ О. С. Пушкін, «Нічний зефір...».

сделать. Я бы его послал в полицию, но боюсь, что это совершенно убьет его самолюбие.¹ Я очень бранил Михайла, который теперь свободен, и потому его можно бранить и требовать от него больше, чем прежде. В каком ложном положении мы (дворяне) находимся в отношении к нашим рабам! Это показывает, что рабство скоро должно прийти к концу.

3-го февраля. Вчера ввечеру у нас было довольно много гостей, и кажется, слава Богу, что им не было скучно. Я вовсе не умею принимать гостей, это претрудная обязанность, к которой надобно будет непременно приучиться. Я заметил, что Павел Миклашевский со мной очень холоден; вероятно, ему пересказали, что я его передразнивал. Это нехорошо; я чрезвычайно желаю, чтобы обо мне все хорошо думали; я даже боюсь, не слишком ли далеко простираю я искательства в этом отношении; я, например, поссорился с студентом Сверчковым, а теперь же готов искать его дружбы!

4 февраля. Да! то, что я говорил вчера, – совершенная правда. Я в высокой степени бесхарактерен. Я не способен к благородным стремлениям. Я готов быть низок с высшими и горд с низшими. Я кричу против деспотизма, а сам готов быть самым капризным деспотом. Доктор запрещает мне много заниматься, а я позволяю себе почти ничего не делать! А того, что я бы должен иметь как мужчина с довольно пылким сердцем, того у меня нет; я не мстителен не от доброты сердца, не от презрения к людям, нет! просто от бесхарактерности. Я делаю добро потому только, что не в состоянии сделать зла. Я кажусь человеком с благородным стремлением, а я просто обезьяна, мерзкое, подлое животное, которое готово, как собака, ползти у ног того, который его бьет. О! мне невозможно перечесть всех моих недостатков, ужасных пороков. В эту минуту я себя ненавижу как ужаснейшего врага. Одна Масленная, одни беспрерывные рассеяния удерживают меня от отчаяния. Не знаю, что я в состоянии с собой сделать. Бедное мое сердце тщетно восстает против слабого, малодушного ума; он всегда останется тем же.

Я забыл сказать в журнале, что дяденька Аркадий Александрович приехал.

6 февр[аля]. Как тяжело! я чувствую в голове ужасный беспорядок. Ни о чем не могу думать, все запутано, все тяжело. Я боюсь помешаться, если это продолжится. Сердцу же очень грустно! ничего не хочется делать; ни к чему нет желания! К тому же кажется, что после вчерашнего вечера маменька (не знаю, чем) мною недовольна и ищет случая, чтобы со мною серьезно говорить; это мне очень досадно. Грустно, я хочу...

7 февраля. Эта книга приходит уже к концу, и потому я поеду к переплетчику и закажу себе другую, с замком, тогда я не буду бояться, как теперь, чтобы все читали то, что я пишу только для себя, как говорит, не помню, кто, – Гораций или Вергилий: «Может быть, и это приятно будет вспомнить!».²

¹ Поліція займалася тілесними покараннями кріпаків на вимогу їхніх власників.

² Forsan et haec olim meminisse iuvabit (лат., Верглій, Енеїда, I, 203).

10 февраля. Я когда-то был влюблён в Наденьку Борковскую, хотя теперь никак не могу постичь, как могло мне нравится это холодное, безвкусное, хотя и чрезвычайно доброе существо! Я ее оставил, но вчера мне вдруг вздумалось ей строить куры! Я этого себе никак не могу простить! Зачем, бросивши однажды девушку, опять вдруг за ней волочиться, как будто для того, чтобы над нею посмеяться! Зачем обижать добрую невинную девушку? Это очень неблагородно. Рассуждения сестры на этот счет мне очень понравились. Я очень на себя сердит! Может быть, эта моя глупость – причиною горьких слез бедной девушки. Может быть, она уверена, что я над нею хотел смеяться. Надобно стараться поправить эту ошибку.

Вот уже несколько дней, как я замечаю в Федоре Васильевиче некоторую перемену. Он угрюм, печален и грустен. Мне жаль его, надообно постараться его развеселить.

12 февраля. Да! Федор Васильевич точно грустен сегодня! Впрочем, я ему завидую, и очень; какие сладкие были для меня те минуты (в декабре и до половины генваря), когда вдруг сделается очень грустно, никаких мерзких сладострастных мыслей; думаю, бывало, о будущем, о прошедшем, о хорошенькой блондинке с меланхолическим выражением лица, и я сижу и плачу, горько плачу! Как приятно даже думать о тех минутах. Какое необыкновенное ощущение было тогда в душе моей! А теперь! в сердце я ничего особенного не чувствую. Между тем как рассудок беспрерывно тревожим гадкими обольстительными грезами... О возвратитесь, минуты грусти! Придите опять тревожить меня! Мне без вас скучно. Грустно уже теперь, но не та сладкая грусть!

15 февраля. Сегодня для меня дурной день. Но что такое? со мной ничего не случилось, я здоров, все мной, кажется, сегодня довольны, и я, кажется, всеми доволен, но... я сегодня в первый раз выбрался. Ох, зачем я это сделал? чтобы поскорее сделаться мужчиной, тогда когда беспощадное время само принесет мне возмужалость и унесет молодость. У меня, далеко превосходящего мои лета по развращению ума и сердца, оставался только один признак молодости (разумеется, кроме неопытности и неучености), один признак, говорю я, это невинный пух на бороде и на губах, и это я у себя отнял! глупец несчастный! ты разве не понимаешь, как хороша молодость и как надообно дорожить всем тем, что ее напоминает; я уже потерял ее в отношении здоровья, разврата, как физического, так и нравственного, а теперь потерял даже и внешние ее признаки. Грустно, тяжело об этом вспомнить!

Я сейчас был на похоронах Сперанского; там я видел множество карет, в которых приехали по должности, но народу вовсе нет. Умри такой государственный человек, и притом собиратель законов,¹ в Англии или Франции, и

¹ Під проводом М. М. Сперанського була здійснена кодифікація російського права. Результатом цієї праці стала публікація «Повного зібрання законів Російської імперії», що у хронологічному порядку містило законодавчі акти, видані з 1649 р., і «Зводу законів Російської імперії», в якому було представлено систематизоване чинне законодавство.

десятки тысяч простого народу сопровождали бы его гроб с чувством благодарности. А у нас! никто об этом и не знает. Бедный угнетенный народ, поставленный на степень скотов, не принимает никакого участия в делах государственных; мало того! он вовсе не знает о существовании законов, они ему вовсе не нужны, он чужд всякого требования личности и свободы, он знает только деспота и налоги; к первому он привержен всею душою по врожденному рабству в характере, на второе он смотрит как на волю царя. А мы (дворяне) – варвары, угнетатели и враги всего русского, подлые поклонники деспота, мы не принимаем никакого участия в том, что касается до России, потому что мы – развратные эгоисты. Народ поклоняется царю от полноты чувств. Если же мы это делаем, то это происходит от подлости. Скоро придет то время (не знаю только, должно ли желать скорее этого), когда наши головы вместе с головой автократа падут под секирами русского народа!

19 февраля. Я очень доволен вчерашним днем; я его провел очень хорошо, и притом он доставил мне много поэтических идей. Мы говорились еще третьего дня: дяденька Аркадий Александрович, Миша, Милорадович и я, ехать в Эрмитаж. Для этого я пошел пригласить кого-нибудь из знакомых художников; я заехал к Фрике, к Мокрицкому, к Штернбергу. Был солнечный ясный день, и они, обрадовавшись ему, все прилежно или, лучше сказать, пламенно занимались работою.

23 февраля. Я никогда не выхожу из Академии художеств без некоторого стеснения сердца; как завидна мне участь художников; как они свободны, независимы! какая поэтическая жизнь! как беззаботно работают в своих мастерских! Если бы я не был русским дворянином, я бы желал быть художником.

С этим кончуя эту книгу и непременно запечатаю ее надолго. Прощай, журнал, прощай! я много над тобой радовался, печалился, сердился, пролил много слез от полноты чувства. Прощай, мой друг, мой товарищ; тебя заступит теперь красиво переплетенная книжка с латинскою надписью: «Forsan et haec olim meminisse iuvabit», но все-таки я сомневаюсь, чтобы какую-либо другую книгу мне бы было так приятно вспоминать, как тебя, содержащего в себе лучшее время моей жизни. Прощай еще раз! я тебя зарою в архив, и, ах! когда-то я тебя распечатаю, чтобы посмеяться, а может быть, и поплакать! Итак, до свидания, мой друг!

С. Петербург. На Васильев[ском] острову, в первой линии, дом Лодера!
1839, 23 февраля.

ЖУРНАЛ.
Книга вторая.

С.-Петербург.
1839 года.

Февраля 25-го. С чего начну я эту новую книгу? что тут долго думать? Разумеется, начну с мысли, которая меня более других занимает. Я ее хотел еще вписать в старый журнал, да не было места. Теперь я уже нахожусь на краю моей юности – самого счастливого времени человеческой жизни; хотя, разумеется, я этим слишком много сказал, потому что мне еще $19\frac{1}{2}$ лет, и остается еще добрых два года до совершенной возмужалости, но все-таки эта меньшая половина юности для меня, я думаю, далеко уступит первой. Я теперь часто думаю, как много поэзии в этой лучшей эпохе нашей жизни, и потому меня чрезвычайно занимает все, принадлежащее средним векам. Все замечают, что я очень занят средним веком, и наше веселое общество у Борковских часто называет меня в играх *chevalier du moyen âge*.¹ Да, если сравнить историю человечества с жизнью человека вообще, то средние века должны непременно быть временем юношества человечества. И точно! какое поэтическое время. Люди бросали всякие заботы, они жили одними чувствами, как физическими, так и нравственными, теплыми. Они пламенно любили, они храбро дрались, они верили, не рассуждая. Любовь, честь, вера, – вот главные прекрасные инструменты, на которых играли тогда чувства; тогда не было учености, которая развивает рассудок и так сильно ставит его против сердца; тогда не было цветущей торговли, охлаждающей всякое чувство к изящному; нет! тогда были поэтические трубадуры, миннезингеры, барды, тогда были прелестные дамы, идолы рыцарей. Мне кажется, что все исторические события, случившиеся в это время, были следствием чувств, сердца, а не рассудка, который теперь есть начало всех событий. Войны за честь, крестовые походы, – все это суть сами по себе события, которые не показывают много рассудительности в народах; но зато сколько в них поэзии! как все это дышит теплыми, высокими чувствами! И в какой другой век могли создать величественную готическую архитектуру, когда не в средние века. Виктор Гуго хорошо понял смысл этой архитектуры.² Как она величественна, как она парит к небесам! А тогдашние костюмы? грациозны, прелестны, как для мужчин, так и особенно для дам (в теперешних костюмах есть слабое под-

¹ Середньовічний рицар (фр.).

² Мовиться про роман французького письменника Віктора Гюго «Собор Паризької Богоматері», опублікований у 1831 р. Цей твір мав неабиякий вплив на уявлення людей доби романтизму про архітектуру взагалі й середньовічне зодчество зокрема. Це було обумовлено не лише сюжетом роману, не тільки історіософськими розмірковуваннями автора про долі таких феноменів культури, як архітектура й література, але усім цілісним образно-метафоричним настроєм твору, головним героєм якого насправді є собор, створений, на думку автора, народним генієм: «Відтоді книга архітектури вже не належить духовенству, релігії, Риму – вона під владою фантазії, поезії, народу...» (В. Гюго. Собор Паризької Богоматері / пер. с фр. П. Тернюка. К.: Молодь, 1976. С. 146).

ражаніє тогоджних). Після всого цього як мне не любить le moyen âge,¹ мне, який так пламенно желает находить во всем чувства, и потому який так любит хорошенъких блондинок с большими голубыми глазами, какова, напр., Фитінгф. Теперь я об ней совсем и не думаю, но стоит взглянуть в старый журнал, когда я был расстроен нервами в декабре и генваре, как я тогда пла-кал, как она отзывалась в моем сердце 4 месяца после того, как я ее видел. Как я тогда плакал всякий день, я был несчастлив, но сию же минуту готов бы был возвратиться опять в это расстроенное, чувствительное положение.

27 февраля. Роль свахи мне всегда казался пошлым, но если я в нем вижу близких, то он делается для меня отвратителен. С Аркадием Александровичем приехал сюда Милорадович (Сергей Григорьевич), очень добрый и честный человек, и притом богатый; больше, кажется, об нем нечего сказать. Он ищет невесты, и в таком состоянии человек всегда бывает очень влюбчив; на сей конец он и влюбился в Машеньку,² тут еще ничего нет дурного, но Миша показал в этом случае ужасное малодушіе: сначала говоря о Милорадовиче, что он пьяница, на другой день, пріласканный им, он взялся помогать ему в его любовных намерениях и начал об нем говорить Машеньке, которую, как неопытную девочку, можно склонить на всякую любовь. Я очень сердился и несколько раз намекал на это, так что он, заметя наши (мои и Фед[ора] Вас[ильевича]) противные работы, отстал. В другом человеке я этот поступок приписал бы подлости, но я знаю Мишу как человека с довольно благородны-ми стремлениями, и потому я на это смотрю как на следствие ветрености и малодушія, я это извиняю, тем более, что я сам в себе это вижу: какая бездна поступков в моей жизни, которые должно бы толковать подлостью, а они про-исходят только от недостатка силы характера, от малодушія!

3-го марта. Чего не могут сделать чувства? Что может быть сильнее чувств? Сегодня я видел их торжество. Одна дама (не хочу ее называть, потому что, хотя эта книга под замком, но могут увидеть), одна дама, говорю я, увлеклась мо-лодым человеком, не наружностью его, а его понятиями, и тем, что он один нашелся, кото[рый] ее понял. Я читал ее письмо к нему. Оно состоит из 8 боль-ших страниц и написано так увлекательно, что можно читать с большим удо-вольствием все! И эта дама не получила большого образования; она пишет и говорит весьма посредственно. Вот что делают чувства. Они ей диктовали это письмо, и оно достойно быть названо вещью литературною.³

Марта 5-го. Я слышал Тальберга! величайшего музыканта настоящего времени. Я слышал Тальберга! довольно этого, чтобы судить о моем восхи-

¹ Середньовіччя (фр.).

² Ротмістру С. Г. Милорадовичу було 33 роки. За поділом спадщини, що залишилася після смерті його батька, таємного радника Г. П. Милорадовича, він отримав 715 душ кріпаків чоловічої статі у Чернігівському і Катеринославському повітах (Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. 3. К., 1912. С. 533–534).

³ Ідеється про лист К. В. Маркевич Ф. В. Чижову.

щении. Но вместо возгласов я постараюсь описать этот концерт. Он был сегодня утром в зале Благородного собрания, чтобы не быть многими узнану, я пошел на хоры и оттуда видел всю залу, набитую высшим обществом. Но приступаю к концерту. Великий Тальберг выбрал для оркестра между своими пьесами прелестные симфонии Бетговена; он чувствует, что никакая другая музыка не может приготовить человека к принятию всего высокого, как музыка великого Бетговена. Это имело также большое влияние на мою душу. После первой симфонии я был восхищен, я как-то возвысился душой, и вдруг входит Тальберг. Он встречен громкими криками; садится за фортепиано и начинает играть свою фантазию. Какие волшебные звуки полились от прикосновения его пальцев к клавишам. Сперва это были величественные аккорды из темы Вебера. Потом мало-помалу его игра начала оживляться; вы слышите игру трех рук, потом четырех, пяти, искусство доходит до невероятности, и я несколько раз подымался с места, чтобы точно удостовериться, что играет только один. Между тем как обе руки выделывают беспрерывно вверху и внизу самые труднейшие пассажи с необыкновенною скоростью и чистотой, посередине фортепиана вы слышите какую-то прелестную тему, игранную стаккато невидимою рукою. Вдруг громкие аккорды утихают и начинаются рулады, имеющие совершенно звук стеклянной гармоники,¹ проникающий до глубины сердца, и этот звук постепенно утихает, утихает, и наконец рулады слышны пианиссимо. И в это время в зале тишина могилы, движения восторга заметны во всей толпе; он оканчивает, и зала наполняется криком и громом. Все это – искусство в высочайшей степени, так, как и в другой его фантазии, но в ноктурне только одни чувства! и какие чувства! самые поэтические, высокие; от сильного волнения я не мог более устоять. Мне сделалось душно; я удалился в угол хор и там, сняв шинель, закрыл глаза и внимательно слушал. Он именно перенес меня в прелестную темную ночь и звуками представил моему воображению такие прелестные предметы, такие чудные картины, что если бы он еще продлил игру на 5 минут, я бы заплакал. Великий Тальберг! и ему только 25 лет, что

¹ Скляна гармоніка – музичний інструмент, що складається з налаштованих вузьких скляніх пластинок, укріплених над резонансною скринькою.

2 Петербурзькі концерти славетного австрійського музиканта Сигізмунда Тальберга (1812–1871) проходили з грандіозним успіхом. Літератор Ф. В. Булгарін у статті про його гастролі у Петербурзі писав: «Чувство, возбужденное у нас Тальбергом, в первом его концерте, есть – удивление. Во всех концах залы мы слышали повторения: “Удивительно, непостижимо!”». Ми думаем, что механизма игры невозможно подвинуть далее ни на волос. Задача уже решена! У Тальберга, кажется, три руки. Среди труднейших пассажей, исполняемых с быстротою молнии, октавами, вы всегда слышите тему, играемую будто бы третьею рукою, между тем, как две руки разыгрывают, в двух различных тонах, вариации и фантазии на эту же тему, играемую третьею рукою. Как это делается? Не знаем! Да вероятно и сам Тальберг не знает этого, потому что гении преодолевают величайшие трудности по вдохновению, сверхъестественною силу, таящуюся в их душе. Тальберг – истинный гений! Он теперь еще так молод, что в его лета обыкновенные люди только приготовляются быть чем-то, только надеются сделать что-то! А Тальберг уже перешагнул свое поприще, и стал на крайней точке, откуда иди некуда!» (Северная пчела. 1839, № 44. С. 173). Привертає увагу «багаторукість» С. Тальберга, згадана як Ф. Булгаріним, так і Г. Галаганом, – ця метафора вочевидь була поширена серед петербурзької публіки.

же будет дальше? Это Тальони на фортепіанах.²

Мне кажется, что не должно иначе слышать музыканта, как играющие собственные произведения, тогда он почти импровизатор.

Марта 9-го. Наконец после 4-х скучных месяцев я был вчера в университете! Не могу выразить, как болело мое сердце при входе в наш родной университет. Меня встречали многие с восторгом, с поздравлениями с выздоровлением, другие косились на меня по-прежнему с злобной усмешкой; но при всем том я был в восторге, мое сердце крепко билось. Вообще товарищи меня любят, они это показывают по непрятворной радости меня видеть. Но кто эти товарищи? их не очень много! прочие же – у меня раздирается сердце, когда об этом думаю, – прочие студенты или хладнокровны, или меня не любят (человек 15), мало того, иные презирают. Это ужасно! а всему этому я виноват. Да! уроки в жизни, которые я взял в университете, мне достались очень дорого! Я вошел в университет неопытным мальчиком, совсем не знавшим свет, и особенно молодых людей; я до сих пор краснею, когда вспомню, как я звал новых товарищай посмотреть на мою колясочку, которую мне подарила маменька! я думал, что они будут ею восхищаться самым невинным образом, а, на-против того, они надо мной смеялись и называли меня глупым мальчиком! У меня сердце раздирается при мысли, как я себя испортил во мнении всех товарищей, желая войти в общество аристократов и удалиться от так называемых демократов. Первые на меня смотрели, и многие и до сих пор смотрят, как на глупого мальчика, искателя и даже шпиона, другие смотрят как на спесивого дурака. Это ужасно!

Князья и графы, которые теперь в университете, будут со временем членами высшего общества Англинской набережной.¹ Как явлюсь я по-среди их, как будут они на меня смотреть? Но я себя утешаю все-таки тем, что рано или поздно я должен был взять несколько уроков в жизни, и что они обыкновенно стоят очень дорого, особенно для человека, получившего такое воспитание, как я; и я взял уже несколько из них, и чуть ли не важнейших. Время, пробытое мною в университете, еще замечательно для меня во многом отношении. Сколько оборотов сделали в это время мой ум и мое сердце, но об этом в другой раз.

10 марта. Федор Васильевич передал мне прекрасную мысль, которая мне очень нравится: что веротерпимость в народе не есть столько признак его образованности, как недостатка в нем энтузиазма. Сколько я мог заметить из истории английской конституции, которую нам читает теперь Ивановский, в англичанах не было веротерпимости, и потому все у них вышло из собственных элементов. Это есть народ самого высокого образования, и теперь, разумеется, веротерпимость не делает никакого

¹ На Англійській набережній розташувалися розкішні будинки, в яких мешкала петербурзька аристократія.

вреда их национальности. Русские же напротив! Этот несчастный народ всегда был равнодушен ко всякому чужому влиянию. Чего можно ожидать от народа без энергии? он терпит все чужое, потому что ко всему равнодушен.

15-го марта. Все эти дни мы часто бывали на концертах, одним словом, вели жизнь рассеянную, а между тем весь день сегодня мне очень грустно. Университетский шум не мог меня рассеять. Я боюсь, чтобы не возвратилось опять мое душевное расстройство; оно приятно, как всякая игра чувств, но может мне помешать в моих занятиях, за которые я теперь серьезно принялся. Это не та грусть, которая обыкновенно следует после веселия; не та грусть, которая происходит от любви или от какого-либо лишения, или от другого чего, нет! моя грусть совершенно особенная. Иногда сердце, само сердце ноет, как будто его сжигают медленным огнем, потом делается тяжело, грустно, а между тем я еще ни разу не плакал. Иногда вдруг представляются мне все неприятности, которые буду иметь, если не выдержу экзамена, потом скучно без Секиринец. Но это все еще ничего в сравнении с тем чувством, которое я имею, когда по временам скользит в моем воображении милая белокурая головка, только головка, с прелестными голубыми томными глазами, меланхолическим выражением лица. О! тогда никакая земная мысль не проходит в моей голове. Я хочу стремиться к чему-то неземному. Мне неприятно смотреть на всех хорошеных девушки, которых я встречаю; они мне кажутся какими-то гадкими, земными в сравнении с моей блондинкой. Милое, прелестное существо! Чудный идеал! как бы я желал, чтобы осуществилось! Ты уже существуешь на земле, но я тебя не вижу. Нет, если бы я тебя увидел, я бы все бросил, я бы предался тебе одной! Опять она! как грустно!

17 марта. Сейчас только я плакал как ребенок. Мне опять грустно, и при этом я сделался так щекотлив, что мне больно слышать малейшее неприятное слово. За чаем я как-то задумался, и маменька намекнула, что я притворяюсь; это на меня подействовало, как Бог знает что! Каждый чужой взгляд мне кажется взглядом упрека или презрения; если бы я мог, я бы убежал куда-нибудь, скрылся от людей. Если бы мне кто-нибудь мог предложить смерть. Нет! я слишком малодушен для всякого пощертования! и зачем умирать, если будущее тебе приятно улыбается, если ты надеешься в твоей жизни найти высочайшее счастье, найти блаженство! Вчера я был так весел, как счастливейший человек, а сегодня несчастлив или счастлив – не знаю, досадно на все! и между тем ни на кого не сердит; все меня отчаявает, оскорбляет!

Марта 18. Вчера ввечеру я был у Ульянина на холостом вечере (он был именинник). Я застал совсем не то общество, которое думал застать. Вместо того, чтобы быть в кругу Тулинова, Полевого, Жемчужни-

кова, Аксакова и других моих скромных, хотя очень шумных и веселых моих товарищей, я очутился в обществе наших развратных аристократов-товарищ. Был кн. Дундуков, кн. Васильчиков, Лонгинов и пр., и пр., да еще несколько офицеров и штатских. Они играли в карты, и так как Васильчиков заболел и уехал, то они пригласили меня сыграть с ними З роббера в вист. Я имел глупость, вовсе не зная игры, согласиться на их предложение. Через полчаса я проиграл 23 рубля. Я играл более для того, чтобы узнать, что буду чувствовать, когда проиграю? ничего особенного; жалко потерянных денег, я бы их мог лучше употребить, и притом я чувствую, что я гадко провел время. Теперь остается мне занять денег (у меня давно нет ни копейки) так, чтобы никто этого не знал; в первый раз в жизни проиграл в карты деньги! Впрочем, это рассеяло мою грусть.

Что теперь во мне происходит, сам не знаю. Чувство недовольства самим собою преобладает. Сегодня утром мы были на концерте. Ехавши туда, мы, т. е. я, Фед[ор] Вас[ильевич] (и случайным образом М-те Ficher), встретили на мосту дяденьку Аркадия Алекс[андровича]. Он остановил нас, чтобы войти к нам в карету, и, остановясь на запятках, предолго расплачивался с своим извозчиком. Чувство, глупое чувство неприличия меня пикировало, я краснел, мне казалось, что все на нас смотрят, что все смеются, отвечал всем грубо, отрывисто. Какое пошлое, мерзкое тщеславие! я никак не могу отучить себя от него. Этот случай имел влияние на мое расположение духа целого дня! Какая ужасная мелочность! Я смотрю на такие ничтожные приличия, между тем как вчера ввечеру, идя прогуливаться с маменькой, я толкнул Мишу на мимо идущую женщину. Вот в высочайшей степени неприличие.

Я иногда сам уверен, что я демократ, что я желаю свободы народа, что я враг дворца и защитник среднего сословия; я об этом кричу встречному и поперечному. Малодушный! это чувство продолжается в тебе, пока ты не встретишь на Английской набережной аристократа в щегольской карете, из которой выглядывает на тебя хорошенъкое личко! и ты тотчас переменяешься, и ты бежишь за нею, и ты готов лезть, ползти в дом каждого аристократа, готов бывать на всех балах и обедать, а между тем забыть о том, за что ты,казалось, стоял горой, и даже, это ужасно! с презрением посмотреть на мужика с мраморной террасы аристократа. Что может сделать человек с таким проклятым характером? мелочен, ветрен! я готов себя обвинить во всевозможных пороках, потому что все они для меня притупы!

20 марта. Сегодня утром было у меня долгое прение с моим учителем философии студентом Веревкиным об одном месте нравственной философии, которую нам читал Фишер этого года. Ничто так не развивает понятий, не дает новых мыслей, как философские споры. Он говорит, что человек может действовать добродетельно и честно только тогда, когда он имеет религию и верит в будущее блаженство нам неизвестной

вечной жизни. Я думаю иначе. Человек без религии может поступать добродетельно и честно. Если человек с врожденными возвышенными чувствами, то он стремится к прекрасному! Впрочем, это стремление видно во всей природе и, следовательно, тем более в человеке как прекраснейшей части его. По этому самому стремлению к прекрасному человек должен находить внутреннее удовольствие производить добро, потому что это удовлетворяет его стремлению. С другой стороны, опыт и пример других должен отвращать его от зла. Разумеется, что не всякий человек может достигнуть до этого совершенства, но также всякий ли может достигнуть и до такого возвышения, чтобы поступить добро и честно по религии, т. е. не из страха Божиу, а только из любви к Богу, без всяких эгоистических видов на будущую жизнь? и то, и другое весьма трудно найти в человеке, но и то, и другое возможно. И след[овательно], человек может быть добродетелен и честен без того, чтобы это внушала религия, и я такого человека высоко ставлю в душе моей. Я хочу об этом поговорить с Фед[ором] Вас[ильевичем].

21 марта. Теперь приближается время экзамена, и мне предстоит много работы. Маменька, Миша, сестра, дяденька, – все вооружились против меня и не дают мне много заниматься; и тут мое тщеславие играет, мое самолюбие насыщается! меня находят слишком прилежным! все в этом уверены. А я готов от лени ничего не делать. Вот что значит притворство!

Vanitas vanitatum et omnia vanitas.¹

30 марта. Все эти дни я не писал в моем журнале не потому, что нечего было писать, напротив того, много можно было внести в эти страницы, но я не писал потому, что ленился. Теперь я каждый день (под видом мюциона) хожу на Английскую набережную, где вижу множество хороших. Странное дело! я встречаю много прекрасных лиц, они мне все нравятся, но ни одна не производит на меня впечатления. Я люблю блондинок больше, чем брюнеток, потому что у первых я вижу больше чувств; к нам ездит Бригина,² блондинка с голубыми глазами, а между тем она не оставляет во мне ни малейшего впечатления, в ее глазах нет того томного выражения, которое я хочу найти с тех пор, как встретил один раз. Когда Миша был еще здесь, то он любил меня дразнить, сестра ему помогала, и очень часто за столом они заставляли меня краснеть по уши, произнося фамилию Фитингхоф. Таких глазок мне уже больше не встретить. Гуляния меня очень отвлекают от занятий, и притом я ленив, и работа худо идет. Я до того глуп и бесхарактерен, что готов сам себя

¹ Наймарніша марнота, марнота усе (лат., Ек. 1:2).

² Ймовірно, це була Марія Олександровна фон дер Брігген, дочка декабриста О. Ф. фон дер Брігена від шлюбу з С. М. Миклашевською, далека родичка Галаганів через Миклашевських. У 1839 р. вона була випущена із Смольного інституту шляхетних дівчат.

обманывать, притом я в эти дни слишком много предавался разврату; я пользовался, что маменька с сестрой выезжали по вечерам и... Как гадко! и притом вредно, впрочем, все-таки полезнее или, скорее, не так ужасно, как... нет! не допишу.

2-е апреля. Теперь занимает нас всех, и особенно меня, очень важное обстоятельство. Вчера был (по обыкновению) Чарковский. Мы разговорились о моем здоровье вообще, и он находит, что я очень поправляюсь, и удивляется, как я хорошо переношу весну, столь вредную для всех больных и слабых. Он прибавил, что, может быть, и не нужно будет спешить с поездкою за границу и что, по всем вероятностям, я буду в состоянии перенести следующую зиму в Петербурге. При этом мое сердце запрыгало от радости. Что, если это сбудется? что, если маменька отложит поездку за границу до 1840 года, тогда я кончу курс в университете,

буду свободен как птица, тогда останутся связи между мною и моими товарищами на всю жизнь, а эта связь, сколько я знаю понасышке, обыкновенно бывает крепка. Вот две главные причины, почему я желаю остаться в Петербурге; не говоря уже о том, что, побывши два года в Италии, я совершенно отвыкну от занятий принужденных, и мне будет очень трудно опять за них приняться! С другой стороны, наша поездка может быть очень полезна для моего здоровья и для здоровья и жизни сестры. Она уже приходит в такие лета, что скоро можно будет подумывать о женитьбе; если же мы в этом отношении потеряем три года, то ей уже будет 20 лет. Что касается до меня, то я до сих пор еще не переменил моих мыслей, что жениться будет для меня очень полезно. Этого требует мой характер. Но об этом не место говорить. Дело в том, что я до сих пор ужасно колеблюсь и не знаю, на что решиться. Все зависит совершенно от меня; я могу казаться гораздо хуже или здоровее без того, чтобы здесь действовало притворство.

7 апреля. Я не отличаюсь от других красотою лица, ни ловкостью в обращении, ни смелостью в поступках, ни большим умом; одно, что может меня отличить или, по крайней мере, значительно возвысить как в общем, так и в собственном мнении, – это если я буду в себе поддерживать то стремление ко всему изящному и благородному, которое я не могу у себя отнять, ту теплоту чувств, которая мне врождена. И как не поддерживать эти прекрасные стремления.

Підпис: река времен, речка моей жизни. Ум, сердце, тело вообще.

Ум может быть следствием навыка, опыта; он во многих отношениях торжествует над чувствами, над благородством. Как я часто теряю неравный бой с людьми находчивого острого ума, как часто они торжествуют и я кажусь таким глупым, ничтожным перед ними. Мне тогда бывает очень досадно, я обвиняю судьбу за несправедливость распределения умственных способностей. О! как нелепы мои жалобы! на что я пеняю? на то, что у меня не столько холодного систематического ума, сколько нужно бы было во многих случаях; но как ничтожен, как беден этот ум перед теплыми чувствами, перед благородным стремлением ко всему изящному. Я бы тотчас готов был воскликнуть: «Возьмите у меня все: богатство, ум, ловкость, красоту, оставьте мне только чувства! и побольше их! у меня их все еще мало. Дайте мне ими насыщаться, они так дешевы! Дайте мне потом разделить их с милым существом и больше ничего не желаю в этом мире». Я до сих пор всегда старался, по врожденному мне чувству, поступать честно и благородно. Вот вторая цель, которую я хочу взять в моей жизни. Зачем же ей изменять, зачем так дерзко отступать от этой прекрасной цели? Да, я так собою недоволен, что готов бы себя проклинать. Я поступил нечестно, я пошел прямо против благородства, и без всякой побудительной причины. Я ходил искушать наложницу доброго Морланда, который всегда так со мною благородно поступает, так ко мне хорошо расположен; я как вор ходил похищать его имущество. Как будто у меня нет другого ресурса! Она мне этот раз отказалась, и я со стыдом от нее ушел. На другой день Морланд приходил мне давать урок; он ничего не знает и так ласков со мною! а я, не краснея, смотрел ему в глаза; обманщик подлый! У меня нет довольно силы характера, если бы хотя это у меня было, я бы готов был сам ему во всем признаться, я бы этим немного загладил черный поступок мой.

11-го апраля. Мне предстоит теперь решить для себя довольно важную задачу, как поступить? Сегодня утром на лекции Баршева два студента: Устрялов и Мишкель, оба либералы, слушая не совсем удачные софизмы, которые приводил Баршев для защиты всего отечественного, смотрели друг на друга и улыбались. Баршев, который уже давно на них злился, поймал их в это время, вывел из этого ужасную историю, не докончил лекции и поехал жаловаться к попечителю. Он говорил Мишкелю довольно резко, так что если бы он еще остался в классе 5 минут, то все бы студенты зашумели. Но он вышел из класса. Тогда заметно было общее негодование; все приписали поступок Баршева пристрастию и, по внушению Кочубея, Мухортова, Сверчкова и многих других, решились все мои товарищи не приходить на его лекцию в субботу. Сначала я против этого вооружился, но, во-первых, их партия была слишком сильна, а во-вторых, общий источник многих моих ошибок заставил меня уступить, и я согласился не приходить. Тулинов один еще кричит против этого. Теперь я нахожусь в крайне затруднительном положении. Я в таких отношениях к Баршеву, что мне

нельзя к нему не идти, я ему во многом обязан, и на экзамене он обещается даже действовать для меня против совести. С другой стороны, что может быть ужаснее гнева товарищей? Для спасения от больших неприятностей есть два пути: во-первых, я могу, собравши товарищей, объявить им мои отношения к Баршеву; но в силах ли я буду перенести некоторые колкие насмешки, может быть, дерзости? есть ли для этого у меня довольно смелости и силы характера? я не буду смеяться перед ними, я готов всегда и во всем им уступать, несчастный! трус! зачем другие имеют каждый свои мысли, свой характер! Другое средство, и самое легкое, есть предупредить об этом Баршева, разумеется, взяв с него честное слово, что он не покажет никакого виду знания. Но будет ли это благородно? не будет ли меня мучить совесть? Я нахожусь в ужасной нерешимости.

15 апреля. История моя кончилась тем, что Фед[ор] Вас[ильевич] был у Баршева и сказал ему все, прибавив, что я болен и потому не могу к нему сам быть. Но каково было мое удивление, когда Фед[ор] Вас[ильевич] мне сказал, что Баршев уже все знал. Тулинов тогда же все ему открыл! Вот как можно полагаться на людей, вот как они фальшивы! Низкое животное! как он умел пред всеми притворяться, как он говорил со мною со слезами на глазах! где его благородные чувствования, которыми он так дерзко смеет гордиться? Можно ли после этого на него сколько-нибудь положиться? Теперь я могу сказать, что я горжусь и имею, кажется, право гордиться тем, что я поступил гораздо благороднее, чем этот болван. Моя совесть чиста против товарищев и против самого себя.

16 апр[еля]. Решительно не знаю, что делать! Скоро приближаются экзамены. У нас первый назначен 3-го мая, а я из римского права и из русской истории очень плохо готов. Конечно, правда, что и профессора многие предупреждены, напр. Шнейдер, к тому же он меня и любит. Баршев (об нем в этом отношении нечего и говорить), Рождественский также, все это хорошо, но надо знать совесть, и притом на них полагаться нельзя, и вдруг я не выдержу экзамена! одна эта мысль заставляет холодный пот выступить на теле; это ужасно! два года останется. А между тем непреодолимая лень совершенно препятствует заниматься. Все далее и далее откладываю. «Сегодня воскресенье, уже 8 час. вечера, много ли я могу сделать?» – говорю я себе в оправдание. Между тем никого нет дома и... теперь дремлю на канапе. Нет характера, нет силы воли, чтобы принудить себя сколько-нибудь заняться. Мне кажется, что я могу сказать журналу «до свидания», потому что я с завтрашнего дня буду по крайней мере избегать всего того, что может у меня отнять хотя минуту времени. О! дай Бог, чтобы, когда я отворю эту книгу, чтобы я был студент 4-го курса и на дороге в Малороссию.

26-го мая. С моих плеч свалилась огромная гора: вчера я выдержал экзамен философии, и довольно удачно. Все другие экзамены я выдерживал

хорошо, и вот в каком порядке: 2-го мая я выдержал экзамен Баршева – уголовное право (об [этом] нечего говорить), 11-го мая – русскую историю Устрялова. Две толстые книжонки, в которых каждая строчка есть отдельный факт, и потому требовалось много памяти; я хотя не совсем хорошо приготовился, но счастье мне благоприятствовало: мне попался легкий билет, и я надеюсь, что я получил 4. За этим экзаменом следовал немецкий язык, за который, как думаю, получил 5. Потом римское право Шнейдера; к этому экзамену я лихо приготовился и славно отвечал, я думаю, что получил 5. К экзамену философии я приготовился (с помощью Веревкина) лучше, чем надеялся, но был несчастлив на экзамене: мне попался фактический вопрос, и я не совсем хорошо отличился, впрочем, строгий Фишер поставил мне не меньше 3-х. Остаются мне еще два экзамена, за которые я вовсе не боюсь. Вообще я должен сказать, что я много занимался, вставал очень рано, ложился поздно, совсем не выходил из дома и даже похудел; но в этих усиленных занятиях не действовало ни большое прилежание, ни тщеславие, а просто страх оставаться в 3-м курсе. Теперь я два дня ничего не делаю; хочу немного отдохнуть. Как странно! Я так привык работать, что без работы я целый день зеваю. У меня чего-то недостает! Вот человеческая природа!

27 мая. Уже приближается время нашего отъезда в Малороссию; хотя до сих пор у маменьки нет денег, но я надеюсь, что все хорошо устроится. Мы едем опять в Секиринцы, и я должен очень и очень подумать об этой поездке. Я должен положить себе постоянное правило, как там себя вести, чтобы оставить во всех хорошее об себе мнение. Эта задача для меня очень трудна. Это будет шаг моей жизни, который многое решит. Наприм., мне не должно казаться ветреным: этим я могу потерять во мнении многих лиц. Хотя, кажется (и я даже в этом уверен), прошедшее лето оставило впечатления не такие, какие я бы желал оставить. Обо мне думают как о франте, ветренике, и пр., пр. Я должен приготовить много орудий для отражения от разных нападений, например, если Миша Маркович или тетенька София Александровна, или кто-нибудь из подобных лиц начнет с усмешкою припоминать мне мои похождения в Ромне; как мне на это отвечать, как удобнее и скорее можно будет это остановить? Да! долго, долго носил я в груди впечатления, оставленные в ней после ром[енской] ярмонки.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

*

В томленьях грусти безнадежной,
При шуме светской суэты,

Звучал мне долго голос нежный

И снились милые черты!!¹

*

Великий Пушкин сочинил эти стихи для меня.

31 мая. Завтра у меня экзамен общеноародного правоведения. Я по-рядочно приготовился, но ужасно устала голова; ничто в нее свободно не входит, и все очень скоро испаряется!

Яков Петр[ович] Скоропадский приехал из Малороссии и принес весть, что дяденька к Петрову дню едет к Петру Алекс[андровичу] Казадаеву. Стало быть, праздника в Дегтярях не будет! жаль! я на этот праздник много надеялся в разных отношениях.

13 июня. Москва. Мы теперь в Москве проездом на Воронеж. Мы совершили наше путешествие довольно благополучно. Мне жаль было оставлять Федора Вас[ильевича] и жалко было его. Теперь я в Москве, окруженный моими родными – добрыми, веселыми, радушными Гудовичами, другого эпитета я для них не нахожу, но и этого довольно! для родных, взятых отвлеченным образом от человека, ничего более и не нужно. С нашими Гудовичами можно провести время как в раю, какие ласки, как много пищи для чувств, но не знаю, если прожить с ними долго, много ли можно найти пиши для ума? сомневаюсь в этом; и даже до того сомневаюсь, что думаю, что если вы хотите их любить, как я люблю, т. е. от всего сердца, то не живите с ними долго, а часто видьтесь с ними, потому что ласки, веселость притупятся, и ничто их не заменит. Вот как я думаю о наших родных; они настоящие родные, идеал родных, потому что имеют все, что должны иметь для этого, но, повторяю, родных в отвлеченном значении, для которых если много будет вмешиваться ума, то все испортит; я не согласен в этом отношении с мнением Фед[ора] Вас[ильевича], который и говорит, и пишет везде фразу, сказанную умным Сеньковским: «Tout est l'art jusqu'au bonheur!».² Я этого не подтвердил еще на опыте и желаю никогда не подтвердить. Но я отдаился от рассказа об наших родных. Не знаю, чему приписать горячий прием тётины Алекс[андры] Григ[орьевны], она нас приняла как невозможно лучше, и меня совершенно как родного сына; я много раз старался рассмотреть, не действует ли тут притворство, но не мог решительно ничего увидеть. Неужели эта женщина, которую никто не любит, точно любит меня так, как это показывает, и какая тому причина – я не могу постичь; может быть, я позже что-нибудь разгадаю. Дяденька Мих[аил] Вас[ильевич] принял меня холоднее, чем я от него ожидал; он обнял меня и потом, вслед за объятием, сказал: «Что ты это запустил бакенбарды, сбреи их, это нехорошо». Он этого сам не увидел (потому что близорук), но услышал

¹ Неточна цитата з вірша О. С. Пушкіна «К...» («Я помню чудное мгновенье...»).

² Усе є мистецтвом, що дає щастя (фр.).

это от Саши, который меня прежде его видел. Какая мелочность и упрямство! я завтра сбрею бакенбарды, что делать!

14 июня. Мы остановились у тёти Александры Григорьевны. Вчера обедали у Михаила Васильевича и там провели шумный и веселый вечер.

15 июня. Вчера обедали дома, т. е. у Александры Григорьевны, и ввечеру собрались все родные и шумно провели вечер.

Никола Ригельман вышел из университета 12-м классом, этого никто не ожидал, и это показывает ужасную строгость здешнего университета. Брат Николай, кажется, очень дальний, умный молодой человек, способный понимать порядок вещей, но у него мало сердца, в нем говорят мало чувства, хотя это не мешает ему быть влюбчивым. Брат Саша бесконечно добр и имеет, как мне кажется, довольноное количество практического ума, но только практического, теоретический же ум в нем очень мало развит. Еще должно бы поговорить о кузинах, а именно о Нине, Алине, Лиде, Наташе и Варьке; но описывать их будет очень долго; скажу только, что, хотя они все очень и очень добры, почти все умны и все хорошенкие, но первые три, если бы даже и можно было, то не взял бы в жены, а последние две и так не возьму ни за что. Мне кажется, что мое пребывание в Москве довольно удачно и что я оставляю лучшее мнение о себе, нежели было.

16 июня. Грустно оставлять Москву, грустно расставаться с добрыми, веселыми родными! Давно! т. е. с самого августа 1838 г., я не проводил так весело времени. Каждый раз после такого веселого периода мне бывает грустно подумать, что таких периодов уже осталось меньше в моей жизни! грустно! тяжело. Мы едем через час и заедем по дороге в Знаменское кн. Трубецкого, об котором мне говорили одни прелестные губки!..

Вечер 11 часов. Поливанов.¹ Мы выехали из Москвы не в 8, как хотели, а в 11½ часов и заезжали на ¼ часа в Знаменское. Дождь, а еще более короткое время помешали мне de jeter un coup d'oeil sur le parc,² хотя, судя по окрестности самого дома, не должно быть ничего необыкновенного. Признаюсь, маленький этот entrevue³ с кн. Н. И. Трубецким, оставил во мне некоторое разочарование насчет его. Я об нем так много слышал хорошего, а между тем его холодный прием мне не понравился; он даже не подошел к руке к маменьке, чего, кажется, требовало приличие (так как он женат на двоюродной ее племяннице). Это или неловкость, или неуместная гордость. Тётишка Александр Григорьевна говорила мне (не знаю, правда ли это?), что он отзывался обо мне хорошо; впрочем, одним словом, я в маленьком разочаровании.

Теперь я в Поливанове у ласковой, любезной и умной тётишки

¹ Поліваново – підмосковний маєток А. І. Гудовича.

² Поглянути на парк (фр.).

³ Зустріч (фр.).

Кат[ерины] Николаев[ны] (Андрей Иванович) в Москве). Ах, как здесь все хорошо! как все поставлено на барскую ногу. Все дышит аристократией. Мне отвели прекрасную надущенную комнату, которую обыкновенно дают Трубецкому. Какой *comfort* во всем, начиная от прекрасного стола до постели. Нам не нужно вынимать из чемодана ни одной подушки – все готово. У меня прекрасная постель, но еще какая! Кат[ерина] Николаевна говорила маменьке, что у нее много осталось подушек и пр. от дочерей. Ах! может на этой гладенькой, мягкой подушке, на которой я теперь буду спать, покоялась прежде прелестная головка Люцины или Эрнестины!¹ может быть... нет! не буду писать; это разгорячит мое воображение, я горю, я жажду видеть хорошенькую женщину, ах, что бы я дал...

22 июня. Воронеж. После 4½ суток, проведенных в скучной дороге, мы приехали в Воронеж вчера в 2 часа пополудни. Прежде мне не хотелось ехать в Воронеж, и я имел на это свои причины, но теперь вижу, что 200 верст и 4 суток лишних, которые мы сделали, чтобы сюда заехать, очень вознаграждаются тем, что вижу здесь, и теми впечатлениями, которые оставили во мне эти минуты. Я бы хотел описать те места, которые мне встречались на дороге, но нет времени, скажу только, что из городов, которые я видел в первый раз, т. е. Богородицк, Ефремов, Елец и Задонск, первые два не заслуживают никакого внимания; Елец очень замечателен по прекрасному своему местоположению, это совершенно Швейцария; между Ельцом и Задонском нас настигла ужасная буря с ураганом, которая продолжалась от 4 часов пополудни до 2 часов утра и заставила нас сидеть в корчме. Эта буря меня очень заняла, потому что я в ней видел много необыкновенного шума, ветер поворачивался более 5-и раз с разных противоположных сторон и всякий раз приносил новые тучи с громом и молнией. Оттуда мы приехали в Задонск, хорошенъкий городок, расположенный на Дону. Здесь очень замечательный монастырь с мощами Тихона Задонского. Монастырь стоит на холме и состоит из хороших строений. Меня поразили здесь многие вещи. Стеченье народа довольно большое, потому что через Задонск идут в Воронеж; весь народ, худые усталые богомольцы идут по разным переходам и толпами подходят к низеньким дверям, ведущим к цели богомолья. Мы вошли в эти двери и сошли ступеней десять в погреб, низкий, мрачный, освещенный несколькими лампадами. Этот погреб разделен двумя столбами на две половины; в первой из них, узкой, тесной, стоит черный четвероугольный гроб, закрытый большим образом в окладе Тихона Задонского. Перед этим гробом, у ног святого, стоит иеромонах и читает плачевным голосом панихиды (потому что этому святому нельзя служить молебней).

¹ Лючія й Ернестіна Мантейфель – доньки К. М. Гудович від першого шлюбу з графом І. В. Мантейфелем.

Какая мрачность, угрюмость! моя грудь стеснилась от какого-то необыкновенного чувства; чувство религиозное при виде стечения народа, и их веры при прикладывании к гробу, и другое чувство, совершенно противоположное первому, – чувство отвращения при виде внутренности, а не внешности всех действий. Какое бесчинство, какое неуважение к тому, к чему покланяемся! Бледный, страшный, с красными глазами послушник стоит у головы гроба и одной рукой показывает вся кому подходящему руку святого, другую – большое серебряное блюдо, которое стоит на гробе и в которое каждый богомолец кладет с чистою душою свою лепту. Далее каждый поклонник проходит за колонны, где прикладывается к образу и кладет грош в кружку; потом идет за другой столб, выпивает немного святой воды, получает от иеромонаха, беспрерывно служащего панихиды, помазание миром и опять бросает грош в блюдо. Беспрерывное бряканье денег, бледные лица монахов, их беспрерывное обращение к этим блюдам, наполненным богатства, их невнимательное и даже бесчестное служение панихид – все это стеснило грудь мою каким-то чувством отвращения, презрения, и я с радостью вышел оттуда на свежий воздух, чтобы подышать им, он чист, в нем нет ни корысти, ни обмана! В эту минуту я бы рад был увидеть образ Спасителя, чтобы сказать ему: «Великий Христос, вот что делают из твоего учения, вот как повторяют слова твои! восстань опять и выгони этих лжецов из церквей наших, как ты выгнал торговцев из храма иерусалимского!».

Но я заговорился, и мне не осталось времени поговорить о Воронеже. Это место оставило во мне впечатления гораздо отраднее прежних. Здесь вся корысть духовенства скрыта завесою приличия, и остается на виду только отрадное, приятное, хотя также не со всех сторон. Я был удивлен необыкновенным стечением народа (богомольцев) в буден день на вечерне. Мы нашли церковь совершенно набитую и с трудом пробрались к мощам св. Митрофания. Я долго стоял у гроба и...

25. Тepерь я принимаю декохт и очень берегусь.

26 июня. Полоски. Вчера мы сюда приехали. Прелестная, милая Малороссия, я опять на твоей земле, и с новою радостью, и с новою к тебе любовью; ты мне кажешься всякий раз лучшею; о природа! я, как Вертер,¹ могу воскликнуть: «Люблю тебя, восхищаюсь тобою! и ты во мне найдешь верного своего служителя...».

¹ Жадаючи якомога повніше відтворити радість від перебування на батьківщині, Г. Галаган використовує мотив, запозичений з роману Й. В. Гете «Страждання молодого Вертера», в якому сприйняття природи було засобом оприявлення психологічного стану героя: «Всю мою душу пойняла дивна радість, схожа на чудові весняні ранки, якими я від широго серця втішаюсь...» (Гете Й. В. Страждання молодого Вертера; пер. С. Сакидон // Гете Й. В. Твори. К.: Дніпро, 1982. С. 207). Завдяки таким творам відбувалася «емоційна європеїзація» дворянської молоді у Російській імперії. Докладніше див.: Зорин А. Импорт чувств: к истории эмоциональной европеизации русского дворянства // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 117–130.

Мы думали застать здесь тётиныку Варвару Васильевну и Мишу с Ка-тенькой. Особенно последнюю я очень желаю видеть, но мы никого не застали, кроме Пульхерии Ивановны.

Я забыл сказать еще прежде, что...

27 июня. Белые Вежи. Колонии.¹

Я никак не думал писать здесь в моем журнале, здесь, в 30-и верстах от прелестных, любезных Секиринец. Но я отпер мой журнал, потому что необыкновенное чувство теперь во мне поселилось. Надобно сказать сперва, что мы бы должны уже были быть теперь в Секиринцах, но, приехавши сегодня ночью в Батурин, мы не застали своих лошадей и должны были потерять в ужаснейших для меня душевных мучениях ожидания целые 6 часов и наконец за 40 рубл. наняли мошенников до Белых Веж. На дороге мы повстречали наших лошадей, и кучера нам сказали, что дяденька Петр Григорьевич уже уехал в Одессу. Мне это очень и очень жалко во многих отношениях. Во-первых, мне чрезвычайно как нужно побольше быть с дяденькой и побольше к нему ласкаться; здесь мне нечего скрывать, я обещался быть в журнале откровенен; во-вторых, в его доме я мог показаться нашим соседям таким, каким хочу казаться; хотя, может быть, это бы было и неудачно, а теперь, если даже я и буду видеть дяденьку, то только в августе, и то на две недели. Все это отравило мне удовольствие приближении к нашим Секиринцам. Можно ли после этого мне не писать в моем журнале, не посетовать немного о том, что в первый раз в жизни я, может быть, въеду в Секиринцы с равнодушием. Когда я загляну в будущее наше пребывание в Секиринцах, то вижу или однообразие, или неудачные удовольствия. Можно ли после этого не жаловаться! при этом и досада! погода, кажется, портится, это все наводит на меня хандру. Мы здесь ночуем и завтра с рассветом едем в Секиринцы, чтобы поспеть туда к 8-и часам. Как мне досадно подумать, что 29-го числа не будет ничего в Дигтерях!²

Поживем в Секир[инцах] не так, как я думал пожить, и только 6 недель, а потом опять в Петербург на мучение! к чему мы поехали!

28 июня. Секиринцы. Я в Секиринцах! как долго я ожидал этой минуты, когда приеду в прекрасные Секиринцы! и о! зачем эта минута не так для меня приятна, как я этого ожидал! Где тот восторг, с которым я обыкновенно въезжал во двор, смотрел на всякое деревцо? где та радость, то восхищение? не знаю сам, что со мною делается; не тихая грусть, не сладкая меланхолия, но тяжелая тоска меня мучает! Вот уже 4 часа, как мы приехали, и я брошу по всем комнатам без всякой цели, смотрю на все так хладнокровно, как будто только один день был в отлучке. По-

¹ Галагани зупинилися у поселенні німців-колоністів Білі Вежі Борзнянського повіту Чернігівської губернії, заснованому в середині XVIII ст.

² 29 червня мали бути іменини Петра Григоровича Галагана.

водом к этому служили, кроме какого-то расположения к грусти, дурная погода, сильный холодный дождь, который бьет в окна и мешает выйти в сад; и еще более другое обстоятельство: мы приехали неожиданно и потому никем не были встречены, вошли в пустой дом! Столь приятная, живая и даже чувствительная минута встреч всех дворовых людей у ворот, за воротами, на крыльце – эта прекрасная минута утеряна! мне все как будто чего-то недостает, грустно!

30 июня. Прелестные Секиринцы! вы опять те же, я вас узнаю. Вчера после обеда перестал дождь, и я мог выйти на балкон и увидеть опять чудную площадь, этот величественный луг, окруженный столь прекрасными группами дерев, эту веселую, улыбающуюся ротонду, эта мрачную готическую беседку; все прелестно, удивительно, для меня нет в мире ничего прелестнее Секиринец! С какою радостью и истинно душевным наслаждением я показываю вас всем, о милые! я только что не говорю: «Смотрите – это мое счастье, вот мое счастье, это мое блаженство, тут все мое, что есть у меня лучшего на земле, и лучшего ничего не хочу». Да! и надобно еще, для полноты Секиринец, добрую и умную маменьку, чтобы в это место не ездили бы для каких-нибудь острых глазок, но с истинным уважением и любовью. Так оно есть, и на самом деле я вижу, как любят и уважают этого ангела. Мы проводим дни шумно и весело, у нас почти беспрерывно Никола и Миша с прелестными женами, которые, кажется, меня очень любят обе и беспрерывно со мной ходят и сидят; но как бы хорошо было, если бы они не были кузины, особенно Катенька, пламенная, любящая, о, тогда как бы можно было блаженствовать! У нас теперь Сер[гей] Гр[игорьевич] Милорадович, который, кажется, приехал недаром. Он влюблен, бедный, несчастный, я ему не завидую.

Июля 5-го. Как приятно провожу я время в Секирицах и как бы желаю никогда отсюда не выезжать, но нечего делать, надо повиноваться необходимости. Мы едем сегодня в Гнилицу, а оттуда к бабушке Вере Ивановне. С нами едет до Туровки Варенька и ее муж Ушаков, которого я очень полюбил, он, кажется, прямой и благородный человек, жаль только, что имеет не совсем хорошие манеры. Сколько я ни стараюсь казаться посолиднее, чтобы не считали меня ветреным, но при веселом обществе я, кажется, самый веселый, не могу удержаться, а впрочем, что за беда! веселись, душа, пока можно веселиться!

Июля 7-го. Гнилица. Мы были третьего дня в Туровке и там ночевали, а вчера провели день в Гнилице, где все осматривали утром, а к обеду собрались у нас родные, т. е. Николай и Конст[антин] Ив[анович] с женами. Невозможно исчислить всех шалостей или, скорее, ребячеств, которые мы все делали; весело проводить время с родными. Стыжусь

написать в журнале то, что чувствую, потому что нахожу эти чувства не совсем похвальными и плодами пустого и сильного тщеславия: мне страх как приятно делать вид господина, и господина-деспота, важничать перед мужиками, которые ходят вслед, чтобы на меня насмотреться или чтобы подать жалобы, искать милости. Мое сердце бьется приятно, когда толпа мужиков мне низко кланяется, и я гордо мимо их прохожу и благосклонно отдаю им поклоны легким киванием головы; какое тщеславие, но вместе с тем как это льстит бесхарактерной душе. Впрочем, отбросивши это в сторону, я думаю, что мне нужно принять какой-нибудь вид пред нашими рабами, надобно приготовить их к той мысли, что им недолго остается уже плутовать и разорять наше бедное имение, и что палки и разные жестокие и крутые меры, которые, я думаю, надобно будет мне принять, коль скоро получу от маменьки какую-либо часть в управление, будут для них ужасны и [станут] страшным примером для других. Но должно ли мне это теперь показывать, не лучше ли казаться сначала ко всему равнодушным и совсем не входить с вопросами, чем входить дурно? об этом будет время подумать.

8 липня. Козелець. Как я люблю милую Покорщину; в ней как-то особенно радуется душа, мне кажется, что здесь не может быть грустно; ах, нет! что я сказал? а грусть любви? не есть ли это высочайшее счастье человека? не суть ли это самые сладкие минуты жизни человеческой? Да! что я теперь чувствую? что пробегает по моим жилам? Ах! прелестная комната, в которой я сегодня ночую, эта пышная природа, которая окружает дом, густые тенистые каштаны, высокие величественные тополи, одинокие пирамиды, и плачущие березы, и красивый шиповник, – все это видно из открытого окна, перед которым я теперь сижу, и свежий ароматный воздух, наполняющий сад после минувшей грозы, и портрет прелестной блондинки (княгини Хованской, сестры Катерины Ефимовны, моей прабабушки) в грациозном старинном костюме с розой на груди,¹ – все это делает на меня необыкновенное впечатление. Если бы мне встретилось теперь какое-нибудь прелестное, милое создание, я го-

¹ Йдеться про портрет княгині Софії Юхимівни Хованської, уродженої Дараган, дружини камергера Петра Васильовича Хованського, що зберігається у Чернігівському художньому музеї імені Григорія Галагана у комплексі портретів з колекції Галаганів і атрибуується як втвір невідомого майстра. Дослідниця В. В. Рубан, котра присвятила цьому полотну начерк «То молодий був женщина портрет...» у монографії «Забуті імена: рассказы об украинских художниках XIX – начала XX веков» (К.: Наукова думка, 1990. С. 43–45), висловила припущення, що автором його міг би бути К. І. Головачевський, інспектор Академії мистецтв у Петербурзі. У родинній історії Галаганів кн. С. Ю. Хованська залишилася як захисниця своїх родичів: племінника Григорія Івановича Галагана, його дружини Ірини Антонівни, уродженої Милорадович, їхніх дітей Петра, Павла і Параксеви, а також небоги Віри Чорби, від гніву своєї сестри, а їхньої матері, свекрухи і бабки Катерини Юхимівни Галаган, жінки, за свідченням М. А. Маркевича, з лихою вдачею (Маркевич Н. А. Автобіографіческие записки. 1845 г. ІРЛІ (Пушкинський Дом) РАН. Ф. 438. Д. 38. Л. 224 об.).

тов бы был влюбиться, но чистейшою любовью! о любовь! ты моя единственная цель. В моей голове составился маленький роман, маленькая развязка такая милая; как бы я желал, чтобы это со мной случилось!

16 июля. 5 часов утра. Ротонда. Я оставил весь дом спящим и пришел сюда, в ротонду, подышать воздухом. Только в этот час можно им пользоваться. Я совершенно один, один с природою, но надолго ли? все люди, спящие в доме, проснутся, и каждый займется своим делом, начнутся отношения между людьми, и я также приму в них участие, и это будет повторение того, что уже сто раз случилось. А между тем, как здесь, в этом прелестном Нептуновом храме, я вижу все новое, природа неистощима. Могу ли я без восторга и сердечного умиления смотреть на ту картину, которая расстилается передо мною, и могу ли без возгласов, происходящих от истинного восхищения, описать эту прелестную картину? Солнце недавно встало; тихое озеро еще покрыто тенями вековых дубов, стоящих близ оранжереи, я его вижу теперь подо мною, оно грациозно расстилается между горами и как верное зеркало отражает в себе прелестные берега парку и рощи с плачущими березами, с ветвистыми дубами, чуть-чуть освещенными солнцем; на озере все тихо, где да где плывут стада уток и выбрасываются рыбки подышать чужою стихией. Вон стережет их белый рыболов, он плавает по воздуху, почти не шевеля распущенные крылья, то быстро опускается, то опять подымается выше туманной полосы; вот он упал в воду и с добычею улетел на вершины дерев. Как тихо все вокруг меня и между тем как все оживлено: горлица, иволга, сизоворонка и множество других птиц поют в лесу так невинно, так свободно! они радуются взошедшему солнцу. Вот подул легкий и теплый ветерок с запада и принес мне дымный дух только что проснувшейся деревни, вот слышен отдаленный крик петуха, все очаги зажжены, и синий дым стелется над озером. В прелестной долине, расстилающейся по ту сторону озера прямо передо мною, еще совсем темно, там, может быть, еще рыщет волк или сумасшедший Аникей. Под горою, на которой ротонда, разбросаны по лугу фруктовые деревья с желтеющими уже плодами. Как прелестны эти места, и посереди их как искусно поставлена эта ротонда; белые чистые колонны поддерживают голубой купол; это храм, поставленный природе одним из великих ее любителей;¹ сюда надобно идти молиться вместе со всею природою, пусть молится здесь тот, кто достоин молиться, пусть запоет он гимн Богу; я этого недостоин, я упаду ниц перед восходящим солнцем, чтобы оно осенило мою бедную голову так, как осеняет и верхи дубов. Ах! мне кажется, что теперь всякое дерево, всякий цветок молится и готовится переносить палящий жар солнца, оно уже начинает сильно пригревать мою голову, пойду в другие места, любоваться другими картинами; стоит повернуться спиной

¹ Мовиться про батька Г. Галагана, Павла Григоровича.

к озеру, и я увижу все красоты англинского саду,¹ который так облагораживает дикую природу.

1-го августа. Стыдно мне, право, стыдно перед самим собою, что я не сдержал своего слова и не писал каждый день в журнале! С 16-го числа столько было событий, что подробное их описание заняло бы верных 10 страниц. Forsan et haec olim meminisse iuvabit,² и потому я сделаю краткую летопись событий.

18-го июля я поехал с Ушаковыми в Ромны на ярмарку, там я поважничал, пофрантил своим сертуком, который делает мне прекрасную талию... нет, я этого не делал. В Ромнах не случалось со мною ничего замечательного, я там пробыл 19-е число, а в самый Ильин день воротился домой, где застал все семейство Борковских. Через 2 дня все дамы этого семейства уехали в Ромен на 3 дня, а сыновья оставались у нас; потом и те возвратились; между тем приехали тётичка Варвара Васильевна с детьми и, наконец, архиерей³ со всем причтом. Не нужно, да и тщетно было бы описывать веселия, радости, гуляния и даже шалости, которым мы все предавались. 30-го все разъехались, исключая Варвары Васильевны. Я думал отдохнуть, думал передаться опять мирным моим размышлениям, думал заняться садом и пр., но не тут-то было. Приехал из Одессы дяденька Петр Григорьевич, больной, и я тотчас поскакал в Дегтяры «pour faire la cour au cher oncle»,⁴ а сегодня, 1-го августа, приехали Никола, Лиза с детьми и Дунечка, не считая еще Мишу и Катеньку, которые у нас и ночевали. Катенька была после меня на Роменской ярмарке, она мне сказала, что там была одна особа, и что за ней сильно волочился Неклюдов. Эта новость привела было меня в грусть, но теперь я доволен, что услышал что-нибудь решительное; теперь это отрезанный кусок, я стыжусь моему ребячеству.

5 августа. Вчера я был ввечеру у дяденьки Петра Григорьевича. Мне кажется, я там очень успеваю, и он, видя combien j'ai d'égards pour lui,⁵ все более и более меня любит. Каков я? целый вечер, целый день готов

¹ Паркову частину маєткового комплексу в Сокиринцях було облаштовано за моделлю «пейзажного» («англійського», «натуального» чи «нерегулярного») саду, де втручення людини у природу не порушувало її гармонії. Це відповідало тенденціям у ландшафтно-парковому мистецтві межі XVIII–XIX ст. – часу, коли закладався Сокиринський парк, а також обумовлювалося існуванням у цій місцевості природного лісового масиву. Що стилістику парк у Сокиринцях зберігав завдяки дбайливості Г. Галагана до кінця XIX ст. У 1880 р. британський садівницький часопис «The Gardeners' Chronicle» опублікував нарис про Сокиринці, автор якого, П. Ф. Кейр (P. F. Keir), описуючи Сокиринський парк, звернув увагу на його витончено-звивисті широкі стежки, просторі, гарно долянуті галявини та величні дерева, – усе те, що, на його думку, нагадувало Чізік-Хаус (Chiswick House Gardens), себто один з перших англійських парків, де принцип «нерегулярності» було покладено в основу композиції, а також інші комплекси такого типу в Британії. (Keir P. F. In the Russian steppes. The Gardeners' Chronicle. 1880. Vol. XIII. № 334. P. 651–652; № 335. P. 684).

² Може, колись і про це все приемно нам буде згадати (лат., Вергилий, Энеїда, I, 203).

³ Гедеон (Вишневський), архієпископ Полтавський і Переяславський.

⁴ Догоджати любому дядечкові (фр.).

⁵ Як я поважаю його (фр.).

сидеть с ним, придумывать, что ему нравится, говорить часто вздор для того, чтобы не противоречить ему, тут ли прямота? я представил в смешном виде бабушку Веру Ивановну, которую он не любит, для того, чтобы развеселить его кислый характер! бедная бабушка! бедный я! сегодня опять: у нас обедали Милорадовичи Николай и Петр. Я должен был показывать уважение и любовь людям, которые едва ли достойны их, потому что я заметил, что они больше любят Ригельмана, чем меня. Неужели так должно быть, неужели вся жизнь моя должна пройти так? может ли тут утверждаться благородство, прямота, когда я следую словам водевиля: «Где нельзя прямой дорогой, Там просёлочной ступай!».¹ Как гадки, мерзки эти просёлочные дороги, и как часто я на них сворачиваю! Впрочем, мне жалок Петр Григорьевич! он несчастлив. Бедная наша фамилья! твоя история представляет самые плачевые картины!

6-го августи. Сегодня мы хотели все ехать в Дегтяры обедать. Там храмовый праздник. Но вчера ввечеру приехали Илья Иванов[ич] и Лизавета Ивановна. Он в первый раз видит Секиринцы. О, милые! вот еще один из ваших ценителей. Вчера же приехал и брат Вася Гудович, но я сегодня принужден ехать обедать в Дегтяры.

Августа 10-го. Как я люблю английские сады, и особенно разводить их. Это, мне кажется, во мне одна страсть, за которую я не должен себя пе-нять, которую не нужно удерживать; она так невинна и притом даже полезна для препровождения времени в деревне. Это есть то же, что живопись, скульптура: сколько можно создать прекрасных мест, которых один вид радует сердце, как вид знаменитой картины или статуи; здесь искусство в высочайшей степени, там дикая природа, полированная искусством. Раз-умеется, можно против этого сделать то возражение, что прекрасная картина или статуя представляет какую-нибудь идею, тогда когда сад приятен только для внешних чувств, но это возражение несправедливо: разве не могут быть такие места в природе, украшенной искусством, которые де-лают сильные впечатления на человека. Например, такие места, какова наша долина с большим дубом² или готическая беседка, или даже самый въезд во двор; такие места настраивают душу того, кто на них смотрит, к возвышенным мыслям, он обращается к самому себе, и тихая грусть

¹ Цитата з водевілю П. А. Каратигіна «Ложа 1-го яруса, на последний дебют Тальоні».

² Йдеться про Святу долину – місцину в Сокиринському парку з колодязем і декількома старовинними дубами, в один з яких було врізано ікону – список з чудотворного образу Іржавецької Божої Матері, оригінал якої зберігався у Троїцькій церкві с. Іржавець. Дуб у Святій долині став одним з найбільш знаних символічних місць маєтку в Сокиринцях. Існували легенди про те, як саме ікона опинилася у стовбурі дерева: чи-то знаменитий козацький полковник Гнат Галаган врізав її сюди, як згадував Т. Шевченко у своїй повісті «Музикант», чи-то вона з'явилася сама чудесним чином. «Легенда полягає у тому, що жодна людська рука не клала її туди. Такі легенди нерідкі у цій частині світу» – зауважив англієць, що відвідав Сокиринці 1880 р. (Keir P. F. In the Russian steppes. The Gardeners' Chronicle. 1880. Vol. XIII. № 335. P. 684).

наполняет его сердце; не есть ли после этого страсть к садоводству благородная страсть? Я стараюсь ее в себе поддерживать.

Августа 14. Всякий раз, что я увижу в нашем прелестном саду засыхающее дерево (а их этого лета довольно много, особенно прекрасных берез), мне сделается ужасно грустно, и мне тотчас кажется, что все деревья понемногу засохнут и все разрушится; мне кажется, что я не достоин владеть этим местом, и мне делается ужасно грустно!

17-го августа. Как прелестны несравненные Секиринцы; с каким восхищением я обхаживаю весь сад, и особенно когда я один! ах! тогда эти часы уединения суть непрерывное для меня блаженство. Как часто приходила мне одна мысль, которую я давно хотел записать, но все что-нибудь препятствовало, иногда в эти минуты мне приходит мысль: я счастлив, все это прекрасное, изящное, величественное, – все мое; что если бы к этому прибавить мне милое, прелестное существо – тихая добрая подруга, образованная, имеющая изящный вкус, о Боже! что могло бы тогда сравниться с моим счастьем. Иногда я хожу в прелестных местах и думаю: вот здесь бы я с нею прогуливался, и она бы восхищалась вместе со мною, о Боже! и это будет, может быть, когда-нибудь, если я буду так счастлив, что выберу себе в жены женщину, похожую во всем на мой идеал. Какое блаженство может тогда сравниться с тем чувством, которое я буду иметь, когда приеду в первый раз с женой в Секиринцы и покажу ей наше прелестное жилище, и положу ее в объятия моей добродушной матери, и поведу ее на гроб незабвенного моего отца как создателя всего, что она видела, а я буду в прелестных глазах ее читать восхищение, любовь, о Боже! это счастье будет для меня царствие небесное!

24 августа. Вот он, наконец, последний день, как он скоро пришел для того, чтобы отнять у меня все счастье земного рая. Невозможно описать всего того, что я чувствую, грудь моя теснится, и я во всякую минуту готовы плакать. Мне жалко всякого дерева, мне кажется, что без нас деревья повалятся, что все испортится, сгниет; ужасно тяжело!

26 августа. Нежин. Вчерашний день был для нас совершенно необыкновенный во всех отношениях. День начался ужасными, тяжкими для меня прощаниями; мы выехали в 11 часов утра. Нас провожали все родственники, прожившие у нас последние 4 дня безвыездно, т. е. все Маркевичи, Милорадовичи (часть их), дяденька Петр Григорьевич и пр., и пр. Кроме того, что меня очень тронуло, нас провожала со слезами, вся многочисленная дворня. Наконец мы выехали за роковые ворота; я долго не спускал глаз с дома, который так величественно показывался между итальянскими тополями (с Иваницкой дороги).¹ Долго был он виден весь, но потом начал скрываться снизу: исчезла от моих взоров пре-

¹ Дорога до села Иваниці.

лестная колоннада, и на поверхности земли остался виден один только купол с пустым шпицем, без флага!¹ я не мог удержать слез, они полились у меня градом. Мы въехали в Ичню в 3 часа и были поражены ужасным видом: большая и так хорошо устроенная фабрика дяденьки Петра Григорьевича сгорела третьего дня до основания; буря была очень сильная и ничего не могли спасти; в этот ужасный пожар дяденька понес около 60 тысяч убытку. Я с негодованием прогнал из головы невольную мысль, что в этом несчастии действует правосудие, наказание. Я прогнал эту мысль, и во мне осталось одно чистое сожаление; я не мог удержать слез, вспомня о положении бедного дяденьки; это сожаление, впрочем, недолго продолжалось во мне, эгоисте, и я начал думать о том, как я могу от этого пострадать, потому что это непременно увеличит его долг. Вот как я корыстен; вот какой я эгоист, и мне не жалко бедного дяденьки! Простоявши 3½ часа, мы...

13 січня. С. Петербург. Как непростительна моя лень в отношении журнала. Вот уже 4-й день, как мы окончили наше путешествие, а мой бедный пустой журнал прерывается неоконченною фразою в Нежине! Какое множество замечательных, необыкновенных событий случались с нами в это время! Я буду продолжать рассказ их, чтобы не потерять нить событий, но как можно вкратце. С чего же начну я? Да! простоявши в Ичні 3½ часа, мы поехали далее (т. е. в Дорогинку), и после на дороге опрокинули карету самым ужасным образом; мы едва-едва доехали в Нежин, где, к нашему счастью, живет столь славный в Малороссии Машель. Он взялся подчинить карету в 3 дня, а мы между тем должны были сидеть на квартире Варвары Ник[олаевны] Милорадович. Проскучавши день, на другой мы были обрадованы приездом семейства Ригельманов. Никола будет передерживать экзамен (и это радует мое добре сердце! по крайней мере, не я один неудачно выйду²). Из Нежина мы отправились на почтовых до Седнева. Здесь мы пробыли целые сутки, да как не пробыть у таких добрых родственников и доле!³ Я был здесь очень обласкан. Отсюда мы поехали в Листвен⁴ и застали там плачевное зрелище: старый Свет умер в ту ночь от удара, и все были очень огорчены.⁵ Здесь я нашел общество чисто провин-

¹ Пропор на бані палацу в Сокиринцях був ознакою того, що господарі перебували у своєму маєтку, чим підкреслювалася значущість цього архітектурного комплексу як аристократичної резиденції (пор. з палацовим штандартом, який піднімався над резиденцією імператора).

² Йдеться про невдале завершення навчання в університеті.

³ У Седневі мешкали брати Ілля Іванович та Андрій Іванович Лизогуби. Дружина І. Лизогуба, Єлизавета Іванівна, дочка фельдмаршала І. Гудовича, була двоюрідною сестрою К. В. Галаган, що теж походила з роду Гудовичів. Крім того, Галагані були посвоячені з Лизогубами через Дуніних-Борковських і Рігельманів.

⁴ Великий Листвен був маєтком Дуніних-Борковських, петербурзьких приятелів Галаганів.

⁵ Мовиться про Ісаака Яковича Света, котрий був одружений з Клавдією Яківною, уродженою Лизогуб.

циальное, наподобие козелецкого. Мы здесь, несмотря на несчастье, провеселились 3 дня и только что не танцевали. Из Листвена мы отправились прямо в Петербург, не останавливаясь. У меня дорогой сделалась рожа на правой ноге, и я, промучившись 3 дня в дороге, до сих пор не могу выходить из комнаты.

16 сентября. Сегодня я был в первый раз в университете по моему приезду. О Боже! я туда шел, я туда бежал с какою-то радостью, которую я сам не понимал; душа радовалась чему-то, как радуется, когда я приезжаю к родственникам, которых я давно не видел. Я увидел почти всех моих товарищей; каждый из них подал мне руку с улыбкой, холодной, ледяной улыбкой, как будто мы вчера только расстались. Иные: каковы Ульянин, Тулинов, Лонгинов, Голицын, спросили у меня, каково я провел лето? Но душа так была настроена, что требовала большего, и потому мне сделалось ужасно грустно, я увидел себя окруженным холодными равнодушными людьми, которые в нужде готовы подать помощь, но сохрани Бог мне когда-либо в ней нуждаться. Я сидел на лекции Кранихфельда нарочно отдельно от других, и все время мне было очень грустно. Я думал: вот толпа студентов, нет! школьников, в которой я пробыл все лучшие годы моей молодости и еще должен провесть год; вопрос: что я приобрел в эти три года от этого общества и вообще от университета. От последнего очень мало положительных познаний, от первых много горькой практики! Эти школьники (в полном смысле), и из них «первый есмь аз!», находятся в университете для выгод службы и больше ни для чего. Где же тут денутся науки!

21 сентября. Я знаю сам, как все, даже благородные мои увлечения бывают минутны, как они скоро гаснут, и до сих пор не сообщил журналу то чувство мое, которым я так дорожу: я увлекся патриотизмом за несчастную Малороссию. Да! я не могу без горького чувства вспомнить о том, что делает теперь правительство с нашим народом. По воле нашего деспота, которого цель есть, мне кажется, изгладить всякое различие в народе, так, чтобы, наконец, были бы в России только две стороны: он да рабы; по воле императора уничтожают казачество, эту несчастную горсть народа, на которую наша зашедшая за горизонт свобода бросала еще несколько благодетельных лучей. Именно в поземельном отношении казак был совершенно свободен; он мог покупать и продавать земли, не давая никому отчета. Вдруг выходит указ, который запрещает им продавать земли, за ним – другой указ, еще стеснительнее, и, наконец, самым дерзким и бесстыдным образом их обращают в казенных крестьян. При этом еще ввели глупое управление подлеца Киселева, именно: казакам даны особенные чиновники, которые их грабят, и которых они должны содержать на свой счет, что увеличило налоги от 15 до 25 рублей на ревизскую душу, и это в самом безденежном kraю

России.¹ Одним словом: бестолковое управление, тяжкие налоги, ре-крутский набор по 6-и с тысячи, взыскание недоимок, сопряженное с ужасным грабежом, дорогоизна съестных припасов по случаю совер-шенного неурожая, неудобопонятные для всех распоряжения о меже-вании земель, и, наконец, что ужаснее всего, уничтожение казачества, которым Малороссия гордилась в продолжение 400 лет, – все это вве-ргло народ в ужасное уныние; народный дух, столь оригинальный и за-мечательный в Малороссии, исчезает; не видно больше девичьих голов, убранных лентами, они находят, что это дорого стоит и завязывают голо-ву платком; вовсе не слышно больше прелестных песней наших, а слыш-ны только одни жалобы и ропот. Я страшусь подумать о той минуте, когда выведенный из терпения народ, по примеру симбирцев, взбунтуется!¹² Тогда беда и им, и нам!

7 октября. Давно собираюсь я и все откладываю писать об той мысли, которая сильно меня мучит: вопрос – долго ли я буду таким бесхарактер-ным, таким ребенком, ничтожным во всех возможных обществах? Лень рассуждать дошла во мне до высочайшей степени. Рассудок находится в совершенном бездействии. Я не употребляю ни одного собственного суждения, а все чужие, которые я повторяю как попугай.

18 октября. Я сам это писал, да! несчастный, я сам это чувствую и не имею силы противостоять против моего злейшего врага – самого себя! Мой рассудок болен, он не может действовать свободно, ему нужна по-мощь, ему необходимо всякий раз получать какое-либо направление, за которым он рабски следует. В голове моей иногда рождаются мыс-ли, мысли новые и довольно возвышенные, но они пролетают в ней как метеор, рассудок не останавливает их, чтобы их обработать, обсудить, нет! я доволен тем, что они явились, и едва оставляю их в памяти. Но я чувствую еще мое положение: мой ум цепнеет, дрожь проходит по всем членам моим, когда я подумаю, в какое ужасное состояние я мало-пома-лу нисхожу. Если посмотреть на историю моей жизни, то можно увидеть, что обстоятельства, всегда почти счастливые, и воспитание мое никогда и вовсе не способствовали развитию моего рассудка.

¹ Упродовж 30-х рр. XIX ст. у правовому становищі козацтва Чернігівської та Полтавської губерній сталися істотні зміни, які відзначив Г. Галаґан. Зокрема, указом від 25 червня 1832 р. козакам було заборонено продавати свої землі особам, що не належали до ко-закького стану. 17 січня 1834 р. було ухвалено «Статут про управління малоросійськими козаками», згідно з яким у Полтаві мала бути заснована Головна господарська контора для малоросійських козаків, а на місцях – попечительні контори. Після утворення у 1837 р. Міністерства державних маєтностей під проводом П. Д. Кисельова малоросійські козаки були підпорядковані цьому відомству разом з іншими державними селянами. Докладні-ше див.: Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини. 1760–1830. К., 1996. С. 241–248.

² У 1839 р. у Симбірській губернії сталися масові заворушення серед удільних і поміщицьких селян (Крестьянское движение. 1827–1869. Вып. I. М., 1931. С. 32–33).

10 **ноября.** Я рад, очень рад, что мог опять отворить мой журнал. Обстоятельства так же мешали мне писать в нем, как и моя лень; я было потерял от него ключ с цепочкой от часов. Один студент нашел ее, и после этого я долго с ним не виделся. Наконец вчера он мне возвратил оба ключика, а цепочку говорит, что потерял; Бог с ним! В это время было много происшествий. Нева успела давно, еще в октябре, стать, дав нам отдохнуть целую неделю.¹ Из Малороссии пишут, что там от 26 августа по 15 октября не было совсем дождя, а между тем 17-го начались сильные морозы. Бедные поля, бедный сад! Я ужасно боюсь за наши березы, такая сушь может их совершенно погубить.

Так как я теперь вовсе не получаю доходу из фабрики, то маменька положила мне жалованье по 100 рублей в месяц.

Мои дела в университете идут в отношении занятий и так, и сяк. Я теперь начал явно говорить, что учение мне наскучило, тем более, что по новым правилам экзаменов, которые скоро выйдут, мне нельзя надеяться быть кандидатом,² ergo³ лучше полениться или заняться другими предметами. С Ульяниним и Жемчужниковым я даже начал проказничать, но об этом я буду говорить после. Я бываю по вечерам у Ульяниных, где довольно весело, особенно приятно свободное обращение, которое имеют сестры Ульянина (только они) с мужчинами, они все более или менее хороши, и это приятно для чувств.

Я забыл сказать о моих делах в университете в отношении к студентам. Здесь я могу похвальиться! Этого года я поставил себя на гораздо лучшую ногу, чем прежде. Домонтович и Фефелов мне кланяются, а Сверчков и Лонгинов обходятся со мной как с товарищем в полном смысле; это, кажется, мелочь, но не может быть мною не замечено. По четвергам у нас бывают гости вечером, и один раз дошло до танцев; вообще у нас, кажется, время проводят приятно. Когда собираются побольше діучат, то за паробками дело не станет. Я рекомендовал маменьке Ульянина. Из Секиринец пишут, что окончили посадку около моей дорожки, я этому рад. Теперь я завожу книжку, в которую я записываю все, что придет в голову о Секиринском саду, все, что слышал и видел для него полезное. Милье Се-

¹ На час осіннього льодоставу сполучення між Василівським островом, де розташувався університет, і іншими частинами Петербургу переривалося, тому заняття студентів призупинялися.

² Правила іспитів для перевodu і випуску студентів Імператорського С.-Петербурзького університету було затверджено 12 квітня 1840 р. Згідно з ними ступінь кандидата присуджувався тільки тим студентам, середній бал яких за повний чотирірічний курс навчання дорівнював п'ятірці, себто був гранично високим. Як виняток, кандидатський ступінь міг надаватися студентам, чий середній бал дорівнював четвірці, але вони відзначалися бездоганною поведінкою й особливою ретельностю у навчанні (Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. 1835–1849. СПб., 1866. Стб. 465). Г. Галаган не відповідав цим велими суворим вимогам. Зрештою, він завершив навчання в університеті зі званням дійсного студента, для чого достатньо було мати середній бал не менше тройки.

³ Тому (лат.).

киринцы! Я хотел было все это записывать в журнал, но тогда бы я не мог всем сообщать мои планы. Здесь же я буду записывать только главные мысли, выдумки для саду, а там – все подробности. Я не получил ответа на мое письмо от дяденьки Петра Григорьевича. Какая энциклопедия!

15 ноября. Где я был вчера вечером и зачем? Сам знаю, какой это риск! что меня туда толкало? Ах, это, естественно, меня толкали туда мои лята, мой пылкий характер, а помогала бесхарактерность. Моллериус предложил мне свои услуги, и я с жадностью туда кинулся. Но, положим, что она не опасна, а между тем очень недурна; это непременно должно за собою повлечь издержки; деньги, эта мерзкая вещь, есть главное колесо в этой гадкой машине. Меня сосвадничали! неужели я не мог довольствоваться тем, что имею в этом отношении, я бы продолжал это делать, как принимать лекарство от моей ужасной болезни. Но нет, я этим не довольствовался, мое сладострастие требовало большего, и я поехал с Моллериусом в своих санях, разумеется, подговоривши Ваську,¹ и у Чернышева моста мы уже сидели втроем в санях. Еще проехали несколько улиц, и я очутился в грязном нумере какого-то русского трактира, близ Пяти углов. Я посидел там с полчаса – и у нас уже назначен *rendez-vous!* Только это сделано! ах, так я могу еще пойти назад, могу, могу; да, соберу все мои силы и пойду назад. Избавлюсь от издержек; откуда я возьму денег? я слишком завишу от маменьки в финансовом отношении и рад теперь, что так завишу. Я отложил 35 рублей для того, чтобы сделать хорошенъкий подарок сестре. Неужели я должен отказаться от этого и дать эти деньги мерзкой женщине. Бедная сестра, я ее люблю, и она меня так любит; ах, нет! я об этом и подумать не могу. Занять? у кого? чтобы никогда не быть в состоянии отдать; надообно иметь медный лоб! я, кажется, его имею в этом отношении. Вот уже скоро год, как я занял у Миши полуимпериал; виделся с ним целое лето, а полуимпериала не отдал. Можно во многом, особенно в любовных делах, обманывать отца или мать, потому что эти дела сами по себе вовсе не так ужасны, но обманывать такую мать, какую я имею, такого ангела!.. Что выйдет из того, что я жалуюсь на себя! надообно действовать, надообно противустать... Ах, я забыл сказать! моя бесхарактерность доходит до смешного. Сказал себе, что не подпишусь на зимние горы, что это будет для меня совершенно бесполезным, а между тем, подговоренный Ульяниным, Жемчужниковым и Моллериусом, я вчера утром подписался. Я должен заплатить! Везде я тот же! Но, впрочем, в этом последнем действии я не могу себя совершенно винить, это есть необходимая дань дружбе, которая доставляет столько удовольствий; я это сделал только для Ульянина и Жемчужникова.

¹ Мовиться, ймовірно, про Василя Дуніна-Борковського.

17 ноября. Два часа назад я был там! совершилось то, чего я страшился. Я блаженствовал. Теперь я чувствую необходимую потребность передать все это другому. Кому же, как не Федору Васильевичу? Я хочу признаться ему во всем, иначе мое удовольствие будет неполно. Теперь он не в духе, и притом пора спать. Завтра я надеюсь передать ему все, что я сделал, я чувствую в этом необходимость. Странная природа человека!..

19 ноября. Вчера вечером я был на празднике у Тулинова, где были Ульянин, Жемчужников, Моллерius, Лонгинов, Сверчков, Аксаков и один офицер. Мы играли в карты по 35-и копеек point. Маменька слишком обо мне заботится, она прислала туда Евдокима узнать, что я делаю, и я уехал; все оставались до 4-х часов. Как досадно!

20 ноября. Вчера вечером наконец я слышал знаменитых цыган. Мы ездили все, с Борковскими, на паровозе. Ах! слова будут лишние, чтобы описать мой восторг. Мои глаза с них не спускались, и, кажется, что, забывши вежливость, я поворачивал мою спину дамам. Толпа была ужасная; воксал был набит, и мы стояли между колоннами.¹ Мне было жалко видеть этот вольный народ, поставленный на возвышение перед толпою на эшафоте стыда за деньги; этот вольный народ сделался труппою актеров; этот народ богато одет! какое унижение! Мне было жалко их. Но их песни рассеяли мою жалость; они меня переносили мало-помалу в их таборы, и когда две женщины, одна старая, толстая, другая молодая, с выразительными глазами, встали с своих мест и пошли плясать с Ильюшкой, то не много не доставало, чтобы из моих глаз брызнули слезы. Я был тронут во всей глубине моего сердца; сама старуха показалась мне красавицей! Какая живость в Илье! он мне напомнил о запорожцах. Какой огонь течет в жилах высокой молодой цыганки, которая плясала; она вздрогивала, подпрыгивала, бегала, ее глаза блестали как гранаты. Непременно поеду еще в другой раз, но уже с товарищами, чтобы и покутить вместе. Сегодня мои именины, день, в который должно мне запрятать совесть в карман. Приятно получать подарки, но они мне довольно дорого приходятся, дороже денег! если это возможно.

23 ноября. 20-го вечером у нас собралось довольно много, и в том числе Ульянин и Жемчужников. Кажется, что было весело; до 12-и часов танцевали. Но нет! вот обстоятельство, которое говорит против этого. Между тем, как я, глупец, с детским веселием предавался в зале той мысли, что, кажется, всем весело, эта беспокойная мысль в таких случаях занимает меня более всего, в гостиной Галенковский-старший² от нечего говорить

¹ Йдеться про Павловський вокзал Царськосільської залізниці, споруджений 1838 р. На вокзалі був концертний зал з рестораном.

² Це був Андрій Осипович Галенковський, троюрідний брат Г. Галаґана (дід Галенковського з боку матері, Павло Антонович Милорадович, був братом Ірини Антонівни Галаґан, уродженої Милорадович, бабусі Г. Галаґана). У Петербурзі А. О. Галенковський служив чиновником у Комісаріатському департаменті Військового міністерства. Г. Галаґан називав А. О. Галенковського «старшим», щоб відрізняти його від молодшого брата Євгена, котрий у той час також мешкав у Петербурзі, будучи чиновником Контрольного департаменту військових звітів.

(как это с ним всегда бывает) подошел к Миклашевскому (Павлу) и сказал: «Григорий Павлович веселится». А этот каналья отвечал: «Да! он лицо действующее, а мы страдательные». А между тем я, дурак, любезничаю в зале. Какой я неопытный. Я готов был растерзать этого гадкого мальчишку, когда мне сказал об этом Федор Васильевич на другой день.

26 ноября. Еще новое доказательство сегодня в истинной ко мне любви Федора Васильевича. Сегодня один из тех дней, в которые я более приобрету в практической жизни, нежели в целый месяц. Этот истинный мой друг долго сохранял в груди своей замечания на счет моих ужасных недостатков, и, наконец, сегодня он высказал мне все, что у него накопилось в его сердце, показал мне всю ужасную мою неделикатность ко всем и всему. Я признаю всю правду этих слов, но мне досадно, что он это делал с такою горячностью, так, можно сказать, болезненно, что мне теперь надобно думать о примирении, которое очень трудно.

30-го ноября. Наконец вчера я превозмог себя и говорил с Федором Васильевичем, я благодарил его почти искренне. Он начал мне говорить просто, прекрасно. Полчаса я стоял и слушал его, и каждое слово врезывалось в мой ум и в мое сердце, я невольно вздрогивал, по телу выступал пот. Какой ангел истины говорил его словами! Ах! какая это была ужасная для меня истина! О, благодетель мой, зачем ты раскрыл так ужасно ту бездну, перед которой я стою, и которую мой ленивый глаз видел только по частям; зачем ты раскрыл мою ужасную рану! Да, эта бездна, это не есть дурное следствие пылких страстей, как оно бывает у других, это не есть погибель от пьянства, от игры или от страшной болезни, нет, это еще хуже всего того, что я назвал, это есть – ничтожность! Странный мой атрибут. Рассудок не действует, и я раб во всей силе этого гадкого слова, раб, раб! я! который еще смею претендовать на самостоятельность! на чем же я в этом опираюсь? Что я имею своего собственного? о, ужас! ничего. Начиная от духовного и до наружного, что я имею – мысли чужие, а те, которые я могу еще назвать моими, те родились по чужому навеянию. Там, где я не могу идти, закрыв глаза, по чужим следам, там я или ползающий раб, или подло спесив! и везде грубый эгоист. Я не знаю человека, перед которым бы я не унижался или не гордился. Еще в этой книжке можно найти то место, где я жалуюсь на то, что принужден быть униженным перед дядею; что это все? это было диктовано притворством, это было диктовано ничтожностью. Подражание, которое диктовало 9/10 слов во всей этой книге. Что это унижение перед дядею в сравнении с унижением перед всеми товарищами? Правда, мое унижение перед некоторыми не есть из видов корысти. Еще бы, если бы это было! Все равно! я желаю, чтобы они со мной были хороши, я в них ищу. Не есть ли это тоже корысть – выгода? Почему я не могу быть таким же прямым с Жемчужниковым, как он со мною? Он действует прямо

и мне нравится. Я же стараюсь всеми силами ему понравиться и не знаю, искренно ли он меня любит. Где? в каком кругу я что-нибудь знаю! нигде, ни в каком кругу. В университете, ах! я об этом и вспомнить не могу. Дома, в гостях, везде я один, ничтожность есть мой атрибут, я хуже женщины! женщина живет сердцем, а я не живу ни сердцем, ни умом, я живу ничем, ничем своим, у меня все чужое. Во внешности мои собственные манеры суть самые гадкие, я переменил врожденную мне от отца скромную походку на сотни разных походок и теперь хожу как надутый петух, как ничтожный человек. Я хочу выказать мой рост, мои талию, мои сани, мой бобер на воротнике, мои белые перчатки, – все-все, что ничтожно; низкий человек всегда хвастлив, тщеславен! А между тем в моих глазах нельзя ничего прочесть, они ничего не выражают! Что же, наконец, спрошу я: что за цель такого существования, о Боже! тут я теряюсь. Впереди я вижу то же, что назади: везде ничтожность, везде необходимость унижаться, следовать другим. В будущей моей семейной жизни я не вижу ничего отрадного. Ах, если бы не Секиринцы, тогда бы зачем жить! вот фраза, которая сейчас, теперь, после длинного рассуждения, является притворною. И тут, и на минуту, я не могу действовать прямо, что за слова: «зачем жить!» – притворство! Как будто бы я видел в Секиринцах единственную цель моего существования. Если бы я ничего не имел, и тогда бы я желал существовать. Не жить, нет! другие живут. Ах! в это время, как я пишу, уже рассудок мой занят другим, лучше закрыть книгу. Нет, еще: пусть всегда, во всякую минуту вертятся в моей голове слова: я ничто, я раб, я притворяюсь! Но нет, это вылетит из моего иссущенного..., ах, я не могу это выговорить без сотрясения.

6-го декабря. Я очень мало работаю в этом курсе. Почти все профессора довольно тихо читают,¹ и потому я довольствуюсь моими записками на лекции, что делают почти все мои товарищи. Одни только лекции Баршева я начал составлять и в них отстал на 2 лекции. Я веду теперь рассеянную жизнь. По четвергам танцуют у нас, по понедельникам – у Борковских, по субботам (хотя редко) – у Тарновских, по воскресеньям я бываю у Ульяниных. В прошедшую пятницу я видел Тальони, в эту пятницу опять буду в театре, остается вторник и среда: в первый у меня вечер занят уроками – фортепианным и англинского, в среду я был там, где уже был два раза. Такое препровождение времени не может оставить мне много часов на занятия; я поздно ложусь, а в 9 часов должен ехать в университет. Правда, и лекций у нас чрезвычайно много в этом курсе, и, просидевши на лавке от 9 до 3 часов, весьма естественно можно устать, так что трудно после заниматься. Иногда я себя пеняю в слишком большом развлечении, иногда же, взяв в параллель очень сомнительное кандидатство с тем удовольствием, которым я пользуюсь теперь, я

¹ Себо не кваплячись, повільно викладають навчальний матеріал.

бросаю занятия и предаюсь удовольствиям. Если бы все мои удовольствия были невинны! но я начал другого рода занятия. Сколько эти штуки для меня приятны и даже отчасти полезны, столько, с другой стороны, они неприятны в отношении финансов и еще более в отношении риску, которого здесь нельзя избегнуть. Теперь я записался быть членом зимних гор и вместе с тем соучастником шалостей. Мы, напр., т. е. Ульянин, Жемчужников и я, будем вечером привозить туда на квартиру chaqu'un sa chaqu'une¹ и там вместе удовлетворять свои желания. Я должен, однако, сказать, что я чувствую, как я попал в чужую стихию, буйство с женщиной не есть требование моего сердца. С женщиной я нахожу наслаждение только во взаимности, и, следов[ательно], эти шалости суть только лишь привитые, и могу признаться, что я их делаю только для товарищества. Мне всегда сильно досадно, когда я услышу от Ульянина или от Жемчужникова о любовных сделках, которые они имели вместе. Я в этом вижу то, что они более сближаются между собою и этим отдаляются от меня. В этом, т. е. если Жемчужников точно предпочитает Ульянина мне, я удивляюсь. Глупое самолюбие, но, кажется, довольно основательное. Вот более те причины, почему я делаюсь соучастником в шалостях и даже частью главным действующим лицом. Счастлив я, что они не пьют, что бы с меня тогда было?

Сегодня утром я был у Николая Степановича поздравлять с его именинами; так как теперь 23 градуса морозу, то, ехавши по Неве до Выборгской стороны, и я, и кучер порядочно промерзли, и потому я остался у Ник[олая] Степ[ановича] более часа. В это время он со мной говорил очень откровенно, что редко в малороссиянине, и я рад, что нашел в нем прямого и истинно благородного человека. Ему бы дать богатство, а не бедность. Он мне рассказал одно странное происшествие, где он выказал свое благородство. Правда, что он немного материщен, он не может заняться изящным, он хороший хозяин. Но это еще лучше, чем быть ни тем, ни другим. Я его люблю! Еще от него же я узнал о доброте того человека, который всегда показывался перед моим воображением, разумеется, понаслыше и по внешнему его виду, глупым и злым, это великий князь Михаил Павлович. Из рассказов Ограновича я узнал в нем очень доброго человека. Кто м[ожет]vniti внутрь человека. Может быть, он в чрезмерной и даже смешной строгости с военными, в ненависти к студентам и ко всему ученому, может быть, он видит в этом цель. Кто поручится за то, что этот человек понял, что для России еще рано иметь ученых, что либеральность в России есть вред. Что для России нужны только военные, что образованность должна създнова входить в нашу страну, не так, как вошла, т. е. неестественным образом, с одного сословия, но должна входить с другого конца, и, наконец, самую вели-

¹ Кожному кожну (фр.), тобто кожний з власною подружкою.

кую истину: что все гвардейские офицеры, несмотря на их французский язык, суть большою частью в высшей степени необразованы внутренне, и что позволить им расстегнуть один крючок воротника есть подать им повод обнять первую даму на улице и делать самые ужасные мерзости.

9-го декабря. Вчера у нас было довольно много [гостей], и перед вечером я обедал у графа Комаровского (новое лицо, об котором еще не успел говорить)¹ и с ним ездили слушать певчих митроп[олита] Серафима. Хор удивительно гармонический и чрезвычайно согласный. Мне пришла новая мысль в голову: я уже давно хотел вписать сюда все мысли мои о моих петербургских знакомцах, но все откладывал. Теперь я хочу описать по моим понятиям тех всех, которые были у нас вчера в четверг, вот они. Семейство Борковских без сыновей. Семейство Андреевых: он, она и дочь. Две девицы Ждановичи с Борковскими. Туманский с женой, Корбе, Огранович, Горленко, гр. Комаровский, Галенковский, Варвара Николаевна Казадаева, товарищ Ульянин. Я их буду описывать понемногу.

9-го декабря. В каких прелестных разнообразных видах является нам женщина! в будуаре, на бале, с детьми, – везде она прелестна. Тальони представляет собою не женщину в отдельности, не, с другой стороны, идеал женщины, который есть Венера Праксителя. Нет! Тальони представляет нам идею женщины. Собою, своими прелестными движениями она представляет легкость, грациозность, доброту женщины вообще. Это мое собственное мнение. Оно пришло мне в голову вчера в театре, на балете «Тень».²

11-го декабря. Вчера у нас обедал и долго сидел после обеда граф Комаровский. Вот человек с теплой душой, у которого ум повинуется сердцу. Он очень религиозен и, следовательно, односторонен. Прямое доказательство, что он не здраво рассуждает, есть то, что он во все Св. Писание слепо верит. Но когда побывать с ним, когда рассмотреть ближе этого человека, то, по крайней мере в моих глазах, его сердце, его жизнь теплыми чувствами заглаживаются совершенно недостаток в логике. Он имеет свое убеждение и твердо следует ему. Каково бы ни было это убеждение, оно, во всяком случае, ставит его гораздо выше тех людей, которые хотя здраво, логически рассуждают, но не имеют никакого собственного убеждения и не твердо идут, как я. Комаровский, при своей религиозности, мил в обществе, отличный музыкант, и в его мелких про-

¹ Граф Павло Євграфович Комаровський, котрий відіграватиме важливу роль в історії родини Галаганів, був молодим чоловіком 27 років, поручиком лейб-гвардії Гренадерського полку.

² Балет «Тень» було поставлено у зимовому сезоні 1839–1840 рр. для М. Тальоні, котра у ньому вкотре підкорила петербурзьку публіку своєю танцювальною майстерністю (Вольф А. И. Хроника петербургских театров. Ч. I. С. 84).

изведениях везде выказывается теплота чувства. Федору Васильевичу он понравился. Он мне вчера подарил альманах «Утренняя заря»,¹ и мне должно подумать, как отдариться. Не могу не писать того, что чувствую: почему Комаровский меня полюбил? почему многие другие с первого раза меня полюбили? видно, я имею что-нибудь нравственное, что всем нравится. Не знаю, что именно. Может быть, сильная робкость, которая кажется скромностью, не знаю, не знаю, что? но это мне немного льстит.

13 декаб[ря]. Как хороши эти стихи Лермонтова:

В минуту жизни трудную
Теснится в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

*

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть их.

*

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко,
И верится, и плачется,
И так легко...²

Aх! зачем не могу я этого говорить вместе с поэтом, зачем я не могу молиться? я бы теперь молился, тепло, усердно молился и как бы уверен, что Бог бы меня укрепил, предохранил от погибели, и я бы сам тогда укрепился, а теперь я только могу упереться на твердость характера, и, увы, не на что упереться! Я бы молился... ведь это вздор, молитва сделана для слабых, ах, если бы все вздоры, которые я делаю, были бы так хороши. Я пошел без помочей, а я слаб на ногах, мне бы нужны были помочи, я шатаюсь. Как бы я хотел подольше пописать, побольше заняться сам собою, но ах? я должен заняться существенностью – приготовлением к репетиции.

¹ Утрення заря, альманах на 1839 год, изданный В. Владиславлевым. СПб.: В Тип. Е. Фишера, 1839. 1 л. загл., [2], 384 с., VI с., 3 л. ил. Цей альманах містив прозові та поетичні твори І. П. Сахарова, В. А. Владиславлева, В. Луганського (Дая), О. В. Нікітенка, М. І. Надеждіна, І. І. Панаєва, В. І. Туманського, Є. П. Гребінки, Н. В. Кукольника, О. В. Кольцова, О. М. Струговщика, А. І. Подолинського, В. Г. Бенедиктова та ін. Видання мало неабиякий успіх у читачів завдяки як підбору авторів, серед яких було чимало популярних у той час літераторів, так і «типографічній розкоші», себто вишуканому мистецькому оформленню книги (гравюрам тощо). Див.: Кашин Н.П. Альманахи двадцятых–сороковых годов. Книга в России. Ч. II: Русская книга девятнадцатого века. М., 1925. С. 128. Отже, цей альманах був коштовним подарунком.

² Неточне цитування вірша М. Ю. Лермонтова «Молитва».

17 декабря. Мне и досадно, и жалко: вчера маменька мне выговаривала, сердясь, о том, что я не с удовольствием езжу в те дома, где я женируюсь. Это правда нехорошо, но что хуже еще, это что маменька сказала: «Ты не хочешь ездить со мною туда, а между тем по вечерам шляешься». Это последнее слово мне из головы не выходит: неужели маменька знает или, по крайней мере, догадывается, что я точно шляюсь, разумея под этим те проделки, которые я делаю иногда по вечерам. Федор Вас[ильевич] говорит, что она этим хотела сказать, что я лучше желаю быть с товарищами. Как бы то ни было, мне досадно слышать это слово. По какой причине маменька всегда хочет знать, где я деваю деньги? эта финансовая зависимость мне ужасно неприятна.

20 декабря. Беру перо, чтобы наконец после нескольких приемов описать то, что меня теперь более всего занимает. До сих пор разные обстоятельства и особенно лекции мешали мне заняться журналом. Теперь же у нас вакации. Я уже сказал прежде, что наш новый знакомый граф Комаровский – очень любезный молодой человек и необыкновенный по своему религиозному чувству, по теплоте своего сердца. Он начал очень ухаживать за сестрой: на вечерах, по четвергам у нас, по понедельникам у Борковских, он с нею более танцует, нежели с другими. Огранович, заметя это, разумеется, его возненавидел. Я уже давно заметил, что маменька желала со мною поговорить об Комаровском и узнать об нем мое мнение. Я отвечал всегда с похвалою об нем, и эта похвала была не лицемерна. Но я видел, что маменька этим не довольствовалась, я ее понимал и при первой удобной ми[нute] остался с нею один, и тут быстро наш разговор повернулся на то, чего я уже ожидал. Мы начали говорить о летах сестры, о партии для нее. Маменька начала хвалить Комаровского; разговор все более и более приближался к цели, и, наконец, маменька прямо сказала, что, узнавши хорошо характер Комаровского, а еще более его родных, она бы не прочь была от того, чтобы отдать за него Машеньку.¹ Я ей отвечал нерешительно, я был слишком занят этой мыслью. Как не простить маменьке небольшое и даже большое пристрастие к Комаровскому. Женщина, как маменька, которая так много живет сердцем, для которой все в мире заключается в одной религии, такая женщина имеет полное право на то, чтобы ей простили односторонний взгляд на такого человека, каков Комаровский; она в нем видит теплоту чувств, которую не встречала ни в одном человеке с тех пор, как рассталась с своим другом.² Но мне непростительно бы было увлечься его дружбою. Кроме искренней любви к

¹ Родина графів Комаровських належала до великосвітського товариства. Батько молодого Комаровського, генерал-ад'ютант Євграф Федотович Комаровський (1769–1843), спритний царедворець, зумів пробитися з маси провінційного дворянства до лав аристократії, здобувши при цьому графський титул. К. В. Галаган, зважаючи на усе це, вважала П. Е. Комаровського гідною партією для своєї дочки.

² Мовиться про покійного чоловіка К. В. Галаган – Павла Григоровича.

сестре, тут действует и мое самолюбие, которое так редко во мне проказывается. Чуть ли я здесь не играю той же самой роли, что в любви Милорадовича или в любви, нет, скорее в искаении Ограновича. Милорадович меня ласкал как нельзя больше, сделал мне подарки и клялся в необыкновенной ко мне привязанности. Огранович исполняет все мои поручения с необыкновенною охотою; он слишком благороден или, скорее, слишком прям, чтобы действовать со мною как Милорадович, но он в этом случае ловчее. Как же мне растолковать самому себе необыкновенную ко мне привязанность Комаровского? Почему я непременно более ему нравлюсь, нежели другой мой товарищ? Почему он так скоро, только понаслышке со мной подружился? Нет, это в нем не может быть средством цели. Если он полюбил сестру, то по этому самому он уже любит и меня. Не будь сестры, он, разумеется, со мной даже и не познакомился покороче. Но подойду я поближе к цели. Милорадович богат, но глуп и необразован, след[овательно], его совсем в сторону. Огранович хотя благороден и умен, но необразован и ищет в сестре тысячи душ, его также в сторону. Комаровский не беден, вероятно, благороден, добр, с теплой душой. Но я ни за что не согласился бы, чтобы он был мужем Машеньки. Религиозность в мужчине хороша, потому что показывает теплоту чувства, которая редко встречается, но она вместе показывает и слабость ума, и односторонность. Такой ли муж нужен для Машеньки, умной, своевольной. Что сделает он с ее характером? Притом вот еще что: он слишком, так сказать, пересаливает в изъяснениях своей ко мне дружбы. Третьего дня, в понедельник, как обыкновенно мы были у Борковских, много танцевали. Он беспрерывно спрашивал меня: «*M'aimez-vous? il me paraît toujours que vous ne m'aimez pas*¹» и т. п. На третий кадриль он ангажировал сестру и уселся с нею на месте гораздо прежде начала. Я разговаривал с Горленко (офицером), к нам подошел Огранович и с злобною усмешкою сказал: «Граф просит начать», с этим он мигнул на ту сторону, где сидел Комаровский. «Я только что хотел вам это заметить», – отвечал Горленко. Я остался в сильных дураках: отвечать что-либо умно я был не в состоянии, отвечать глупо не хотел. К счастью моему, скоро начали кадриль, и мы занялись танцами. Окончү все это одной решительной фразой: ни за что не хочу, чтобы сестра вышла за Комаровского. Я готов на все средства против этого. Если я замечу в сестре решительную к нему наклонность, то готов отвратить ее сердце от него всеми возможными средствами.

21 декабря. Вчера, после того, как я писал, я поехал по обещанию к Комаровскому на чашку чаю. Он и брат его приняли меня со всевозможным гостеприимством; пели певчие и песенники малороссийские песни.

23 декабря. Я не постигаю никак причину того, что с некоторого времени Федор Васильевич не только не напоминает мне о занятиях, как он это делал в прежние времена, а напротив того, иногда советует мне,

¹ Ти мене любиш? Мені завжди здається, що я тобі не подобаюсь (фр.).

чтобы я поехал на вечер. Или он видит бесполезность напоминания, или хочет предоставить мои занятия совершенно на мою волю, не знаю, а я бы желал прочесть это в его голове. Я действительно мало занимаюсь. Некоторые записки остаются не поправленными, другие – не дополненными. Между тем у меня явилось еще новое развлечение – это зимние горы. Я туда часто езжу и при риске простудиться езжу очень много. Я себе должен, наконец, когда-нибудь сказать решительно, хочу ли я быть кандидатом или нет? Если нет, то зачем и работать много. Но, однако, хотя мне кажется, что я не хочу быть кандидатом, но если взвешу те выгоды, которые доставит кандидатство, с неприятностью занятий, то перевес остается на первом. Чтобы решиться на что-нибудь, надо иметь характер!

25 декабря. Сегодняшний день и вчерашний вечер с кутьею и узваром переносил меня во времена детства, и мне грустно, когда я вспоминаю те времена, в которых все, даже неприятности, рисуются в воспоминании приятными красками.

26 декабря. Вот молодой человек с пылкими страстями, он попался в дурное общество, нашел наслаждение в вине и до того пил, что умер очень молодым. Бедный молодой человек. А вот другой, с такими же пылкими страстями, который искал жизни, сильных ощущений, играл в карты, проигрался и застрелился. Несчастный, как он не обдумал свой поступок. Вот третий юноша, который искал жизни в самой существенной части жизни. Он любил женщин, погряз в сладострастии и умер от венерической болезни. Бедный молодой человек, скажете вы, как он был неосторожен, зачем его пылкие страсти не направились к чему-либо другому. Но вот еще четвертый молодой человек, который имел пылкие страсти, и который, потерявши все, что было в нем благородного, – ум, память, сердце, характер, – погрязши в ужасный онанизм, умер от чахотки или застрелился. Презренный мальчишка, скажете вы, зачем он прежде не умер! зачем он прибавил собою число гадостей этого мира.

1840. 1-го января. Понедельник.

В то время, как я бы должен и хотел заполнить несколько страниц моего журнала описанием всех удовольствий, рассеяний, которые я имел в две прошедшие недели, между тем, как я бы хотел описать собрание, маскарад, вечера, на которых я был, и, наконец, мои приготовления в сегодняшнему маскараду у Борковских, между тем, наконец, как я жил одним рассеянием, думал только о рассеянии, вчера вечером случилось у нас происшествие, которое сделало на меня сильное впечатление, и которое вызывает на сцену меня в моем поступке. Я расскажу все обстоятельно: вчера обедали у нас Огранович и граф Комаровский. Мы были званы на вечер, встречать новый год у Ждановичевых, но маменька отказалась,

потому что, будучи третьего дня в собрании и имея в виду еще несколько вечеров на будущей неделе, она боялась за здоровье сестры. Отобедавши, мы смирино сидели в гостиной, я заметил в Комаровском чрезвычайную и внезапную холодность ко всем, он сделался очень задумчив. Приехали Борковские: Вася и Петя, мы начали смеяться, хохотать, он не принимал участия в наших шутках. В 5 часов маменька сказала, что она пойдет на вечерню, я думаю, что Комаровский ее пригласил. Я отказался, потому что после кути и узвару я почти не был в состоянии встать с места. Это, как я заметил, сильно не понравилось Комаровскому, но я готов был сделать это нарочно: мне наскучила его набожность. Огранович, который также был отозван к Ждановичу, остался до времени в моей комнате. Через несколько времени шутник Петя пошел также в церковь смотреть, как ненавистный для него Комар кладет поклоны. Вскоре они возвратились из церкви, и нам судьба дала такой же подарок, как в новый год 1839-й. К нам приехал Василий Александрович с Малороссии. Разумеется, все наше внимание обратилось к нему; мы пристали к нему с тысячью вопросов. Подали чай. Огранович и Петя уехали на вечер, Комаровский остался. Я замечал в его лице что-то необыкновенное: он молчал и сидел, потупя глаза; у маменьки горели щеки. Я думал, что он был сердит на меня, и старался загладить это. После чая маменька мне сказала довольно неверным голосом: «Останься в зале с Василем Александровичем», сестра осталась с нами для расспросов. Мое сердце билось, когда я засматривал в гостиную: Комаровский сидел возле маменьки и говорил ей что-то вполголоса и [с] большим жаром. Разные догадки пролетали в моей голове. Не знаю, замечал ли это Вас[илий] Алекс[андрович], и если замечал, то что об этом думал? Странно, что та именно догадка, которой осуществления я так страшился, не приходила в мою голову. Разговор их окончился, и Комаровский с нами попрощался. Он несколько раз целовал руку маменьке и обнимал меня, как будто расстается со мною надолго. Я его проводил; в передней он крепко сжал мою руку и сказал дрожащим голосом: «*C'est peut-être le moment où vous pouvez me prouver votre amitié.*¹ Я был поражен как громом.

4-го генваря. Я писал это в самый день нового года и не докончил, потому что мне не дали; я начал делать визиты. Я расскажу кратким образом то, что замечательно, а потом возвращусь к тому, что меня более всего занимает. 1-го числа вечером мы были у Борковских на маскараде. Сестра была одета малороссийской девкой. Ах! как шел ей этот костюм! я готов был ее расцеловать, она так напоминала мне Малороссию. Я непременно хочу заказать ее портрет в этом костюме.² Я был

¹ Це може бути момент, коли Ви зможете довести мені свою дружбу (фр.).

² Цей портрет зберігається у фондах Чернігівського художнього музею імені Григорія Галагана з такою атрибуцією: «Нечаєв І. О. Портрет М. П. Галаган. 1830-ті рр., папір, акварель».

одет в старинном французском кафтане. Я чувствую, что я не был довольно развязен, что было необходимо при этом костюме. Мне досадно было видеть, что я мало занимал. Но мое самолюбие было польщено другим: я очень нравлюсь генеральше Стакович. Мне досадно было смотреть на Жака,¹ который без всякой любезности более занимал, нежели я. На маскараде было происшествие, которое заняло всех и до сих пор всех занимает. Между вторым и 3-м кадрилем явился капуцин среднего роста, очень проворный. Он подносил всем конфеты и вся кому сказал на чистом французском языке какую-нибудь истину, которая показывала, что он всех знает. Он подошел к графу Комаровскому и сказал: «О! вы святоша! вы кладете поклоны. Но вы влюблены по уши!». Комаровский совершенно смешался, говорят даже, что он побледнел, но ничего не отвечал. Поинтриговавши еще немного всякого, маска скрылась, сказав, что явится через полчаса. Через полчаса приехали Базиль² и Федор Вас[ильевич]. Все подозрения пали на их двух. Но по разным причинам ни тот, ни другой не мог этого сделать. На другой день маменька первая подала мнение, и теперь все мое подозрение падает на Казадаева. Петя даже видел в книге, где записываются берущие костюмы, буквы «К...ъ». Должен быть он. Но неужели его научил Огранович? Это очернит его в моих глазах. Это было очень неприятно маменьке и Кат[ерине] Яковлевне. Третьего дня, 2-го числа, мы были на бале у Туманского посреди ужасной communauté.³ Вчера ввечеру я был у Ограновича с Петей. У него было довольно много: человек 20. Ни у Туманского, ни у Ограновича Тарновские мне не кланялись, я им тоже не кланялся. Черт с ними.

Того же дня. Давно мне не было грустно, я не работал, я ни о чем не думал, кроме о *frivolités*,⁴ да и теперь не хочу заниматься. Мне грустно, грудь теснится, и беспрестанно в моем воображении представляются Секиринцы, наши мужики, наши беленькие хаты, наши миленькие дивчата, я вижу сады фруктовые, вижу большую дорогу в Ромны с множеством проезжающих коней крестьян, я слышу милые звуки наших песней, и мне грустно! приятно грустно! А все, меня окружающее, сделалось гадко.

5-го генваря. Вчера вечером, в четверг, у нас было очень весело. Мы танцевали до 2-х часов ночи. Что приятнее было всего, это то, что у нас были Ульянины наконец. Какие миленькие девицы Ульянины. Их было две: Ольга, этот живчик, веселая, миленькая, и Nadine, хорошенская, интересная. Впрочем, ни та, ни другая не в моем роде. Обе они слишком живы для того, чтобы меня прельстить, я люблю длинное лицо, томные глаза...! Я забыл сказать, что я заметил. Когда мы выходили от Туманского, мы прощались с Кат[ериной] Яковлевной, и она сказала с видом

¹ Мовиться про Якова Дуніна-Борковського.

² Ймовірно, Василь Дунін-Борковський.

³ Товариства (фр.).

⁴ Легковажності (фр.).

довольно торжественным: «Я думаю, что у вас никого не будет в четверг, кто же у вас будет». Досадно видеть такую мелочность в особе, которую уважаешь.

Я все забываю писать об Комаровском и опять буду писать тогда, как уже переменятся мысли и впечатления.

8-го генваря. Наконец, вставши сегодня утром, против обыкновения, довольно рано, я почувствовал в себе расположение писать о Комаровском. Вот что я об нем думаю. Уже одно то, что он имеет такие возвышенные или, скорее, теплые чувства, говорит много в пользу его, но как много вещей говорят и против него! Он односторонен, как слабая женщина, готов вся кому кланяться, во всяком искать, и совершен но лишен твердого положительного ума.

10 генваря. Вчера вечером в 8-й, если не в 10-й раз, мы говорили с маменькой о сестре и о Комаровском. Маменька открыла мне глаза в отношении к поведению Ограновича и компании. Его поступки действительно очень странны, и я не ожидал этого от умного Ограновича. Он имел полное право искать руки сестры и огорчиться тем, что Комаровский так близок в нашем семействе. Но обижаться этим и тем более так явно это показывать – это просто глупо. Видно, что маменька на него очень сердита. Когда сестра легла спать вчера, то мы закрылись с маменькой в кабинете и до полночи протолковали об этом. Не знаю, откуда взялось мое красноречие? Я очень ловко опровергал суждения маменьки. Она сначала нападала на меня за то, что я в обществе не лучше с Комаровским, чем с другими, и даже холоднее с ним обхожусь, между тем как в отдельности я гораздо лучше с Комаровским, чем с кем-либо другим, что это доказывает подлость, что я боюсь молодых людей. Но я доказал, что если бы я был лучше с ним, чем с другими, то это бы значило явно все открыть. Я начал нападать на Комаровского и несколько раз останавливался с мыслью, хорошо ли я делаю? может быть, мои слова так действуют, что совершенно поставят маменьку против Комаровского, между тем как сестра была бы, может быть, счастлива. С другой стороны, я, может быть, поступаю двулично. Я с ним хорош, как нельзя лучше, утром я с ним завтракал у Legrand, а вечером я его обвиняю, лишаю его всего счастья земного. Но какая-то неведомая сила влекла меня вперед. Я говорил с жаром о бесхарактерности или, скорее, о чрезвычайной несмелости Комаровского, и даже трусости его, о том, что никто его не любит из молодых людей, и что этим нельзя презирать. «Какая тому причина?», – спросила маменька. «Я думаю, – отвечал я, – что молодые люди ищут прямоты, как и все, впрочем, ее ищут, а что в Комаровском ее вовсе нет. Что человек, который со всеми на церемониях, у всех ищет, беспрестанно говорит комплименты, а между тем говорит как об ужасном несчастье,

что у него на часах заснул караульный, и как о большом счастье, что дивизионный командир похвалил его роту, что такой человек не может быть любимым молодыми людьми». Надобно было прибавить еще важную причину их нелюбви к нему: это религиозность. Я заметил, что это сильно подействовало на маменьку. Я, с моей бесхарактерностью, хотел отступить назад, но, к счастью, не мог. Далее я начал упрекать маменьку в том, что она гоняется за графством, когда я сам так желал и желаю, чтобы сестра вышла за одного из Кочубеев (князей), между тем как не думаю о том, будет ли она счастлива с этими ужасными эгоистами.

Тот же день. Странно, как иногда досада может вдруг от ничтожной вещи превратиться в грусть. Нам пишут из Секиринец, что там у нас ужасный падеж скота. В ноябрь месяц пало у мужиков до 180 голов рогатого скота. Мне было ужасно жалко наших бедных мужиков, но более было досадно на судьбу. Сегодня утром после чаю я начал с маменькой разговаривать о вещах, очень близких нашему сердцу. Мы на время замолчали; между тем по улице проехал чухонец на хорошенкой маленькой лошадке. Маменька сказала с грустным выражением, которое так у нее прекрасно: «Посмотри, Гришун, какая хорошенья лошадка у этого мужичка». Мне вдруг стало ужасно грустно, мне представились наши разоренные мужики, и я заплакал, так сладко заплакал!

12 генваря. Конец праздникам! И как тяжело приниматься за работу. Мы вчера были на бале у Ульяниных, на котором было до 250 человек. Мы приехали домой в 5-м часу утра. На бале нельзя сказать, чтобы мне было весело. Мне гораздо веселее на вечерах, где не так много народу. Ах! именно на бале я бы желал быть хорош собою, развязным без женства и не носить нашего школьного мундира. Мне было досадно, что дамы не выбирали меня в фигурах.

15 января. Наконец я достиг того, чего сначала так справедливо страшился, того, что так отвратительно и вредно, наконец я сравнялся в этом со всеми негодиями и сорванцами: я болен болезнью молодых людей, я заражен этой мерзостью, хотя не в сильной степени. Вчера я был у доктора, долго ждал его и, не дождавшись, возврат[ился] домой. Не знаю, по какой причине, но я никак не ожидал от себя самого такого хладнокровия, какое я теперь в себе вижу. Несколько времени тому назад, когда я подумывал, что могу быть болен, холодный пот пробегал по жилам моим, а теперь я только нахожу в этом одну неприятность скрывать все от маменьки и делать диет, не понимаю, от чего происходит это хладнокровие. Сегодня утром я сказал это Федору Васильевичу, который принял необыкновенно холодно, он и о малейшей вещи меня не расспрашивает и мои рассказы принимает необыкновенно холодно и сухо. Также не знаю, от чего это происходит, или он сердится, или хочет показать хладнокровие, чтобы видеть, что я буду делать. Не знаю, чем это

кончиться. Надеюсь, что Эвенгоф вылечит меня до основания. Как гадко, отвратительно платит иногда природа за минутное блаженство; если бы я мог, я бы взял назад все, что перечувствовал приятного, только чтобы не чувствовать того омерзения, которое чувствую.

16 генваря. Я открыл мой секрет в университете только трем товарищам – Ульянину, Жемчужникову и Комаровскому. И тут замешалось тщеславие. Какая ничтожность характера. Прошло во мне хладнокровие, я весь день был скучен. Раскаяние, досада, отвратительность лечения и нетерпение ужасно меня мучит. Доктор нашел мою болезнь нешуточною, и я думаю, что я промучусь недели три. Я так бессилен физически! (так же, как и нравственно), так слаб! а тут вместо того, чтобы укреплять себя, я принужден расстраивать здоровье и нервы этим мерзким лечением. Что с меня будет, не знаю! Как доживу я свой век? Боже, каково мое негодование на самого себя.

Не знаю, останется ли этот листок в моем журнале? на нем написана такая тайна, которая не м[ожет] б[ыть] узнана меня окружающими.

Я сегодня сказал маменьке, что расстроил желудок и не могу бывать в обществах.

Того же дня. Вчера вечером я был со Василем Александровичем или, скорее, он был со мною в театре на «Тени», где я видел опять очаровательную Тальони. Оттуда мы проехали к Борковским (так как это был понедельник). Приехали, я приготовился ловко войти, поправил волоса. Вхожу: восемь пар танцевали кадриль. Все ахнули, когда я вошел, все обрадовались. Пришла перемена фигуры, и я в это время [слышал] со всех сторон, как мне говорят: «Ну, слава Богу, что вы приехали! без вас ничто не клеилось, мы до сих пор протанцевали только три кадриля». Потом: «Vous voilà enfin, comme nous vous attendons avec impatience»¹ и т. п. Фразы сыпались со всех сторон. Все с приветливостью жали мне руку, все смотрели на меня с улыбкой; мое сердце крепко забилось от радости. Ах! думал я, какое наслаждение! какую роль играю я в обществе, сам этого не зная. И это в доме, где трое взрослых сыновей, уже по положению своему имеющих вес в обществе, не в школьном мундире, как я, могут занимать, веселить всех гостей, и в этом обществе я имею такой вес, играю роль души общества. Ах, как я вспомнил тогда слова Федора Васильевича. Он еще недавно мне говорил, как в мои лета бесполезно и даже вредно бывать исключительно в таких обществах, где играешь какую-либо роль. Возможно ли, чтобы у меня вчера вечером не забилось сердце самодовольствием. Я играю такую роль, думал я, и вместе чувствую, как она для меня ничтожна.

¹ Ви нарешті тут, з яким нетерпінням ми чекаємо на вас (фр.).

Невідомий художник.
Портрет Софії Юхимівни Дараган,
у шлюбі – княгині Хованської.

Потапов М.
Портрет Катерини Василівни Галаґан
(уродженої Гудович).

Потапов М.
Портрет Петра Григоровича Галаґана.

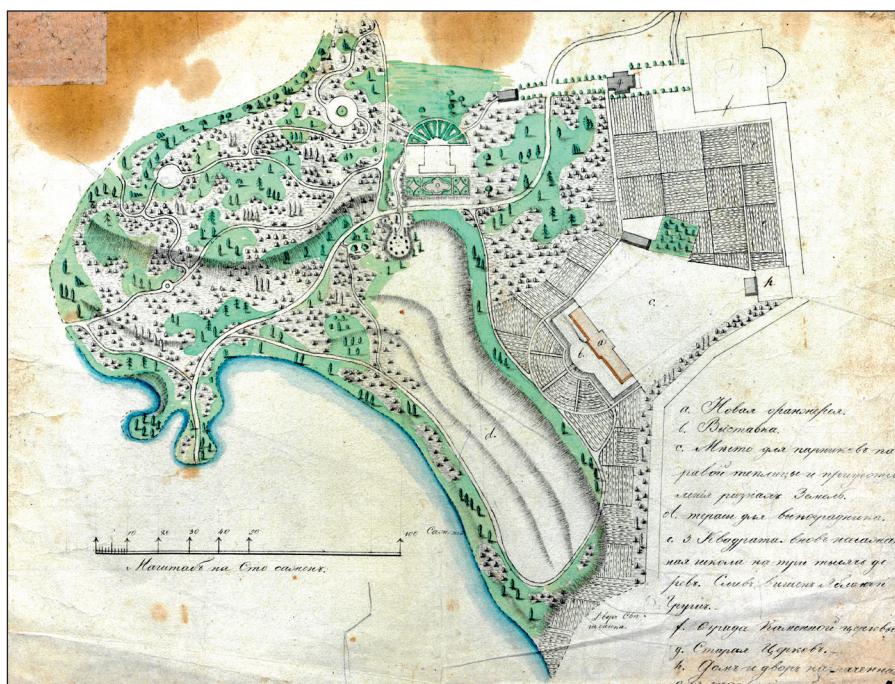
Потапов М.
Портрет Павла Григоровича Галаґана.

Нечаєв І. О.
Портрет Марії Павлівни Г'ялаган. 1839.

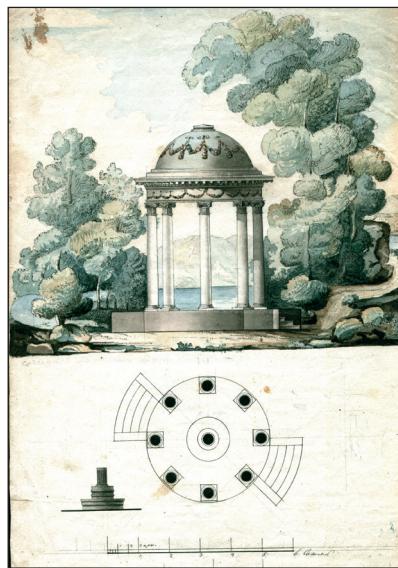
Невідомий художник.
Портрет Марії Павлівни
та Павла Євграфовича Комаровських.
XIX ст.

Сокиринці, маєток Галаганів.
Парк XIX ст. План.

Волосков О.Я.
Готичний місток у Сокиринському парку.

Дубровський П.А.
Маєток Галаґанів у Сокиринцях.
Ротонда в парку палацу. Проект.

Стілець зі столового гарнітура
з маєтку Галаґанів у селі Дігтярі.

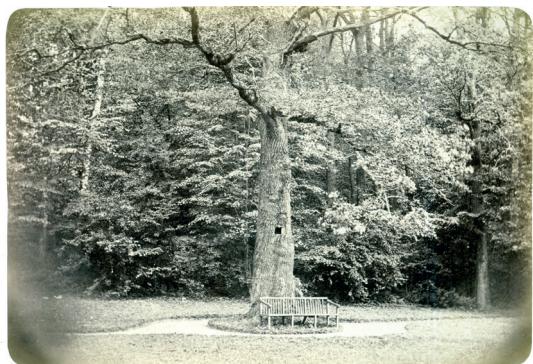
Столик-підставка з маєтку Галаґанів у селі
Сокиринці з написом на стільниці:
«От старой любимой березы Секиренского
сада, снятой в 1887 году». (До записис
в «Журнале» від 16 лютого 1838 р.).

Ротонда, оранжерея та теплиці
маятку Галаганів у Сокиринцях.
Вид з «Красного моста».

Готична альтанка в парку маєтку
Галаґанів у Сокиринцях.

Дуб у «Святій долині»
в парку маєтку Галаґанів
у Сокиринцях.

19 генваря. Сегодняшняя моя записка будет состоять в рассказе одного происшествия, которое очень заставило меня подумать. Вчера, в четверг, как обыкновенно был у нас вечер. В этот раз съехалось очень много гостей (Ульянини также были), всего было человек 36. Комаровский, ехавши к нам с братом, опрокинулся и крепко ушиб ногу, так что он не мог досидеть до конца и уехал домой. Я не принимал участия в танцах по известной причине и ушел прежде окончания спать. Танцевали до 12-ти часов. На другой день, когда я взошел наверх чай пить, я заметил, что сестра очень бледна и печальна. Я сначала приписал это нездоровью. Возвратясь из университета, я в ней нашел то же самое, я заметил даже, что она удерживалась от слез. Тогда я ее обнял, поцеловал, повел ее в комнату, где нас не могли подслушать, и просил ее прямо (прямота есть всегда вернейшая дорога), просил ее говорить со мною откровенно. Она опустила голову, как будто в чем-нибудь была виновата, ее глаза наполнились слезами, и она проговорила: «*Gregory, I will speak to you*».¹ – «*Speak, dear Mary, and be sure, that you speak to a brother who loves you sincerely*»,² – отвечал я. – «*I like the count*»,³ – проговорила она дрожащим голосом и, не дав мне отвечать, прибавила: «*I pray you! Be well with him, you are so cold with him*»,⁴ и заплакала. Бедненькая! подумал я, она даже не осмелилась сказать: «I love»,⁵ а сказала: «I like».⁶ Тысячи мыслей и чувствований вдруг повернулись во мне. Я не знал, что ей говорить, я бы мог прямо начать говорить против Комаровского, представить его с черной стороны, но я остановился: меня остановило благоговение к святому, прекрасному чувству любви. Наконец я собрал мысли и начал, не знаю, хорошо ли это было, я начал еще прямее, я начал просто говорить о нем как об ее женихе, сначала хвалил его, потом представлял его односторонность. Всякий человек имеет более или менее склонность увлекаться; у меня эта склонность чрезвычайно сильна. Я вижу, что я увлекся против Комаровского. Он много имеет прекрасных качеств, и те недостатки, которые в нем есть, были мною преувеличены. Я очень понимаю, как мне кажется, любовь сестры к Комаровскому. Во-первых, она его любит, потому что он точно достоин любви, во-вторых, ее любовь усиlena тем, что он граф, в-третьих, тем, что она лучшего не видела в нашем скучном любезными молодыми людьми обществе, а в безрыбье и рак рыба. Впрочем, отбросив в сторону самого Комаровского, много в пользу его говорит его семейство, которое очень почтенно. Опасно только одно: что[бы] это увлечение сестры не было минутным или, точнее, временным. И что будет тогда, если она, выйдя за него замуж, будет в том раскаиваться.

¹ Григорій, я говоритиму с тобою (англ.).

² Говори, люба Мері, й будь певна, що ти говориш з братом, котрий щиро любить тебе (англ.).

³ Мені подобається граф (англ.).

⁴ Я благаю тебе! Будь ласкавий з ним, ти такий холодний з ним (англ.).

⁵ Я кохаю (англ.).

⁶ Мені подобається (англ.).

20 генваря. Я сьогодні ужасно нездоров; проклинаю судьбу! у нас в університеті чотири лекції, і я вовсе не пошов в університет. Заняться не хочеться! Маменька уехала делать визити, і я позову к себе сестру і буду с нею говорити.

22 генваря. Ma patience vient à bout.¹ Нечего делать: сам виноват – сам д[олжен] терпеть. Скоро ли выздоровею?

23 генваря. Странний у меня характер! совершенно сангвинический темперамент. Я вдруг теперь, со вчерашнего дня, начал думать о приятности тихой сельской жизни. Это не выходит из моей головы, я бы желал быть действующим лицом в идиллии Фосса. Я воображаю себя в прелестной деревушке Саксонии между живописными горами на берегу тихого озера; и там, в долине, в уединенном месте, живет добрый пастор с какою-нибудь хорошенъкою племянницею, белокуренькою Amalchen! И природа кругом меня так великолепна, так прелестна. И восхождение солнца встречает соловей. И дорога, ведущая к пастору, так живописна. Вдали виден старый замок на горе, и к этому замку мы ходим прогуливаться. Полно, полно. Вот эта мысль как заняла меня, так и не выходит из головы, и вместо того, чтобы заниматься списыванием лекций, я все рисую план воображаемого мною места: и деревни, и полей, и гор, и лесов, и озера. Не надобно давать волю фантазии, но оно приятно.

Того же дня. Как жалко бывает, когда потеряешь усердного раба. Нам пишут из Секиринец, что наш тамошний приказчик Гах умер.

25 генв[аря]. Мне всегда бывает очень досадно и грудь теснится, когда замечаю, что маменька со мною холодна. Она все думает, что я в каком-то заговоре с Федором Вас[ильевичем] против нее в отношении к Комаровскому, и вообще, что все, что она мне говорит наедине, я иду пересказывать Фед[ору] Вас[ильевичу] и обсуждать по-своему. Она говорит о всем с Фед[ором] Вас[ильевичем], но ее материнское сердце не терпит, чтобы я был с кем-либо откровеннее, нежели с нею. Это, впрочем, очень естественно. Я в самом деле во многом откровеннее с Фед[ором] Вас[ильевичем], нежели с маменькой. Что же делать? с одной стороны я нахожу строгого критика моих действий, а с другой – доброго, но деспотического их распорядителя! Сегодня утром она сошла вниз к нам попрощаться с Фед[ором] Вас[ильевичем], потому что она ехала куда-то. Я был в другой комнате. Фед[ор] Вас[ильевич] сказал маменьке, что нехорошо, что она посыпает всякий день человека узнать об здоровье Комаровского, а что лучше бы было, чтобы я писал записки; маменька спросила: «Отчего?», не знаю как, но таким образом, что это рассердило капризного, нездорового Фед[ора] Вас[ильевича], кот[орый] довольно неосторожнo

¹ Моє терпіння вичерпалося (фр.).

отвечал: «Оттого, что хорошая погода». Когда я вошел в комнату, то нашел уже, что у маменьки раскраснелись щеки. Разумеется, что это расстроило маменьку. Когда она возвратилась перед завтраком, я сошел наверх и решился спросить ее прямо: «*Vous vous portez bien, maman?*¹» – «*Oui, tout à fait bien*».² – «*Vous n'êtes pas mécontente de moi?*».³ – «*Vous devez le savoir*,⁴ – отвечала маменька, – *si vous ne sentez rien de mauvais ne vous alors je ne suis pas mécontente, si oui...*».⁵ Я не дал ей докончить и с досадой отвечал: «*Dans ce cas j'ai le droit de croire que vous n'êtes pas mecontente de moi*».⁶ Мы пошли завтракать, после чего я тотчас сошел вниз и теперь не хочется сойти наверх. Неужели маменька узнала мою мерзкую тайну. Но нет, это не может быть.

26-го генваря. Вчера у нас был настоящий хороший вечер. Гостей было более 40 челов[ек]. Из новых были Шишмаревы. Если бы я был живописцем, я бы изобразил Ольгу Шишмареву вакханкой.⁷

27 генваря. Вчера утром я видел близкий пример, как теория б[ыла] побеждена практикою. Я рассуждал о родстве и дружбе и нашел в результате, что дружба гораздо выше родства, которое случайно сталкивает двух людей. Я должен быть близок с таким-то человеком потому только, что он мой родственник, между тем как наши сердца вовсе не симпатизируют между собою. В дружбе совсем другое, здесь ничто постороннее, случайное не имеет места, я хороший, я откровенен с человеком, потому что между нашими сердцами есть симпатия. След[овательно], дружба очень высока, а родство более вредно, нежели полезно, потому что я поневоле должен быть близок с человеком, которого я презираю. Я передал эти мысли Фед[ору] Вас[ильевичу], кот[орый] сказал, что родство уже по тому хорошо, что оно сближает людей, заставляет их быть откровенными между собою, а чем больше откровенности между людьми, тем лучше. Я с этим не согласился. Через полчаса человек входит в мою комнату и говорит радостную весть, что дяденька Михайло Васильевич приехал. Я побежал опрометью и увидел обрадованную маменьку в объятиях дяденьки. Я вполне почувствовал все блаженство родства; я целовал от всего сердца дяденьку, и Николу, и Ваню, и истинно был счастлив.

Того же дня. Ай, как плохо идут мои занятия, ничего почти не успеваю делать. Или мне мешают, или я сам вместо того, чтобы заниматься

¹ У Вас усе гаразд, матінко? (фр.).

² Так, усе гаразд (фр.).

³ Ви не є незадоволені мною? (фр.).

⁴ Ти маєш це знати (фр.).

⁵ Якщо ти не відчуваєш нічого поганого, то я не розчарована, якщо так... (фр.).

⁶ У такому разі я маю право вважати, що Ви не є незадоволені мною (фр.).

⁷ Мовиться про юних сестер-красунь Олександру й Ольгу Шишмарівих, дочок багатія та аматора мистецтва О. Ф. Шишмарьова. К. Брюлов у 1839 р. написав портрет сестер Шишмарівих, що нині зберігається у петербурзькому Російському музеї.

ся, все думаю, все мечтаю. Моя мечта все там же, где и была, т. е. в немецкой деревушке, где уже составился целый маленький роман. Как сладко мечтать! Я воображаю себе, что я вижу этого доброго и умного пастора в своем хорошенъком хуторке (я нарисовал план этого воображаемого жилища). Хорошенький домик, чистенький двор, обсаженный итальянскими тополями, направо от двора – огороды, налево – маленький скотный двор, где живут несколько овечек, коров, ослов и пара лошадей. Позади дому – сад, который идет en pente¹ далее к величественным горам, которые окружают с двух сторон пасторово владение; с третьей стороны – дорога, с четвертой, внизу, – также дорога и чистое озеро между горами. И в этом прелестном месте живет Амалия, ангел и душою, и телом, она племянница пастора. Ее мать, очень злая и глупая женщина, дворянка, живет в городе с прочими дочерьми, а меньшую дочь, Амалию, отдала на воспитание ее дяде по его просьбе. Она поступила в дом дяди 13-ти лет. В 5 лет жизни у пастора она к нему более привыкла, нежели к матери, которая в раз в год с нею виделась и очень грубо с нею обходилась. Я, т. е. герой, поселился в деревне близ города по одному делу, познакомился с пастором и проводил ценные счастливые дни с Амальею. Как счастливы влюбленные! сколько приятных ощущений проходят в их сердцах. Какое у них чистое, святое понятие о любви. Как дорого, как священно все то, что принадлежит к милой особе, в которой не видать ни малейшего недостатка, а только лишь достоинства. Когда в другой комнате много людей, и она посреди их, то, не видевши ее, сердце чует, когда она подходит к двери. А что может сравниться с тем состоянием, в котором находится душа, когда возлюбленная каким-либо знаком дает заметить, что она тебя любит. Каждое пожатие руки, каждый толчок ногой под столом заставляет трепетать от радости, уносит на небо! Я теперь никого не люблю, и никто из девиц, которых я вижу, мне не нравятся. Но я и позабыл роман. Продолжаю: мы друг друга полюбили, я был осчастливлен несколькими поцелуями, и мои намерения были открыты, как вдруг к пастору явился какой-то мужчина лет 35-ти от матери Амалии. После двух или трех его посещений пастор получает от злой женщины письмо, в котором она требует, чтобы Амалия приехала к ней в город на неделю, и что она намерена отдать ее замуж за этого урода. Она со слезами повинуется и едет. Он с нею обращается как с девкой. Она ему объявляет, что она его не любит. Между тем мать уже назначила через месяц свадьбу. Мы с пастором придумываем все средства, чтобы спасти бедную девушку. Жених боится, чтобы у него не отбили невесты и несколько раз покушается обесчестить несчастную девушку. Наконец она умоляет мать, чтобы она пустила ее на один только день к дяде, чтобы

¹ Похило (фр.).

с ним попрощаться, и тут пастор воспользовался случаем и силою не пускает ее от себя. Мать жалуется, но пастор силен во всем околотке, и мать обвиняют в жестоких поступках с дочерью. После этого жених и мать изыскивают все способы, чтобы похитить Амалию, некоторые почти удаются, но наконец я торжествую, и Амалия делается моей. Ах, Боже! чем это кончится, я ничего не делаю, как придет экзамен, то опять будет беда.

28 генваря. Вчера живописец начал снимать с сестры портрет акварелью для меня, в малороссийском костюме.¹ Я не могу хладнокровно смотреть на этот костюм. Как он мне приятен!

Я уже давно слышал одну весть, только все было недосуг написать о ней. Я узнал от Фед[ора] Вас[ильевича] (который в свою очередь слышал), что отец Комаровского был некоторое время сумасшедшим. Это меня очень пугает, тем более, что чрезмерная религиозность у этого Комаровского есть ни что иное, как слабоумие.

31 генваря. В тот день, когда я рассуждал о родстве и дружбе и предполагал дружбу, я увидел на практике совершенно противное. Приезд дяденьки Мих[аила] Вас[ильевича] примирил меня с родством. Теперь же, напротив, является другой случай, который утверждает мою теорию. Приехала тётичка София Ал[ександровна] из Малороссии еще третьего дня в 5 часов вечера и не прислала нас об этом уведомить; мы об этом узнали от Ограновича вчера после обеда. Она остановилась у мерзяков Казадаевых, которые показывают нам особенное нерасположение. Тем более это все гадко, что тут замешавается интерес. Им бы хотелось, чтобы дяденька записал Софии Ал[ександровне] имение, но этого, я надеюсь, не бывать.² Я ужасно взбешен их поступками и поступками Софии Александровны. Когда Огранович сказал нам о ее приезде, мне эта новость не сделала ни малейшего удовольствия. Я очень явно показываю холодность мою к Казадаевым и к ней; не знаю даже, хорошо ли я делаю, то есть будет ли это поступлено с политикою. Вдобавок маменька получила письмо от Петра Григорьевича. Он писал много глупых писем или, скорее, недобрых, где он под слишком редким покрывалом выка-

¹ У другій четверті XIX ст. акварельний портрет був ледве чи не найпопулярнішим видом образотворчого мистецства. Іван Олексійович Нечаєв, автор портрету Марії Галаган, виконаного на початку 1840 р., з 1833 р. був стороннім учнем Академії мистецтв у Петербурзі, двічі, у 1834 і 1841 рр., отримував другу срібну медаль, у 1835 р. здобув звання вільного художника. Він належав до широкого кола портретистів-акварелістів, котрі сприяли розквіту цього жанру, з його демократизмом, увагою до портретованого, легкістю, барвистістю художньої мови. Дкладніше див.: Русский акварельный и карандашный портрет первой половины XIX века из музеев РСФСР / авт.-сост. С. М. Горбачева, С. В. Ямщиков. М.: Изобразительное искусство, 1983. 336 с.

² Г. Галаган був спадкоємцем свого бездітного дядька Петра Григоровича Галагана. С. О. Галаган після смерті свого чоловіка у 1855 р. усе ж таки отримала його маєтності у довічне володіння. Вона померла у 1864 р., після чого ці маєтки нарешті перешли до Г. Галагана.

зывал весь свой грубый эгоизм, но такого гадкого письма в этом роде еще не было. Он хвалит нашего управляющего, и видно, что эта похвала ловко подкуплена тонким перекрещенным жидом, на которого я имею много подозрений. Одним словом, он написал таким тоном, каким может написать только совершенно посторонний человек. И вот родство! Оно оканчивается словами: «Будьте уверены, почтеннейшая сестрица, что я всегда готов принять участие в вашу пользу» (что-то в этом роде). Вот родство! Каково?

3-го февраля. Я почти решился уже на необыкновенное действие. К счастью, оно необыкновенно для меня; я всегда этого боялся и теперь боюсь. Я решил занять денег, сделать долг! а? il n'y a que le premier pas qui coûte,¹ что дальше будет, не знаю. Впрочем, я занимаю деньги решительно по самой крайней необходимости. Надобно заплатить за секретное лечение доктору более 200-и рублей; еще, кроме этого, у меня на сердце лежит тяжелым камнем полуимпериал, который я занял прошедшего года у Миша Маркевича, я был в Малороссии и не отдал ему долга, для этого надобно иметь мой медный лоб! Когда я отдам эти 300 или 400 рублей, которые я зайду? Одна надежда только на то, если я поеду один за границу, то уделю из моих денег эту сумму. Ах! мой заграничный вуаяж есть вещь, об которой я очень много должен подумать.

5-го февр[аля]. Какая лень, ах, какая лень! ничего решительно не могу делать, мне необходимо надобно работать, списывать пропущенные лекции, но перо валится с рук.

7-го февраля. Если бы я был человек с твердой волей, человек с энергию, я бы, может быть, что-нибудь мог сделать, что мог бы назвать своим. Но теперь, увы! там, где я сам должен действовать своим умом, своею волею, там я...

11-го февраля. Я писал то, что выше, 7-го февраля, и теперь, через 4 дня, должен повторить то же самое. Не знаю, что со мною делается? Я ужасно недоволен собою, а между тем вовсе не стараюсь собою овладеть. Во все это время, т. е. более недели, состояние моей души можно назвать летаргическим сном. Лень дошла до сильной степени, работать не хочется. Вчера, в субботу, была репетиция у Краинхфельда из финансового права о монетном промысле. Я приготовлялся к этой репетиции у Тулинова, с ним и с Комаровским, но не подготовил последней статьи. Вчера, как на беду, Краинхфельд спросил у меня эту последнюю статью, и я ничего совершенно не знал, следов[ательно], дела университетские не очень хорошо идут. Удивительно, что в это время я совершенно перестал рассуждать, мой рассудок покоится в бездей-

¹ Аби почати, а там воно й піде (фр.).

ствии, никакое желание не проходит в моем воображении. Дней десять назад я только и думал о женщинах, теперь же я был на днях на концерте цыган, которых я не мог хладнокровно слышать, экспрессия, с которой поют Груша и Любаша, приводила меня в трепет, теперь же я их слушал с совершенным хладнокровием. В четверг на вечере я еще хладнокровнее смотрел на всех наших девушек. Хотел бы рассуждать о моем теперешнем положении, о моих поступках (что и начал было делать 7-го числа), о моих занятиях, о моей болезни, хотел бы обо всем этом написать, и много писать, но не могу, решительно не могу собрать мысли, и рассудок, и сердце совершенно спят. Может быть, это следствие лекарств, которые я теперь принимаю. Ведь наша предполагаемая человеческая душа так велика, что на нее действует микстура. Я даже не думаю о Секирицах. В воображении я напеваю какой-то знакомый кадриль. Доктор объявил мне такие вещи об моих физических способностях, что во всякое другое время я бы плакал от отчаяния, а теперь ничего, даже не могу собрать ума, чтобы об этом подумать. Мне необходимы некоторые записки, которые мне обещали, а я не могу собраться, чтобы за ними послать. Ездил сегодня по Невскому и по Англинской набережной, которая кипела народом по случаю хорошей погоды. Ах, какое ужасное состояние души! ничего не могу думать. Но нет, я думаю, что это зависит от воли, стоило бы принудить себя, да не могу принудить себя. Ужасное положение это мое состояние, ах, Боже мой! совсем об других думаю! Как-то будет завтра?

12 февраля. Да! я кажусь самому себе хладнокровным ко всему, но где коснулось до моего убеждения, там я сам увидел, как я нехладнокровен. Сегодня после обеда мы начали рассуждать – маменька, дяденька и я – о русских и малороссийских мужиках. Они оба обвиняли, как обыкновенно, малороссиян за их нелюбовь к помещикам и хвалили русских за то, что они любят своих помещиков, как дети отца. А ведь это говорил дяденька, который многим доказал, что он очень и очень умен, что же делать? не переделаешь русского сердца! Я начал с жаром говорить, как думаю об этом предмете. Я говорил, что, если бы я был помещиком и в России, и в Малороссии, я бы больше любил тех моих мужиков, которые меня бы не любили, т. е. малороссиян, при равных условиях с русскими, я говорил, что это показывает в них чувство собственного достоинства. «Но малоросс снимает перед тобой шапку из одного страха», – возразили дяденька и маменька. – «Да! – сказал я, – и так бы и я поступил, если бы имел несчастье быть крепостным. Я бы ненавидел моего помещика оттого только, что он мой неограниченный господин, что я принадлежу ему», – и тут пошел катать. Я чувствовал, как невольно я кричал, как мои щеки разгорелись, и я был восхищен в душе, что имею еще жар энергии! Мои противники были побеждены, хотя, разумеется, о том не сознались.

11 часов вечера. После обеда мы поехали в Александринский театр и видели «Парашу».¹ Пьеса эта очень трогательна, и у меня несколько раз навертывались слезы на глазах. Жаль только, что Полевой и тут много употребляет слова «царь» и тем заставляет офицерство пошло аплодировать. Из театра мы поехали к Борковским на вечер, где застали много гостей. Шишмаревы также там, Ольга очень à son avantage.² Какое искушение! а мне нельзя танцевать. Я пробыл всего полчаса и старался казаться как можно естественнее. Кажется, что надо мной никто не смеялся из девиц, и это хорошо. Кажется, что я кажусь любезным Шишмаревым и Зварковским, которые меня мало знают. Но какое искушение, да что же, впрочем, я уехал, не потому, что хотел уехать, не от силы воли, а потому, что боюсь упреков Фед[ора] Вас[ильевича] и доктора.

13-го февраля. У меня не выходит из головы несчастный, а может быть, и счастливый Лобанов. Я то вижу просто его лицо, которое изображало прямоту благородства, но вместе и дерзость, то воображению моему представляется его окровавленный труп, его бледное простреленное лицо или, скорее, искаженное выстрелом, его рука, сжимающая пистолет. Как товарищ, я не могу об нем много жалеть. Я с ним никогда не был большим приятелем, и кажется, что он не любил меня, но мое добрейшее сердце забывает все и сожалеет об нем. Что было причиной его решимости? этого, верно, мне не разгадать. Но хорошо ли это или худо? Это показывает или твердый характер, или отсутствие характера.³ Впрочем, во всяком случае, я не в состоянии бы был застрелиться, у меня не станет никогда довольно воли. Какую твердую надобно иметь для этого решимость! Впрочем, это понимается только при случаях. Бог знает, что будет происходить и в моем существе со временем.

Холодность Ульянина при этом случае меня вовсе не удивляет. Он ветреный ребенок, но совершенное хладнокровие Жемчужникова меня очень удивляет. Неужели я до сих пор не разгадал этого человека.

Сегодня вечером я уехал, потихоньку уехал от Борковских. И я это считаю победою над собою! тогда, когда я боялся просто Фед[ора] Вас[ильевича] и доктора!

¹ Прем'єрний показ п'єси М. А. Полевого «Параша сибирячка» на сцені Олександринського театру в Петербурзі відбувся 17 січня 1840 р. Див.: Басенко А.С. «Вот моя любимая пьеса...»: премьерные постановки «Параши сибирячки» Н. А. Полевого на сцене и в критике. Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 2. С. 69–73.

² У вигідному світлі (фр.), тобто є привабливою.

³ Князь Петро Олексійович Лобанов-Ростовський, студент Петербурзького університету, скоїв самогубство 11 лютого 1840 р. Професор О. В. Нікітенко у своєму щоденнику зауважив, що це був один з найкращих юнаків за розумом і вдачею (Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 219). Подейкували, що причиною самогубства стало нестерпне деспотичне ставлення до юнака його жорсткого батька – отримавши від нього ляпаса, він вкоротив собі віку. Нагла смерть П. Лобанова-Ростовського, шанованого у студентському товаристві, глибоко вразила університетську молодь. Його похорон перетворився на маніфестацію солідарності петербурзького студентства (див.: Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830–1840 гг. Русская старина. 1881. № 2. С. 370).

16 февраля. Ах, как тяжело! не знаю, куда бы убежал, куда бы бросился, если бы можно было, то я бы кричал во все горло, чтобы заглушить в себе все те чувствования, которые меня мучат. Болезнь моя, которая так долго и упорно меня промучила, почти прошла. Вчера (в четверг), несмотря на все запрещения доктора и советы Фед[ора] Вас[ильевича], я танцевал 4-е кадриля и, хотя не танцевал с дамою в мазурке, но меня часто выбирали, и для того, безумец, танцевал. Если бы был какой-либо предмет, приглашающий меня к танцам, я бы мог еще себя извинить, а то нет, я танцевал из глупого тщеславия, только чтобы показать себя и пощеголять несколькими фразами с дамою. Я воображаю, как должно быть гадко смотреть на меня, когда я танцую, как на моем лице изображается глупое тщеславие. Сегодня моя болезнь опять усилилась. Нет терпения, чтобы подождать! Ах, как досадно, как горько! А между тем несносная лень, непобедимая для моей слабой воли, не дает вовсе заниматься. Я ничего не делаю; беспечность царствует во мне. Хорош я буду хозяин! я отговариваюсь сам перед собою приездом Аркадия Алекс[андровича], но если бы была воля, то это вовсе не могло бы быть помехою. Ах, как тяжело, как грустно...

Наверху у нас Комаровский. Он в первый раз приехал после болезни и еще ходит с палкой. Что-то скажет об том дяденька Мих[аил] Вас[ильевич].

Я откладывая писать в моем журнале то, что так ужасно для меня, то, что я узнал уже недели две тому назад, но что по причине летаргического состояния моего духа не делало на меня впечатлений! Теперь оно пробудилось во мне с силою, оно начинает меня мучить, только еще начинает! О судьбы неисповедимые! зачем вы это так устроили. Я не могу писать! Как сердце бьется, как тесно, как скучно!

21 февраля. Вместо того, чтобы заниматься, я читаю повести! Сейчас окончил повесть «Шотландское семейство» лорда Эллиса, где описано несчастие семейства лорда Мельбурна; хорошенъкая повесть, и заставляет много играть воображение. Как я люблю английских лордов, и особенно нравственность их семейной жизни, красоту их замков и парков. Что мне мешает быть лордом в Секиринцах? Живя вне службы в прекрасном имении, как Секиринцы, ах! и имея прелестную подругу, украшение замка, чего желать больше? Как чего желать? Желания неограниченны, парк и парки будут увеличиваться, будут делаться беспрестанные постройки. Долго надобно дожидаться, чтобы Секиринский сад принял вид чего-нибудь целого. Мне кажется, что для этого необходимо или уничтожить, или закрыть тот кусок деревни, который занимает часть берега пруда, скорее закрыть и укрыть. Ко мне опять возвратилась мысль о постройке маленького замка в древнем вкусе, на самом краю парка, на горе, близ казачьих дворов. Он должен состоять из трех или

четырех комнат и одной или двух башен, с флагом. Вместо крыши должна быть терраса. Это место есть господствующее в Секиринцах, оно повелевает всею деревнею, лесами, домом, и оттуда видна большая дорога. Чудо что будет! Возле дома – регулярный сад! Ах, пока подумаю о том, что знаю, о том ужасном...

22 февраля. Давно я не плакал! и теперь плачу как ребенок. Дяденька добрый Михайло Васильевич уехал в Москву. Какое блаженство иметь добрых родственников, как болит, ноет сердце, когда с ними расстаешься! и как приятно, что можно поплакать о них. Иной и этого блаженства не имеет.

27 февраля. С четверга, с того дня, как уехал дяденька, прошло много шуму. В пятницу утром я был у Ульяниных на завтраке и катании; вечером – в Русском театре, где видел столь хваленную пьесу «Велисарий»,¹ где много эффекту, но мало того, что нас восхищает в «Гамлете», например. После театра я опять отправился к Ульяниным, где были маменька и сестра; там был просто бал. Ах, как бы я танцевал, если бы не боялся раздражить утишшую болезнь. В субботу утром я был в Большом театре, и как еще! Маменька с сестрой и с Николой и Ваней – в ложе, а я – в креслах. Играли «Морского разбойника», балет, в котором Тальони не так хороша, как в «Тени», но музыка Маурера превосходная, а костюмы превосходят всякое ожидание. Албанские костюмы чрезвычайно много имеют в себе поэтического. Вечером в субботу мы были у Борковских, где чуть-чуть не было une soirée manquée.² Поздно очень начали съезжаться, и я в 12-м часу с большою досадою, но добровольно уехал домой, даже не танцевавши! В воскресенье утром я был опять на «Морском разбойнике», где видел кучу знакомых и студентов, а вечером у нас были Борковские, Андреевы, Комаровский, Иваненко и потом наши два обычные гости: Арк[адий] Алекс[андрович] и Вас[илий] Алекс[андрович]. Чуть ли я не слишком быстро переменил свое обхождение с Комаровским. Будучи с ним так же вежлив, как и прежде, я решился с ним быть совершенно прямым и не подделываться под его набожные чувства. От этого, разумеется, происходит то, что я беспрестанно противоречу ему. Увы! я не могу не вздохнуть, подумавши, что ожидает нас в будущем. Человек, который, по всей вероятности, будет мне так близок, совершенно противоположных моим понятий, но это бы еще ничего не значило, если бы он не был фанатиком в своих понятиях. Я не могу во всем с ним согласиться, я не хочу плясать по его дудке, а между тем маменька на его стороне. Уже с некоторого времени мы с маменькой никогда не говорим о религиозных обрядах и очень редко говорим о нашем царе и порядке вещей; от этого между нами совершенный мир и счастье. Теперь же я очень боюсь, чтобы он не воскресил

¹ «Велізарій» – п'єса німецького драматурга Едуарда Шенка.

² Невдалий вечір (фр.).

между нами споров, чтобы он не раздул ту искру противоречий, которая находится между мной и маменькой. В воскресенье, говоря с ним о посте, я так махнул об исповеди, что он сжал мне руку и сказал с смехом, в котором выражалось сильное неудовольствие: «*Finissez donc, vous parlez tout à fait en Protestant*».¹ Но я все продолжал свое, и он замял разговор. Вчера, в понедельник, в первый день поста, я попросил маменьку, чтобы поехать на вечерню в Почтамтскую церковь. Я хотел этого как искатель сильных ощущений, и точно нашел то, чего искал. После шумной Масляницы вдруг поет хор в церкви: «Согрешихом, беззаконновахом, неправдо-вахом пред Тобою» и т. д., и потом уныло повторяет: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!», и весь народ падает ниц как грешник, как преступник перед великим Христом. Этого нельзя найти у протестантов.

29 февраля. Я решился, не знаю, хорошо ли сделал, говорить с Алексеем Комаровским о его брате. Он уверял меня, что Павел вовсе не имеет той нетерпимости, которую я в нем предполагаю. Я узнал из нашего разговора, что они оба сожалеют о том, что я заблуждаюсь, как они думают, в отношении религии и правления, и они оба подозревают, что Чижов меня сократил с пути истины! бедные головы! впрочем, они счастливы. Сам Алексей помолится Богу и тотчас получит облегчение. Он мне сказал, что его мать ужасно любит наше правление. Вот будет мне доставаться. Мне кажется, что мне приходится войти посредством сестры в семейство совершенно русское. Как я мало нахожу хорошего в русских и как много дурного.

1-го марта. Я совершенно теряю голову! Многие мои тетради не в порядке, а между тем, вероятно, экзамен наш рано начнется. Когда я успею приготовиться? Работа идет очень дурно.

3 марта. Поеду, нечего делать, поеду к Баршеву поподличать и расскажу ему, что вчера Краухфельд мне сказал. Я дурно отвечал у него на репетиции, и он при всех сказал: «Жаль очень, г-н Галаган, что вам не удается хорошо отвечать». Я даже не покраснел, главное, потому, что он то же сказал и Тулинову еще прежде. Что-то будет на экзамене, поможет ли мне Дондуков.

7-го марта. Я нахожусь в весьма затруднительном положении: работать очень нужно, а между тем пригласил Дондуков, не хочу выпросить милости, чтобы ею не воспользоваться, казаться дикарем. Не знаю, что делать. Еду.

13 марта. Много бы вещей я должен был внести в эту книгу, но я так мало занимаюсь, так много теряю времени, что все боюсь еще больше потерять его и не пишу в журнале. Например, не важная ли это вещь, что я, может быть, один поеду за границу. Вероятно, маменька останется зимовать в Секиринцах с Машенькой. Я боюсь о том, чтобы маменька

¹ Припиніть, Ви говорите цілковито як справжній протестант (фр.).

не расстроила своего здоровья, живши безвыездно в Секирицах и ходивши каждый день два раза плакать на гроб папенькин. Что касается до меня, то я об этом хочу подумать очень много, и уже много думал, я напишу в другой раз. Вчера был Комаровский и наконец познакомился с тетенькою Софьей Александровной, которая должна описать его в письме к дяденьке. А этот все ожидает письма от нее, чтобы написать к маменьке свои мысли. Пав[ел] Евграф[ович] показывал мне вчера письмо от его отца и матери. Я прочел, и два раза прочел это письмо, и оно мне показалось довольно странным. Отец пишет к сыну, во-первых, довольно холодно, ну, может быть, это такая манера писать, но главное то, что он ни слова не говорит об состоянии Машеньки. Неужели это семейство думает, что состояние есть самая последняя вещь. Ах, как они ошибаются. Сам, весьма естественно, не думает о состоянии сестры, потому что он влюбился. Но отец? Это должно быть первым его вопросом после вопроса о воспитании. Весьма похоже на то, что это письмо есть не первое, говорящее о Машеньке, но что он писал это по заказу от сына. При прощании Пав[ел] Евг[рафович] долго говорил со мною о его ужасном положении и поставил меня самого в затруднительное. Он постоянно требует у меня, чтобы я ему сказал, когда то, что до сих пор было в тайне, будет явно, т. е. когда он будет женихом? Ветреная София Алекс[андровна] просила маменьку, чтобы как можно скорее все окончить. Легко сказать! Но мы ведь до сих пор не знаем ничего верного об его состоянии.

14-го марта. Нет, не могу долее держать, еще вчера я узнал это, но все не хотел писать, чтобы не терять времени. Думал ли я когда-нибудь, что я узнаю такую тайну нашей фамильи. Вчера маменька мне открыла эту тайну. Я прямой потомок Петра Великого! Когда маменька сказала это, то я вспыхнул от стыда. Григорий Игнатьевич был незаконный сын, он был сын Петра Великого, от Тупталовой, которая родила скоро после того, как вышла за полковника Игнатия.¹ Если Игнатий знал об этом, то, о, как он худо поступил! Вчера, хотя я занимался, но все об этом думал. Сегодня это также не выходит из моей головы. Во мне кровь Петра Великого! Как я вдруг очутился близко этого человека.

15 марта. В затруднительных случаях жизни всегда выказывается характер человека. В настоящем моем положении я выказал всю свою ужасную бесхарактерность. Я запутался в самом себе, я остановился после многих поворотов и не знаю, наконец, куда повернуться. К чему я

¹ Олена Антонівна Галаган, дружина прилуцького полковника Гната Галагана, походила із заможної київської міщанської родини Тадрін, у першому шлюбі була дружиною київського бурмістра Максима Александровича (див.: Модзалевский В. Л. Малороссийский родослов'я. Т. 1. К., 1908. С. 221). Спорідненість Галаганів з родом Туптал, усвяленним святым Димитрієм Ростовським, і з російським царем Петром I, є генеалогічним міфом.

годен после этого. Я хотел действовать в истории сестры и Комаровского, меня руководила любовь к сестре и маменьке, я думал действовать, и тут я не устоял, и тут меня ворочают другие, как ветер ворочает флюгер. Я убедился сначала еще, что не надобно мешать в этой истории, я не могу сказать, чтобы я очень любил Комаровского, и тем более в этом случае можно было действовать холодно. О горе! услышу я об нем что-нибудь дурное, бросаюсь назад, услышу что-нибудь хорошее, услышу его просьбы, тетенькины советы, бросаюсь с таким же жаром вперед. Где же мое убеждение? нет его, нет его. Не знаю, что бы я готов с собою сделать. Третьего дня я был того убеждения, что должно подождать сговором, что должно узнать его еще ближе, особенно в материальном отношении. И в самом деле, чего спешить, думал я, можно между тем написать всем знакомым, чтобы разузнавали обо всем. Вчера приехала ветренница-тетка и убедила меня, что если не поспешить, то он заболеет нервическою горячкою; и я поверил ей! ей, которая таким же поступком устроила несчастие своего брата. Ах, я выхожу из себя, ох, я проклинаю себя, анафема, что я такое? ничтожное творение, которое должно быть презирено всеми, что я в силах сделать? вчера же, вчера же, после речи Софии Александровны, я вспомнил его убедительные просьбы, он представился мне с хорошей стороны. О, я проклинаю себя, я проклинаю себя, я рву на себе волосы, мне хочется плакать, урод.¹ Чем это поможет? что могу я сделать. Не знаю, как бранить себя, не прибираю слов.

Вчера я согласился на все, на все, сестра мне сказала, что сговор будет, как она думает, сегодня вечером, и я на это даже согласился! Но вчера после обеда я уже начал успокаиваться. Я пошел заниматься в свою комнату, пришел ко мне Фед[ор] Вас[ильевич], и я ему сказал мои новые мысли, после того, как я ему всегда говорил противное. Он улыбнулся и только сказал мне: «Гришун», – как все перевернулось в моей бедной голове, я увидел, что меня видят, как хотят. О Боже! что должен думать обо мне Фед[ор] Вас[ильевич], как он должен презирать меня, весь мир должен презирать меня. Вчера был четверг, у нас съехались гости, я вышел наверх. Начал играть со всеми au petits jeux,² приехал Николай Маркевич, и я в радости все забыл опять, я был так весел, как никто из общества не был. Возвратился в свою комнату, разделся, и тогда пришел Фед[ор] Вас[ильевич] и рассказал, что дяденька Арк[адий] Алекс[андрович], будучи с ним в спальне, перед образом со слезами говорил, что если это так скоро сделается, то он омывает себе руки. Все опять возвратилось в мою голову. О, как я душевно мучился! Теперь что я буду делать? Мне надобно действовать против, маменька сейчас увидит, что меня кто-нибудь подговорил.

¹ До цієї сторінки додано клаптик паперу з нотаткою, зробленою рукою Ф. В. Чижова: «Действительно честный и благородный человек тот, кто никогда никого не обманывал; быть им не зависит от нас, иногда нас увлекают страсти. Обманывать без страсти слишком нечестно».

² У маленьки ігри (фр.).

В настоящую минуту вот что я думаю: мне не нравится упорное действие Комаровского, он не прямо идет. Это видно, что он действует чрез Елагина на тетеньку. Хитрые действия в этом случае не у места. С другой стороны, я уже не первый раз замечаю, что он сам разносит слухи о своей удаче. Вчера Огранович мне сказал, что он слышал, что сестра говорена, от одного человека, который, в свою очередь, слышал это от Бугельского. Бугельский, разумеется, – от него. Мне это ужасно не нравится. Я еще не видел сегодня маменьки, как увижу – и начну просить, чтобы отложили. Ах, этой истории, этой штуке я многим жертвуя! Я теряю много времени. Экзамен подходит, это мешает мне заниматься.

Вчера. Я говорил с маменько и только раздражил ее. Она мне сказала много неприятного, и я заплакал от грусти, от тяжести. Утром маменька ездила с сестрою молиться в Казанскую церковь. Я воображаю, как искренни, как теплы были эти молитвы. Дело решено, переменить нельзя. Сегодня после обеда скоро приехал он и напомнил мне, что я с ним хотел говорить. Я говорил с ним, прямо спросил о его состоянии. Он мне сказал, что он от отца будет получать 9 или 10 тысяч в год. Я начал говорить о состоянии сестры и очень этим его обидел. Он со слезами на глазах остановил меня и сказал, что если я не хочу его очень обидеть, то чтобы я не говорил об этом. Я видел, что это точно обидело его и, поставив себя на его место, я это понял. Ах, если бы я был влюблен, была бы обида сказать мне что-нибудь о состоянии той, которую люблю. Сейчас приехала София Алекс[андровна]. Я думаю, что все дело кончится сегодня. За нею послали карету, как посыпали, может быть, за повивальной бабкой, когда Машенька родилась. Ах, как бьется, я думаю, сердце у бедной сестры! этого нельзя вообразить. Маменька получила письмо от Петра Григор[ьевича]. Жаль, что я наперед не написал ему письма, я бы, верно, угадал. Ах, какая минута.

16 марта. Я сейчас оставил наверху маменьку горько плачущую. Как мне жалко ее, как душевно страдает этот ангел. Что происходит теперь в ее материнском сердце, то знает только она сама. Вчера был один из тех дней, которые никогда не выйдут из моей памяти. Вчера после обеда приехал Комаровский, а потом София Алекс[андровна]. Он говорил с удивительным жаром, просил, умолял не откладывать, говорил, что он заболеет. Потом София Ал[ександровна] просила за него. Потом он взял Аркадия Алекс[андровича] и начал его упрашивать, чтобы он за него просил. Не могу хорошо разгадать, что действовало поступком Арк[адия] Алексан[дро维奇а], но он поступил как благородный человек. Он ему отвечал, что он его слишком мало знает, а что это дело очень важно. Наконец, после многих переговоров вполголоса, при которых я разговаривал с Арк[адием] Алекс[андровичем] только для connivence¹ и ужасно

¹ Співучасти (фр.), себто тільки заради підтримки розмови.

путался, потому что мои уши были там, наконец решили, чтобы говор был сделан в воскресенье, т. е. завтра, в 1 [час] пополудни (я, разумеется, с этим согласился от души, как будто это было мое убеждение), и с этим Комар[овский] и София Алекс[андровна] уехали. Остались Аркадий Алекс[андрович] и Фед[ор] Васил[ьевич], и тут начался разговор, который я никогда не забуду. Они резко и умно говорили против поспешности. Но говорили резко, и кому же? – матери, об чем? – об деле самом важном в ее жизни. Долго говорили, долго спорили, и мы разошлись в половине двенадцатого. Маменька была очень расстроена. И теперь она одна плачет, ей не с кем поделиться, я против ней, не достоин слушать ее тайны. В такие минуты женщина гораздо выше мужчины!

Март. Все кончилось в воскресенье, третьего дня, 17-го числа, и я опять доволен. Он у нас обедает всякий день; очень весело, очень приятно, только я мало работаю.

23 марта. У меня из головы не выходит сегодняшнее утро. Я буйно провел утро. В 12 часов, вместо того, чтобы идти на лекцию к Полу, нас пригласил Алексей на биржу,¹ т. е. меня и Ульянина. На дороге нам попался Тулинов, мы его взяли с собою. Пришедши в лавку, мы послали за Бочковским, с которым я на лекции Баршева помирился. Я очень рад, что помирился с ним. Во-первых, он поляк, он очень несчастлив, этого уже довольно, а во-вторых, он очень дельный малый. Когда Бочковский пришел, то началась у нас страшная попойка, мало-помалу всякий спрашивал себе вина. Потом Тулинов велел принести 5 бутылок шампанского, и все пили стаканами. Я очень обязан моей болезни в том, что избавился от всяких притязаний. Я чувствую, что я бы пил и напился бы пьяным. Болезнь меня избавила от больших неприятностей. Я рад, что сидел возле Бочковского, которого спасал от принуждений пить. Он мне очень благодарен тем, что, по крайней мере, устоял на ногах и мог дойти до университета. Он меня очень благодариł, потому что в его положении это могло бы его погубить. Столько, сколько мне казались смешны сначала, столько под конец они стали для меня отвратительны. На Ульянине менее, чем на других, были заметны следы вина. Но зато другие отличились. Алексей был совершенно пьян и изъявлял мне свои нежности. Бочковский в отчаянии проклинал себя и просил меня, чтобы я на него не смотрел. Он был менее пьян, но шатался. Тулинов был очень гадок, потому что вино крепко подействовало на его желудок, он упал на стену и начал рвать. Я, кажется, вижу еще красные губы, бледные лица, мутные глаза моих любезных товарищей. А между тем мне нравятся, очень даже, те минуты,

¹ На Біржовій лінії Василівського острова, неподалік від університету, знаходився винний магазин купців Єлісеєвих, одне з тих «злачних місць», де бували студенти-аристократи (див.: Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830–1840 гг. С. 368).

quand ils se mettent en train,¹ это совершенно в моем духе. Стакан ле-
тил в стену, а тарелка – в окно!

Марта 24. Сейчас пришли мне сказать, что наш славный кучер Александр умер. Умер! ах! я не могу об этом вспомнить, не заливаясь слезами. Но что сделают слезы? Как странен человек. Мне теперь так жалко, что я с ним грубо обходился в последнее время. Я его подозревал в плутовстве. Может быть, он невинен. Я все вижу перед глазами, как я его ударил по щеке в Секиринцах за то, что он был пьян. Ах, это раздирает мое сердце. Я не могу об этом вспомнить. Эта пощечина теперь как камень лежит на моем сердце. О, как я недостоин был быть его господином. Он был очень умен, слишком умен, чтобы быть счастливым в его ужасном положении. Ах, как он понимал все мои глупости. Он жалел, что имел такого господина! О, Александр! если ты существуешь вне земли, то сжался надо мною, прости меня, умоляю тебя. Ты всегда видел, как я глуп, ты меня презирал, а между тем должен был мне повиноваться, несчастный! о, ты достоин был быть моим господином, а не моим рабом. Если бы я мог воротить прошедшее время! Бедный Александр! он хотел, приехавши в Секиринцы, жениться и завестись хозяйством. Бедные наши лошади остались сиротами, ох, как мне тяжело!

5-го апреля. Сегодня великий день, необыкнов[енный] день меня и для моих товарищей. Сегодня был последний день лекций. Мы прощаемся с нашими профессорами. Третьего дня, в четверг, было единодушное *vivat!* Ивановскому и громкое аплодирование. Сегодня, в последний день наших лекций, был пожар в университетской церкви. Странный случай! Последний день лекций. Этого дня я ожидал с тех пор, как поступил, с 15-го августа 1836 года. Этот день пришел, и я с совершенным равнодушием его встретил. Я эти две недели готовился с Алексеем, Сверчковым и Бочковским у Алексея, который для этого нанял квартиру на острову.² Во вторник он заболел. Наши занятия шли порядочно и даже хорошо. Мы в 5 вечеров прошли все народное право. С Сверчковым я до сих пор еще лажу. Не знаю, как будет дальше. Кажется, что я довольно хитро поступил, вот как: мне не раз приходило в голову, что я приготовлением к экзамену с этими молодцами совсем отделюсь от Ульянина и Жемчужникова, а мне этого очень не хочется, потому что я их очень люблю. Между тем приготовляться с ними мне нельзя, потому что Ульянин очень отстал, а с Жемчужниковым трудно что-нибудь устроить. И потому я выставил Ульянину и Жемчужн[икову] мои занятия с теми господами с такой стороны, что яучаствую в этих приготовлениях совершенно особенным образом, что я употребляю их как орудия для себя, потому что я очень рассеян и мечтатель, когда занимаюсь один (отчасти оно так есть и на самом деле), между

¹ Коли вони почнуть (фр.).

² На Василівському острові, де розташувався Петербурзький університет.

тем я тут же предложил им сходиться вместе для общего повторения отдельно от тех трех. Мне кажется, что я хорошо устроил мои дела. Сегодня Алексей опять переехал сюда. А в эти три дня прошедшие Бочковский и Сверчков приходили ко мне, но Сверчков, впрочем, только один раз. В среду вечером я с Бочковским занимался один. Мы не много занимались, а все проговорили. Я в нем узнал одного из тех людей, которые вполне достойны уважения и во многом подражания, одного из тех людей, которого убеждения основаны на горьких несчастных опытах, утверждены рассудком, оживотворены пылким сердцем. Его история и многие происшествия его жизни полны занимательности. Но об этом я буду писать после.

С завтрашнего дня начинаются наши настоящие приготовления к финансам Кранихфельда, которые составляют большую кашу тетрадей и ровно 80 лекций. Мы хотим заниматься по 12 часов в сутки. Это возможно, но из нас 4-х 3 – русские, которые начнут с большим рвением, как обыкновенно, потом опустят руки, из их первый есть я.

17-го июня. Наконец решаюсь писать в журнале. Так как я всегда пишу род повествования, то не оставлю этого и теперь. Начну с того, что я уже вышел из университета, с 8-го числа я уже не студент. Я об этом не писал до сих пор потому, что этот выход мой вовсе не произвел на меня сильного впечатления. Какая разница с входом в университет! Но я бы должен был писать совсем в другом отношении. Это время – этот май месяц – никогда не изгладится из моей памяти. Как много были на сцене мои чувства в это время; сколько я перечувствовал, сколько я передумал! Обстоятельства, которые нас окружали, много содействовали к тому. В конце апреля Сверчков от нас отстал и хорошо сделал. Paul переехал в наш трактир. Вот главные обстоятельства, которые я никогда не забуду: наше тесное соединение – Бочковский, Алексей и я, мы совершенно открылись один для другого, ум и чувства Бочковского, перемена в мыслях Алексея, его ссоры с Павлом, узнание Павла, возрастающая любовь ко мне со всех сторон, между тем усилиевые, тяжелые занятия. Все это вместе составило что-то необыкновенное, множество тем, прелестных тем для чувств. Еще прибавить к этому болезнь Павла, его душевные мучения, его подозрения... В это время я приобрел любовь трех людей. Сколько было счастливых минут, которые выкупали все неприятности экзамена. И самые счастливые минуты мои были тогда, когда я мирил двух братьев или двух друзей, или открывал хорошую сторону в одном из моих трех друзей, или заставлял себя любить или уважать их. И как не быть счастливи в эти минуты, когда умный человек, каков Бочковский, говорит, что он меня уважает, что у Алексея хороша память, а у меня рассудок, когда Жорж¹ говорит, что во мне много благородства, когда все меня ласкают, все меня любят, и когда я люблю! Но ах! опять мой характер мерзкий пришел подлить яду в мою чашу. Я надел партикулярное платье, я

¹ Єгор Комаровський, старший брат Павла й Олексія Комаровських.

очень хорошо одет, все говорят, что мне это идет, что я похож на англичанина, и я зачванился, и я поднял нос; везде я тот же, везде я непоправим. Что хуже всего для меня, это что Бочковский заметил это, мысль, что он начнет меня презирать, приводит меня в отчаяние. Он заметил это Алексею, который, как друг, пересказал мне это, впрочем, я мог сказать, что я сам не замечал, как я переменился. Но как я слаб!

23 июня. Кажется, что я могу похвалиться тем, что меня многие любят, что я многим нравлюсь (многим из новых знакомых), что многие находят меня умным. Во всем нашем романе я играл до сих пор и теперь играю очень важную роль. Сколько раз я стоял между Полем и Алексеем, между Полем и маменькой, между сестрой и Полем, между маменькой и сестрой, и наконец со вчерашнего вечера еще стал между Полем и Жоржем и между Жоржем и маменькою. Везде я устраивал, мирил, открывал глаза у одного в отношении к другому, каждый из них может в этом признаться, и после каждого моего хитрого, иногда умного действия я с гордостью иду изложить его перед Федором Васильевичем и перед Бочковским, и тогда их похвала, их утвердительный знак есть самый лестный для моего самолюбия, потому что из всех мужчин, меня теперь окружающих, я считаю только их двух истинно умными и умнее меня; кроме того, в этих двух людях, а особенно, разумеется, у Фед[ора] Вас[ильевича], я вижу твердую основу всех их суждений и чувств, я вижу твердую, непоколебимую основу их благородства. Комаровские, разберу я их! Начну с старшего. Жорж умен, но не так, как об нем говорят; все три брата не глупы, но не имеют обширного ума, Жорж с своим природным умом пустился вдаль, за границу ума, бросил все существенное; он не хозяин, он не служака, он философ, ну! и того нет! он много думал, думал, и где же плоды этого думанья, он был либерал, он не ходил в церковь, а теперь преусердно молится и хвалит наш порядок вещей! где же плоды его думанья? Поль. Вот другая штука, я об нем много писал и теперь еще столько же могу написать. Это странный человек, с необыкновенно чистою нравственностью и между тем без всякой нравственной основы; многие чувства у него (исключая любви), но другие чувства, как, например, благородство, более существуют на словах, чем на самом деле; между тем его безумная, бабская религиозность, его неподвижность мыслей и с этим вместе шаткость характера совершенно отымают у него способность рассуждать. И между тем он добр, и между тем он благороден, но он поступит благородно только оттого, что так должно, так люди делают, а не по внутреннему влечению. Много повредило бедному Поль то, что до сих пор он не имел женщин. Наконец, Алексей во многом сходен с Полем, особенно в отношении благородства, совершенно тот же, но так как он имел женщин, опытнее, то его уму доступны многие истины, которые он принимает, хотя они в его почве, несчастной русской почве, не могут

найти корня. Я очень люблю его, в нем много доброго. Но вместе с тем он иногда показывает злость. Что значит ограниченный ум! Он не понял тех истин, которые мы с Бочковским ему передали, а между тем приписывает их себе. Недавно я говорил с Фед[ором] Вас[ильевичем] о том, как высший класс в России, который болтает на всех языках, который в обращении не уступит английскому и французскому, в сущности вовсе необразован! как русский всегда останется русским, как им недоступны великие истины нашего века, великие истины демократии, равноправия, свободы мысли, хотя даже и кажется иногда, что они их понимают. Как я не люблю русских, мне они гадки, так гадки, и чем дальше, тем больше я их ненавижу. Народ, для которого деспот, рабство – то же, что для меня нервная система, народ, который поклоняется идолам в видах Иисуса Христа, народ, который ничего в себе не имеет изящного, начиная от их жилищ и костюма до всех их произведений, народ, который не имел своей истории, который никогда не жил своею жизнью, никогда не был воинствен, у которого женщина есть вещь, раба! Презренный русский народ! И тебе суждено с твоим деспотом распространяться, подавлять другие народы, останавливать в них жизнь, убивать в них все изящное, все народное, смеяться над тем, чем они должны перед тобою гордиться. Украина! Украина! ты готовилась быть деревом, ты росла независимо и так прекрасно, ты цвела, но Русь презренная тебя подавила, ты чахнешь и из дерева делаешься кустом! Я заговорился и забылся сказать, что вчера ввечеру я был на даче у семейства Жоржа, где меня чрезвычайно обласкали. Ах, когда-то мы поедем в Секиринцы...

Станция Упорой. 22 июля 1840 года. Я никак не следую тому правилу, чтобы писать в журнале тогда, когда впечатления еще свежи, и таким образом вот уже месяц, как я не писал в журнале, и в это время мы успели почти что окончить наш путь, который мы проехали самым разнообразным образом, но я не буду говорить ни о нашем выезде из Петербурга, ни о Торжке, ни о Москве. Было много неприятного в нашем путешествии, но столько же, а может быть и больше, приятного. Но я все, все оставляю, потому что теперь и ум мой, и сердце заняты одним, заняты Городищем. Да, после многих перемен в направлениях, маменька решилась заехать в Городище.

Алексей поехал вперед прежде Мценска, чтобы предупредить все семейство. 18-го числа мы приехали вечером в Орел и, переночевавши, отправились. В Орле был для нас ужасный случай. Бедный Поль упал с лестницы, к счастью, последствия незначительны. На станции Богдановка была встреча обеих семейств; что за встреча! я был тронут до слез. Городище, Городище, вы врезались навсегда золотыми буквами в моем сердце. На другой день нашего приезда я со слезами на глазах пришел поздравить сестру, что она входит в такое семейство!

Станция Чемерлейское, Херсонской губернии. 3-го августа 1840.

Как далеко – Упорой и Чемерлейка – один от другого. В Упорое я писал о Городище и не успел докончить, а теперь я почти на берегу Черного моря! Судьба! судьба! Чтобы была связь в моем журнале, я хотя вкратце расскажу, что как было, прежде нежели приеду в Одессу. По дороге в Секиринцы мы заехали в Порошки на ночь. В Батурине должны были расстаться Поль и Машенька. Надобно сказать, что, начиная с Москвы, а еще более с Городища, я очень и очень полюбил Поля и увидел в нем совсем другого человека, как прежде. В Порошках сестра и Поль плакали очень много, их обоюдные ласки были так трогательны для меня, что я очень сжался над ними. Они оба начали говорить о том, как Полю будет вредно ехать одному в Одессу, что он себя расстроит, и точно так бы и было. Я смекнул, в чем дело, и великодушно предложил проводить Поля до Одессы. Никто не разгдал, что я это сделал от необходимости, и все превозносили доброту мою: «Бедный Гриша оставляет Секиринцы для спокойствия сестры и Поля!». Однако во мне было сильное борение. С одной стороны, я чувствовал душевное наслаждение в том, что я делаю добро, с другой, мне ужасно было жалко, что это отымет у меня время от Секиринец. Машеньке было приятно мое предложение, но ей было жалко меня отпускать; она так меня любит, этот ангел! Я воспользовался любовью маменьки и сказал, что если она не хочет меня отпускать в Одессу, то я, по крайней мере, провожу Поля до Полтавы. Машенька отвечала, что мы все решим в Секиринцах. 26-го июля, в 12 часов пополуночи, мы приехали в Секиринцы. Ах, как я блаженствовал, я был в раю, а чтобы прибавить, увеличить мое счастье, я видел беспрерывное восхищение Поля; я все показывал, одно это уже делает меня счастливым; впрочем, о Секиринцах буду иметь время говорить. Мы пробыли там 26-е, 27, 28, 29, а 30-го приехали дяденька и тетенька из Роменской ярмарки. София Алекс[андровна] рассказывала мне об Ромне 29-го числа, когда я у них обедал, и я жалел, что я там не был. 31-го числа в 3 часа пополудни мы выехали из Секиринец. Поль гораздо спокойнее, нежели я мог ожидать. Как мне жаль теперь, что я не описывал нашего путешествия по мере того, как ехал; сколько приятных впечатлений я находил на моей дороге, и они все потеряны благодаря моей лени. Я проехал всю нашу прекрасную Украину, увидел центр ее национальности – Лубны, Хорол, и заметил, что здесь гораздо больше народности, казачества, нежели в Прилуке. В центре Полтавской губернии еще существует национальный дух, она еще мало под влиянием проклятой России; я много наблюдал за народом и блаженствовал! Оставя Кременчуг, мы переехали через Днепр, я в первый раз выехал из Малороссии на юг от нее. Она мне показалась тогда, как остров, окруженный морем – Россиею. Кременчуг очень

хорошенький город. Переехавши Днепр и до сих пор, мы едем по безлюдной степи, изредка она вся в горах, изредка гладка как стол.

3-го августа 10 часов вечера. Одесса. Я восхищен, я очарован; мне все еще не верится, что я в Одессе. Уже с половины Херсонской губернии я начал замечать большую разницу в климате, который все далее и далее делается прекрасным, уже в Николаеве я восхищался аллеями тополей на улице, но Одесса превзошла всякое мое ожидание. Здесь, кажется, нет ничего русского. Последние две станции мы делали по берегу моря; с левой стороны у нас было море, а с правой – пустынная степь; потом широкая дорога, хотя очень негладкая, повела нас к городу, и мы въехали в него тотчас после заходления солнца; все, что я здесь видел, все для меня ново, здесь почти все дома выстроены из дикого камня и не окрашены, что придает им очень много великолепия, притом архитектура, как мне кажется, везде очень хороша. Поднявшись на гору, мы проехали с версту по прекрасной улице, потом повернули налево к морю; меня поразила прелестная картина: прямо перед нами расстипалось огромное море, улица очень коротка, но по обеим сторонам великолепные дома. На голубом поле моря рисовалась прямо перед нами статуя Ришелье, стоящая на бульваре, набережная была покрыта экипажами, а бульвар – гуляющими, музыка громко играла. Мы остановились в гостинице «Петербург» на углу набережной. Ах, никогда не забуду я этого вечера, я не мог утерпеть и не выйти на бульвар. При свете красной восходящей луны на бульваре толпились гуляющие, дамы кажутся так грациозны, ночь так хороша; ох, я в восхищении. Устал от дороги и иду спать.

5-го августа. Начнет Поль лечиться. Как он подозрителен! это от болезни.

8-го августа. Хотел было сегодня выехать, да жаль оставить Поля, он так будет скучать, бедный. Ах, какое письмо написала ему сестра! Я никак не ожидал такого письма от нее, какое красноречие, какие чувства. Это меня удивило; я имею теперь к ней уважение.

Поль переселился на Лиман. Я переночевал там и сегодня еду в Секиринцы.

Станция [нерозб. Тилигул?]. Здесь мне задержка. Еврей не хочет говорить своего имени.¹ Вот что значит быть не страшным в проклятой России.

Я оставил Поля со слезами.

¹ Йдеться про єврея, що був утримувачем (орендарем) поштової станції (у той час уряд віддавав поштові станції в оренду утримання приватним особам з торгів).

Секиринцы. 16-го августа. После несносного путешествия я наконец приехал сюда третьего дня к завтраку. Можно ли описать радость ангела нашего маменьки, она обняла меня, и минуты две не могла меня выпустить из своих объятий. Бедная сестра очень горевала без меня, не зная, чему приписать мое долгое отсутствие. Вчера я был очень à mon avantage,¹ в синем фраке и, кажется, всем понравился. Как я счастлив, что опять в Секирицах.

28 августа. Долго собирался я писать в журнале и, наконец, грусть заставила писать, а то бы и теперь поленился. Когда человек грустен, то ему необходимо жаловаться кому-нибудь о грусти, а мне кому жаловаться? я и прибегаю к моему журналу. Вчера вечером мы возвратились из нашего путешествия в Мостище. Мы выехали из Секиринец в среду 21-го числа. Мы обедали в Прилуке, где было много жалоб, которые маменька все очень хорошо решала. 22-го числа мы весь день провели в Гнилице. Хозяйство идет худо, хотя и лучше прежнего. Что хуже всего, это что крестьяне бедны. Мы ездили по деревне и осматривали избы: они все очень плохи. Много значит то, что негде взять материала для строения. Мне, т. е. моему самолюбию, было везде приятно, что на меня смотрят как на дана! я желаю очень, чтобы меня так боялись, как боялись папеньку. Мы в Гнилице много говорили с маменькою о нашем соседстве: как хороши Секиринцы и как гадкие соседи, исключая Миши, все люди фальшивые, гадкие, готовые на все дурное. Из них первый есть мой дядя. Да! я бы не мог сказать, как Евгений Онегин в первой строчке: «Мой дядя самых честных правил...». Я бы жестоко соврал, сказавши это, где у этого человека честь? где у него совесть? Впрочем, черт с ним. Мне и вспоминать об нем неприятно, а между тем я должен у него бывать и к нему ласкаться! Я ужасно настаивал у маменьки, чтобы она взяла имение от бабушки Веры Ивановны. Пока она умрет, имение совсем будет разорено плутом Давидом.

31-го августа. Боже, Боже, что со мною делается? Ужасный день, страшный день! Дуняша, эта гадкая девка, беременна; она все свернула на моего Евдокима. Маменька не хочет его щадить, она велит его сечь. Ох, каждый удар по нем будет отзываться, наверное, в сердце моем. Нет, это было бы бесчестно, если бы я это терпел. Я признаюсь маменьке о всем. Но как это сделать? Боже! может, это последний день ласок маменьки.

1-го сентября. Я не открыл ничего маменьке, и я думаю, что ничего не открою; она слишком строго об этом судит! Но неужели я это оставлю так, как оно есть теперь? бедный Евдоким на веки делается несчастным! Совесть меня загрызет! Я много ожидаю от Федора Васильевича. Но еще две недели жить! и что может в это время случится. Все мое желание теперь

¹ На мою користь (фр.).

ето: или взять Евдокима в чужие края, или признаться. Бедная Дуняшка! Я ее всегда презирал и не любил ее, но сегодня она заставила меня уронить несколько слез, когда я остался один и вспомнил о ее ужасном положении.

Сегодня обедали у нас София Александровна и с нею *Madame Masson*, Сазановичева и Галенковский. Третьего дня мы все провели целый день в Дегтярях. Было много довольно гостей, все родственники; пять или шесть девушек и ни одной *comme il faut!* это ужасно. Несмотря на то, мне хотелось потанцевать, так, как и всем другим, но это было невозможно, потому что уверились, что Александра Павловна Тарновская умерла. Вечером играла музыка, и очень хорошо. Сегодня же мы провели время также приятно. Утром мы ходили гулять, но на ротонде нас застал дождь, и мы вернулись. После обеда поехали все в линейке кататься по саду. Кажется, что Секиринцы и этим новым людям понравились.

2-го сентября. Я теперь очень занять чтением Гиршфельда и теперь читаю истории английских садов.¹ Как я непостоянен. Возьмусь за что-нибудь с большим рвением, а там и брошу, или, по крайней мере, мне очень трудно продолжать начатое; у меня русский характер, а между тем ругаю русских! Я начал рисовать резьбу рококо на ширмы и не могу продолжать!

4-го сентября. Ах, какое неприятное чувство мною владело все сегодняшнее утро! Я достиг того, чего иногда очень желал, и увидел всю гадость этого; я наказал человека. Вчера вечером Михайло-кондитер делал ужин в девичьей, в лесу, и завел пьянство, и кричал сам во все горло. Так как этот порок за ним уже был замечен, то просил маменьку, чтобы она мне поручила это дело; она согласилась. Сердце мое билось от нетерпения наказать его и устрашить всю дворню. Я велел все приготовить и пошел в ту комнату, где людям варят есть. Там были уже три кучера: Василий, Степан и Прокоп. Я велел позвать Петра и Михайлу. Петру велел дать с десяток пощечин и выгнал вон. Потом, несмотря на все просьбы и слезы Михайла-кондитера, я, разругавши его, велел положить и сечь. Он начал кричать, и после 15-и или 16-и ударов мне стало так больно, что я сказал – довольно, а сам ушел. Мною овладело самое неприятное чувство отвращения от самого себя и от других. Мне казалось, что я мог поступить иначе, но, несмотря на то, я не мог не заметить, что на меня

¹ Увага юного Г. Галаґана до наукового доробку К. Гіршфельда (*Christian Cay Lorenz Hirschfeld*), мистецтвознавця, популяризатора «англійських» парків, автора численних творів з теорії ландшафтного мистецтва, засвідчує формування у нього свідомого ставлення до створення паркових ландшафтів як культурної дії. Передумовою цього була родинна традиція, насамперед приклад батька – палкого аматора садово-паркового мистецтва. Дід і прадід імовірно також цікавилися цим предметом, бо у каталозі майна, успадкованого Петром і Павлом Галаґанами (батьком і дядьком Г. Галаґана), надібумо «архітектурные книги для садов» (ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 1276. Арк. 2).

начали все смотреть как на страшного человека. Какое и тут тщеславие!
J'ai agi en maître!¹

Вечер. Какой чудный, дивный вечер! 17 градусов тепла в 10 часов вечера, и луна освещает дом и площадь! ах, как все это прелестно! Теперь Секиринцы ужасно пусты; мы живем в них втроем, иногда я рад этому, но иногда душа как-то требует большей жизни: весь дом пуст, лакеев мало, нигде не видно движения. Завтра едем в Дорогиньку, что-то там будет? Вчера я провел вечер в Дегтярях... Мне надообно писать в журнале о двух вещах: о дяде и о Песках.

8-го сентября. Сегодня мы возвратились из Дорогиньки, где был бал. Мы приехали туда 5-го числа в 10 часов вечера; ехали по ужасной и даже опасной дороге, вдруг въезжаем в двор, видим ярко освещенный снутри и иллюминированный снаружи дом, и слышим музыку, играющую Aurora-walzer! Вообще я никак не думал, чтобы эта дура Казадаева могла так хорошо принять своих гостей. Мы были очень хорошо приняты во всех отношениях. Танцующих было 16 пар или около того. Девушки все никуда не годились. Самая comme il faut, т. е. получившая лучшее воспитание или, скорее сказать, больше знающая, была Селецкая,² бледная как стеариновая свеча и смотрящая мне в глаза с самым большим бесстыдством; вероятно, хотят меня иметь в этом семействе, но это мало занимает мое самолюбие. Другая девушка – Троцина – недурна собой и притом была со вкусом одета, но она должна быть так же холодна, как их мать.³ Каревы были все три:⁴ невесту очень хвалят, но мне она нисколько не нравится, об других двух можно сказать, que ce serait de bonnes filles de lit.⁵ Были еще девушки, но об них нечего и говорить. Дамы были две хорошенкие. Трифановская⁶ первая очень хороша, но, во-первых, холодна, а во-вторых, имеет в манерах и особенно в языке столько милорадовического, что отвращает от себя при первом слове. Другая дама – Миницкая, урожденная Клица, гречанка в полном смысле. С правильным греческим лицом в ней соединена полнота в теле завлекательная; она здорова, свежа, сильна, полна энергии, между тем как ее муж совершенный вахлак. Я прежде мало обращал на нее внимания, но за обедом

¹ Я діяв як господар (фр.).

² Йдеться юморіно про Аделаїду Селецьку, старшу дочку відставного полковника Д. П. Селецького, предводителя дворянства Пирятинського повіту, багатого поміщика, власника маєтку в с. Малютинці.

³ Вірогідно, мається на увазі Варвара Троцина, старша дочка Є. Я. Троцини, заможного поміщика Прилуцького повіту, матір'ю котрої була Олена Дмитрівна Троцина, уроджена Алексєєва.

⁴ Сестри Кареви, дочки підполковника Й. Л. Карєва, доводилися Г. Галаґану троюрідними сестрами (іх дід, Микола Антонович Милорадович, був братом Ірини Антонівни Галаґан, баби Г. Галаґана).

⁵ Що це були б хороши дівчата для ліжка (фр.).

⁶ Олена Олександровіна Трифановська, уроджена Милорадович, була троюрідною тіткою Г. Галаґана.

она сидела почти насупротив меня и на одного меня смотрела, иногда останавливалась свои горячие взоры на мне, я чувствовал их, и они наполняли меня самолюбием. Когда я поворачивал на нее свои взоры внезапно, то всегда заставал ее смотрящую на меня; несколько раз случалось, что мы, встретившись взорами, оба краснели. Никто не мог этого заметить при общей суматохе. Я увидел тогда, что ничто в мире не может наполнить человека так самолюбием, как нравиться даме. Если я замечало расположение ко мне в девушке, то всегда могу думать и думаю, что она ищет 3000 душ. Но ничто мне так не приятно, когда lorsque d'attirer l'attention d'une jeune dame quelle qu'elle soit, car ici je mis sûr de deux choses:¹, que l'attachement qui peut y naître sera désintéressé,², que sans aucun doute elle me préfère à un autre homme; et voilà le principal point qui flatte tellement notre amour propre. Aussi je n'ai pu m'empêcher et j'ai danse avec elle la mazurka j'ai été la premier paire, le dictateur de la danse, encore de la nourriture pour mon amour propre.¹ Я ночевал в одной комнате с Мишой и с Корбе, и мне было очень весело с ними. Однажды Миша как-то напомнил Григорию Степановичу Тарновскому, как мы были только втроем в гостиной, напомнил ему кстати по разговору нашему об моих проказах с Александрою Ивановною Шенк. «Она его соблазнила», – говорит Мишель. «Да, – отвечал Тарновский, – так говорит предание. Что же, – тут прибавил он со смехом, – она была в полном смысле наставница».² Эти слова произвели на меня очень неприятное чувство, я в них увидел и насмешку над образом воспитания, и насмешку надо мною. Вообще я замечаю в Тарновском ко мне некоторый тон покровительства, который мне очень не нравится.

9-го сентября. Я был углублен в чтение «Valentine»,³ вдруг слышу колокольчик, бегу на другую половину флигеля и вижу Поля едущего. Радость нас всех была неописанная. Ему лучше, но все он с трудом ходит. Во всем романе сестры, во всем этом происшествии я больше всего боюсь злых языков, которыми наполнена наша Украина.

10-го сентября. Сегодня я еду один обедать к Тарновскому, каково-то обойдется он со мною?

Я был у Тарновского. Там много обедало, и все у меня шло хорошо. On me distingue assez.⁴ Я много ходил по саду. Экипаж у меня был очень хорош.

¹ Когді звертаєш на себе увагу молодої дами, якою би вона не була, тому що тут я переконався у двох речах: по-перше, що прихильність, яка може там народитися, буде без [матеріального] інтересу, по-друге, що, безсумнівно, вона віддає перевагу мені над іншим чоловіком; і це головне, що так тішить наше самолюбство. Тому я не міг нічого з собою поробити, і я танцював з нею мазурку, я був у першій парі, диктор танцю, знову насищуючи мое самолюбство (фр.).

² Натяк на те, що О. І. Шенк була гувернанткою.

³ «Валентина», роман Жорж Санд.

⁴ Я достатньо відзначився (фр.).

11-го січня. Сьогодні утром ми їздили в Лозової хутор і там на траві в лесу завтракали. Наши овци больны, і це навело на меня грусть, мне долго хотелось там кого-нибудь побить. Наконец удалось мне сделать доброе дело: мужик Шуляк, который недавно потерял последнего сына 20-и лет, встретил меня одного в саду и просил, чтобы его освободили от панчины; я ему подарил целковый на подушное за умершего сына.¹ Странно, как у меня смешаны эгоизм с истинным чувством добра. Мне хочется, чтобы меня крестьяне любили, а вместе с тем мне безотчетно приятно сделать кому-либо добро.

Я теперь читаю «Valentine», роман George Sand, который мне дала читать Катенька; сейчас я нашел место прекрасное, ею замеченное: «*Le premier amour sait à peine s'il existe une volupté plus grande que celle de se savoir aimé.*»² Как это справедливо! что может быть чище первой любви! Что бы я дал теперь, чтобы кого-нибудь любить! но нет, мое сердце совершенно пусто, и потому я во всякой женщине ишу и нахожу только одни материальные красоты. Сколько чувства, сколько поэзии в сердце Катеньки, а я вижу в ней только свежую молодую полную женщину с пламенными глазами; впрочем, я стараюсь победить в себе это чувство. Часто мы ходим вместе по нашему обширному саду, столь благоприятному для свиданий, для разговоров, но я уверен, что мы ходим с различными чувствами. Катенька полна чувств и ищет отголоска их в других; разумеется, она не находит его в сердце мужа, доброго, умного, но беспечного и вялого до крайности, другие окружающие и родственники большею частью смотрят на нее как на женщину с ограниченным умом и довольно ветреную.

Мне помешали, я буду писать об этом в другой раз.

16-го січня. Сьогодні ми отправляемся в Дегтяри. Завтра там большой праздник, на котором мне надобно будет отличаться. 14-го числа мы возили Поля в Дегтяри. Его там приняли очень хорошо. После обеда я наглушил. Спорил об религии и рассердил маменьку. Что за странный человек Петр Григорьевич: с одной стороны – довольно хороший, с другой – очень дурен, гадок даже. Кажется, мне совсем не получить его имения. Фед[ор] Вас[ильевич] пишет из Москвы, что он там слышал, что дяденька обеспечил Софию Алекс[андровну] завещанием и готовит ей подарок на завтрашний день;³ я это же самое слышал и от Миши. Меня

¹ У Російській імперії у першій половині XIX ст. особи, зобов'язані сплачувати подушну подать, вносилися до реєстрів, що складалися під час ревізій (переписів податного населення) і називалися «ревізькими казками», а платники податків іменувалися «ревізькими душами»; після смерті такої «душі» подать за неї мала вноситися до проведення наступної ревізії. VIII ревізія проводилася у 1833 р., наступна – IX – відбудеться у 1850 р.

² Навряд чи перше кохання знає, що є більш солодке захоплення, ніж усвідомлення, що тебе кохають (фр.).

³ Мовиться про іменини С. О. Гаган.

радует то, что это обстоятельство меня не огорчает вовсе или, по крайней мере, очень мало. Сегодня будут к нам обедать Тарновские и Миша с Катенькою. Я, кстати, кончил «Valentine». Я с нетерпением ожидаю видеть Катеньку, чтобы сказать ей мои мысли об этом. Как я ее люблю физически! не совесть, а страх удерживает меня иметь с нею интриги!

21-го сентября. Только теперь возвратился из Дегтярей, где я провел очень приятно время. Теперь голова и сердце еще полны всех приятных и неприятных впечатлений, и потому хочу описать все пять дней, которые там провел. Мы приехали 16-го числа вечером. В тот день у нас обедали Тарновские, Андр[ей] Степан[ович] Милорадович и Миша с Катенькой. Мы все одни за другими отправились. Мы застали уже полный дом гостей. Началась музыка с претрудной увертюры; потом играл Галенковский своего сочинения на «Петруся», потом опять увертюра, там играл Артем,¹ а там – фортепьянист Бертолд. Музыка очень расстроила бедного Поля.² На другой день утром начались поздравления, за ними все мужчины сели за карты, и я один да изредка Мишель были в гостиной с дамами. Здесь общество мужчин совершенно отдельно от женского; впрочем, о чем будут они говорить с дамами, они не выходят из сферы карт, хозяйства и злоречия. Впрочем, и дамы таковы, что разве наберется одна четверть таких, с которыми можно поговорить. Я люблю говорить с дамами, но не столько для того, чтобы узнавать их понятия, а для себя самого, чтобы приобрести их мнение, чтобы они считали меня умным и любезным, – вот главная цель моя! и в танцах, и за обедом я только стремлюсь к этой цели. Если дама скажет обо мне другой даме: «*C'est un charmant jeune homme*»,³ то я счастливейший человек, если даже эти дамы не хорошенъкие. В 4 часа все пошли за стол. Обедающих было 122 человека. За обедом при поздравлении играли торжественный туш. После обеда все отправились по своим квартирам: я пошел на квартиру Миши, который был помещен с Закревским и Штекером; я принес с собою «Кобзаря» Шевченки, пришли к нам Лаврент[ий] Никол[аевич] и Николай Иванов[ич], и мы начали читать.⁴ Когда Закревский услышал, как я читаю по-малороссийски, то начал от радости меня обнимать. Он расска-

¹ Це був Артем Наруга, скрипаль-віртуоз у кріпацькому оркестрі П. Г. Галаґана, прототип героя повісті Т. Шевченка «Музикант» Тараса Федоровича. Він був родичем, напевно сином, Івана Наруги, що служив у галаґанівському оркестрі на початку XIX ст. І. А. Галаґан у листі до синів Петра і Павла 1808 р. повідомляє: «Теперь я сделала комплект как музыкантам, так же и певчим, по Ивана Наруги рассмотрению лишних выбросила и певчих перевела в музыкантский флигель, и регента в двор перевела. Я всех лишних, которые на жалованье были, отпустила...» (ІР НБУВ. Ф. III. Оп. 1. Од. 3б. 46589. Арк. 36).

² П. Комаровський був музикантом-аматором, писав власні твори.

³ Це чудовий юнак (фр.).

⁴ Г. Галаґан мав перше видання «Кобзаря» Т. Шевченка, надруковане 1840 р. Згодом він збирав видання шевченкових творів: у його особистій бібліотеці, крім «Кобзаря» 1840 р., з'явилися поема «Гризна» (видана російською мовою) та «Чигиринський Кобзар і Гайдамаки», що вийшли друком у 1844 р. («Каталог бібліотеки Григорія Павловича Галаґана. К 1-му января 1853 г.») ІР НБУВ. Ф. 119. Спр. 13. Арк. 17, 18).

зал пресмешные анекдоты про малороссиян. После чтения мы все пошли наверх, где уже застали всех дам собранных. Для начатия бала ожидали сестру. Она явилась наряженная с большим вкусом; она была хороша, и все на нее смотрели; я воображаю, как это было приятно Полю. Начали с торжественного польского,¹ потом пошли кадриль за кадрилем. Мне досадно было на себя, что я мало танцевал с такими дамами, которые не могут составить обо мне своего мнения, или которые уже составили свое мнение. Я танцевал вальс как бешеный, особенно Sophien-walzer, который так ловок и завлекателен. Виктория Карева очень ловко вальсирует. Первый кадриль я танцевал с Закревской. Хорошо, что ее лицо не позволяет в нее влюбиться, ее талия необыкновенно завлекательна, я никогда не встречал такой гибкой, грациозной, стройной талии; она не глупа, но дурна собою. Кадриль Галенковского так всем понравился, что вздумали Никол[ай] Иван[ович] и другие вызвать его, что произвело ужасный шум. Бал кончился мазуркою, которую я танцевал с Закревскою и был в первой паре. Я заметил в мазурке, что Миницкая на меня дулась, и хотел это исправить. Странный у дам вкус! они иногда любят такого, что нечего и смотреть. Здесь очень многим нравится нежинский полицмейстер, который ни что иное, как довольно обтесанный пехотный офицер, très commun,² чрезвычайно дерзок.³ На другой день все встали поздно; после завтрака маменька с сестрою и Полем уехали в Секиринцы, чтобы возвратиться на другой день к вечеру, потому что шум приносил Полю вред, а он хотел говорить с Бурзовым, вольным доктором, который здесь всех лечит. Я остался и после обеда пошел к Катеньке в комнату. Боже, какая была у нас сцена, я с ума сходил, она меня очень любит, и счастье, и несчастье, что в другой комнате были люди, я бы решился на все. Какое блаженство! может быть, теперь впереди меня. Вечером много танцевали, я был распорядителем бала. Тарновский танцевал гросфатер, и за ним все мы; этот танец оживил всех. Мазурку я танцевал с Миницкою и ввел в фигуру мой пальто, который был надет по несколько раз всеми дамами, как я ему завидовал, он обнял все прекрасные формы дам! На третий день все разъехались, исключая некоторых, в числе 20-и. В том числе была и Миницкая; мы много шутили, смеялись, а после обеда Миша и Катенька уехали, все сели играть в карты, а мы, т. е. я и Лаврентий Никол[аевич] с дамами, поехали кататься, он в кабриолете, а я с Миницкою и Викториной Каревой поехал в коляске в Десятку; здесь я был совершенным господином. Шутил, сколько душе хотелось. Миницкая была ко мне очень благосклонна, она просила меня надеть ее шляпу, а сама надела мою. Ах, если бы мы жили в городе, может быть, я бы достиг блаженства! Возвратившись в Дегтяры, мы уже застали маменьку.

¹ Йдеться про танец – полонез.

² Найзвичайнісінький (фр.).

³ На той час посаду ніжинського поліцмейстера обіймав поручик Андрій Ульянович Кржисевич (див.: Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1840. СПб., 1840. Ч. 2. С. 314).

23 січня. Опять ужасний день. Я пошел в сад гулять, а между тем маменька вошла в мою комнату и застала там мерзкую Дуняшку; Евдоким бросился на колени и сказал: «Я не виноват». Тогда маменька догадалась обо всем и говорила со мною. Как ужасно было для меня каждое ее слово! Она говорила: «Я тебя прощаю, но ты меня глубоко оскорбил, и этого я никогда не забуду». Я ей начал говорить о повелении доктора, о моем положении. «Посуди сам, какая дерзость с твоей стороны трогать мою горничную». Ах, я сам теперь вижу, как это было дерзко с моей стороны! comme j'ai manqué à ma mère!¹ Бедная мать моя, что она теперь чувствует. А я? как я легко это принял к сердцу, я вовсе не огорчен, мне только неприятно! Нет! я не могу вспомнить ужасных для меня слов маменьки: «Не ходи на гроб отца». Ах, неужели я буду лишен этого утешения, неужели маменька так на меня сердита. Что хуже всего во всей истории, это стыд. Все это знают, и мне очень надобно будет искусно себя вести, чтобы не потерять уважения. Ах, Боже, что со мною будет?

28 січня. Сейчас мы приехали из Дегтярей и застали здесь тещу Варвару Васильевну с Петею и Ванею. Спешу записать две вещи, меня радующие. Во-первых, уже три дня, как мой ангел маменька совершенно все забыла. 23-го сентября она была сердита, а после все прошло, какой ангел моя мать! Вторая вещь, меня радующая, та, что в эти дни, которые я провел в Дегтярях, я видел большое расположение ко мне дяденьки: например, один раз вечером, как все расходились (это было третьего дня), я подошел к нему прощаться, возле него стоял Трифановский и еще не помню кто. Он долго на меня смотрел, потом обратился к ним, сказал: «Как я его люблю!» и бросился меня целовать. Разумеется, что тут же Трифановский сказал в ответ: «Да нельзя и не любить, это у нас будет редкий сосед».²

В Дегтярях играл оркестр «*Symphonie Héroïque*» Бетговена. Как это Божественно хорошо. Я имею музыкальное чувство, потому что я чувствую все красоты, не зная генерал-басу; эти красоты проникают меня до глубины сердца. Теперь в Секиринцах ничто меня так не занимает, как сад, я целый день в саду. Теперь на скате горы возле оранжереи делают и уже почти окончили две террасы для виноградника. Как это меня занимает. Я сделаю на этой горе четыре террасы, и дорога, которая идет внизу по берегу, превратится в террасу; весь виноградный сад будет окружен

¹ Яку я маю потребу в моїй матері! (фр.).

² Галагани стали сусідами Трифановських у 1841 р. При розпродажу спадщини Будлянських, далеких родичів Галаганів, К. В. Галаган, за свідченням М. А. Маркевича, котрий високо цінував її діловитість, «к безземельним Секиринцам купила полторы тисячі десятин землі в Лебединцях» (ІРЛІ РАН. Ф. 488. Д. 38. С. 43), а сусіднє містечко Срібне придав С. М. Трифановському. Незабаром між Галаганами і Трифановськими сталася суперечка за врохай, спільно зібраний лебединецькими і срібнянськими селянами. Це обернулося тривалою судовою тяжбою, що дійшла до Сенату та нарочила чимало клопоту обом сторонам.

живою оградою из жолtyх акаций. Это чудо, что тут будет! На первой и на второй террасах приходятся два дуба, которые выводят свои толстые корни в наружу, на этих корнях будут деревянные диваны. Между тем я прочту у Гиршфельда о виноградниках. Я покажу, что осень в деревне, а особенно в парке, где много есть дела, так же занимательна, как и лето.

5-го октября. Сегоднja уехала тетенька Варвара Васильевна; у нее очень и очень добroe сердце, когда бы побольше ума!

6-го октября.

7-го октября. Сегоднja мне что-то очень грустно, как давно не бывало. Я чувствую какую-то пустоту в моем сердце. Моя грусть началась со вчерашнего вечера. Вчера было воскресенье и свадьба нашего Никифора, который женился на Кристине. Погода была сырая и холодная, и я один пошел к обедне. Я стоял в церкви совершенным паном, на клиросе, где обыкновенно стоит маменька; народа было довольно много. После церемонии вся свадьба пошла с музыкой в деревянный флигель, и начались танцы. Я несколько раз ходил смотреть на танцующих. Исполненный духом украинской национальности, я трепетал от радости при виде, как парубки и діuchata отплясывали; мало-помалу я начал вникать в танцы, в выражение лиц, в костюмы, которые так быстро изменяются; начал вспоминать при виде цветов и шапок на головах дивчат и паробков о милой нашей старине. Все, о чем я прежде думал, все, что я прежде еще заключал об Украине, возвратилось опять ко мне с новою силою, и грудь моя наполнилась грустью, которая и до сих пор продолжается; притом я читаю «Энеиду» Котляревского, где так чист и верен наш язык.¹

14 октября. Я никогда не забуду сегодняшний день; сегодня в первый раз в моей жизни я увидел то, о чем только сумневался, я увидел чувства, и самые глубокие, в простом, но милом существе. У Никифора на свадьбе я заметил одну хорошенку девку; узнал у Евдокима, кто она; она козачка по имени Оксана, какое имя! Я спросил у моего пройдохи, могу ли я ее иметь, и он обещал постараться. Для этого он несколько раз ходил на досвітки, с которых теперь разгоняют десятские,² и приманил к себе Оксану. Он заговаривал обо мне. «Не говори сего, – отвечала она, – як батько узнае, то мини и на свити не жить». Одна из наших крестьянок, дочь Новика, начала ее подговаривать, и, наконец, сегодня они вдвоем

¹ Г. Галаган читав «Енеїду» І. Котляревського з сокиринської бібліотеки, куди вона потрапила, можливо, ще за життя його діда Григорія Івановича. У реєстрі майна Галаганів 1815 р. серед книг їхньої бібліотеки зазначена «Энеида, на малороссийский язык переведенная» (ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 1276. Арк. 2 зв.). «Каталог бібліотеки Григорія Павловича Галагана. К 1 му января 1853 г.» містить згадку про три примірники першого видання «Енеїди», що вийшло друком у 1798 р. (ІР НБУВ. Ф. 119. Спр. 13. Арк. 18).

² Церква і поміщики вели боротьбу з досвітками (вечорницями), вважаючи, що вони деморалізують селянську молодь (див. також коментар до запису за 7 грудня 1840 р.).

пришли к Евдокиму в гости, хотя Оксана ужасно боялась. Я играл в лото, когда Евдоким пришел сказать, что они у него. Я вошел в комнату, как будто не знал, что они там. Когда я вошел, то они обе ахнули. Анна дурна собой, и я обратил все внимание на Оксану; приблизившись к ней, я увидел прекрасную собой черноокую брюнетку, коротенький носик придает много живости глазам, а коралловые губки полуоткрыты, она опустила глаза и начала очень скоро дышать, молодая грудь ее волновалась под белою свиткою. Я ей делал беспрерывные вопросы, на которые она не отвечала. Анна говорила, что она изъ[д]якалась. Когда Евдоким велел, она подняла глаза, влажные от слез, и посмотрела на него с выражением упрека. Какая фраза в этих глазах! Потом Евдоким ушел, и она, вставши с своего места, начала ломать руки и стонать, несмотря на все мои уверения. Мое сердце перевернулось, я на нее уже не смотрел как на девку, а смотрел с уважением, с восхищением, я обнял ее и поцеловал без всякой посторонней мысли. В эту минуту я бы ни за что не решился бы ее тронуть. Сколько чувств, глубоких чувств оскорблений чести я в ней увидел. У меня в кармане было приготовленное серебро, 22 рубля, я не осмелился к нему дотронуться, сожмут от полноты чувств сердцем я еще раз ее поцеловал в прекрасный глазок и ушел. До сих пор еще взволнован, но пора ложиться спать на мою одиночку постель.

16-го октября. Раскрыл журнал и не знаю, что в нем писать; не могу дать себе ясного отчета в том, что чувствую. Я грустен сегодня с самого утра, а к вечеру грусть еще усилилась. Такому сангвинику, каков я, как приятнее иногда грусть, нежели веселье. Я бываю гораздо чаще весел, нежели грустен. Но когда бываю грустен, то желаю всегда подолее остаться в этом положении. Я часто живу тогда чувствами, везде хочу найти чувства, все, что ими богато, мне нравится, все, что материально, все, что касается до оборотов или до хозяйства, которое иногда так меня занимает, становится для меня гадко в эти минуты поэзии. Я ушел теперь от всех, потому что никто мне не нравится, и заперся в своей комнате. В эту минуту я с удовольствием думаю о всем украинском, оно так мне нравится, я так люблю все украинское, я напитан национальностью; много также думаю о саде, и тогда приятное чувство самодовольства входит в грудь мою, но когда я подумаю о себе самом, о моих потерянных силах, о том, что я, может быть, не буду иметь детей, то у меня сердце обольется кровью...

Сейчас Евдоким, ходивший проведывать на деревне, принес ответ от Новички, что Оксана никогда больше не придет в двор. Я, с одной стороны, рад этому; пусть эта милая девочка останется непорочна. Через неделю будет свадьба Василия-кучера, может быть, я ее увижу.

Декабрь. Оставлю три страницы для описания всего того, что произошло в Секиринцах с октября месяца. Буду писать в свободные минуты.

18 октября приехал из Петербурга Федор Васильевич и привез много новостей.

Октября, не помню, 22-го или 23 го, приехали в Секиринцы граф[иня] Александра Григ[орьевна] с Ниной, Алиной и Базилем. Секиринцы снова сделались почти шумными. Погода стала дождливая, и все дороги попортились. Я часто ездил в Дегтяры, где готовились к празднику при освящении новой церкви, но все откладывали, потому что не получали известия от архиерея, будет ли он или нет? Между тем Александра Григ[орьевна], которая не может оставаться без действия, женщина, которая непременно должна что-нибудь расстроить или устроить, выбрала на этот раз последний маневр и уговорила маменьку, не дожидая слишком медленного выздоровления Поля, назначить день свадьбы в наискорейшем времени. Не знаю, что она имела при этом в голове, но Бог с нею. Маменька, уговоренная всеми, и притом видя, что, как ни действовать, все худо, что здоровье Поля почти не поправляется, а между тем свет зол: начнут говорить о его долгой жизни в Секиринцах, решилась назначить свадьбу 10-го ноября. Решение воспоследовало 28 октября, в мое отсутствие. Я обедал в Дегтярях. Возвратившись поздно вечером, я застал всех в суете. Мне объявили, что маменька решилась назначить свадьбу. К этому присоединился довольно странный случай. Через час, не больше, после того, как назначили день свадьбы, приехал нарочный из Мостища с известием, что бабушка Вера Ивановна опасно занемогла. Маменька тотчас решила к ней ехать, и я, не хотевши ее пустить одну, упросил ее, чтобы она меня взяла с собою. По дороге расставили подставы, и мы выехали 29-го, оставив хозяйкою Алекс[андру] Григ[орьевну] и сестру. Мы застали старушку при смерти. Она не узнала нас. Эта женщина, претерпевшая в жизни столько несчастий, умерла одиноко, без всякой религии. Не хотела приобщиться, слово «черт» было беспрерывно на ее губах, и она всех ругала по-малороссийски. Видя, что ей никак не лучше, но что между тем она может проволочить жизнь свою еще неделю, и, проведя там 1½ сутки, мы уехали домой, отдавши долг родству. Мы приехали в Секиринцы в воскресенье 3-го ноября во время обеда и застали Алексея, который только что приехал из Орла. Ему очень понравились Секиринцы. Федор Васильевич также оставался в Секиринцах. Тогда начались приготовления к свадьбе. Мои главные заботы были о всем том, что относится до церемонии, по долгу брата, шафера и хозяина, а по сердцу главные мои заботы были приготовления к сельскому празднику. Я выпросил у маменьки 100 рублей да своих прибавил и велел на эти деньги накупить шапок, поясов, лент и пр., и пр. Маменька была чрезвычайно занята приготовлениями комнат и костюмов. Между тем в Дегтярях был назначен день для освящения церкви – 7-го ноября. Все собрались там 6 го, но мы, занятые приготовлением, приехали в тот же день. Я с маменькой приехали туда к обедне, а все наши – к обеду, в двух каретах: в одной

кавалером был Федор Вас[ильевич], в другой – Алексей. Поль оставался в Секиринцах. Церемония освящения была предлинная, описание ее заняло бы много места. Народа было необыкновенно много. Множество прекрасных лиц, напоминающих Запорожье. Казаки сделали праздник для нищих. По окончании церемонии я, не дождавшись обедни, уехал в дом, где застал нескольких мужчин в зале и посреди их – нашего умного и истинного малороссиянина Якубовича. Старик говорил о том, как он и другие предводители¹ были приняты нашим новым сатрапом или пашою ген[ерал]-губ[ернатором] Долгоруким, и как он отвечал на его замечания и защищал Малороссию. О следствии этого собрания предводителей я буду говорить в другой раз.

Обед, а потом бал шел своим порядком. Из новых для меня особ была Закревская, урожденная Заславская, прелестная блондинка с очаровательными губками, жаль только, что выражение глаз нехорошо, она нижней частью лица очень похожа на мою гриведоновскую головку.² Я с нею много занимался, но она довольно глупа. Не буду описывать всех подробностей бала, скажу только, что Алексей и я отличались от других и по костюму, и по танцам. Танцы были довольно вялы. На бале маменька пригласила всех почти там бывших в Секиринцы на свадьбу. 8-го утром мы воротились домой и весь день провели в приготовлениях; 9-го числа также. Наконец пришел и давно ожидаемый день – 10-е число. Едва успели мы отобедать, как в двор начали въезжать экипаж за экипажем, и к 6-и часам вечера уже съехались почти все приглашенные. Комнаты были полны мужчин, все дамы одевались. В кабинете все свидетели подписались и наконец настал великий час для сестры. К 8 часам сестра и Поль были одеты, и нас позвали в спальню для получения благословения. Накрыт был маленький стол белой скатертью, на нем стояла свеча и лежали образа. За столом стояла маменька и посаженные: с ее стороны – Петр Григорьевич и Анна Дмитриевна, а с его стороны – гр. Александра Григорьевна и, к моему удовольствию, Якубович. Сестра бросилась в ноги маменьке и со слезами получила благословение. Между тем маленькая гостиная до того была набита любопытными, что нельзя было пройти. После этого все начали уезжать в церковь. На дворе был освещен круг и крыльцо очень ярко и до самой церкви вся каролинная дорога. Ночь была темная, и на мерзлую землю припало пальца на два снегу. Я вышел на подъезд. Множество экипажей с зажженными фонарями беспрерывно подъезжали и уезжали, крик, стук, свет, – все это обратило Секиринцы в город, наполнило их каким-то торжеством. Мы, т. е. сестра с своими посаженными, поехали последние и заехали в деревянную церковь, где сестра заходила

¹ І. О. Якубович був роменським повітовим предводителем дворянства.

² Йдеться про французького художника Анрі Гриведона (1776–1860), автора літографічних жіночих портретів, популярних у 30-х рр. XIX ст.

в склеп.¹ Я не догадался и не велел положить ковров в церкви, это было худо. Церковь была набита народом, и около церкви стояла большая толпа.² Когда сестра вошла в церковь, то стрельнули с гарматы. Прападедовская пушка на свадьбе праправнучки!³ Сестра была очень интересна в продолжение церемонии. Домой молодые возвратились впереди всех со мной и Алексеем. Когда мы подъехали к крыльцу, то духовая музыка загремела прекрасный триумфальный марш и играла до тех пор, пока не приехали все гости, а потом вошли музыканты наверх и играли, между тем как все ходили по комнатам. Рано в тот день ужинали, а после ужина тотчас все разошлись. За ужином пили только за здоровье молодых. На другой день утром секиринский дом превратился в какой-то хаос. У меня во флигеле ночевали все молодые люди, и был такой шум, что ничего нельзя было разобрать. Я с трудом оделся и убежал оттуда вниз. Коридоры, передние, лестницы были набиты поздравителями. В передней перед дверьми комнат молодых, которые только что проснулись, гремела духовая музыка триумфальный марш. Потом музыканты пошли по всему дому играть по обычай перед каждыми дверьми. Им все высыпали деньги. Между тем с другой стороны певчие пели «Многая лета!». Вместе с этим шум, крик, по всему дому суeta. Поздно начали собираться наверх, и чай пили почти все по своим квартирам. Ко всем неженатым или квартировавшим отдельно от своих жен я был тогда же, спрашивал, что им угодно, все ли им подали и т. п., я исполнял хорошо свой долг. После чего молодые взошли наверх. Не буду описывать завтрака, а прямо на крестьянский праздник. На дворе в 12 часов начал собираться народ, а во втором часу уже тысячи народа шумели перед домом. Бочка горелки, бочка меду и бочка пива уже были выпиты. Это время было для меня блаженством. Я беспрерывно оставлял гостей, чтобы бегать в толпу. Сколько занимательного, сколько любопытного я там видел! Седые казаки и мужики меня обнимали, целовались, благодарили. А я все кричал на все стороны: «Радуйтесь!». В двух местах играла музыка, дивчата гопцювали, паробки носились в козачка, а между тем старики, вспомнив молодость, начали подскакивать с бабами. Наконец, когда все развеселились, вынесли на крыльцо весь купленный товар. Я с дяденькой стали на возвышении,

¹ Мовиться про дерев'яну домову Варваринську церкву, побудовану І. Г. Галаганом (прадідом нареченої) у Сокиринському парку 1783 р., яка була родинною усипальнею Галаганів (у середині XIX ст. її було перенесено до с. Лебединці, а замість неї споруджено муровану Петропавлівську церкву).

² Вінчання Марії Галаган і Павла Комаровського відбулося у мурованій домовій Варваринській церкві, споруджений у 1803 р. коштом Г. І. Галагана (діда нареченої) поруч з одноіменною дерев'яною церквою.

³ Постріли з гармат, які зберігалися у маєтках поміщиків Полтавщини і Чернігівщини на пам'ять про звіття їх предків-козаків, були невід'ємним складником святочних традицій в українській дворянській культурі першої половини XIX ст. Гарматними залпами відзначали весілля, народження та хрещення дітей тощо. Наприклад, М. А. Маркевич писав: «В Сорочинцах я помню рождение брата Михаила, и как теперь вижу крестину, и прием, который был сделан гостям [...]. Пальба из пушек гремела во время церемонии и тостов...» (Барабаш Н. «Автобіографічні записки» М. Маркевича – джерело з історії родини. Ейдос. 2015. Вип. 8. С. 337).

и я начал раздавать шапки. 6 или 7 я раздал по указанию Ивана своим мужикам, бывшим в толпе, остальные я бросал вверх, и их ловили сотни рук. Потом бросал кушаки, потом начал раздавать очипки, ленты, давка была страшная, крики радости смешивались с криками боли и ругательств. Перед самим обедом позвали всех почетных людей из деревни, казаков и наших, которым было особенное угощение. Их было около 20-и человек. Все с своими прекрасными малороссийскими лицами, с большими усами, в кобеняках. Сестра сама всех потчевала сладкой водкой, и они благодарили от лица всего народа. Долго шумели на дворе. Все пьяные разошлись по домам поздно, и многие ночевали на дороге. Между тем в 5 часов сели за стол. Обед был хорош. За столом сидело 86 душ. Пришла пора и нам отличиться. Начались тосты. Стоя за стульями молодых, мы по переменкам – я и Алексей – провозглашали 9 тостов. За каждым тостом все мужчины кричали «ура», «виват», стучали ужасно ножами и чем попало по столу, музыканты играли туш, а за тушем следовали удары из пушек. И так 9 раз сряду. После шумного обеда все разошлись. Бал начался в 9 часов и кончился в 4 утра. Было весело; я рассыпался, сколько мог, всех провожал до своей квартиры. Никто не был забыт, и все были довольны. Я приобрел на этом бале название любезного хозяина. На третий день все чужие разъехались, остались родные, которых много; и таким образом до декабря мы провели время самым приятным, разнообразным и веселым образом. В это время Алексей влюбился в Алину, но влюбился как мальчишка, и вообще в свое пребывание здесь показал себя с худой стороны. Поль во время свадьбы и после был совершенно нуль. Каждый день утром все собирались к молодым. Итак, все кончилось, пора отдохнуть. Но какой у меня будет ужасный отдых! болезнь!

7-е декабря. Ой, як болить мое сердце, а слезы не льются! Как грустно, какая тяжесть на сердце. В голове у меня нет особенной целой мысли, о которой я бы мог сказать, что она – причина моей грусти. Что-то безответное, неясное, неопределенное, и посреди всего мелькает Татьяна с своими выразительными черными глазами. Да! в последний раз я писал в журнале 16-го октября. После того много произошло в моих делах с женщинами. Я тогда писал об Оксане, которая мне понравилась, но так как невозможно было ее иметь, то мне достали одну нашу девку Мотрю, которая вполне ни рыба, ни мясо. Я имел глупость лишить ее невинности; я совершенно забыл о Татьяне, которая прошедшего году так мне нравилась. По просьбе Базиля Евдоким привел девку, и это была она. Я не допустил ее до Базиля, и сам взял ее. Она мне очень понравилась, и я стал постоянно ее призывать к себе. Я нашел в этой дивчине столько чувства, как дай Бог всякой хорошо воспитанной иметь. Она приходила ко мне по два раза в неделю, всегда так мило одетая, в белой суконной свитке, в пестрой запаске и с цветами на голове. Иногда я проводил с

нею около часу в разговорах на милом нашем языке. Я ее многому научил, она мне в свою очередь передавала все, что знала об обычаях, об образе жизни крестьян; иногда мы в моих комнатах во флигеле, в моих любезных комнатах, заперши все двери, вместе потихоньку пели. Случалось, что у меня с нею проходили мысли об материальном удовольствии, и после долгих разговоров, будучи принужден ее оставить, я ей говорил: «Прощай, Татьяна», а она мне в ответ так мило отвечала: «Щасливо». А теперь, больной отвратительною болезнью, сижу в комнатах, что за столовою, и проклинаю судьбу. Скоро после 20-го ноября я почувствовал боль в детородной части и увидел на ней два прыща, показал их Мухину, и он меня утешил, но на другой день Шеффер, увидев это, прижег прыщи ляписом, не зная, впрочем, наверное, что у меня за болезнь. Вскоре у меня сделались ранки, которые были похожи на золотушные. Мухин принял это за золотуху. Я велел через несколько дней призвать бедную Татьяну в ванную комнату и пошел сам к ней уговорить ее к осмотру. Бедняжка горько плакала, уверяла, что ни с кем не имела дела, хотя и лежала с парубками на досвітках.¹ Мухин ее осматривал, а между тем я провел самый мучительный нерешительный час. Возвратившись, он мне объявил, что хотя она и имеет прыщь, но, по его мнению, не венерический. Я был на небесах от радости. Приезжает Шеффер, находит, что у меня и у нее решительно венерическая болезнь. Это повергло меня в отчаяние. Он мне говорил, что я буду долго лечиться, что мне было необходимо переехать в Прилуку, что необходимо отложить на некоторое время поездку в чужие края, я все это пропускал мимо ушей, меня только мучила и теперь мучит ее болезнь, не знаю, что бы я дал, что[бы] это была неправда. Я настраивал Шеффера, чтобы он сказал, что она получила болезнь невинным образом, даже от меня. Шеффер нашел мои желания весьма благородными. Между тем меня начали мучить мои увеличивающиеся раны. Я открыл свой секрет дяденьке, Алексею и доброму Голику, который теперь целый день сидит у меня и помогает мне. Грустные мысли, тяжелые мысли часто возвращаются ко мне и теперь опять овладели мною. Мне жалко всего: и моих оставленных комнат, и Татьяны, и та мысль, что я болен, наводит на меня ужас. Не знаю, что бы я дал, чтобы эти раны у меня были золотушные, без примеси венерии. О! я тогда бы с какою радостью расцеловал мою Татьяну, я бы выстроил ее отцу новую хату, хотя я знаю, что золотуха принесет мне гораздо больше мучений, нежели та болезнь. Но нет почти никакой надежды. Я бы желал, чтобы мои раны не скоро заживили, это яснее всего скажет в пользу того, что они золотушки.

¹ На досвітках хлопці й дівчата залишалися ночувати парами. При цьому інколи дівчата втрачали цноту (докладніше див.: Кісі О. Жінка в традиційній українській культурі (друга половина XIX – початок ХХ ст.). Л.: Інститут народознавства НАН України, 2008. С. 113–120).

9-го декабря. Вчера случилось у нас ужасное происшествие. Девка повесилась. Она секиренская и нанималась в Прилуке. Управляющий запретил ей наниматься и отдал ее в тыжневки¹ попу. Там ей было, по-видимому, нехорошо, и она просила, чтобы ее оттуда взяли. Тогда три недели тому назад управляющий сделал ее беспеременной тыжневкой.² В продолжение этих трех недель за ней ничего не замечали особенного, она всегда была очень весела. Я один раз только ее видел, еще когда она служила у попа; ей лет 25 от роду, поведения порядочного, хотя в Прилуке и родила тому 2 года назад. Вчера утром она была весела по обыкновению. Во время обедни (вчера было воскресенье) бедняжка одела нанковую кофту, на голову платок, надела нагольную полушубку и пошла на деревню в шинок. Шинкарь не дал горелки, потому что у нее не было денег, а она хотела заложить платок, тогда она пошла в сад по направлению к Готической беседке. По следу заметно, что она перешла через Готический мост и подходила к каждому столбу, вероятно, чтобы видеть вышину их от земли; перешед мост, как по следу видно, она искала удобного дерева и нашла грушу. Там она завязала вокруг шеи один конец кушака, но не узлом, а другой конец – к толстой ветке груши и повисла на поларшине от земли. Эта девка до сих пор не может выйти из моей головы. Вчера мы долго с Федором Вас[ильевичем] не могли заснуть, все говорили об ней. Мороз проходит по коже, когда подумаю, сколько мыслей прошло в этой бедной голове прежде, нежели она решилась на смерть. Как она прощалась с жизнью, когда с каждого столба каменного моста она смотрела вниз, искала удобного места, где бы умереть. Чтонушило такую твердую решимость этому несчастному существу? Что, если она была умна и не могла сносить ужасного рабства, в котором находилась? Она, верно, была в пароксизме ужасной грусти и хотела запить журбу горелкой! Несчастная висит на груше без кожуха, которого нигде не могли найти. Становой, который приехал вчера же по уведомлению, поставил туда на ночь двух сторожей. Ночью была сильная метель. Я воображаю, как среди снежных вихрей качался во все стороны страшный труп.

Того же числа. Сегодня утром сделалось с графиней Алекс[андрий] Григорьевной дурно, и вслед за тем ужаснейшие судороги. Она до сих пор лежит и очень страдает. Ее мне вовсе не жалко, потому что я смотрю на это как на возмездие за все то зло, которое она многим делает. Ма-менька уехала вчера с Петром Григорьевичем и Софией Александровной в Качановку. Сегодня там бал по случаю именин Анны Дмитриевны.

Сегодня я заказал Евдокиму, чтобы Татьяна пришла ко мне вечером. Грустно и хочется с нею разделить полчаса. Я хочу ей сегодня сыграть что-нибудь на фортепьяно малороссийское. Я беспрестанно играю мало-

¹ Тижнівка – кріпачка, панцина якої обчислювалася у тижнях, себто та, котра мусила працювати тиждень через тиждень, у чергу.

² Безперемінна тижнівка – кріпачка, зобов'язана працювати поза чергою, без зміни.

российские песни и пою; я довольно удачно аккомпанирую себя на фортепьяно и ничего, кроме украинского. Боюсь, чтобы любовь к Украине, которая все увеличивается, не завела меня далеко. Мне стыдно сказать Федору Вас[ильевичу], что сегодня у меня она будет, это покажет мою слабость, а необходимо это сделать, чтобы он всех отвлек от моей комнаты. Весьма может быть, что Татьяна очень виновата передо мною, но я не хочу об этом думать и не могу даже думать об этом, я стараюсь быть в совершенном заблуждении. Между тем меня пугает то, что я так легко могу увлечься. Впрочем, надобно сказать и то, что я, любя до страсти все украинское, имею в ней единственный источник столкновения с национальностью. В ней национальность так мила! когда на вопрос мой: кто она такая, она так прелестно отвечала: «Я украинка», я бросился ее целовать. Как мила, как тесно связана с природой украинская национальность! Цветы на милой головке не то, что картонные коробки на головах русских. Духи у них заменяются нескользкими листьями свежей мяты, которые они кладут на грудь. Как это мило, от этого от нее всегда был приятный дух свежести; как это близко к природе! «О, Украино, моя ненько!» – как восклицает Шевченко,¹ ты глубоко вкоренилась в мое сердце.

14-го декабря. Мое здоровье очень плохо, болезнь моя, кажется, дает новые успехи; не знаю, что со мной будет. Но теперь я мало думаю о болезни, меня занимает одно только, это маменька. Ах, какой я счастливый сын! Маменька – ангел, решительно ангел. 11-го числа по совету Шеффера я все открыл маменьке. Это ее ужасно огорчило; она припомнила историю Дуняшки, и последняя моя ошибка еще сильнее первой. Она начала упрекать меня в том, что я ее так огорчаю; и какая мать этого бы не сделала при мысли, что сын ее так болен! Огорчение, которое я принес ей мою болезнью, мучило меня до крайности. Иногда я просыпался ночью, и тогда мучения мои были ужасны: тоска, досада от болезни, мысль о бедной маменьке, – все приходило разом в мою голову, и я рыдал с отчаяния. И что же? этот ангел-мать удвоила ко мне ласки! Эти ласки были для меня нестерпимы, я в них видел угрызение собственной моей совести. 12-го числа после обеда уехала Александра Григорьевна, тогда я, оставшись с маменькою один, приступил к объяснению. Со слезами бросился целовать ее ноги. Она заплакала, обняла меня: «Я все забываю, Гришунок, теперь нам надо стараться об одном: как бы скорее тебе вылечиться». Какой ангел! ах, какое сердце. Я теперь в том, что я болен, огорчен больше за нее, нежели за себя самого.

Федор Вас[ильевич] уехал 12-го утром. Я ничего не говорил о Вас[илии] Вас[ильевиче] Кочубее, который провел у нас два дня. Толстяк, верно, приезжал посмотреть на меня; он, кажется, готовит для меня вторую

¹ Ремінісценція поеми Т. Шевченка «Тарасова ніч», опублікованої у «Кобзарі» 1840 р. Це був один з найулюбленіших шевченкових творів Г. Галагана.

дочь свою Елену. Я ее только раз видел и кажется, что она не совсем хороша; впрочем, за нее в моем мнении говорят три вещи: во-первых, она очень хорошего семейства и воспитания, во-вторых, что для меня очень важно, она малороссиянка, в-третьих, ее мать очень умна и добра.¹ Отец ее очень выхвалял в гостиной, как мне донесли Нина и Алина.

Александра Григорьевна было уехала 12-го после обеда, но не успела доехать до Калюжинец, как привезли к ней письмо по эстафете. Она чуть не упала в обморок в карете. Фальшивая графиня София Александровна похлопотала в Петербурге, и дело повернулось снова на ее сторону. Все имение берут в опеку. Бог знает, чем все кончится. Они воротились в Секиринцы и, переночевавши, уехали 13-го утром. Александра Григорьевна прощалась со мною чрезвычайно торжественно и нацепила мне на шею Митрофана.²

15 декабря. Милые девушки Нина и Алина! Первая добра чрезвычайно, но очень недальнего ума, вторая же во всех отношениях прелестная девушка: хороша собой (хотя малого росту), умна, с большим чувством и с прелестным голосом. Наш взрослый ребенок Алексей влюбился в нее и выставил себя совершенным Комаровским: из его уст сыпались беспрерывные клятвы, заклинания и пр., пр. Монастырь, пистолет или Алина! А между тем при малейшей холности с ее стороны он ее ругал на чем свет стоит. Я его дразнил до крайности. Моя совесть чиста: мне кажется, что я благородно с ним поступил, т. е. не помогал ему в его любви, хотя и обещал помошь. Лучше бы было еще прямее действовать. Часто недостатки других повторяются в себе самом еще в сильнейшем градусе; я согласен, что я во многом ребенок, но только в любви я не такой ребенок, и мне кажется также, что у меня благородство имеет тверже основание, нежели у него.

21-го декабря. Завтра, может быть, будет роковой день для меня. Может быть, дойду до того, что придется его вспомнить с ужасом. Завтра я оставляю Секиринцы и переезжаю на 6 или на 7 недель в Прилуку. Я решился это сделать потому, что Поль и сестра переезжают туда для душей. Мне это очень кстати, потому что моя болезнь идет очень худо в Секиринцах. Я рад слушаю и еду, но оставлять Секиринцы для меня ужасно! Тяжело, очень тяжело, тем более, что неизвестно, скоро ли я буду здоров. Ах, как дорого я плачу за несколько приятных минут, неужели во всем и за все придется мне так дорого платить. У нас в это время прожили три дня Варенька Ушакова с мужем и приезжала София Александровна с некоторыми другими.

¹ У 1847 р. дружиною Г. Галагана стане молодша дочка В. В. Кочубея – Катерина. Олена Кочубей вийде заміж за ген. К. Г. Ребіндра.

² Образок із зображенням св. Митрофана Воронезького.

23-го декабря. **Прилука.** Вчера в 3 часа пополудни я приехал сюда с маменькою, а сестра с мужем будут завтра. Сегодня маменька опять уехала в Секиринцы для разных распоряжений и будет с ними вместе завтра. Между тем я остался совершенно один. Квартира наша очень тесна, и что мне очень досадно, это что маменька дала мне лучшую комнату; те господа подумают, что я сам выпросил; мне это предосадно, потому что мне хочется быть как можно перед ними чище. Улица, на которой стоим мы, довольно веселая и очень близко к базару. Шеффер был вчера у меня и опять сегодня. Он добрый человек и имеет чувства, но жаль, что ветрен. Ах, теперь еще все мне ново здесь, и потому не так скучно, но что будет дальше? особенно если к моральным страданиям прибавятся еще физические, которые и теперь уже довольно значительны. При беспрерывных черных мыслях о моей болезни присоединяется еще досада на себя и на обстоятельства. Послезавтра уже начинаются праздники; как бы я их весело проводил, если бы не болезнь! как бы я везде разъезжал! Мысли о женщинах часто также беспокоят меня, и в полном смысле беспокоят, потому что при этом обыкновенно у меня невыносимая боль. Ужасно мое положение! Третьего дня я писал к Фед[ору] Вас[ильевичу] замечание о себе. Именно, я начинаю быть философом в несчастии и замечаю, к удовольствию моему, как во всякой неудаче я ищу тотчас утешение, из всякого несчастия хочу извлечь себе пользу. Теперь я, например, буду заниматься многим, чем не мог, т. е. не давали заниматься в Секиринцах. Хочу серьезно заняться садоводством и, кроме того, различными другими книгами. Пора обедать.

25 декабря. Сегодня вместо того, чтобы радоваться вместе с другими, я грущу один, ужасно грущу. Маменька, Поль и Машенька – все уехали в церковь. Народ толпами идет мимо окон – все в церковь, а я сижу дома и только смотрю на счастливцев. Хотя я в душе не принадлежу никакой религии, но я радуюсь празднику вместе с другими и в большой праздник променял бы 100 театров или 100 rendez-vous красавиц на одну обедню. В праздник я иду в церковь с большим удовольствием, я в этом вижу что-то родное, мне близкое.

1841-й год. 3-го генваря. Мы встретили год очень мирно и скромно. Мне ужасно досадно, что я получил, хотя безделицы, в подарок: от Поля и Marie – галстук, а от маменьки – жилет. Все один другому что-нибудь подарили, а я один ничего никому. У меня так мало внимания к другим! а между тем я обижаюсь, если ко мне без внимания. Мне всегда и после бывает на себя досадно, а вперед никогда ничего не придумаю. Вчера уехала отсюда в Секиринцы наш ангел маменька. Мы одни, как без нее пусто. Она приедет к Крещению. Вчера же прислали из Детярей за Шеффером; дяденька очень болен, что-то будет? Не могу себе никак дать отчет в чувстве моем при вести о болезни дяденькиной? совершенное

хладнокровие. Но это не потому, что я его наследник, вовсе нет! Услышав о болезни Михаила Васильевича, я только испугался за маменьку. Неужели это у меня в такой степени эгоизм. Может быть, это так мне кажется. Сегодня обедали у нас Ульяна Александровна и возвратившийся из Дегтярей Шеффер. Жадковка решительно продается.¹ Как бы я желал, чтобы маменька ее купила. Это бы поправило наше Иченское имение. Но тут же действует и ужаснейшее тщеславие! 80-ю душами будет больше, которых я могу назвать своими.

6-го генваря. Вчера возвратилась маменька из Секиринец. Она говорит, что корни дерев в саду открыты. Это меня очень заботит. Как-то они выдержали большие морозы? Вчера же я получил письмо от Николая Ригельмана. Вот человек, которого я люблю, и жалею, что прежде не узнал его. Он мне отвечает на мое письмо из Дегтярей, и отвечает прекрасно, так, как я желал, чтобы он отвечал. Я всегда считал Николая за холодного и флегматического человека, хотя с весьма хорошей головой. Будучи теперь проездом в Москве, мы провели один день у них. Вечером, оставшись одни с Николаем в их зале, мы начали говорить о довольно отвлеченных предметах и совершенно сошлись в понятиях. Тогда я ему начал говорить о том, как мало мы всегда имели случая говорить и быть вместе, что наши понятия очень сходны во многих предметах, и что ничто так, как сходные понятия, не сближает человека. Я не знаю, что прошло тогда между нами, но я вдруг с ним как-то сблизился, одним словом, мы сошлись в понятиях, поняли друг друга. Я в нем нашел больше сердца, нежели предполагал найти, он во мне – больше ума, нежели предполагал, потому что встречался со мной только лишь в обществе, и обществе кузин и кузенов-шалунов, где я обыкновенно шалил больше всех. Ах! Не знаю наверное, но, кажется, я в нем приобрел солидного и постоянного друга. Такие люди, как он, похожие отчасти характером на моего отца, редко показывая теплоту чувств, они говорят без возгласов, думают много, трудно переменяют свои мнения, медленны в обращении без флегматизма, очень разборчивы в друзьях, но кого любят, того любят искренно. Я надеюсь найти в нем друга, который будет приятнее всех Базилев, Ульяниных, Жемчужниковых, Алексеев. Жаль, очень жаль, что я совсем оставил Бочковского, в нем, кажется, можно бы найти друга. От мая я ни разу ему не писал, хочу сбраться и написать к нему. Мне досадно, что Алексей будет у него и много наговорит ему вздору. Я написал к Николе предлинное письмо и описал

¹ Маєток у с. Жадківка Прилуцького повіту Полтавської губернії (неподалік від містечка Ічня) належав родині Маркевичів. Микола Маркевич, успадкувавши його у 1832 р., повідомляв у листі до Павла Григоровича Галагана, що тамтешнє господарство перебуває у занедбаному стані (ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 2026. Арк. 11 зв.). Втім, Жадківка не була продана, а залишилася у Маркевичів. Згодом Г. Галаган допоміг економічному одужанню цього маєтку (ІР НБУВ. Ф. 243. Оп. 1. Спр. 28. Арк. 795).

ему всю свадьбу. Между тем я получил письмо от Федора Вас[ильевича], он скоро будет сюда, я этому рад.

10 генваря. Теперь, в минуты, когда нечего делать, т. е. ничего такого, как делал прежде, нет рассеянности, уставши читать Вальтера Скотта или Гёте, я сижу и думаю, для моих мыслей безбрежное море, я теперь много думаю и очень доволен своим положением, хотя иногда и хочется погулять. Жаль только, и мне очень досадно, что все мысли, которые рождаются и обрабатываются в моей голове, или, по крайней мере, половина из них, опять исчезают, потому что не записаны. Я прочел отрывок малороссийской истории Николая Маркевича¹ и нашел в ней некоторые недостатки. Что мне в ней очень не нравится, это совершенное отсутствие рассуждений, отсутствие философии, которая в наше время составляет сущность и основу истории. Я давно уже постоянно думаю об Малороссии нашей любезной, но еще ни разу не писал об ней. Мне препятствует главное: незнание ее истории; я не могу себе простить, что до сих пор не прочел то, что об ней написано. Впрочем, я хочу теперь, пока мысли не испарились из головы, изложить их на бумаге. Приехавши в Секиринцы, я прочту ее историю. Теперь я читаю «*Quentin Durward*» of Walt[er] Scott.² И это у меня занимает полдня, другую половину я провожу в разговорах, часто богословских и политических спорах с маменькой и Полем (и я делаю очень глупо), а вечером играю в пикет. Шеффер часто имеет со мной разговоры. Кажется, что он меня считает за умного человека. Гиршфельд у меня лежит почти без употребления. Мечты о саде теряют половину своей живости при морозах и метелях. Я думаю, такое чтение, как Гиршфельд, лучше оставить на лето, когда трудно заниматься каким-либо другим, и когда истинны, им изложенные, можно поверять на самом факте.

11-го генв[аря]. Мне кажется, что надобно, прежде чем писать мысли об Малороссии, определить ее в географическом, этнографическом и политическом значении. Я знаю, что первый опыт у меня будет безалаберный, просто набросанный в беспорядке, но после из него можно будет составить другой.

14 генваря. Вот что значит говорить людям правду. Недели полторы тому назад я писал к Алексею и сегодня получил ответ. Что за ответ! Я ему писал правду, впрочем, довольно колючую. Он наполнял свои письма самыми сентиментальными фразами; все вздыхал об Алине. Я знаю его наизусть и нас kvозь, знаю его любовь! Он меня просил, брал с меня всевозможные слова, чтобы я ему писал об Алине. Я никогда не сводничал и сводничать не буду, и чтобы отделаться от него, наполнил письмо

¹ Йдеться про «Історію Малоросії» М. Маркевича. Вона була надрукована у п'яти томах у Москві у 1842–1843 рр.

² «Квентіна Дорварда» Вальтера Скотта (англ.).

рассуждениями. Он это письмо показал Сакеням и написал мне вдобавок тысячу упреков. Это меня вывело из терпения, сентиментальности его, особенно как я знаю их основание, мне наскучили, и я написал ему письмо, где, после того, что упрекнул его за то, что он показал письмо мое Сакену, я говорю прямо, почему я не писал ему об Алине, потому, пишу я, что сводничать я бы почел себе за стыд. Вот за это слово «стыд» он хватился и давай писать упреки с разными: «Бог с тобой!» и т. п. Что мне досадно во всем этом, это то, что, зная хорошо Алексея и его очень нехороший характер, я уверен, что, сердясь на меня, он говорил обо мне дурно в своем семействе, а там имели обо мне хорошее понятие. Я остался очень недовольным Алексеем после 6-инедельного пребывания его в Секиринцах, и он много потерял в моей к нему любви.

17 генваря. Что причиною такого малого постоянства в моем характере, в моих действиях? Я примусь за что-нибудь с охотою, и есть ли что-нибудь, что бы я мог продолжать. Я хотел писать о Малороссии, начал, написал страницу, дня два или три, не знаю отчего, не писал, и все мысли испарились; теперь я хочу непременно продолжать, но уже не то будет – мысли смешались, испарились, и я сам буду недоволен тем, что будет сделано, потому что оно будет натянуто. И у меня во всем так! Как поправить себя от этого? Надобно себя ловить на самом деле, иначе я буду несчастным человеком. Я часто заглядываю в будущее моей жизни и останавливаюсь, содрогаясь. Недавно я имел предлинный разговор с маменькой, где она меня вынудила сказать, что я умен; я точно чувствую, что я неглуп, потому что понимаю многое, чего другие не понимают, и понимаю хорошо других людей, но у меня большие недостатки в моем уме, недостаток математики и сметливости у меня очень велик; воображения хотя не очень много, но довольно достаточно, потому что много чувства изящного. Но станет ли у меня ума, чтобы управлять имением? Ума станет довольно, но чрезвычайная мягкость характера все испортит. Начну с сегодняшнего дня себя ловить в слабости характера, не надобно терять духа, может быть, я этим сколько-нибудь поправлю свой характер. Ох! что жестоко, это что надобно начать с двух вещей, в которых я очень и даже слишком слаб. Первая: это женщины, жестокие женщины, которые не дают покоя ни голове, ни сердцу. Другая есть по-ведение с людьми. Я совсем не знаю, [как] хорошо себя вести с людьми, я то слишком слаб, то слишком взыскателен, и потому кажется, что они меня не любят и, еще хуже, не уважают. Любовью мою к национальности я даже порчу себе много. Что касается до чувств моих, о! я ими доволен, мог ли я не получить их в изобилии от таких родителей, как мои? Все мое желание, величайшее до сих пор, есть чтобы сделать счастливыми сколько возможно те 3000 душ, которые вручила мне судьба. Я много об этом думаю, больше, чем о чем-либо другом. Я хочу, чтобы они меня

любили, не как отца, потому что это против моих понятий, что за отец я им? это слишком по-русски, нет, не как отца, но как друга, покровителя, защитника. Я бы очень желал познакомиться с окружным казаков¹ и помогать им разным образом. По приезде в Секиринцы я хочу непременно исполнить свое намерение и употребить известную сумму на помочь секиринским крестьянам. Мне бы хотелось знать их лично и каждому самому дать деньги или сказать, что кому будет сделано. Тут действует не только сердце, не одно желание добра, но еще и желание, чтобы они меня любили. На деревне меня знают, и многие с довольно хорошей стороны, но некоторые, зато, проклинают меня, отец Мотри, например, за которую я сам себя проклинаю, надобно стараться сколько можно загладить это дело в их сердцах, хотя в моем оно всегда будет негладкостью!

25 генваря. Секиринцы. Мы выехали из Прилуки и проехали прямо в Дегтяры. Как мне было приятно дышать свежим воздухом. В Дегтярях меня приняли очень хорошо. Дяденька очень переменился, постарел. Он очень капризен в болезни, и своими нетерпеливыми выходками, где обыкновенно первую роль играет черт, он мне так напомнил бедную Веру Ивановну, что я содрогнулся...

Мы хорошо заплатили Шефферу: 500 руб. и Поль тоже 500. Я очень рад этому, он прекрасный человек! умен, добр, какое у него семейство! совершенно немецкое. Он, кажется, меня полюбил. Я теперь пью сарсапарельный декохт² и еще месяц посижу в комнате. Я рад, что проведу Светлый праздник здесь! А там что Бог даст! Я начал читать «Историю Малороссии» Бантиша-Каменского.³

27-го генваря. Сегодня один из тех дней, в котором я, действовавши самостоятельно, выказал себя, свое мнение, хорошо или худо? вот вопрос! Дело в том, что наш мостицкий крестьянин, брат киевского монаха Модеста, уже шесть лет, как живет в монастыре. Монахи совратили его с пути истины и, сделавши его послушником, приглашают в монахи. Разумеется, ему выгоднее быть монахом, чем крестьянином, он молится, поет и ничем не занимается, разве только онанизмом. Он уже несколько раз приезжал с просьбой, чтобы его уволили, но маменька все отказывала по моему совету, говоря, что она будто бы не имеет права. Наконец теперь проклятый монах прислал его с письмом от митрополита. Маменька была в затруднительном положении. На нашем семейном совете я говорил следующее: «Если он хочет молиться, то может, кажется, это делать, и не будучи монахом, Бог одинаково услышит молитву

¹ Мовитсья про окружного начальника державних маєтностей, якому підпорядковувалися козаки.

² Відвар смілаксу (сарсапарело) – засіб проти сифілісу.

³ «Історія Малої Росії» Д. М. Бантиша-Каменського, у чотирьох частинах, була написана на замовлення малоросійського генерал-губернатора князя М. Г. Рєпніна-Волконського, вперше видана у 1822 р., перевидана 1830 р.

его; если он непременно хочет жить в Лавре, то можно, не в пример другим, сделать ему это уважение и позволить ему жить в Лавре. Но если он идет в монахи только для того, чтобы схватить чины, или чтобы жирнеть в бездействии, то это с его стороны очень худо, и вы, говорю я, маменька, как его госпожа, можете его удержать от всего дурного». Далее я продолжал: «С другой стороны, если вы дадите свободу этому мальчишке (ему 18 лет), то как же вы откажете в свободе старикам, которые служили еще папеньке, они гораздо больше этого заслужили, нежели этот молокосос. Мне кажется, что человек, желающий посвятить себя Богу, как говорят, может терпеливее перенесть неудачи и несчастия, чем другой». Мне отвечали на это, что он имеет призвание к монашеской жизни. «Хорошо, – отвечал я, – так дайте же свободу и всякому нашему мастеру, который имеет призвание к своему мастерству, особенно к художеству, я такого человека более уважаю, нежели монаха». До сих пор хорошо, я ничего не вижу дурного в том, что сказал. Но тут явилось другое обстоятельство. Его призвали, чтобы еще его расспросить, в Киеве ли митрополит. Я его в первый раз увидел. Послушник с длинными волосами и с скромным взглядом, как водится. Каково мое удивление, когда вдруг слышу, что маменька говорит ему «Вы». Это меня взорвало. «Comment! – сказал я, – vous lui dites vous à ce garçon, quand vous tutoyez du vieillards qui vous servent, par quoi a-t-il mérite tant d'honneur, parce qu'il a mis un habit noir, et qu'il laisse pousser ses cheveux jusqu'à l'épaule?».¹ Я в этом видел сильную несправедливость. Чем он лучше какого-нибудь старика-мужика? Кому только позволяет приличие, я всегда говорю «вы», например, купцу; я бы говорил «вы» всем старикам-мужикам, если бы это было принято. Но раз, что я говорю им всем «ты», я не буду отличать от них мальчишку. Я не мог удержаться, погорячился и, оборотясь к нему, сказал: «Итак, тебе надобно дать свободу?». Это было глупо, очень глупо и грубо в отношении к маменьке. Она справедливо рассердила на меня, я после просил прощения.

От Федора Васильевича получил письмо, он, бедный, болен был и еще до сих пор слаб. Не знаю, будет ли он еще через неделю; как мне совестно перед ним. Я бы желал быть больным, как он, но так же и быть любимым, как он любим...

28 генваря. Сегодня печальный для нас день. Сейчас уехали от нас сестра и Поль в Орел. Мы расстались с нашей Машенькой. Грустно! Маменьке очень было тяжело расставанье. Она очень плакала. Вот тяжелая участь всех матерей.

¹ Як! – сказав я, – Ви звертаєтесь на «Ви» до цього хлопчика, тоді як Ви «тикаєте» старим людям, що Вам служать, за що йому така велика честь – тому що він вбрався у чорний одяг і відпустив волосся рости до плечей? (фр.).

29 генваря. Тепер, що они уехали, я могу, видевши уже значительный период их жизни, т. е. медовый месяц, я могу уже судить о том, счастлива ли будет сестра с своим мужем или нет? Увы! зачем сделала так судьба, что я должен признаться, что бедная сестра будет счастлива до тех пор, пока будет заблуждаться на его счет, а как откроются глаза, что она увидит? С тех пор, как их помолвили, я беспрерывно почти был с Полем и успел узнать его. Попадались многие поступки, которые показывают его доброту, но доброту без толку, без основания. Между тем как во всех его других поступках столько ложного, фальшивого, иезуїтского, что я не могу никак его любить, а если люблю его, то решительно как вещь, мне близкую, а не как человека. Если бы я стал перечислять все поступки, в которых я видел, и не только я, но, к несчастию, и маменька, его фальшивость, то я бы наполнил полкниги. А его глупые, закоснелые понятия, а его бестолковое, глупое богомольство, а его ревность? хорошие ли это качества? Я не говорил еще о его чрезвычайном слабоумии ко всему тому, где не нужно хитрить. Бедная сестра, куда завлекла ее любовь, судьба? В первое время замужества, хотя она его и не совсем еще узнала, но нельзя сказать, чтобы она была счастлива: 1-е, его физическая слабость и болезнь, и во-вторых, сестру также мучит то, что Поль и маменька не сошлись. Я с ним холоден, да и не могу никак быть иначе. Он знает причину холодности и говорит Машеньке, что Федор Васильевич ставит меня против него. Он меня не любит, потому что каждый раз, что он начинает иезуитничать, я его обрежу. Бедная сестра! Что ей предстоит в будущем? Даже и то ужасно, что, как мне кажется, он по слабости тела не будет иметь детей, и сестра лишится единственного утешения в ее несчастии.

3-го февраля. Вчера вечером приехал из Литвы¹ Федор Васильевич. Он очень похудел. Я не могу смотреть на него без досады на самого себя, я причиною всему. Он много рассказывал о тамошнем крае. О всех тамошних жителях и об общей сплетнице граф[ине] Александре Григорьевне. Бедный Базиль, очень страдает от матери, жаль еще более Алины. Через несколько дней будут сюда на 4 дня Миша с Катенькой. Погода хороша, постоянно ясна, и клонится к оттепели.

¹ У наративах українського дворянства 1840-х років назва «Литва» нерідко вживалася щодо північних повітів Чернігівської губернії: Стародубського, Мглинського, Суразького, Новозибківського та почасти Городнянського й Новгород-Сіверського, розташованих у Задесенні, себто на північ від Десни. До середини XVII ст. ці терени перебували у складі Великого князівства Литовського, чим і пояснюється їхня назва. Місцеве населення мало етнографічні особливості, що проявлялися у мові, вбранні, господарстві, та йменувалося «литвинами». Ймовірно, Ф.В. Чижов гостював у Михайлова та Катерини Маркевичів у Ленькові в Новгород-Сіверському повіті.

12 февраля. Теперь у нас Миша и Катенька. Я очень люблю Мишу. Сам не знаю, что меня заставляет так его любить.

15 февраля. Сегодня маменька поехала в объезд по знакомым, по гостям. Катенька приезжала к нам и оставалась вечером. Так как я общий *confident*, и ее, и Федора Вас[ильевича], то они при мне не церемонились. Я удивлялся, как Катенька любит его, она с ума сходила. Нельзя описать всех движений страсти, которые я в ней видел. Это вулкан страстей. Она не знает ничего выше его, готова всем на свете ему пожертвовать. Какой счастливец Федор Вас[ильевич] в любви. Как это доказывает, что женщины любят ум иногда больше, нежели внешность в мужчине. Миша немного недоволен привязанностью своей жены. Мы долго вечером говорили об этом третьего дня с Фед[ором] Вас[ильевичем]. Он находит это худым в Мише, потому «что их связь чисто нравственная, и он, обращаясь так холодно с женою, не имеет права сердиться, если жена нравственным образом привязалась к другому». Я знаю, что отношения между Фед[ором] Вас[ильевичем] и Кат[енькой] чисто нравственны, но мне кажется, что я отвечал хорошо. Вот мой ответ: «Когда я женюсь, то буду требовать от жены совершенной ко мне привязанности, потому что я надеюсь сделаться достойным ее привязанности. Если же я так буду несчастлив, что увижу жену, любящую другого, то мне совершенно все равно, нравственная ли это связь или безнравственная, но если я буду любить жену страстно, то это несчастье меня убьет, если же я буду любить ее, но не страстно, то сделаюсь к ней совершенно хладнокровным, дам ей полную свободу, а сам заведу сераль!». Вот мои мысли об этом, и не думаю, чтобы я когда-нибудь их переменил...

16-го февраля. Третьего дня я получил письмо от Бочковского; я очень обрадовался, получив это письмо. Оно написано хотя в шуточном тоне, но очень дружественно. Но тут же приписывает и Алексей, так же дружественно, но ничего не пишет о прежнем, о прошлом. Он, ехавши в Петербург, заехал в Грузино к Бочковскому. Я воображаю себе, что он ему обо мне говорил. На следующей почте я хочу писать к ним обоим. К Бочковскому хочу написать умное и очень дружественное письмо. Я точно его очень люблю и ценю дорого привязанность его ко мне. Мне бы хотелось умно выставить в письме об Алексее, и как он предо мною виноват. Надобно это сделать очень умно, чтобы не показаться странным в случае, если Алексей ему ничего не говорил.

На днях получил я также письмо от Ник[олая] Ригельмана, какое письмо! сколько души, сколько теплоты, скрытой под ледяною оболочкою у этого человека! Я его за всяким письмом более и более люблю. Отец его не пускает со мною в чужие края. Жаль и для него, и для меня. Его письмо есть ответ на мое описание Машенькиной свадьбы.

Сегодня утром Фед[ор] Вас[ильевич] уехал в Григоровку, и я остался

совершенно один. Могу свободно предаваться всяким размышлениям. Я велел призвать вечером Татьяну; давно не видел женщины в моих руках. Говорят, что ей нашелся казак-жених; мне хочется дать ей приданое, хотя денежные обстоятельства идут плохо.

Я в Прилуке еще начал писать мои мысли о Малороссии, бросил, опять было принялся, и опять бросил. Теперь бы мог опять продолжать, да никакой нет мысли серьезной в голове. Рисуется все картина казацкого войска. Хочу сейчас же описать ее в виде отрывка из повести. Я начал читать 3-ю часть истории Малороссии Бантыша-Каменского. Что за глупая, подлая, низкая история! Везде выставлены цари, русские тираны, благодетелями Украины, а казаки, защищавшие свободу против москалей, – бунтовщиками.¹

18 февраля. Вчера вечером были у меня Григ[орий] Иванович Милорадович, Жуковский и Лагода,² и я много говорил, ораторствовал о том, о сем. Я думаю, меня считают болтуном. Третьего дня была у меня Татьяна; я много с ней говорил о том, о сем, много узнал нового из их быту, много нового, неутешительного! Удивительно, как исчезает, как тает, можно сказать, Украина. Как быстро уничтожается всякая национальность! Дивчата жалуются, что мало на селе хороших паробков. Да откуда же им взяться, когда всякий год рекрутский набор по 5-и и 6-и с тысячами. Весь лучший народ выбрали, остались в селах одни малорослы, калеки, дурно сложенные, глухие, остались старики, которых, особенно в последние годы, очень много умирает. Вряд ли есть еще старики в Секиринцах, который бы запомнил Гетманщину! а молодежь, которая осталась, не может поддержать национальности, а бедность, а несчастия, падежи, неурожай? Все стремится к уничтожению национальности в нашем народе. Вот фатализм в истории! Я это хочу развить в рассуждении, которое я пишу об Малороссии.

Еще неделю или полторы, и мой карантин кончится! Я наконец выйду опять на вольный чистый воздух. Я уже мечтаю о том, как я буду ходить везде, все осмотрю. В иных местах покажу строгость, в других буду хвалить. Мне очень хочется на Светлый праздник ездить верхом по селу, на выгоне, где будут танцевать крестьяне. Как я рад, что проведу Пасху здесь, я давно этого желал. А после Пасхи, в половине апреля, может, уже буду ехать в чужие края! Меня очень беспокоило то, что Фед[ор] Вас[ильевич] непременно

¹ У З-ї частині «Історії Малої Росії» Д. Бантиша-Каменського йшлося про гетьманування І. Мазепи. Цей історик тлумачив українську минувшину з точки зору російської офіційної історіографії.

² Микола Фокич Лагода з 1838 р. служив управлюючим у Галаґанів і сприяв поліпшенню їхнього господарства, розладнаного ще за життя Павла Григоровича Галаґана. Згодом Г. Галаґан з вдячністю згадував про нього: «...С трудом наконец отыскала матушка старика управляющего Лагоду, прослужившего нам 15 лет, который сколько-нибудь понял ее желания и честно управляя имениями» (ІР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 6936. Арк. 3 зв.).

хочет ехать в Италию прямо. А мне на лето совсем не хочется ехать в Италию. Я не знаю, что бы я предпочел, если бы мне дали на выбор: ехать в Италию и не быть в Германии или наоборот? Меня очень привлекает к себе Германия, не меньше Италии, даже несколько больше. Кончено, в Италии искусства! а мне все мечтается, что в Германии гораздо больше природы, которую я предпочитаю искусству. Может быть потому, что я давно не был наэлектризован со стороны искусства! но теперь я предпочитаю природу... Федор Вас[ильевич] в последнем нашем разговоре подал мне надежду, что мы поедем прямо в Сев[ерную] Германию, а на зиму в Италию.

28 февраля. Вчера вечером мы были очень и неожиданно обрадованы приездом сестры и Поля из Орла. В каком истинном наслаждении я провел вчерашний вечер и сегодняшнее утро. Мы узнали из их рассказов, что сестра не только что была обласкана в семействе, но сделала много эффекту в Орле на балах и обедах. Каково? Малороссиянка, украинка!

29-го февраля. Федор Вас[ильевич] приехал от Миклашевского. Ка-жется, он хорош с Полем. Как Фед[ор] Вас[ильевич] заметно страдает душевно! Я забыл внести в журнал, что у нас 26-го числа были Исаевичи и с ними молодые: Кондибы. Молодой человек, хотя невеликого ума, но очень неглуп и, что для меня приятно, великий патриот, любит Украину.

Март.

4-го марта. Вчера уехал от нас, пробывши весь день третьего дня, Петр Петрович Скоропадский. Я очень желал его видеть и очень полюбил его. Вот украинец с сердцем и с рассудком; любит свою страну от всей души, благородно, бескорыстно! не любит или, скорее, так же, как и я, имеет отвращение от москалей. Наши несчастные казаки очень его любят. Он живет в Григоровке, которая окружена большими казацкими селами: Бахмачем, Куренем и другими, в которых еще осталось много национальности. Все деревни опустошены беспрерывными рекрутскими наборами, остались только слабые недоросли, но в Бахмаче, несмотря на то, еще много видно молодых людей гигантов, и женский пол замечателен еще своей красотой. Наш Петро Скоропадский, спасибо ему, поддерживает в них национальность. Часто ездит он в должности межевого судьи верхом, одетый в кобеняк и с шапкой на голове. Один раз он, будучи принужден ехать в поле с казаками для того, чтобы измерять их земли, как принадлежащие теперь казне; он проехал с ними в поле и, остановив лошадь, повертил ее к старым казакам, ехавшим за ним верхами, и сказал на нашем языке речь, в которой он объявил волю самодержца – взять их в казну. Он не мог докончить, слезы брызнули из глаз его и покатились к его толстым усам. Казаки были тронуты; иные плакали, а другие одушевились и крикнули ему: «Гайда! внук гетмана!». Какой крик! это последний стон умирающего народа; бедные казаки! они вспомнили старину! но, увы, между их вольностью и ими стоит непоколебимая сеть

железных цепей московских! Не могу не перенести сюда двух анекдотов, которые он рассказал. В эту зиму был, как уже шесть лет сряду ведется, рекрутский набор. В Ромне принимал рекрут наш почтенный старый украинец Ив[ан] Алекс[андрович] Якубович. Привели одного 22-хлетнего и 12-иwerшкового казака. Разумеется, что комиссия сказала – доб, и молодцу отрезали чупрыну! Бедный казак поплакал и ушел. На другой день он приходит к Якубовичу: «Прошу вашей милости, добродию», – сказал он со слезами. – «А что тебе надобно?» – «Отдайте мини, пане, мою чупрыну». – «На что тебе твоя чупрына?» – спросил удивленный Якубович. – «Пошли ее моей невесте, – отвечал казак, – вона ей у себе буде ховать и про мене буде вспоминать». – «Богаме! – вскричал тронутый Якубович, – на свою чупрыну». Как это прекрасно, изящно, полно поззии! воскликну я с ним!

9-го марта. С 3-го декабря сижу я и не пользуюсь вольным воздухом, не занимаясь ничем решительно. Много потерял я драгоценного времени, которое я бы мог совершенно провести иначе. Но, несмотря на то, я это время буду вспоминать с удовольствием. Приехавши сюда в августе, я явился в обществе, где меня знали ребенком, и в котором все глаза были обращены на меня. Я имел счастье всем понравиться, а потом болезнь заставила меня исчезнуть для общества вдруг; и я во все продолжение ее слышал от многих и многих похвалы о себе; я слышал отголосок, эхо общества. Меня особенно полюбили в Качановке, и я везде слышу о себе похвалы, не прямые, но через третьих и четвертых, что мне еще приятнее. Итак, есть во всем хорошие стороны. Я в это скучное время узнал, как мне мало стоит труда, чтобы заставить себя любить, и это много прибавило к моему счастью. Зная, что эти господа меня любят, я невольно, по доброте сердца, всегда беру их сторону, защищаю их от насмешек и тем имею счастье избежать собственного злословия. Фед[ор] Вас[ильевич] имеет ужасную антипатию к глупым людям, и точно, такие люди не заслуживают уважения. Он публично и без всякой милости бранит человека, который делает или говорит глупости. Я взял методу никогда таких людей не защищать, но зато и не нападать на них. Напротив того, всякая несправедливость, неблагородство, коварность всегда найдут во мне сильного врага. Через несколько дней надеюсь опять обращаться в этом обществе и буду замечать, как где меня буду принимать. Но если бы меня так полюбили в обществе, может быть, я достигну главной моей цели: быть любиму простым народом. Тогда я буду совершенно счастлив. Зачем же я гублю себя, зачем же я не хочу сохранить себя, чтобы женатым человеком еще наслаждаться счастьем. Я злейший и опаснейший враг самого себя. Чем кончу я? увы, не знаю.

13-го марта. Как тяжело, как больно смотреть мне на бедную маменьку. Каждый день она имеет какое-нибудь огорчение, и все за ее

любовь к дочери. С каждым днем она больше и больше видит, какую ошибку она сделала в расположении судьбою сестры. Что за человек! Бедная сестра. У нее любовь до сих пор так сильна, что совершенно ослепляет ее, но, несмотря на то, приходят минуты, очень для нее неприятные, она видит беспрерывные несогласия между Полем и маменькою. Наш ангел маменька не может не охладеть к человеку, в котором что взгляд, то фальшивость, что слово, то притворство. Ханжа, баба, актер, москаль в душе, враг всего образованного, иезуит, лицемер, и вдобавок расслабленный телом – вот портрет моего любезного зятя. Я очень боюсь, что кончится тем, что он не поедет в чужие края, а засядет с попами в деревне. Он не имеет любознания, которое бы влекло его туда, и Бог с ним; мне жаль сестры, которой хочется увидеть свет, а еще больше жаль маменьки, которая вряд[ли] без них поедет, а я бы очень желал, чтобы она ехала, потому что воды для нее необходимы. Она нездорова, часто бывает прилив к сердцу, особенно после неприятностей, а лекарства она не хочет принимать.

14 марта. Сегодня для меня счастливый день. Я начал то, что давно предполагал сделать, именно: употребить все мои деньги, собранные в детстве, данные папенькою, 161 руб. и 30 коп., на помощь бедным мужикам. Я выбрал для помощника в этом одного честного и хорошего мужика, старика Гаха. Он был у меня сегодня, и я сообщил ему желание мое с повелением, чтобы он мне собрал сведения о бедных мужиках. Ах, как бы я желал, чтобы в этом поступке моем не было ни капли тщеславия! До сих пор кроме маменьки и Гаха никто об этом не знает. Для верности я хочу с каждым облагодетельствоваемым мужиком сам видеться. Как же теперь делать? довольствоваться ли тем (в отношении к тщеславию), тем только, что я сам не буду об этом разглашать, или сказать также каждому мужику, чтобы он не говорил никому. Первое непременно будет: я никому об этом не буду говорить, за последнее не отвечаю. И что за беда, если мужик, которому я поправлю хату или подарю вола, будет об этом разглашать на селе, я ему ничего об этом не скажу.

17 марта. Сегодня опять была сцена между Полем и маменькою. Бедная маменька, не знаю, чем это все кончится. Какое для меня будет двойное счастье найти добрую жену.

22 марта. Кажется, снова находит на меня время грусти. Это приятно в некотором отношении. На днях мне снилось, что я жених; моя невеста не была красавица, но так добра, мила, умна, что я совершенно терялся в счастье; проснулся, и с этой минуты начались у меня грусть, тоска. Чего-то ищет сердце, чего-то. Вот уже два года, как я и забыл, что такое любовь, а как она приятна. Madame Fisher m'a dit que quand le vieux Kotchoubéy est arrivé chez nous les gens ont dit: voilà

le futur beau père de notre juene maître. Vox populi vox Dei!¹ Кто знает, что будет.

23-го марта. Сейчас получил письмо от Федора Васильевича, который теперь в Ленькове у Миши; в нем есть одно место, которое привнесло мне слишком много удовольствия, чтобы я его здесь не поместил: «Петр Петрович² вас целует – его отзывы о вас возвысили Гришунка в глазах моих, может быть и не так, но, по мне, что оценено художникою душою, в том должно быть много прекрасного».

Я отправил письмо к Алексею, а другое – к Шереметевой. Завтра начинаю говеть. Погода постоянно холодная и снегу еще бездна, все ездят в санях, деревья не думают распускаться; и климат даже вооружился против бедной Украины! К нам веет русский воздух вместе с русскими указами.

24 марта. Сегодня неприятный для меня день. Мы было кончили все дело обмена земли с здешним попом. Его земля будет для нас необходимое приобретение для саду со стороны оранжереи. Никол[ай] Фокич, которому было поручено это дело, выбрал мужицкий огород, и дело было кончено. Но вышло, что это не огород мужицкий, а прекрасный фруктовый сад, от которого он получает выгоды, и который есть его батькивщина; бедный мужик плачет; обидеть его нельзя ни за что. Я ездил с землемером на это место, и мужики – Ткачик и Гузь – указали мне на место Новика, которое также на выгоне, только что возле огорода; оно большое и квадратное. Но поп ни за что не хочет этого грунта, говорит, что это пустыня. Теперь, чтобы не обидеть Ткачика, остается только оставить попа на прежнем месте, что для саду ужасно. Это для меня так досадно, как нельзя больше. Сколько бы прекрасных вещей можно было сделать на этом месте!

25 марта. Блаженни чистые сердцем, яко тии Бога узрят.³ Какая истина! Я сегодня любовался, как в церкви приобщались старики и старухи. Какая невинность! Как видна чистота сердец в этом народе. Они все, верно, видят Бога в своем воображении, и все довольны и счастливы. А мы над ними возвысились. Но какое это возвышение? Я нахожу, что в нашем народе нет того фанатизма и невежества религиозного, как в русском. Наш мужик презирает попа, но стоит с благоговением, молиться с сознанием, и чем больше в нем национальности, тем больше этого рода религии. Вся наша молодежь, которая потеряла национальность, есть самый нерелигиозный и безнравственный народ. Как мне нравится эта истинна в истории, что через особу Божией Матери вошло в Европу уважение к женщине. Чем более в народе европеизма, тем более он уважает женщи-

¹ Мадам Фішер сказала мені, що коли до нас приїздив старий Кочубей, то люди говорили: ось майбутній тесть нашого молодого господаря. Голос народу – голос Божий! (фр., лат.).

² Йдеться про П. П. Скоропадського, з племінницею которого, Катериною Василівною, був одружений власник с. Леньків Михайло Маркевич.

³ Мф. 5: 8.

ну. Рыцарство, как говорил Кутурга на лекции, есть первый прекрасный плод христианства в Европе. Чем более народ уважал женщин, тем более в том народе процветало рыцарство, которое положило главное начало великим правам народным, человеческим, а эти права не суть ли главная мысль христианства? Какой-нибудь москаль, христианский идолопоклонник, думает и убежден, что женщина не есть такой же человек, как он; у них женщина никогда не имела прав, и до сих пор простой народ смотрит на женщину как на вещь. Нельзя не сказать, что в Украине женщина находится гораздо в большем уважении. Даже в прежние времена, когда казак умирал, то ближайшим наследником всего его имения была жена.

Того же числа. Я забыл вписать сюда странный сон, который я сегодня видел. Мне снилось, что я где-то в прекрасном месте, иду по горам, долинам, по берегу рек; потом вижу себя в комнате молодого человека, потом приходит Вас[илий] Вас[ильевич] Кочубей и с жаром обнимает меня, благодаря за что-то, я также обнимаю его, и в это время моя рука встречает на его спине нежную дамскую ручку, которую я сжимаю и которая также сжимает мою руку. Далее пошла галиматья.

28 марта. Долго, долго ждали мы весны, и все было ни то, ни се, но наконец третьего дня подул сильный южный ветер и распустило совсем, ночью был дождь с бурею, а вчера опять ветер, и так много везде воды, что все сообщения между деревнями прекратились; везде потоки, везде рвет плотины. Сегодня один из тех теплых весенних дней, которые так прелестны. Снегу осталось уже очень мало, и то в закрытых местах. Весна! какое блаженство! Как радуется сердце вместе со всею природою! Я сейчас только возвратился с предлинной вечерней прогулки, которую я сделал один. Я долго ходил по выгону. Он уже почти совсем сух, и там истинно радуется сердце! Все село шумит от потоков воды, которая с шумом бежит по всем улицам, от разных голосов всех домашних животных, обрадованных весною, под ногами пробивается новая зеленая травка. В саду, в лесу – там новое наслаждение: птицы громко поют, кладя первые основные веточки своих гнезд; любовь одушевляет всех; все крестьяне готовятся к величайшему в году празднику, который так мило здесь празднуется. Милая Украина, я опять узнаю тебя! Сегодня я с Полем несли плащаницу, и было довольно большое стеченье народа, все наши славные украинцы, которых я так люблю, что иногда готов бы плакать от радости, когда вижу богатого казака или мужика, и от горести, когда вижу их разорение. Да! сегодня я приятно провел день! С выгона я пошел в оранжерею, оттуда с Голиком на Ротонду, а с Ротонды к Готическому мосту. Только что я предавался радости вместе со всею природою, я увидел три подводы мужичьи, которые везли дрова в оранжерею. Я подошел к ним и вошел в разговор с одним мужиком – Романько, человеком очень неглупым. Как не стесниться сердцу, когда посмотреть на бедных людей, которые мучаются с

своими бедными волами, и в какие дни! для того, чтобы привезть дров в оранжерею, привезть дров за 5 верст. Я узнал от этого мужика вещь, для меня приятную, это что здесь есть такие казаки, которые нанимаются за деньги выорать поле. Приятно побеседовать с добрым мужиком! Он не совсем здоров, и я ему дал спирту на лекарства. Итак, я ходил и пришел усталый домой, но зато грудь моя была полна какою-то тихою отрадою, мне было весело, приятно, легко! и вдруг, прияа домой, я пошел вниз, где была маменька, и нашел маменьку занятою, следовательно, невнимательно к моему восхищению, а тех двух – холодными, недостойными понимать красот природы. Моя грудь стеснилась при их насмешках над моим восхищением, и я ушел от них! Впрочем, маменьке можно многое рассказать, она многое поймет, лишь бы ничем не была занята.

31-го марта. Благодарю тебя, Судьба, что ты допустила видеть снова Светлый праздник в нашей милой Украине.

Апрель.

3-го апреля. Как я легко увлекаюсь чем-нибудь. Теперь я сильно увлекся моей Татьяной, с нею я счастлив, без нее мне скучно, грустно, тяжело! Я не могу любить материально, это не идет к моей теплой душе. А трудно ли найти чувства в украинской дивчине, поэтому и неудивительно, что я ею увлекся, зачем мне искать прекрасное там, где оно уже давно найдено и анатомировано, зачем мне довольствоваться тем, что передали мне другие? нет! я ищу прекрасное в украинском мужике, в казаке, в дивчине, тут все чувства изящные прикрыты толстой и грубой корой невежества, но стоит только прорыться сквозь эту кору, и богатый рудник всего прекрасного откроется перед наблюдателем. Долго не знал я тебя, милая дивчина, долго видел я в тебе одно лицо твое хорошенъкое, одну твою силу телесную. Теперь я тебя узнал покороче и люблю тебя от всей души, сколько я узнал от тебя прекрасного в вашем крестьянском быту! Твоя наивность также принесла мне много удовольствия, открыв мне, сколько нравлюсь я крестьянам. Зачем же ты, милая, была в объятиях другого, зачем? правда! ведь я тогда не так тебя любил, а невежество помогло, я тебе прощаю от всей души, но только мне грустно, тяжко! Ее отец и мать должны быть хорошие люди, жаль, что я не могу их узнать. Мне бы очень хотелось устроить судьбу Татьяны навсегда. Отдам замуж за казака.¹

4-го апреля. Уже человек 14 получили от маменьки деньги взаймы на покупку волов, для последних 5-и человек я просил маменьку, чтобы она взяла из денег, отложенных для меня. Я с ними обхожусь очень ласково, и как мне приятно слышать от всех, что они меня превозносят, при этом моя любовь к ним еще усиливается. Татьяна мне говорила, что они все довольны, что у меня проста мова, и что все они меня понимают.

¹ Одружившись з козаком, Тетяна звільнилася би від кріпацтва.

Старик Черкас, которого я обласкал, говорит всем, что «счастлив тот, кто дождется сего пана». Вчера объездил все село. Какие места! На всех выгонах стояли кучи народа, все мне с радостными лицами кланяются; какое счастье. Всякий вечер теперь на выгонах собирается молодежь, и играют в разные игры.¹ Я хочу завесть, чтобы была скрыпка. На качелях все три дня праздника танцевали. Добрые, славные мои крестьяне и казаки, как мне жалко подумать, что с вами расстанусь; я хочу, чтобы, по крайней мере, вы меня узнали. Познакомимся.

7-го апреля. Вчера, в воскресенье, был один из самых приятных дней этой весны. У нас был праздник для всей секиринской молодежи. Вот с чего началось: в субботу вечером, как и всякий день мы делали, мы поехали на выгон, там множество девок играли в перепелочку и в другие игры, между тем хлопцы, ободренные в тот вечер, как им раздавали пряники и груши, подошли к линейке и начали петь хором прелестную малороссийскую песню «Чумака». В это время подошли три казацкие парубки. Я с ними вступил в разговор, и они мне сказали, что они бы спели лучше хлопцев. Тотчас маменька сказала мне пригласить всех на воскресенье. В воскресенье погода, как нарочно, была прекрасная. Еще до 12 часов полдня уже собралось множество дивчат и паробков; посереди луга начались танцы, было 6 музыкантов. Почти все девки со всего села сбежались на праздник, и около 60 паробков казацких, прекрасно одетых, ходили толпами по площади, иные становились под березу и пели удалые песни, другие с громкими песнями ходили по двору, подходили к толпе танцующих дивчат; там качались на качеле и смеялись, кричали; праздник еще более оживился, когда принесли ведро горелки. В эту пору приехали Милорадовичи, и все сидели на крыльце. Я без отдыха ходил в толпе, разговаривал с казаками, ободряя танцы. Между тем бросали в толпу орехи, разносчики сливы горелочные. Праздник был очень оживлен. После обеда пришел казацкий старшина, выборный и другие их чины; принесли другое ведро горелки, которое скоро было выпито. Пришли еще несколько пожилых казаков. Я с казаками имел много разговоров, в которых я старался поддерживать национальность. Они все очень жалуются, да как и не жаловаться! Я говорил также с старшими о том, как пала нравственность в народе и чем должно поддерживать ее. К вечеру все еще более развеселились, играли в перепелочку, в ворона, в чехарду, и народ разошелся, когда совсем стемнело. А я был так счастлив, так доволен!

¹ Варто зауважити, що Г. Галаган вважав селянські ігри важливою ознакою української національної самобутності. Для панича участь у них була засобом зближення з селянською масою. М. Маркевич, двоюрідний брат Г. Галагана, згадуючи своє дитинство, писав: «Страсть к народным увеселениям, поверьям, старинным обычаям и помпе праздников была во мне от младенчества... Я любил участвовать в хороводах, в посеве маку, в перепелочки, в журавле, в горелках...» (ИРЛИ РАН. Ф. 488. Спр. 38. Арк. 119).

8 апреля. Как должна быть ужасна жизнь человека, который истощил свои силы! что ему остается в этом мире? о, ужас! неужели я буду по неволе в числе разочарованных? Я привык уже к той мысли, что, может быть, не буду иметь детей, но об этом я не могу и подумать, голова кружится, мысли теряются, что может сравниться с таким несчастьем? первная сухотка, это ужасно!

18-го апреля. Как я проводил все это время? право, сам не могу определить. Вот уже недели две, как я в каком-то чаду, в блаженном чаду! Меня занимает одна Татьяна, везде она, во всем она; какие блаженные минуты я провожу с этой грешницей, с этой милой дивчиной. Я видел ее отца, он славный человек. Как я ее люблю! думал ли я, что я так полюблю ее? Знаю, что она мне была неверна и очень меня обманывала, но все прощаю, все забываю. Я ее люблю, и все, что ей принадлежит, мне мило. Как тяжело мне думать, что я скоро ее оставлю, я весь содрогаюсь при этой мысли! Но не одна Татьяна меня занимает, природа, прелестная апрельская молодая природа всего меня занимает, проникает. Какой воздух, какая теплота, какие хоры птиц! Я целый день на дворе, везде хожу, езжу, везде любуюсь природой. Каждый день одно из главных моих занятий есть носить белый хлеб женщинам и детям, метущим сад; как нужно мало, чтобы быть приятным для этих людей; разнесу хлеб один-одинешенек среди этой толпы и потом один ухожу любоваться природой, и мне так легко, так сладко. Погода постоянно жаркая, ночи прелестные, сегодня в первый раз шел дождь. Поля зелены и подают хорошую надежду, мы ездим иногда в хутор. Теперь везде так много жизни! и во мне еще есть жизнь, но боюсь, чтобы я ее не истратил. Одно из самых больших моих желаний есть, чтобы я как-нибудь разочаровался в отношении Татьяны, чтобы она мне надоела!

20-го апреля. Прочь прошедшее, прочь будущее, я живу одним настоящим, одним прекрасным, бесподобным настоящим. Милая, бесценная Татьяна! Прелестная, пышная природа! очаровательные Секиринцы! не знаю, что говорить, не знаю, чего желать? Я ничего не желаю, ничего! Лучше не будет! День ото дня Секиринцы становятся прелестнее. Сколько красот в природе. Боже! как все прекрасно, и как я счастлив среди всего этого. На заднем листке лежит лента, которую она всегда носила и подарила мне. На этом листке лежит листочек, снятый с милой головки. Ах, если бы я мог всю ее уложить в этот журнал, чтобы не расставаться с нею. Я дал ее отцу 23 рубля для покупки бычка. Я много говорил с этим добрым мужиком.

25-го апреля. Я только что приехал из Качановки, где был на балу. Расскажу о нем вкратце. 22-го числа я поехал обедать к Миницким, где нашел нескольких молодых людей...

28-го апраля. О судьбы, судьбы! что со мною делается? Я люблю, совершенно люблю Татьяну, я влюблен, а? – влюблен. То весело, то грустно, хотелось бы обнять все стены, хотелось бы уничтожить себя совсем! Сегодня я провел одну из тех счастливых, восхитительных ночей, почти чуждых физического наслаждения и полных любви, которые я довольно часто провожу с милою дивчиной. Мы проснулись, как обыкновенно, с восходом солнца. Я теперь квартирую внизу в угольной комнате. Заря осветила прелестный луг, березы, дубы, тополи; небо было ясно; соловьи пели так прелестно, так громко, что можно было с закрытыми окнами различать все их малейшие трели. Мы оба подошли к окну и, обнявшись, стали у окна, чтобы полюбоваться прелестями природы. Мы невольно начали говорить о том, что скоро судьба нас разлучит, она меня начала учить песне, которую я должен буду петь в ее воспоминанье, и при этом слезы покатились из прелестных очей по загорелым щекам, и при этом заря и пение соловьев. Боже! что делалось со мной в эту минуту? До сих пор я не могу совершенно опомниться. Я счастлив, но передо мной в недалеком уже расстоянии открывается целая пучина, целое море грусти и скорби, которое я должен проехать. Через недели две как я буду несчастлив! Грудь теснится при одной мысли!

29-го апраля. Я не совсем здоров. Третьего дня у меня опухли железы и десны; притом же я испортил желудок. Вчера вечером милая Татьяна приходила только для того, чтобы посмотреть на меня.

30-го апраля. Несчастливый человек! как я себя опутал в сети, мною самим сделанные! никто меня не завлекал в них! но не я их и сплел. Их сплела сама природа, создавшая меня с такими теплыми чувствами. Теперь я несчастлив, томлюсь, готов каждый час равнодушно встретить смерть! Кажется, будто ничего нет больше дорогое для меня на земле. Я знаю, я уверен, что эти чувства изгладятся, их можно сравнить с растением, которое выросло на удобной почве, но которое окружено другими растениями, готовыми со временем заглушить его. Я в сетях, и мне очень хорошо в этих сетях, но меня будут тянуть из них, и сколько нужно будет пролить кровавого пота, чтобы перерезать эти сети маленьким ножиком!

Май, 1-го. Четвертого дня, и еще прежде, и третьего дня, и вчера мы были вместе, и сегодня я снова ожидаю ее; сейчас должна прийти. Еще раздается отдаленный шум тамбурина на танцы. Кажется, я ничего об танци не говорил в журнале, я воскресил древний обычай Украины собираться молодежи на выгон на кружок, открытый ровчаком, и там танцевать целый вечер, а по праздникам – целый день. Она пришла и будет мне диктовать песню, которую я должен петь, когда буду далеко от нее.

Що ты мене думаєш, гадаєш,
Десь ты мене покинуты маеш.

Ой, не кидай мене, молодои,
Бо не знайдешъ такои другои.
Хоть и знайдешъ с киньми да з волами,
Да не знайдешъ с черными бровами.
Хоть и знайдешъ, да вже не такую,
То згадаешь мене, молодую.
Почим же ты, моя мила, знаешь,
Що я тебе покинути маю?
По тим же я, мій миленький, знаю,
Рано встаешь, коня наповаешь,
У комору идешь, жупан утягаешь,
В свитлоньку идешь, тяженько вздыхаешь.
Верныся, мій милый, верныся,
Вареной горилки напійся.
Не вернуся, мила, не вернуся,
Я в дорози з криници напьюся.¹

Мая 6-го. Вчера у нас был очень милый и необыкновенный праздник сочинения Поля. Гости, в числе коих был и Почека, собрались 4-го числа. Я был очень печален и с трудом мог принимать участие в играх. На другой день, т. е. 5-го числа, все поехали в ярки завтракать. В это время приехал и Григорий Степанович с madame Masson. После все пошли обедать, а после обеда повели всех прогуливаться. Звон колокола раздался в готической беседке, все пошли туда, и там Краузе² играл на гармонике, оттуда пошли на каменный мост, а с той стороны реки играла валторна. С мосту пошли все на Ротонду, где был готов чай, а между кустами играли квинтетом чудную «Sonate pathetique» Бетговена. Вечер был прелестен, соловьи пели со всех сторон, вода была как зеркало! Все были восхищены. После этого пошли домой и начали приготовляться к танцам. Но залу не осветили, сказали, что музыканты

¹ Г. Галаган навів один з варіантів української народної пісні «Що ти, мілій, думаєш га-даєш?». Її було вміщено до збірки пам'яток українського музичного фольклору, впорядкованої М. Маркевичем і надрукованої коштом Г. Галагана 1857 р. Див.: Маркевич М. А. Южно-русські пісні: з голосами: [для голосу з фп.] / [зібраав та аранж. М. Маркевич]; [худ.] М. Б. [Михайло Башилов]. К.: Собственность издателя [Г. Галагана], 1857. С. 20–21, № 11.

² Йдеться про Домініка Краузе, австрійського підданого, уродженця Карлсбада, випускника Празької консерваторії, багаторічного капельмейстера оркестру в Дітятьрях. Імовірно, саме про нього повідомляв Петро Галаган братові Павлу в листі від 26 березня 1831 року: «нашел капельмейстера, отличного таланта, постараюсь его не пропустить...» (ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Од. зб. 76. Арк. 99). Біограф Г. Галагана А. Степович, котрий особисто близько зізнав родину Галаганів та їхнє оточення, писав про дітятьрівський кріпосний оркестр, що його очолював «...немец австрійский Краузе, хороший знаток музыки и сам музыкант. О нем, его замечательных музыкальных способностях и капельмейстерском вкусе немало рассказывала нам его dochь – старушка Софья Демьяновна Гегер, вдова сокиринского садовника Карла Осиповича Гегера, унаследовавшая от отца хорошую фортепіянную технику» (ІР НБУВ. Ф. 179. Оп. 1. Од. зб. 136. Арк. 3).

уехали, и пригласили всех кататься. Ночь была темная и тихая. Экипажей было много. Все поехали по каролинной дороге под ротондный мост и потом по берегу в Святой Яр. Там разноцветные фонари висели на деревьях, и колодязь был прелестно освещен. Оттуда мы поехали в оранжерею, где был бал до 2½ часов утра. Зала была прелестна. Во время между танцами ротонда была освещена бенгальским огнем, и музыка духовая играла на воде. Одним словом, было превесело, и все разъездались довольные.

Мая 7-го. Что за день сегодня! Или нет, лучше скажу, что за вечер был для меня вчера! Боже, какое разгулье чувствам, самым сильным чувствам. Татьяна теперь всякий день ко мне приходит. Вчера, как уже раза два я делал, я хотел встретить [ее] в каролинной аллее; вечер был прекрасный. Я пошел в ½ 10-го. Какое-то чувство беспокойства овладело мною. Когда я подошел уже к старому фруктовому саду, я внятно слышал не только музыку на танцы, но и разговоры, смех, песни. В каждом смехе мне слышался ее голос. Мне казалось, что она смеется, хохочет с кем-то, что она мне изменяет. Ревность овладела мною до крайности. Вдруг мне послышался шум в кустах около рва, я увидел проходящую тень; мне показалось, что это она с кем-нибудь другим. В это время я просмотрел, как она прошла другой тропинкой, и, узнавши от Евдокима, что я пошел ее встречать, воротилась ко мне. Я встретил ее чрезвычайно сухо, даже не сказал «здравствуй» и потом, мучимый еще ревностью, начал ее спрашивать, с кем она говорила, она отвечала, что ни с кем, мне показалось, что в голосе ее есть притворство; я говорю ей, что видел ее с кем-то во рву, она снова отвечает, что ни с кем в особенности не разговаривала. Глупая дурацкая ревность! я и этим не довольствовался, заставил ее божиться и потом (да будут прокляты мои слова) сказал ей, что побожиться для нее так же важно, как для меня воды стакан выпить. Тогда она замолчала, и я не мог от нее добиться ни слова. Когда мы пришли домой, и я остался с нею один, то увидел, что уже давно по ее лицу катятся крупные слезы. Это меня взорвало, мне представилась вся глупость моей ревности. Но никакие просьбы, никакие объятия, никакие мольбы не коленах перед нею не могли заставить ее заговорить; когда я становился на колени, то она спешила поднять меня и снова плакала. Наконец чувства мои были переполнены, и я, упавши к ней на грудь, за-плакал как ребенок. Мне казалось, и оно так и есть, что я еще больше ее полюбил. Я плакал, целовал ее руки, умолял ее о прощении. Это ее расшевелило, она перестала плакать и, поцеловав меня, сказала: «Не плачь, милей, не журысь; да вже ж треба так любить, як я тебе люблю, щоб снести те, що ты мини казав. Другій бы, мабуть, не нашов и слица мого, уже б я другому за се не сказала николи ласкового слова». – «Забудь об этом, – говорю я, – я тильки об сем тебе и прохаю». – «Забуду, коли воно

забудеться». И потом мы провели часа два вместе, и между нами была какая игра чувств, какое раздолье чувствам! Сегодня я весь погружен в какие-то думы, горькие думы. Сегодня опять придет она!

10-го мая. И всякий день! и всякий день новое наслаждение. Бесценная, душа моя Татьяна.

12 мая. Сегодня мы после обеда едем в Пески, чтобы, осмотрев это имение, формально в суде передать его сестре. Лаврентий Николаич также с нами едет. Но как мне тяжело оставлять Секиринцы даже на пять дней! Сирени все в цвету, клумбы совсем лиловы. Соловьев без счету. А Татьяна! душенька моя. Как мне жаль тебя оставлять, особенно в такую критическую минуту для тебя. В субботу, третьего дня, она не пришла ко мне. Я провел полночи в ужасном беспокойстве и почти не спал. Вчера в воскресенье рано я посыпал за Степанидой и прошу ее, чтобы она непременно узнала от Татьяны причину этого. Все утро я промучился, она долго не приходила к Степаниде и, наконец, перед обедом пришла. Причина, почему не пришла в субботу, была усталость после работ на стелу. Но есть другая беда. Один казак, Короленко, хотел идти уже к ней с рушниками, но какая-то чертовка пришла к нему и опорочила бедную Татьяну. Казак имел глупость ей поверить. Бедная моя дивчина теперь в отчаянии. Вчера она была у меня. Я провел с нею райскую ночь и успел ее немного утешить. Сегодня я просил Ивана и Степаниду, чтобы они все силы употребили для восстановления добной славы бедной Татьяны. Ах, как бы я желал скорее воротиться из Песок! Пять дней покажутся мне пятью неделями. Душа моя, как я тебя обожаю!

Мая 15. Пески. Настало одно из важных событий в моей жизни, я отдаляю сестру, даю ей имение. Пусть руководствует мною в этом случае благородство и стремление к добру, которого я не могу считаться чуждым. Уже несколько дней, как маменька грустна и скучна. Сегодня утром она мне объявила, что причина ее беспокойства та, что она боится неправильного раздела. Видя и слыша от всех, что Пески точно лучшее наше имение, и притом в них 90 душ лишних против $\frac{1}{4}$ -й законной части, то она боится, что я буду слишком обижен, и что ее вечно будет мучить совесть. Она передала мысль свою сестре; и она, и Поль тотчасхватились упрашивать меня, чтобы я дал другое имение. Я, разумеется, ни за что не соглашался и не соглашусь. Могу сказать откровенно, что меня руководствует тут гораздо менее тщеславие, чем совершенное равнодушие к деньгам и доходам, которое в самом деле я теперь чувствую, и которое, вероятно, происходит от молодости чувств. Как бы то ни было, но мне нельзя отстать от слова. Пески будут принадлежать им. Решили не оканчивать дела, пока не посоветуемся с дяденько Петром Григорьевичем.

17 мая. Я снова в Секиринцах. Думал ли я, что буду так счастлив, что проведу завтрашний праздник, Духов день, здесь, в Секиринцах. Ах, я снова буду в объятиях милой Татьяны.

18 мая. Сегодня я провел, может быть, в последний раз очень весело целый день среди народа. После обедни вскоре начался на выгоне танец. В час пополудни я пошел туда и пригласил всю молодежь прийти в двор после нашего обеда, в 4 часа пополудни все от качели до дома было наполнено народом. Начались танцы; между тем с балкона сыпали орехи в толпу. В 5 часов подали полудновать. Все паробки были по одну сторону, а дивчата – по другую. Были поставлены длинные столы, покрытые скатертьками. Было спечено 500 пирогов, жаркое, паяницы, сало, сметана, масло и горячие груши. Разумеется, что паробкам давали и горелку. Дивчата все почти были очень хорошо одеты, и на Татьяне виднелась издали новая пунсовая запаска, которую я ей купил. После полудника начались снова танцы, которые были очень живы и веселы. Под вечер все разошлись довольными. Я много говорил с казаками и мужиками. Как я теперь сблизился с ними!

22-го мая. Приехали разные гости. Третьего дня утром Федор Вас[ильевич] приехал. Я признался ему во всех слабостях своих, и мне было легко это сделать, потому что я знаю все, что в нем также происходит. Ах, мне приезд Федор Вас[ильевича] слишком напомнил, что время отъезда близко. Но гости, гости; Маркевичи, Дунечка и другие, которых я встречал прежде с таким удовольствием. А теперь! – совсем не то! Прежде я принадлежал им, а теперь они у меня отымут сладкие минуты, которые я проводил, можно сказать, в благотворительных занятиях. До сих пор еще идет порядочно; я каждый раз хоть раз успею оторваться от их всех и побежать секретно в сад или с хлебом для детей, или с девками, или с записной тетрадью. Я всегда бываю так счастлив, что возвращаюсь домой с отрадою в сердце. Что касается до Татьяны, то в этом отношении нет никакой помехи. Я взял отдельную квартиру в коридоре. Как я люблю эту дивчину. Что я буду без нее делать?

Июнь. 1-го. Дела милой Татьяны получают хороший оборот. Ее сватает не казак, а один наш очень хороший паробок: Михайло Горбач. Я дал Остапу 50 рублей, чтобы купил для Татьяны вола. Какой прекрасный человек этот Остап, я его очень люблю. Теперь я те 100 рублей, которые были отложены для выкупа Татьяны, отдаю ей; она будет освобождена навеки от всякой панчины. Да что бы я ни сделал для Татьяны. Счастлив я, что она так скромна и благородна, что никогда ничего не просит, а то я бы готов Бог знает какие пожертвования для нее сделать. Я чувствую, что я слишком предаюсь влечению страсти, но что же делать? Предмет, меня увлекший, слишком прекрасен во всех отношениях. Бог знает, встречу ли я в жизни другую такую женщину.

4 июня. Завтра... Ах, завтра один из несчастнейших дней моей жизни. Прощай, Татьяна, прощай, моя душа, мой ангел, мое серденько! Мое серденько, моя милая дивчина, прощай, моя Татьяна! будь счастлива. Ты мне доставила много счастливого времени, сколько счастья, сколько высокого наслаждения, райского, нет, более, нежели райского, блаженства я вкусила от тебя, моя милая. Теперь прощай, будь счастлива, во всю жизнь свою. Ты достойна счастья, а для меня счастьем будет быть вашим благодетелем. Вся жалость оставлять Секиринцы, маменьку, все исчезает перед мыслью о Татьяне. Спасибо тебе, дивчино, спасибо, прощай, да Благословит тебя Бог!

8-го июня. Козелец, Покорщина. В несчастный день, в пятницу, 6-го числа утром мы выехали из моего рая, где я оставил столько милого, столько дорогого, бесценного моему сердцу, сколько не хочу и в раю больше! С чем можно сравнить тяжесть, с которой я вырвался из объятий моего ангела-матери, из объятий моей Татьяны. Я хотел вчера еще написать мои впечатления в журнал, но не успел. Впрочем, впечатления так сильны, что их не может изгладить время. В середу вечером, как и всякий день, пришла ко мне моя милая и пробыла у меня целый четверг до пятницы. В эти 1½ сутки мое сердце было совершенно разделено надвое. Одна половина принадлежала нежной матери, другая – милой любовнице. Весь день я провел то возле маменьки, то возле Татьяны, и там, и там проливая слезы. Об чем мы говорили с нею в последнюю ночь? Сладострастные мысли были далеки от нас, мы друг на друга смотрели, не могли надивиться один другим, и часто, часто мои слезы капали на прелестную грудь. Наконец настал жестокий день. Я пошел с маменькой поплакать на гроб отца и облил его слезами. Потом я провел часа три в ужаснейших мучениях! Все люди плакали, прощаясь со мной, спасибо им. Я беспрерывно переходил то к маменьке, то в комнату, где была заперта Татьяна. Наконец настал ужасный час, в который мы должны были прощаться, чтобы никогда больше не встретиться в тех отношениях, в которых мы были. Каждый раз, что я приходил поплакать с нею, я заставал ее в слезах. Мы садились рядом, обнимались и смотрели друг другу в глаза. Наконец с невыразимою болью в сердце я пришел сказать последнее «прости». Мы стали вдвоем на колени, и она помолилась Богу, потом мы встали; она упала, рыдаючи, на мою грудь, и я только мог слышать невнятные слова: «Прощай, серденько, прощай, милый, хай тоби Бог помога, прощай, серденько!». Я рыдал как ребенок. О, что бы я дал, чтобы еще раз ее обнять! Последний поцелуй, и она вышла из моей комнаты, и я пошел кинуться в объятия матери. Наконец мы сели, двинулись с места, ехали шагом по двору; выехали за ворота, еще несколько шагов, и Секиринцы скрылись надолго, надолго с моих глаз. При заворотке к горе, между дубами, я увидел мою Татьяну, она вышла, чтобы еще раз

увидеть меня. Я высунулся из тарантаса, впивался взглядом в ее очи прелестные. Я перекрестил незаметным образом ее, а она – меня. Нас разделял ров. Ах, я готов был кинуться под колеса! Наконец мы проехали это место, я последний раз кивнул головой и видел, как она, зайдя за дуб, упала на колена! Мое сердце разорвалось! Она, верно, молилась за меня. Ангел! И с тех пор прощай, Бог знает, когда и как увидимся! Спасибо, дивчино, спасибо за счастливые дни, которые ты мне подарила на этой земле. Дай Бог тебе счастье. Ты выйдешь замуж, и скоро домашние заботы заставят тебя забыть меня. А я? пока не найду другого сердца, которое, надеюсь, будет и последнее, я буду жить одним воспоминанием о тебе; я буду петь песенку, которой ты меня научила, буду повторять слова твои, буду целовать ленту твою, волоски твои, васильки, которые я взял из твоей пазухи; жалкая участь!

Австрийская империя.

Лемберг, 27 июня (15 ст. ст.).

Мы приехали сюда вчера вечером. Третьего дня утром мы выехали из России. В Радзивилове нам очень во многом помог мой однофамилец и дальний родственник Галаган. Между Радзивилом и Бродами мы переехали границу. Приехавши в Броды, мы остановились у жида, род ресторации. Броды довольно большой город, имеет 36000 жителей, но из этих 36000 – 33[000] жидов, остальные 3000 – христиан, которых совсем не видно.¹ Этот город имеет решительно свой отличительный характер. Улицы темны и вонючи, площадей мало, дома не очень высоки, и много жидовской архитектуры. Народу везде много, и все – жиды, которые в домах только noctуют, также и жидовки, из коих многие красавицы, расхаживают с работами по улице. Это было в пятницу, и так как мы уже не застали дилижанса, то наняли у жида фуру, которая должна была нас доставить в один день в Лемберг. В субботу рано мы отправились. Экипаж преобширный и преудобный. Кучером у нас был галинец, в кобеняке, в котором капюшон общит красными и синими шнурками, на тальи также усики синие с красным, на груди – петли такие же; сам же кобеняк – серый. Лицом он был совершенный украинец, и здесь вообще по дороге лица одни с нашими, что меня удивляет, потому что по Польше² – лица литовские.³ Наш фурман два раза кормил лошадей. Выехавши из Брод, мы проехали с полмили по ровному месту, по обработанным полям, потом же въехали в рощи и вместе с тем начали подыматься на высокую гору; взъехавши на нее, перед нами открылись места очаровательные: долины, яры, горы, все покрыты липовыми и другими прелестными ро-

¹ У 1840 р. у Бродах мешкало 16159 юдеїв і 2415 християн (Kuzmany B. Brody. Eine galizische Grenzstadt im langen 19. Jahrhundert. Wien-Köln-Weimar, 2011. S. 345).

² Г. Галаган іменує Польщею Київську і Волинську губернії, через які він їхав до Радивилова, себто терени, що до кінця XVIII ст. належали Речі Посполитій.

³ Тут літвинами Г. Галаган називає білорусів.

щами. Во время всей дороги, т. е. 103 версты, мы видели все более и более возрастающее разнообразие в видах, все время по правую руку перед нами была обработанная равнина, а по левую тянулся хребет высоких холмов, которые в иных местах перерезывали нам дорогу. Места, через которые мы проехали, довольно мало населены, села очень редки, хуторов много. До самого Лемберга я встречаю все очень близкое к родному, нашему: постройка хат, прикрыты их, складка хлеба, плетни, огороды, сады, способ обрабатывания полей и пр., пр., – все малороссийское.

В 10 часов вечера мы приехали в Лемберг и заняли квартиру в центре города в hôtel de Russie, очень хорошенький номер за 4 рубля в сутки. Утром, в 9 часов, мы пошли: ходили в полицию за паспортами, которые визировали на Дрезден. После этого, напившись дома чаю, мы пошли в костел. Сперва мы зашли в Польский соборный.¹ Он довольно великолепен внутри. Много престолов, образов, гробниц, и церковь очень обширна или, скорее, очень длинна. Народу было довольно много; в самом начале церкви, у входа, занимало места высшее общество, а ближе к престолу – простой народ (наоборот нашего). Музыка, состоящая из большого органа и оркестра с хором певчих, мне показалась довольно хороша. Сегодня там служил обедню епископ; после окончания службы он сел на кресла против кафедры, а на кафедру взошел молодой ксендз и начал читать проповедь про Крулевство небесно и про святого Пионтра, с большим криком и возгласами. Между тем как он читал проповедь, мы успели сходить в главный немецкий костел, который на той же площадке наискось.² Тут мы нашли менее великолепия, и музыку предурную, с барабанами; после того мы опять воротились в Польский костел иостояли до конца обедни. В обоих костелах я заметил много хорошеных лиц, как в высшем, так и в низшем классе. Все дамы с открытыми плечами и с короткими рукавами; мужчины одеты просто и хорошо, и все с усами. Из церкви мы хотели пройти по городу, но жар был так силен, что воротились домой. Во втором часу мы пошли в общую залу обедать; в ней стояли три стола, за которыми все сидели поляки, большою частью пожилые, с большими усами, почти все они очень громко разговаривали и большою частью знакомы между собою. Я спросил борщу и порцию котлет, а Фед[ор] Вас[ильевич] – одну порцию котлет и полбутылки венгерского вина. Все это нам обошлось на наши деньги по рублю 40 коп. на человека. После обеда мы пошли осматривать город. Он очень невелик, но чрезвычайно населен; улицы не широки, но хорошо обстроены, дома высоки, мостовая очень хороша. Все улицы и площади кипят жизнью, народу очень много, и толпа очень разнообразна. Зайдя в один переулок, мы услышали скрыпку, пошли по направлению

¹ Латинський кафедральний собор.

² Єзуїтський костел Петра і Павла.

звуков, и они нас привели к кабаку, в котором веселая толпа танцевала вальс. Вообще на улицах большая свобода во всем. Все курят трубы и сигары,¹ даже солдаты, которых здесь очень много, и в пресмешных мундирах. Более всего слышен язык польский, а потом немецкий. Французского – ни слова. Мы зашли в кондитерскую и ели мороженое, по тридцати пяти копеек порция, состоящая из трех сортов разом! Потом пошли в почтамт брать билеты в дилижанс. Чиновники так же грубы, как и у нас; мы не нашли мест ранее, как на 1-е число июля. Вечером мы были на гулянии в так называемом Иезуитском саду. Много было народа, но простого очень мало, а все больше дамы и мужчины. Посереди саду есть цирк с большим амфитеатром. Возле цирка – род маленькой кондитерской и ресторации, а между липами поставлены длинные ряды столов с скамейками, на которых немцы едят бутерброды и пьют пиво. Мы вошли в цирк и заплатили очень дешево, и видели большое представление вольтижеров, и вслед за тем пантомимную пьесу «Взятие Константины». Везде замечали мы скромность, благопристойность. При окончании человека 500 вышло в одну узкую дверь без всякой давки и без полиции.

30-го июня. Вчера вечером мы были в театре немецком, потому что здесь и польский есть отдельно. Театр небольшой, худо освещен, худо меблирован, но актеры очень хороши. В антрактах надеваются шляпы. Военных очень много, но они вовсе не имеют воинственного виду; мундиры очень безвкусны, и любой русский офицер мог бы перещеголять всех. Не знаю, как определить дух здешних горожан. Нельзя сказать, чтобы они были похожи на присмиренных, между тем очень смиренны, кажется, покорны, не вдаются в политику, не следят за нею; военные, как я замечал, мало принятые в общество дам, портреты императора² очень редки, Наполеона чаще. Между тем заметно сильное влияние монархической власти. Цензура очень строга, запрещенных книг очень много. По улицам часто гремят цепи колодников, которых заставляют чистить улицы; слишком унизительное наказание! Вчера только мы узнали, что здесь есть университет и сегодня были в нем. Один какой-то добрый немец, помощник библиотекаря, показал нам великолепную библиотеку, состоящую из 50000 томов; local³ очень хорош, но правительство очень скучно на деньги и дает только 1000 гульденов в год, так что новых книг очень мало. Студентов 1090 человек, и, судя по тому, что рассказывал немец, довольно много школьничества, напр. профессор обязан смотреть за поведением студента на лекции. Всякий студент платит по 20-и гульденов в год, с бедного, но прилежного (?) ничего не берут. Экзамены делаются каждые полгода, не выдержавшие называются репетитами. Натуральный кабинет очень беден. Вчера вечером из театра мы прошли

¹ У Російській імперії існувала заборона куріння на міських вулицях, тому вуличні курці здавалися російським мандрівникам ознакою певної свободи.

² Австрійського імператора Фердинанда I.

³ Приміщення (фр.).

на бульвар, где застали много гуляющих. Странно, что здесь вовсе не видно подозрительных особ женского полу. Не может быть, чтобы их не было, но, вероятно, они очень здесь скромны. Редко встречается, чтобы дама шла сама, а всегда с мужчиной. Волокитств также не заметно.

Вчера утром, я забыл сказать, была большая церемония освящения новозаложенной семинарии, на конце города, на горе. Епископ и все духовенство освящали белый камень, который после из саду понесли на фундамент с большим торжеством. Народу было много, и жар был несносен. Вообще теперь я могу сказать, что Лемберг – город довольно приятный, оживленный; мы провели время скучно, потому что мы на дороге. Я очень желаю поскорее приехать в Дрезден, расстояние до него очень велико, больше, нежели я предполагал.

1-е июля. Часто, очень часто, а сегодня больше, нежели когда-нибудь, входят в голову Секиринцы. Что-то делает наш ангел маменька? Чем она занимается для развлечения? Нет ли у них сцен с Полем? Каково-то здоровье сестры? Ничего не знаю! Давно ли я все это оставил, только завтра будет две недели, а кажется, без увеличения, – два месяца! А как часто я, задумавшись, перелетаю туда, и так все живо вижу! И дом, и сад, освещенных заходящим солнцем, и село с своими стадами, и всех мне милых! Вижу, как маменька идет к церкви в черном платье с зонтиком в руках, и как за нею бежит Норка или Фиделька, и как ее останавливает женщина или мужик с просьбой, а она идет и думает обо мне! Идет в мои любимые места и вспоминает обо мне. Ах, тяжело, хочется плакать!

Ольмиц. 5 июля (23 июня). Вчера, в 8 часов, мы благополучно приехали сюда и тотчас же взяли почтовую карету в Прагу на сегодняшний день. Расскажу, хотя очень вкратце, то, что видели замечательного на пространстве тех 600 верст, которые мы пролетели почти по-русски.

Мы выехали из Лемберга на ночь перед заходом солнца. Карета eilwagen¹ довольно покойна, хотя внутри не поместительна. Кондуктор попался нам расторопный и моторный человек, молодец собой и говорящий на французском, и немецком, и итальянском языках. Скажу вообще, что везде шоссе хорошо, лошади сильные, извозчики молодцы и красиво одеты в пестрых мундирах, синий с красным, возят скоро и ровно. Все они имеют на боку привязанный рожок и трубят в него для того, чтобы сворачивали с дороги, и дают сигнал при подъезде к станции, на который выводят сейчас готовых лошадей. Проехавши целую ночь, мы пили чай утром в одном mestechke и познакомились с одним польским графом Шуйковским, умным человеком, который ехал с нами до половины дороги.

По обеим сторонам дороги глаз не мог остановиться ни на чем замечательном: поля, раскинутые по однообразным холмам, редкие хутора, народ, худо одетый, – вот все, что мы встречали. В полдень мы останови-

¹ Швидкісна поштова карета (нім.).

лись обедать в Ланцуце, имении графа Альфреда Потоцкого, с великолепным садом, через который проходит шоссе. К вечеру к нам пришел еще немецкий барон, молодой человек, который сел на кондукторское место, а этот – на козлы; его провожали офицеры с разными немецкими любезностями и скорее с чиновническими, нежели с военными рожами.

3-го числа мы пили кофе в Бохни. Чем дальше ехали, тем становились виды разнообразнее, страна – населеннее, гостиницы – лучше, и тут явились уже в гостиницах не слуги, а служанки, часто очень хорошенъкие, и с которыми все проезжающие совершенно sans-gênes.¹ Мы обязаны почтовой карете тем, что не имели удовольствия, проезжая через Величку, сходить в соляные рудники, и, бывши в Подкорже, где и обедали, не могли хотя бы пойти посмотреть на Краков, который по ту сторону реки; мы видели только краковских жидовок, которые очень хорошо чешут волосы, с длинными косами. После Подкоржа потянулись опять у нас по левую сторону дороги огромные и живописные холмы, покрытые сосновым и еловым лесом. Ночью мы проехали через город Биелиц, большой и красивый. Посреди его протекает река,² разделяющая Галицию от Силезии.

Утром 4-го числа мы пили кофе в городе Тешине, – первый город, где я увидал городскую думу.³ В Силезии набожность в народе превосходит еще все то, что я видел в Галиции. Тут беспрерывно по дороге встречаются кресты с распятиями, образа, статуи; среди поля стоят каплицы, среди рощ на деревьях повешены образы, кресты. Костюм переменяется и делается совершенно немецким; эта перемена, впрочем, началась почти с Величкой. Женщины худо, т. е. безвкусно одеты и нехороши. Мужчины без усов и в камзолах. Горы по левую сторону очень высоки, и по иным являются развалины. Подъезжая к городу Фридеку, в нем мы увидели большую толпу народа на коленях перед хоругвями и крестами; далее опять такую же толпу и множество народа мы встречали; мужчины без шляп, а женщины в белых покрывалах. Во Фридеке все улицы кипели народом, молящимся и поющим; по разным улицам шел народ с образами и крестами, обвитыми гирляндами. Причина этого религиозного торжества был праздник чудотворной иконы. Каждое соседнее село пришло с своими хоругвями и иконами поклониться образу. Этот день было воскресенье, и на дороге мы везде встречали много едущего и идущего народа. Язык здесь еще славянский, но одежда – немецкая. Места пошли прекрасные, села и деревни очень чисты; по шоссе много лип и других тенистых деревьев. Выехавши из Фридека, мы видели на высокой, но совершенно голой горе развалины замка, который, как говорил кондуктор, принадлежал рыцарям ордена тамплиеров. Вечером мы приехали сюда, в Ольмиц, и увидели прекрасношенький и чистый городок; но скажу прежде еще что-нибудь о

¹ Безцеремонні (фр.)

² Річка Бяла.

³ Йдеться про ратушу.

дороге. Более всего попадались нам обозы венгерские, фуры огромные, с широкими ободами на колесах и запряженные шестью огромными лошадьми в краковской упряжи. Судя по рассказам, Венгрия должна быть счастливая страна: податный оклад очень мал, а средства велики, к тому же молодцы-венгерцы успели отстоять свои права.¹

Села и деревни по дороге очень красивы, все в садах; постройки прочны и большою частью покрыты соломою. Поля славно обработаны и унавожены, много сеют клеверу. Ольмиц – небольшой город, но очень хорошо обстроен; крепость здесь очень велика, и потому город наводнен военными. Мы приехали сюда в ту пору, когда здешние жители празднуют день освобождения своего от пруссаков при Фридрихе II,² по этому случаю лучшие трактиры заняты, и мы остановились в простом трактире, взявши наперед места в почтовой карете на завтрашний день. Трактир, хотя простой, но очень чист; вся прислуга, и для нумеров, и для стола, состоит из девушки и старухи. Нам дали огромный номер с 5-ю кроватями, на которых вместо одеял – перины! Обед, хотя беден, но сносен. Тут общество чисто немецкое; кажется, что когда немцы положат себе быть веселыми, то употребляют на то все силы, от малейшего острого слова все общество хохочет. Утром, до обеда, мы ходили по городу и нашли публичную библиотеку. Мы тотчас зашли в нее. Баба, встретившая нас, сказала, что в понедельник библиотека заперта, но что для иностранцев все покажут. Мы взошли наверх к библиотекарю. Нас встретил в маленьких и чистеньких комнатах старичок, опрятно одетый, и спросил, что нам угодно. Мы отвечали, что мы иностранцы, путешественники, и желаем видеть библиотеку. «Gut! Mit den größten Vergnügen, meine Herren!»³ Добрый старичок, я говорю «добрый», потому что это написано на его лице, просил нас садиться, а сам пошел одеться и, когда вышел к нам, мы увидели, что он – пастор. Его внимание и услужливость приводили нас в восхищение. Он повел нас в библиотеку, которая, также как и Лембергская, сделана в упраздненном монастыре, показывал редкие рукописи, носил и перетаскивал огромные книги, и во всем этом если бы замешалось хоть сколько-нибудь интереса! Мы невольно вспомнили о нашей стороне и, да, со вздохом взглянули друг на друга. Добрый старичок, коего фамилия Рихтер, доставил нам разные сведения: библиотека состоит из 43000 книг; в университете – 1200 студентов.

Мариенбад, 17 августи. По моему обыкновению, я опять оставил мой журнал более чем на месяц. В это время, от 5-го июля, я много видел,

¹ У тогочасній Угорщині значна частина дворянства перебувала в опозиції щодо централізаторської політики Габсбурзької монархії. Інституційними форпостами угорських дворян-автономістів були комітатські зібрания і Державні збори (сейм) – станово-представницькі органи, що збереглися в Угорщині ще з середньовіччя.

² Відзначалася успішна оборона Оломоуца від прусських військ з 4 травня по 2 липня 1758 р., під час Семилітньої війни.

³ Добре! З превеликим задоволенням, панове! (нім.).

много испытал! И теперь, пока еще подробности не изгладились из головы, опишу путешествие и мое пребывание в Мариенбаде по порядку историческому.

Из Ольмица.

Начну с отъезда из Ольмица в Прагу.

Из Ольмица мы проехали еще миль 10 по Моравии, и в Цвитау въехали в Богемию. Товарищем нашим в дилижансе был один венгерский негоциант, весельчак и *bon vivant*.¹ Выехавши 6-го на ночь, мы приехали рано утром в Цвитау, где, переехав гору, въехали в Богемию; чем далее ехали, тем лучше становилась страна. Деревни и села в садах, дороги обсажены сливами и вишнями. Города попадались очень часто, и все они построены на один лад. Посереди города – площадь, на которой поставлена колонна с разными святыми вокруг.² Несколько улиц, хорошо обстроенных, окружают площадь, и в них въезжают в старинные ворота. Вот общий характер маленьких городов Силезии, Моравии и Богемии, хотя в последней они гораздо лучше обстроены. Поля обработаны очень хорошо и много сеют клеверу.

Прага.

7-го утром мы приехали в древний, великолепный и в высшей степени любопытный город Прагу. Об этом месте мне очень много следует говорить: во-первых, о самом городе, потом – о славянизме и о Ганке.

1) Обзор города Праги. Еще на дороге мы купили: «*Der Führer durch Prag*»,³ где можно найти подробное описание этого города, но это недостаточно: мы должны были нанять John-лакея, который везде водил нас. Прага перерезана рекою Мoldавою на 2 не совсем равные части. На правом берегу – самая большая часть города, и расположена на плоском месте, хотя окружена возвышенностями. Она состоит из 3-х частей: a) Altstadt; b) Neustadt; c) Judenstadt. Первая есть самая большая и приымкает к реке; она тем отличается от других, что все въезды в нее – через ворота. В старом городе нет прямых улиц; великолепие поражает на каждом шагу. Дома высоки, и все старинной архитектуры. Множество церквей (в Праге считается 52 католич[еские] церкви и 14 монастырей) с башнями дают городу особенный чудесный вид. Дома большую частью темного цвету, но не грязные. Почти в каждой улице есть 2 или 3 дворца богатых богемских графов. Они все хорошей архитектуры à la rococo.⁴ На главной площади замечательна городская дума своею старинною готическою архитектурою; по другую сторону площади – Соборная цер-

¹ Бонвіан (фр.).

² Йдеться про «чумні стовпли» – пам'ятники із зображеннями Діви Марії та святих, що споруджувалися з нагоди припинення пошесті. У країнах Центральної Європи «чумні стовпли» належать до барокої доби (XVII–XVIII ст.).

³ Klutschak F. *Der Führer durch Prag*. Prag, 1838.

⁴ На кшталт рококо (фр.).

ковь Тайны.¹ Ее нижняя часть закрыта домами, но верхняя вся видна и представляет две башни, из коих каждая имеет 5 готических шпицев. Внутренность богата и величественна; по стенам стоят надгробные памятники рыцарей, грубо вырезанные из дерева статуи *en bas-relief*;² в числе их находится и памятник Тихобраги. Новый город правилен, имеет широкие улицы и почти окружает старый. Жидовский город есть маленький и грязный уголок возле Молдавы. В старом городе улицы, ведущие к мосту, чрезвычайно великолепны; магазинов и лавок множество; улицы очень оживлены множеством пешеходов и отчасти экипажей. Театр довольно велик, но в середине очень темен. Я видел в нем первый вечер «*Kabale und Liebe*»,³ в которой очень отличилась венская актриса Пехе (Peche). На другой день я был на опере «Норма», и здесь очень хорошо пела Россе.⁴ В театре довольно шумно и вольно. В антракте также надевают шляпы.

Францисбад.

От 23 по 31 августа.

23-го числа я расстался в Карлсбаде с Фед[ором] Вас[ильевичем] и на время буду один. Одиночество на это время меня не печалит, и я бы рад даже быть совсем один, без Михайла. Из Карлсбада во Францисбад я ехал по хорошенъким местам. Особенно заметил я Эльбоген или, по-славянски, Локоть, город, расположенный на крутом завороте реки, через которую, на довольно большой высоте гор, брошен цепной мост. Из Эльбогена идет дорога по скату крутой и живописной горы к городу Фалькенau. Город, похожий на все другие, но замечательен тем, что окружен огромными плантациями хмеля. В нем сад и дом графа Ностица. В 4 часа пополудни я приехал в Эгер, город довольно большой, древний и очень национальный. Здесь я пообедал и отправился во Францисбад, в полмили от Эгера. Мы спустились по аллее итальянских тополей в очень обширную равнину, посереди которой находится Францисбад. Остановясь возле почты, я встал, чтобы искать квартиры; тут подошел ко мне русский и указал дешевую квартиру возле почты – zum grünen Baum, где я точно нанял две комнаты за 5 гульденов в неделю. Францисбад совершенно в другом роде в сравнении с Мариен- и Карлсбадами. Это городок очень чистенький и состоящий из 5-и улиц, почти параллельных одна другой. Это могло бы дать ему монотонность, если бы он не оканчивался с одного конца бульварами, с другого – преображенским садом; вообще много аллей, садов и пр. Со всех сторон – открытое поле, и горы только вдали синеются; здесь свободно можно дышать, особенно малороссиянину. Равнина чрезвычайно населена, стоит взойти на малейшую возвышенность, чтобы увидеть много сел и деревень со всех сторон; народ здесь живет очень хорошо и в довольстве. По курлиству я увидел, что граф

¹ Тинська церква.

² Барельеф (фр.).

³ «Підступність і кохання» (нім.), п'єса Ф. Шиллера.

⁴ Мається на увазі, можливо, оперна співачка Генрієтта Гроссер.

Пушкин там, но мне сказали на его квартире, что он в тот день утром выехал. Тогда я пошел к Капнисту Алексею Васильевичу. Он живет с одним молоденьким офицером гвардии Батуриным (Никол[ай] Сергеич). Сначала, т. е. первые два дня, наши отношения были довольно церемонны, но потом мы очень сблизились. Капнист – умный и довольно образованный в душе человек. Маленькая самоуверенность делает его часто странным, но, впрочем, он человек приятный и умный. Батурин очень молод и при этом чрезвычайно мнителен до ипохондрии. Капнист принимает в нем участие и старается от этого отучить его. Первые два дня я много писал и написал два длинные письма к дяденьке и тетеньке. Но мне было очень грустно. Я был по пути к маменьке и должен был еще ждать! Я пил визен брут и купался в Францисбаде. 25-го утром я ходил пешком в Эгер (час ходьбы) по приятной дороге. Эгер – довольно большой город, имеет 12000 жителей. Много старинных строений. Напившись кофе, я пошел ходить и нечаянно зашел в так назыв[аемый] Krämlings-Bastei. Вал с остатком стены; вид прекрасный на Эгру вверх. Оттуда я прошел в Schloss-Bastei, замок Валленштейна, где были убиты его четыре генерала; живописные развалины и одна башня, вся из лавы. 26-го мы ездили втроем в Gesellschaftswagen¹ в Вильдштейн; открытое место на горе, возле большого лесу. Там – камень, который перерезан границею Саксонии и Австрии. Вид открыт, но нечего особенного смотреть. 28-го, после обеда, мы ездили в монастырь Мария-кульм;² церковь незначительная, но замечательна тем, что там жили прежде разбойники, коих котерия изображена в коридоре на стенах. Странный обычай там – при похоронах, если встречаются человеческие кости, то их кладут в особенные клетки, и это на виду в коридоре. Монах, говоривший с нами, был пьян. Вечернюю служили с музыкой, фальшивый орган и фальшивая скрыпка. 29-го, в воскресенье, был день святого Викентия, и праздник всего Эгерского округа. Утро было прекрасное, и уже рано прошла через Францисбад целая деревня! Музыка впереди, за ней хоругви и кресты, потом ксендз, за ним весь народ в праздничных платьях. Все это шло с пением и музыкой. За этой деревней прошла другая; везде по селам слышен был звон колоколов. Вся окрестность имела что-то торжественное. Я пошел по окончанию вод пешком в Эгер. Капнист и Батурин приехали вслед за мной. Напившись кофе в гостинице Zur Sonne, я пошел к соборной церкви. Со всех сторон стекался народ толпами. Каждое село шло отдельно, с музыкой и пением; посреди женщин шел какой-нибудь старый дьячок и провозглашал канаты; каждое село было руководимо своими хоругвями; я не замечал никакого религиозного чувства в народе; все, казалось, исполняли церемонию по обычай; и так оно, в самом деле, и есть. Я имел довольно времени, чтобы рассмотреть костюм. Мужской:

¹ Омнібус (нім.).

² Wallfahrtskirche Maria Kulm.

род сертука с короткою тальею и без пуговиц сзади, спереди – ряд частых и мелких выпуклых пуговиц из металла. Шаровары, довольно широкие, входят в узкие сапоги, которые, начиная от колен, идут до полу без всякой перемены формы. Вверху шаровары поддерживаются помочами с круглою большою бляхою на груди. На голове – плоская шляпа с круглым верхом, из средины которого висят короткие, но широкие черные ленты, на вершине шляпы. Женский. Юбка на юбке, чем их больше, тем считается лучше; почти всегда – темное платье, корсет, и на голове – огромный платок, повязанный в виде чалмы с двумя концами сзади и с узлом наверху.

В 9 часов позвонили во все колокола, и началась обедня. Церковь не могла в себя вместить больше половины народа. Музыка состояла из органа и оркестра с певчими. В 10 часов начался крестный ход по городу. Впереди всех шли школы, потом – национальная гвардия; я забыл об ней сказать. Еще не выходили из церкви, когда были расставлены перед церковью ряды национальной гвардии: мундир со вкусом, зеленый, с черным бархатным воротником и золотыми галунами; треугольная шляпа с зеленым султаном; все офицеры имеют генеральские эполеты. Мы подошли с ними поговорить, и узнали от них, что они в числе 400 из 2000 мещан; при этом гауптман с важным видом подходит ко мне и говорит: «Sie haben mich nicht erkennt. Heute der Morgens ich habe die Ehre gehabt ihnen Kaffee zu geben und jetzt sehen sie mich als schaucht Mann. Ich binn der Wihrt von der Sonne».¹ И точно, я узнал в нем хозяина гостиницы, в которой я пил кофе. Это что-то для меня совершенно новое. Хотя в Австрии национальная гвардия только в форме, но все-таки она есть народный глас, рука народа, при первом случае. Скоро вышли из церкви, и процессия пошла следующим порядком: впереди всех – школьы, мужские, а потом женские, все они читали какие-то молитвы в беспорядке, что похоже было на жидовскую синагогу. За школами следовали почетные граждане, старики, за ними – большой отряд национальной гвардии, потом мальчики, одетые в красном с белыми юбками (*enfants du chœur*²) несли кресты и хоругви, за ними следовали разного росту и толщины попы и монахи, а потом опять отряд национальной гвардии и народ. Они прошли через площадь и вошли в улицу, а потом явились из другой улицы. Вообще можно сказать, что незаметно было большого религиозного увлечения; народ исполнял обряд по обычаю.

Мы возвратились домой ровно ко времени бани. После обеда, в 3 часа, мы поехали в *Gesellschaftswagen* в Зигенгаус (*Siegenhaus*) на гуляние. Это место на правом берегу реки Эгры, вверх по реке, в $\frac{1}{2}$ часа от города; вид

¹ Ви не віпізнали мене. Сьогодні зранку я мав честь подати Вам каву, а тепер бачите мене як вояка. Я господар готелю «Зонне» (нім.). З Г. Галаганом розмовляв господар готелю Zur Goldenen Sonne і командир егерського міського ополчення Франц Блехшмідт (*Franz Blechschmidt*).

² Діти-хористи (фр.).

оттуда на город очень хорош. Гуляние – такое, как обыкновенно бывает в Германии, т. е. столы расставлены на площади в саду, и за столами сидят немцы и немки, пьют пиво, курят трубки, вяжут чулки – может ли быть что-нибудь глупее этого? Музыка егерского полка очень хороша, она играла там.

30-го числа Капнист и Батурин почти принудили меня поехать с ними в mestечко Вальдзассен (в Баварии), полторы мили от Францесбада. Мы поехали только для того, чтобы рассеяться, потому что очень мало слышали об этом месте. Но как приятно были обмануты в наших ожиданиях! Часто случается, что немцы расхваливают местоположение, в котором ничего нет особенного. Напротив того, об Вальдзассене они ничего не говорят (может быть, там нехорошо пиво), а между тем это одно из самых замечательных мест этих стран. Это огромная церковь строгой и прелестнейшей итальянской архитектуры внутри, а снаружи не представляет ничего изящного. Внутри она сделана высокими арками, между которыми овальные купола, посередине купол темный и свет только со сторон. Карнизы, барельефы, альфрески необыкновенно хороши, особенно один альфresco: в овальном куполе представлено распятие. Средний купол представляет Бога Саваофа, окруженного всеми небесными силами. В скульптурном роде замечательны мраморные статуи из цельного мрамора и деревянные ангелы на боковых сидениях. Необыкновенные выражения. Что касается до живописи, то мы все были поражены необыкновенною красотою большой картины Андреаса Вольфа. Она изображает Успение Божией Матери и составляет две части: нижнюю, где представлено тело Богородицы на мраморном гробу, в перспективе; с правой – 3 и с левой – 5 фигур окружают это тело. Вся эта группа освещена сверху. Верхняя часть изображает Богородицу, восходящую на небеса, она покоятся на большой группе ангелов, которые группированы в форме какого-то сосуда, в котором несется душа Богородицы. Ее встречает с правой стороны Гавриил с лилией. Свет, голубой, яркий, освещающий всю эту верхнюю группу, необыкновенно хорош. От верхней группы падает тень на середину нижней; все это вместе чрезвычайно хорошо выражает мысль отделения неба от земного. Церковь эта построена в 1681 году архитектором Шнеуселем, учеником Палладия (как догадывается Капнист). Al-fresco сделаны в 1696 году Штаднфресером, а скульптурные работы – художником города Эгера Шниссом.¹

3-го августа, в 7 часов утра, я выехал из Францисбада в наемной коляске, которая должна была доставить меня к вечеру в Байреут.

Байреут.

1-го сентября.

Fantaisie.

¹ Монастирський собор у Вальдзассені – пам'ятку південно-німецького бароко – було споруджено архітектором Георгом Дінценхофером за участю Авраама Лойтнера. У храмі є фрески Йоганна Якоба Штайнфельса і скульптури Карла Штільпа.

Бамберг.

Берега Мейна.

Швейнфурт.

Из Гейдельберга во Франкфурт через Майнц и Мангейм.

24 и 25. Простишись с графом Ранцау, я пришел домой, мы распались с трактиром и поехали в паровозе. Приехавши в Мангейм, мы переехали только из паровоза до парохода и там, в Hôtel de l'Europe, пообедавши, в 4 часа отправились вниз по Рейну. Погода была хороша, и все были на палубе; общество состояло большею частью из англичан, из которых один шотландец ехал в шотландской клетчатой шапке. Из немцев было семейство, которое я еще прежде встречал, – отец, мать и хорошенъкая дочь. Она бросала на меня взгляды, и я проводил много времени, смотря ей в глаза. Мы проехали мимо Вормса, и я видел собор издали. Он похож на бамбергский. В Майнц мы приехали ночью и в сильный холодный дождь.

Франкфурт.

[С] 25 до 27 сентября.

На другой день отправились на паровозе во Франкфурт в 8 часов утра. В 9 часов, приехавши сюда, во Франкфурт, мы остановились в Hôtel à l'Empereur Romain. Нам дали квартиру на самом верхнем этаже, и из окон славный вид на всю улицу Zeile, так оживленной толпами народа. Мы пошли, прежде всего, к портному, и я, сверх ожидания, был очень доволен фасоном моего paltoo; от портного мы пошли нанимать коляску в Бокенгейм и зашли в Holländ[ischer] Hof выпить шоколаду, как вдруг [я] был удивлен встречей губернера Ульяниных, Адельгейма. Он мне очень напомнил Петербург и моих товарищ. Семейство Ульяниных тут, но я спешил и отложил визит на другой день. В Бокенгейме нас привезли прямо к Рейферту. Он показывал мне контракт с Полем, и я ему сказал, что непременно закажу коляску, чтобы заготовлял материал. У него славные экипажи; и он показывал нам своего сочинения особенного рода упряжь, с которой можно вдруг отпрячь дышловых лошадей, если они понесут; это очень удобно для четырехколесного кабриолета.

В 4 часа мы обедали a table d'hôte, которое здесь по два раза в день. С нами вместе село за стол семейство ген. Салова. Мы, разумеется, с ними разговорились, познакомились, и он нас попотчевал шампанским. После обеда мы были обрадованы совершенно неожиданным приездом обоих Магденок. Они прямо приехали из Мариенбада и передали много новостей, напр., что тепельские монахи давали обед: кн. Щербатовой, кн. Кочубей и лорду Жоселену. Магденки взяли номер рядом с нами. Андрей поворчал немного на брата, уж не знаю, за что, а Алексей, всегда тот же милый, добрый, взял билет в концерт, чтобы быть вместе, и мы отправились на концерт Листа. Довольно большая зала была совершенно наполнена слушателями.

Концерт начался с *septuor'a Hummel'a*.¹ Тут Лист явился как верный исполнитель Гуммеля, без всяких оригинальностей. Он – человек средневысокого росту, длинное интересное лицо, длинные волосы, и вообще худощав. В игре он очень подымает руки ироняет их на клавиши, чтобы взять аккорд. После пения какой-то певицы явился опять Лист, но уже для своей пьесы. Он сыграл знаменитую «*Ständchen*».² Что сказать? Мне не понравилась игра темы, но дальше он меня поразил. Его *pianissimo* есть что-то удивительное, проникающее до глубины души. Он еще играл другие немецкие песни, в том же роде, и под конец – свои вариации на тему Моцартова «Дон Жуана». Тут он явился прыгуном³ и также удивлял всех своей необыкновенной игрой, но мне кажется, что его *pianissimo* выше.

26-го числа было воскресение. Утром пришел Корейша, который успел сделать уже путешествие по Рейну и ожидал здесь Магденков. Оdevшись, мы отправились: я пошел в собор к обедне, а оттуда – на почу, где отдал письмо маменьке в Лион, а Федор Васильевич повел всех в галерею и к Бетману. Я совершенно забыл сказать, что 25-го числа мы были у банкира Бетмана и получили по кредитиву деньги: 5000 рублей. Странное неприятное чувство быть у банкира: большие комнаты, мрачные, закопченные, из которых все изящное бежало, чтобы дать место подлым деньгам, и среди одной комнаты на длинных столах – кучи золота и серебра; по углам несколько человек делают счеты; отовсюду веет неприятным холодом. Я был рад, когда мы ушли.

Итак, я отправился к обедне, но уже не застал ее. Тогда, надев приличное платье, я пошел к Ульяниным. У них все то же! Теперь здесь только мать с дочерьми и с меньшим сыном, а отца с Алексеем ожидают. Мы обедали в час, и после обеда все были дома. В 6 часов Фед[ор] Васили[евич] уехал, и мне было очень грустно; мы теперь долго с ним не увидимся. Он поехал в Лютих и везде будет подолгу останавливаться. Наше место *rendez-vous* – не прежде, как Ницца. Итак, я опять один, и еще больше, чем прежде, потому что вместо Михайла-говоруна – Евдоким-tacitus.⁴

Вечером мы пошли все в балаган. Он был набит народом, и толпа очень шумела. После долгих скачек было представление пантомимное: Наполеон Бонапарте в разных картинах. Тут явились гренадеры, и музыка заиграла «*la Marseillaise*»;⁵ тут мы все почувствовали, что мы в чужих краях. Наполеон сам выехал на белом коне, в сером сертуке, и очень был похож фигурой. Под конец представления был фейерверк. Все вообще продолжалось очень долго. Меня чрезвычайно занимала толпа,

¹ Септет Й. Н. Гуммеля.

² «Серенада» Ф. Шуберта.

³ Мовиться про оригінальну виконавську манеру Ф. Ліста.

⁴ Мовчун (лат.).

⁵ «Марсельеза» (фр.).

которая здесь очень свободна. 27-го утром, в 11 часов, я попрощался с добрыми Магденками. Алексей дал мне письмо в Мюнхен, и [я] поехал в Вюрцбург.

Из Франкфурта в Вюрцбург.

27-го числа.

Меня посадили в четвероуместную карету с шестью местами, так что всем было очень тесно. Со мной ехали трое мужчин на передней скамейке, а между мной и Евдокимом – какая-то женщина. Мы ехали на Ганау, хорошенъкий городок. В Ашаффенбурге нам дали $\frac{1}{4}$ часа на обед. Один из мужчин остался там, а другие два ехали вместе. Я с ними разговорился. Они меня приняли за француза. Они – два брата (Мейснер) из Праги, и мы сошлись как славяне. Впрочем, я в них не заметил большого славянства. Мы много разговаривали о разных предметах. Меньшой брат – пражский студент. По его словам, у них в Праге противоположная мания Гейдельбергу, т. е. быть как можно больше *comme il faut*. Мы ехали по хорошим местам, особенно въехавши в Спессарт.¹ Он здесь живописнее, чем по той дороге,² особенно мне понравилась одна долина, прелестная в полном смысле; она разделяется на несколько рукавов и вся занята живописным селом. Мы приехали в Вюрцбург ночью, в 12 часов, и я остановился Zum Deutschen Hof.

Вюрцбург.

28 сентября.

Сегодня утром я, напившись кофе, взял *John-laquais* и от 8-и и до $\frac{1}{2}$ 1-го все осматривал. Мы прямо пошли в университетскую церковь. В ней ничего нет замечательного. Оттуда – во дворец. Дворец очень велик и прекрасной архитектуры. Он был построен в конце 17-го века. Первое основание положил епископ граф Шенборн. Чрезвычайно замечателен вход. Род квадратной залы, с двумя воротами, и налево – великолепная лестница. Если стать посереди этого входа и хлопнуть, то [эхо] несколько раз повторит, и по всему плафону идет грохот, от голосов слышен посереди непрерывный шум. Лестница очень великолепна. Кастеллан повел меня, прежде всего, в отделение вдовствующей королевы,³ там замечательная комната, где такое же эхо, как во входе. Через весь задний фасад идет длиною 600 футов ряд комнат, отделение короля.⁴ С одного конца едва можно различить предметы на другом. На этом пространстве – 18 комнат, из них одна есть чудо света. Стены и плафон в ней зеркальные, а по зеркалу при метны рисунки: золотые арабески, гирлянды цветов, хорошенъкие голов-

¹ Гірсько-лісовий масив у Баварії.

² До Вюрцбурга можна було доїхати різними шляхами.

³ Кароліни Баденської, вдови баварського короля Максиміліана I.

⁴ Людвіг I Баварський до вступу на королівський престол мешкав у Вюрцбурзі.

ки с напудренными волосами, птицы, боги, не знаю, чего там нет. Когда заперли все двери, то голова кружится. Кажется, что я посреди какого-то хаоса. Зала также хороша, хотя не очень велика. Много комнат с гобеленовыми обоями. Церковь дворцовая чрезвычайно богата украшениями госоко. Осмотрев дворец, я пошел в так назыв[аемую] St. Marie Kirche. Снаружи в ней много готической резьбы. Потом – St. Julius, также хороша церковь, и, наконец, – в Дом.¹ Он очень велик и построен крестом. Когда я вошел, то там служилась обедня за упокой умершего духовного. Музыка органа очень хороша, тихие аккорды.

Julius-Hospital – огромное строение с ботаническим садом. Осмотрев эти места, мы перешли через реку и отправились в крепость. Она находится на высокой горе и издали похожа на замок. Укрепления огромные, а между стенами – виноградные террасы. Нынешний король не любит военных, а потому гарнизон очень неполный. Мы долго шли наверх, но я был вознагражден видом с главной террасы. Прямо внизу виден весь Вюрцбург, окруженный виноградными горами; направо – долина вверх по Майну извивается между горами, там и сям – села и деревни. Налево Майн теряется в обширной и плодородной долине, также очень населенной; также предместье Вюрцбурга вверх по реке все в садах. В крепости замечательна небольшая церковь, переделанная из храма Дианы. В ней показывают кусочки тернового венка Спасителя. Из крепости мы опять сошли вниз и снова пошли на гору – на так называемую Kaeppele. Место очень священное. Церковь с чудотворной статуей Божьей Матери. К этой церкви ведет с самого низу горы лестница с террасами; на каждой из них – по три каплицы, а в них изображаются все страсти Христовы. Таких террас пять. Лакей рассказывал мне много чудес. Я возвратился домой в час, и после обеда, побродив немного по улицам, лег спать, потому что дилижанс отходит в 12 час. ночи. Вюрцбург вообще имеет в себе более характер мрачный и печальный, нежели величественный, исключая дворца; вообще город довольно мало оживлен, хороших магазинов почти нет, из высшего общества я никого не видел. В 11 часов ночи меня разбудили, и я отправился на почту.

Из Вюрцбурга в Нюрнберг.

29 сентября.

Что может быть гаже баварских дилижансов. Карета, набившаяся бедными пассажирами, которые не могут повернуться. Притом редко останавливается, а если остановится, то надо спешить есть или пить, что вредно для желудка. В этом переезде я испытал все неприятности такой езды. Со мной сидели все надутые немцы, редко кто говорил. Троє мужчин, один, вероятно, студент, все пил из бутылочки рейнвейн, другой – надутый и немно-

¹ Вюрцбурзький собор св. Кіліана.

го пьяный, третий – надутый и не пьяный, четвертая персона была какая-то растрепанная женщина. Мы выехали в $\frac{1}{2}$ 1-го в прекрасную лунную ночь и ехали долго все по плоским возвышенностям, потом я заснул и ничего не видел; за час до восхода солнца я проснулся. Мы все ехали по плоским возвышенностям, деревни и села очень чисты, только чем дальше ехали, тем больше являлось иглистых деревьев. В городке Нейштадте мы пили кофе; местоположение хорошо. Подъезжая к Фюрту, мы ехали по прекрасными аллеями. Форт – большой город, хорошо выстроенный. Из Фюрта до Нюренберга мы все ехали параллельно и очень близко с железной дорогою, состоящей из одного рельса. В 12 часов мы приехали в Нюренберг, и я остановился на широкой и нерегулярной улице в трактире Zum Wittelsbacher Hof.

Нюренберг.

29 – 1 октября.

30 сентября.

Вчера, приехавши, я выбрился и пошел за table d'hôte. Мне было очень и очень грустно. Вчера по-нашему штилю было 17 сентября, в Дегтярях праздник,¹ все родственники, знакомые там; маменька и сестра, Поль – Бог знает где, может быть, около Лиона, Фед[ор] Васильевич должен быть в Кёльне, а я совершенно один! Это навело на меня ужасную грусть. За столом обедали какой-то мужчина с толстыми усами, с женой и с дочерью, он ужасно ухаживал около какого-то старого военного, вероятно, полковника, которому почти все кланялись. Они говорили о каком-то гулянии, и я узнал, что есть гулянье возле Фюрта. После обеда к 3-м часам я пошел на железную дорогу. Хотя день был очень жаркий, но я взял на руку пальто. Вторые места до Фюрта стоят 6 крейцеров (!). Мы ехали 10 минут; со мной разговорился какой-то пожилой немец в очках и в соломенной шляпе с черным крепом; узнавши, что я еду гулять на старой крепости (*die Alte Veste*), что было также и его целью, он предложил идти вместе. Я не знал, что делать с моим пальтоо, тогда он меня повел к надзирателю дороги и отдал ему пальтоо. Мы пошли, перейдя несколько улиц Фюрта, по обширному полю, прошли деревню и вошли в густой сосновый лес. Там мы поднялись на крутую гору, на которой каменная терраса посреди грабинного лесу² и довольно высокая четырехугольная башня. Это место называется «старою крепостью», от которой еще остались маленькие укрепления. Оно замечательно тем, что здесь встретились Валленштейн и Густав Адольф в 30-летнюю войну. Первый занимал возвышенность, второй – равнину до самого Нюренберга; встреча кончилась ничем.³

¹ 17 вересня у Дігтярах святкували іменини Софії Олександровни Галаган.

² Грабовий ліс.

³ Йдеться про битву при Алтє Весте 9 вересня 1632 р. між габсбурзькою імперською армією на чолі з Альбрехтом фон Валленштейном і шведськими військами під командуванням короля Густава II Адольфа.

На террасе, по обыкновению, пьют кофе и пиво. Вид с нее, особенно с башни, построенной на акциях, очень обширен; множество леса покрывает обширную равнину, на которой Фюрт и Нюренберг; налево видны башни Эрлангена, прямо – оба города, а на горизонте видно часть Фихтельских гор и Франконских. Я еще познакомился там с каким-то швейцарцем. Немец, приведший меня туда, был так добр, что отыскал меня и дал записочку с именем того, у которого был мой пальто, и мы отправились с швейцарцем вдвоем в Фюрт. Так как мы пришли еще рано, то пошли в кабинет древностей Пикерта. Сам хозяин был там. Он занимается уже 30 лет собиранием древностей и уже имеет огромную коллекцию; темнота не позволила нам долго оставаться, и мы поехали домой. Разговоры с швейцарцем были другого рода в сравнении с разговором немца. Мы ехали по железной дороге на двух лошадях. Приехавши, я, усталый, лег спать.

Сегодня я очень приятно провел время. Целый день я смотрел, беспрерывно новые предметы поражали меня, смотрел и очень часто восхищался. В 7 часов утра, напившись кофе, я вышел. *Lohn-laquais*, маленький стационарный магазин, повел меня, прежде всего, по длинной и прекрасной улице к церкви *S. Laurentz*. Огромная великолепная церковь прелестной готической архитектуры. Портик, с готической аркой и розетой, поражает своим великолепием; по обеим сторонам его – две высокие башни четырехугольные, с резьбой, а наверху – шпиль железнный на одной, с просветами и золотыми украшениями, на другой – без просветов и покрыт жестью. Внутренность совершенно вполне соответствует наружному. Великолепие удивляет. Так как эта церковь, как и все почти здесь, протестантская, то простота царствует везде. Главный престол – на мраморном столе, возвышен ступень на четыре. Церковь – 200 с чем-то футов длины и 80 – ширины; арки очень высоки, остры и поддерживаются на тонких, длинных колоннах. За главным престолом церковь восьмиугольная; окна огромны и все стекла разрисованы еще старыми красками; рисунки чрезвычайно хороши, а краски – еще лучше. Налево от престола стоит табернакль Адама Крафта. Это *chef-d'œuvre*¹ готического рисунка. Он весь сделан из белого камня и очень высок. Рисунок его так поразительно хорош, что нельзя отвестить от него глаз. По боковым стенам есть несколько картин Альбрехта Дюрера, изображающих святых. Кафедра новая, сделана в старом вкусе. Вышедши из церкви, мы подошли к фонтану, прекрасно сделанному из бронзы. Он представляет большую группу кариатид и амуротов; кариатиды выпускают воду из грудей, а амуры – из труб, в которые трубят; все это составляет множество тоненьких струек. Напротив церкви, немного наискось, стоит древний готический дом графа Нассау, который был строитель церкви. Он сам изображен внизу у дома. За церковью идет маленькая улица, разделяющаяся на три, из которых на одной – театр. Осмотрев эти места, мы пошли к реке Легниц, разделяющей го-

¹ Шедевр (фр.).

род на две равные части. Река очень узка и разделяется несколько раз на два рукава; этим она образует острова; через нее перекинуты (по словам лакея) 8 мостов каменных и 11 деревянных; я переходил через 4 каменных и 3 деревянных и видел еще 2 камен[ных] и 2 деревянных. Перейдя на правый берег, мы пошли на рынок: большая площадь, посреди которой построены хорошие ряды в форме «П». Тут католическая церковь, единственная в городе, небольшая, но прекрасной готической архитектуры; на противоположном конце площади стоит фонтан готической архитектуры, также Адама Крафта; красота его неописуемая; он очень высок, и на нем в два этажа стоят статуики: на верхнем, маленьком, ряду – пророки, а на нижнем, ростом в полчеловека, – разные великие люди; башня эта стоит посереди бассейна, восьми- или десятиугольного; по углам его сидят бронзовые сфинксы, львы, собаки и т. п. и выпускают воду из рта. От фонтана мы пошли [на] большую улицу, ведущую немного к верху, и на высоте ее нашли hotel de ville,¹ великолепное здание во вкусе renaissance; на дворе есть остаток самого древнего hotel'a в готич[еском] вкусе или, скорее, начала, потому что он никогда не был кончен. В этом здании замечательны две залы и коридор. Первая зала, черная, небольшая, на третьем этаже, с готич[еским] плафоном, на стенах развесаны во весь рост портреты так называемых Stifter,² или основателей каких-нибудь полезных заведений; при этой зале – длинный коридор, на плафоне которого изображен en relief³ рыцарский турнир. Фигуры довольно велики, и многие щиты – с гербами, раскрашены, все прочие – белого гипсу. Вторая зала велика и с полуциркульным сводом, по которому идут обручи в готическом вкусе; у одного конца залы – возвышение, на котором стоят пюпитры, потому что она служит для концертов, посреди залы – стол и кресла для советов, а на другом конце – портрет короля. На светлой стене, между окнами, изображены разные знаменитые казни, совершенные в Нюренберге, и, между прочим, гильотина, прежде, нежели она явилась во Франции. На другой стене – картины Альбрехта Дюрера: хор музыкантов на балконе и триумфальная колесница императора Максимилиана. В верхней зале есть стихи, сочиненные здешним королем, о Нюренберге; они написаны большими буквами и кругом их прекрасно сделанные виды города. Здесь вообще не очень любят короля. Он очень любит строиться, и потому много денег идет на эти постройки; он артист, поэт, а это вовсе не идет королю. В Баварии конституция, но народ вовсе не чувствует ее. Король управляет всем, а все прочие только смотрят и молчат. Из hotel de ville мы пошли в церковь St. Sebald. Многие ею очень восхищаются, но в моих глазах, хотя она очень хороша, но теряет в сравнении с Laurenz; две башни, очень высокие, стоят у одного конца, у главного престола, у другого конца – верхний

¹ Ратуша (фр.).

² Фундатор (нім.).

³ Рельєфно (фр.).

престол. Снаружи башни очень просты, и, как мне кажется, мало изящны, между ними находится колоссальное распятие из цинку, его вес – 1872 фунта, работы Фишера. Внутри церковь вся заставлена нумерированными местами, так что трудно ходить по ней. Возле верхнего престола стоит гроб святого Себальта, очень богатый, бронзовый. Из этой церкви мы пошли на гору zur alten Burg,¹ древняя крепость с замком, господствующим над всем городом. Мы шли по валу, с которого прекрасно-открытый вид на окрестности со стороны Эрлангена. Вход в крепость – в большие ворота, на которых еще остался императорский герб. Около замка небольшая терраса, с которой вид на город очень хорош. С нее видны все церкви и все главные здания. Не в далеком расстоянии виден на одной крыше дома из камня высеченный ангел в положении Меркурия. Это исторический памятник. Вот что мой cicerone мне рассказал об этом: во время 30-летней войны, когда Нюренберг не изменил веру,² генерал Тюлли был послан наказать жителей; все солдаты были размещены по квартирам, и им было велено в 12 часов дня поубивать своих хозяев. Один из них был слишком встревожен этим, и хозяин его, заметив это, спросил причину его печали; воин отвечал, что под ужасной клятвой не может открыть тайны ни одному человеку, и что это именно его заботит. «Так открой тайну печке, а не человеку», – сказал ему хозяин. Воину показалась эта выдумка необыкновенною, и он согласился. Тогда хозяин спрятался за печку, а воин рассказал все, обращаясь к печке; тотчас распоряжения были сделаны, и в 12 часов Тюлли и все его войско обезоружены. Желал бы я знать, справедлива ли эта история. Из террасы мой cicerone повел меня в двор замка; двор этот очень мал, и посреди его стоит огромной толщины и тупо оканчивающаяся липа. Про нее есть предание, что императрица Кунигунда, в доказательство своей невинности в отношении к мужу, посадила эту липу корнем кверху, и когда она принялась, тогда император, пораженный этим, велел публично скечь доносчиков. Внутри замка замечательна чрезвычайно старинная церковь, полная суворых преданий старого времени; например: там четыре колонны серого мрамора, и одна из них – не цельная. Предание гласит, что черт взял ее и бросил после молитвы одного священника. Комнат немного, но они все очень старинные, готические; вид из окон во все стороны превосходный. Вышедши из замка, мы спустились с горы и пошли на площадку, на которой стоит род капеллы; в этой капелле находится небольшое, но очень хорошее собрание картин старой школы – верхней и нижней Германии. Тут Альбрехт Дюрер господствует, я купил литографию с его «Esse homo». Также много картин Кранаха, Гольбейна и других; из картин Кранаха больше всего понравилась мне «Грешница, приведенная перед Иисусом». Оттуда пошли в церковь St. Egide. Возле нее – две старые маленькие церкви, которым по

¹ До старого замку (нім.).

² Не перешов з протестантизму в католицтво.

800 лет каждой. Сама церковь архитектуры renaissance; впрочем, подробностей я не заметил. Хорошо помню прекрасную картину Ван Дика – сцена после снятия со креста; выражение Божией Матери кажется мне удивительно хорошо. Верхняя половина картины приделана после, на ней – облака и ангелы. После осмотра всех этих замечательностей лакеи повел меня еще на фабрику papier-mâché,¹ где выделяются славные игрушки.

Пришедши домой, я пошел обедать, а после обеда, отдохнувши немного, пошел один (потому что лакея отпустил), пошел в сады, куда глаза глядят. Ноги завели меня в так называемую Hallerwiese, прелестное место по своим деревьям. Тут ряды и группы величественных огромных лип разбросаны по лугу или, скорее, два или три лужка сделаны между ними, это делает место это прелестным; оттуда заходил к Rosenau,² где турецкий москв.,³ а потом пошел опять бродить по дальним улицам. Весь город окружен толстою стеною, с воротами, и с множеством башен; город сам чрезвычайно интересен в отношении к домам, потому что всякий дом почти имеет архитектуру, и большая часть из них – готическую. Улицы очень оживлены пешеходами, экипажей много. Народ говорит ужасным jargon,⁴ я купил на этом наречии маленьку книжку для воспоминания.

1-го октября, в пятницу, утром я пошел на кладбище, где похоронены все знаменитые здешние артисты, и в том числе Альбрехт Дюрер.⁵ Много камней с хорошими надписями. В городе есть площадь, возле Sebald, на которой стоит памятник Меланхтона, перед лицеем, который он основал, а на другой площади – Дюрер, работы Торвальдсена. Я еще раз зашел в Lourenz, и как кстати! Только что отошла служба (у протестантов по воскресеньям и пятницам), весь народ вышел, и органист наигрывал прелестные аккорды на величественном инструменте. Я стал перед алтарем Адама Крафта и несколько минут провел с большим наслаждением. В 12 часов, перекусивши немного, я отправился в несносный дилижанс.

Из Нюрнберга в Аугсбург, от 1 – 2 октября.

Я имел место в переднем соирé,⁶ а Евдоким – в середине. Я сидел между кондуктором и каким-то длинным немцем, с которым два дня сряду обедал; мы разговаривали. Страна по дороге плоска, леса сосновые и еловые. Первая станция был город Швабах, порядочно большой, потом Рот, также город, и после этого еще станция, и Вейсенбург – местечко, возле которого большая крепость на высокой горе; еще проехали до это-

¹ Пап'є-маше (фр.).

² Парк Розенau.

³ Декоративна мечеть (від фр. *mosquée*).

⁴ Жаргон (фр.). Йдеться про східно-франконський діалект німецької мови

⁵ Цвинтар при церкві св. Йоганна (Йоханнісфірдоф).

⁶ Купе, відділення (фр.).

го места город Элинген, где большой замок графа...¹ в прекрасном местоположении. В Вейсенбурге мы ужинали в числе 16-и пассажиров, и потом разделились: часть поехала в Мюнхен прямо, а другая – в Аугсбург. Меня посадили в дрянную четырехместную карету, где мне пришлось сидеть на переди, в затылок дуло со всех сторон; ночь была светлая, и все было хорошо видно; мы часто проезжали рощи с прекрасными дубами. В 12 часов ночи мы приехали в Донаувирт, хорошенъкий город. Тут я слышал крикуну, который кричал согражданам: «12 Uhr patschen geschlagen!.. Fürchtet nicht vor die Nacht! Unser Herr Vater wacht. 12 Uhr hat schon geschla-gen».² Мы переехали Дунай, который здесь уже довольно широк, и въехали в совереннную равнину, которая при луне напомнила мне украинские степи и навела на меня грустное чувство.

Аугсбург.

2 октября.

Я приехал в Аугсбург в 6-м часу утра, т. е., как говорится, ни то, ни сё. Не раздеваясь, я лег немного отдохнуть и в 8 часов пошел по городу с lohn-laquais. Город стоит между двумя реками, которые [в] северном углу его соединяются; Лех была границею старой Баварии, а Вертах – старой Римско-Германской империи, Аугсбург же был вольным городом. Город разделяется на верхний, средний или предместье, и нижний. Очень широкая улица Maximilian Straße проходит вдоль по всему городу, переменяя, однако, свое название, смотря по завороту; там, где она сохраняет свое название, она очень широка и была покрыта рядами деревянных лавок, потому что в Аугсбурге началась ярмарка на две недели. На самом начале улицы, на конце города, находится огромная церковь св. Ульриха и Афры. Она полуготическая, полувизантийской архитектуры, и, что меня удивляет, это что почти на всех церквях в этом городе, и на многих деревенских, куполы византийские. Церковь Ульриха была прежде аббатством и сохранила еще много внутреннего великолепия. Из нее я прошел по Максимилиановой улице в городскую думу, которая одна из лучших в Германии. Сооружение прекрасное и чрезвычайно великолепное, с двумя византийскими куполами и с высокою башнею на правой стороне. Вход во внутренность очень великолепен, несколько рядов мраморных колонн и готические плосковатые своды. Во втором этаже есть старинная зала с резным потолком, кругом ее – комнаты, занятые теперь присутственными mestами. На третьем этаже – знаменитая золотая зала, все золотые фигуры на черных стенах, она 200 футов длины, 62 – ширины и 53 – вышины; это одна из самых великолепных комнат, которые я до сих пор видел. Я взошел на башню; оттуда вид очень хороший:

¹ Пропуск у тексті. Елінгенський замок, що з середньовіччя належав Тевтонському ордену, на початку XIX ст. перейшов у власність баварського фельдмаршала графа Карла Філіпа фон Вреде (1767 – 1838); згодом замком володіли його нащадки.

² 12 годин пробило!.. Не бійтесь ночі! Отець наш доглядає за нами. 12 годин уже пробило (нім.).

видно, как соединяются две реки, а с другой стороны видны на горизонте синие Тирольские Альпы. Сошедши с башни, мы продолжили идти по той же улице, которая, перейдя Людовикову площадку¹ с двумя фонтанами, сделалась узка и приняла название Carolinengasse. Здесь встретился мне налево очень древний дом, один из первых, выстроенных в Аугсбурге. Он имеет очень странную архитектуру и имеет совершенно характер замка. Немного далее этого дома – большая нерегулярная площадь, на ней – дворец епископский и собор. Последний не имеет почти никакой архитектуры, как мне кажется. Своими четырьмя башнями он напоминает немного Бамбергский собор, но внутри он очень великолепен. Он имеет около 30 престолов. Дворец имеет замечательного только одну залу, в которой была Аугсбургская исповедь при Лютере.² Отсюда мы прошли в сад барона Шецлера, замечательный по бронзовой группе Гирарда 1590-го года.

Сам город Аугсбург хорош по партикулярным строениям; он довольно жив; я был на паровом книгопечатании, где печатается «Allgemeine Zeitung», 11000 экземпляров, в 5 часов. Жаль, что я не видел галереи, но, слышав от всех и каждого об Октябрьском празднике, который должен был быть 3-го, я поспешил поехать в Мюнхен, и в 3 часа после обеда отправились в омнибусе на железную дорогу.

Из Аугсбурга в Мюнхен.

2 октября.

Стечние пассажиров было до 400 человек. Дорога не очень хорошо устроена, при всякой остановке чувствуется ужасный толчок, а при движении – вновь дергание. Страна плоская, очень населена, и все церкви сел имеют византийские купола. Издали направо все виднелись зубчатые Альпы, и чем дальше ехали, тем они становились темнее. Мы приехали в Мюнхен в 5½ часов, но разбор вещей продолжался ужасно долго; получивши вещи, я нанял одноколку и два portefaix³ повезли вещи. Квартиры в городе были все заняты, и в силу достал маленькую комнатку за 1 fl. и 45 xr.⁴ на день, в доме Zahlender zum gold. Hahn.⁵

Мюнхен.

От 3 – 9 октября.

8-го окт[ября].

Вот уже шестой день, как я здесь, и завтра думаю выехать. В эти шесть дней я видел много замечательного. Мюнхен иные путешественники на-

¹ Ludwigsplatz.

² 25 червня 1530 р. на засіданні рейхстагу в каплиці єпископського палацу було виголошено «Аугсбурзьке віровизнання», складене Ф. Меланхтоном за вказівками М. Лютера. У цьому документі було викладено лютеранську доктрину.

³ Носильники (фр.).

⁴ За 1 флорин і 45 крейцерів.

⁵ За плату в готелі «Золотий Півень» (нім.).

зывают «новыми Афинами», и, точно, в отношении искусств здесь сделано все то, что можно было сделать по средствам государства. Король здешний, Лудвиг I, большой чудак, но человек с необыкновенным вкусом, и все строения, а их полон город, полны изящного вкуса. Я расскажу не по порядку все мои здешние похождения и осмотры.

Первый день (3-е октября) был здесь большой народный праздник, называемый das Oktoberfest. Он продолжается целую неделю. Цель его есть поощрение промышленности. Со всех концов Баварии приводят к октябрю экземпляры лучшего скота, лошадей, овец, привозят фрукты, овощи, инструменты для земледелия и т. п. Особенная комиссия рассматривает все это и раздает приз.¹ Потом, в воскресенье, на большом лугу, примыкающем к городу, делают праздник, и при всем народе король раздает награды. Вот как все произошло. В воскресенье, 3-го числа, я встал довольно рано, подошел к окну и увидел улицу, совершенно наполненную толпами народа, который шел, каждый без цели, как делается в праздник. Тут можно было видеть все костюмы окрестных мест. Особенно женские костюмы очень разнообразны. Я заметил три главных женских костюмов. Один – с меховыми шапками на голове, с длинною, почти всегда розовою, юбкою; рукава широки и видно старание подражать моде. Другие – с какими-то странными чепчиками, с которых креп опущен на лоб; у них костюм очень пестр; юбки коротки и сзади обыкновенно род темного сукна, собранного регулярными складками. Третий, из Верхней Баварии, – с шляпами на голове. Все же прочие костюмы подходят к одному из этих трех. Мужчины меня более занимают. Тирольцы, многие, особенно те, которые без бакенбард, а только с усами, очень имеют в физиономии много сходства с украинцами. В 9 часов во всех церквях начали служить обедни. Я оделся и пошел к секретарю русского посольства Штигицу с рекомендательным письмом от Магденки. Сначала он мне показался сухим. Он мне дал наставление, как все удобнее видеть, и я пошел от него по церквам. Все они были наполнены: в одной играл орган, в другой проповедовали, и все это – с раскрытыми дверьми на улицу, что придавало более торжественности. Первая церковь, в которую я зашел, была Frauenkirche – большая, массивная церковь, выстроенная из дикого камня темного цвету; главный корпус и низ башен имеют готическую архитектуру в основании, но купола на двух высоких башнях византийские. Она стоит на чрезвычайно стесненной площади. Другая церковь на Людвиговой улице² – Theatinerkirche, она снаружи renaissance, внутри также новой римской архитектуры; она величественна, но безмерно отягощены своды лепными гирляндами. Улица Ludwig очень хороша и даже вымощена. Наискось от Театинской церкви – въезд в дворцовый сад, регулярный французский, вокруг его, т. е. с двух сторон его, так называемый базар; об нем – после. Ludwigskirche мне не понравилась, это смесь готической архитектуры и

¹ Приз (фр.).

² Ludwigstraße.

еще Бог знает какой. Внутри она не кончена, но будет очень великолепно украшена фресками. Когда уже кончилась обедня, я прошел в придворную церковь Всех Святых; она невелика, но сделана с необыкновенным вкусом и еще более с удивительною тщательностью; все святые изображены на арках и трех куполах, все на золотом поле.

Церковь св. Михаила вся состоит из одного огромного свода, и это придает ей много эффекту, в ней памятник [герцога] Лейхтенбергского, работы Торвальдсена. Походивши еще немного по улицам, наполненным народом, я возвратился домой и, отдохнув немного, в половине первого отправился с Евдокимом и молодым John-laquaïs на праздник. Мы шли вместе с толпой, которая вся стремилась к одним воротам. Выйдя за ворота, мы пришли к весьма большому лугу, который называется Theresienwiese, и у противоположного конца города оканчивается высоким валом. У этого вала были приготовлены разного рода строения для праздника. Все место праздника – овальной формы, и кругом его идет пустая полоса земли с перилами по сторонам для конского бегу, но я лучше расскажу другим порядком. Пройдя все выставки хозяйственных произведений, мы перешли место бега и взошли на вал. Этот вал сделан ступеньками в виде амфитеатра и был весь покрыт народом. Посереди валу ограждено место для музыкантов, а насупротив его, по ту сторону бега, т. е. на площади, – королевская палатка, большая, на возвышении, и окруженная маленькими флагами, голубыми с белым. Со всех сторон палатки, несколько поотдали, была выставка коров, бугаев, волов, лошадей разного рода, хозяйственных инструментов, и, наконец, разных родов фруктов, овощей и т. п. Налево от палатки – триумфальный въезд, направо – целый городок разных балаганов для пива, вина, кофе и разных игр. Вся площадь кругом павильона была также покрыта народом. Мы стали на один из самых высших уступов валу, и мне все было очень хорошо видно. В половине 9-го начали съезжаться в павильон разные знатные особы. Мой cicerone мне всех их называл; все посланники, министры, весь двор, все съехались; в конце 2-го [часа] пришла пехота национальной гвардии и расположилась против павильона на бегу. В 2 часа начали палить из пушек, и скоро после того услышали мы издали музыку. Сделалось большое движение в народе, ворота отворились, и въехал король с королевой и принцем, в коляске, за-пряженной шестерней à l'*anglaise*,¹ а за ним – еще две коляски с разными членами двора. Он был сопровожден конною национальною гвардию, в мундирах, похожих на гусарские. Музыка заиграла «God save the King»,² король встал в коляске и начал кланяться с улыбкой народу, из которого вышло несколько криков радости. Тут начались разные неудобства моего положения среди толпы. Со всех сторон толкали, несмотря на усилия Евдокима и лон-лакея; также сзади палками начали сымать шляпы с тех, кото-

¹ По-англійськи (фр.).

² «Боже, бережи короля» (англ.) – монархічний гімн.

рые им закрывали зрелище: «*Einheit den Hut ab, ich sehe nichts*»,¹ – раздавалось со всех сторон, и вслед за этим – удары по шляпе. Возле меня стоял пьяный, по виду судя – извозчик, который своими любезностями смешил всех окружающих. Между тем внизу король обходил все выставки, и, кончивши свой осмотр, который довольно долго продолжался, он возвратился в павильон. Тогда, с большим триумфом и музыкою, человек сорок, одетые в костюмы средних веков, пронесли разные значки для *prix*.² Впрочем, музыка и не переставала играть на возвышении, под которым стоял флаг с шифрами их величеств. После этого марша начались скачки: 38 лошадей. Жокеи были почти все безвкусно одеты. Да, еще прежде скачки выводили лошадей перед павильон, и хозяин каждой лошади, мужик, получал значок из рук короля. Беговые лошади проскакали 4 раза по бегу, и во все время – крик народа, который происходил от споров, кто перегонит. После скачки все кончилось. Стрельба в цель была отложена на другой день. Король и весь *beau monde*³ уехали, и народ бросился к пиву.

Я возвратился домой в омнибусе в 4 часа, пообедал и после обеда, отдохнувши, пошел в 7 часов в театр. Он велик и поместителен, но мне не очень нравится. Снаружи он имеет два фронтона, один над другим. Нижний – над колоннами, верхний – над залой, и оба фронтона очень некстати раскрашены *al fresco*. Внутри зала слишком кругла, так что ближайшие ложи к сцене почти оборочены к ней спиной. Оркестр очень хорош и состоит из 80 или более человек. Играли оперу «*Oberon*»⁴ и пела Геннефетер, очень хороший голос, но ей скоты не аплодировали, потому что она дурна собою. Это – по-петербургски.

На другой день я посвятил все утро осмотру картинной галереи или, как здесь называют по повелению короля, Пинакотеки. Это прекрасное и огромное здание в итальянском вкусе. Лестница под мрамор очень хороша. Первая комната, [...], четырехугольная, и на стенах ее размещены портреты баварских королей; за этой комнатой начинаются залы.

Первая зала содержит в себе картины старой немецкой школы до XV века. Тут Дюрер, Гольбейн, Кранах, Вольгемут, учитель Дюрера, и другие. Эти все картины любопытно видеть, как первые ступени к искусству живописи, но почти все они имеют в себе слишком мало изящного. Многие картины Дюрера и Кранаха имеют лица с большим выражением, но где коснется до пропорций или перспективы, там исполнение очень слабо. Об залах должно вообще сказать, что они устроены как нельзя лучше. Свет сходит с потолка с лепною плоскою аркою. Потолок весь белый, и по нем *en relief*⁵ золотые арабески.

¹ Зніміть шляпу, мені нічого не видно (нім.).

² Приз (фр.).

³ Бомонд, великосвітське панство (фр.).

⁴ «Оберон» (нім.) – опера німецького композитора К. М. фон Вебера.

⁵ Рельєфно (фр.).

Во второй зале также старая немецкая школа, но только уже с большим влиянием итальянской школы, и это влияние видно постепенно. Старые мастера не переменяют своей кисти, но являются новые: первый из них есть Пенц, род[ившийся в] 1500 [году]. У него у первого заметил я другой колорит, другой цвет тела, гораздо естественнее, и другое поле картины, в его «Венере и Амуре», потому что он докончил учение свое в Италии. Вообще тут с половины этой залы начинается другой род картин. Двенадцать картин Сандартса изображают все 12 месяцев. Лот – «Св. Доминик». Первая картина, изображающая животных, является Розгофа, – «Волк и ягненок»; подобная ей также Паудица. Здесь также Роос, Минион, Шварц, Нейшатель, Марес являются с своими пейзажами, портретами и т. п. Странная картина Дитриха – «Лазарь в недре Авраама, а скупец – в аду», но его пейзаж, изображающий песчаный холм на берегу моря, освещенный солнцем в то время, как прочие части пейзажа покрыты тенью от бурных туч, – [это] мне кажется прелестно. Какая естественность в этом холме! Местами он оброс травой, и эти места возвышены, видно, что недавно на них вылилась туча;¹ краски очень живы и в другой его картине: «Два слепца на краю пропасти».

Третья зала включает в себе картины нидерландской школы XVI и XVII веков. Здесь множество произведений Бота, Фита, Ван-Дика, несколько Рембрандта, также Ван-дер-Вельде, Тербурга, Гельдера, Вувермана, Верфа, Дуффета, Бергейма, Веникса и, наконец, Брейгеля. Бот рисовал темные большие пейзажи в итальянском вкусе. Фит – сцены животных, охоты. Ван-Дик нарисовал между множеством портретов и свой собственный; он был довольно рыж и несколько бледен. Какая кисть мягкая и сколько выражений во всех его портретах. Ван-дер-Вельде – прелестный пейзаж. Рембрандта тут еще мало, а больше – в кабинетах. Странно, какой желтый колорит в его картинах, все лица как будто писаны при свече, и сколько везде *clair-obscur*.² Живописны пейзажи Бергейма. Картина Веникса «Охота на дикого кабана» мне очень понравилась. Брейгель отличается пестротою картин своих и чрезвычайно тщательною отделкою.

Четвертая зала составляет середину строения, хоть не середину галереи. Она великолепнее и более всех прочих, и содержит, вместе с кабинетом № 12, прилежащим к ней, 95 картин знаменитого Рубенса. Я ее осматривал во второй раз, как был в галерее, вместе с 5-ю залою; в третий раз – 6-ю, 7 и 8-ю; в четвертый раз – 9-ю и часть кабинетов, а в 5-й раз – остальную часть кабинетов, но я опишу все разом. Итак, Pierre-Paul Rubens. Удивительное разнообразие видно во всех картинах, но и это без малейшей пестроты.

¹ Йдеться про полотно К. В. Дитриха «Краєвид у дюнах».

² Свілотінь (фр.).

Марина Будзар

ВІДКРИТТЯ ВЛАСНОГО «Я»: ГРИГОРІЙ ГАЛАГАН В ЙОГО ЮНАЦЬКОМУ ЩОДЕННИКУ

Якщо хтось не спізнав, що діється в чужій душі, – ледве чи матимуть його за нещасного; але вже конче нещасний той, хто за поруходами власної душі не устежує...

Марк Аврелій. Наодинці з собою.
Кн. 2, максима 8. Пер. Р. Паранька.

Індивідуальний духовний досвід стає все більш актуальним тоді, коли «проблема індивіда в історії знову стикається з багатозначною проблемою персонально-особистого, з проблемою людського обличчя історії».¹ Минуле наближається до сьогодення через особистісно-історичні практики, представлені у формах людської діяльності, що об'єктивують суб'єктивний зміст, зображені пошуку особистістю власної ідентичності.² Безумовно, до цих історико-культурних артефактів належать щоденники – той різновид джерел особового походження або его-документів, в якому «історія легітимізує не лише офіційний свій бік, а й суб'єктивно-приватний».³ Історичність усіх автобіографічних текстів, зокрема й щоденників, відзначив ще Й. В. Гете, наголосивши на їхній спроможності змалювати людину в її стосунках до свого часу і показати, наскільки зовнішнє оточення було вороже людині, наскільки – сприятливе, як саме складалося ставлення особистості до світу.⁴

Як наративні его-документи, що уможливлюють розуміння того, в який спосіб автор позиціонує себе у навколишньому житті, щоденники посіли осібне місце у сучасних дослідницьких практиках, передусім у

¹ Рашковский Е. Б. Личность как облик и как самостоятельное. Одиссей. Человек в истории: личность и общество; отв. ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 1990. С. 14. Тут і нижче цитати з публікацій іноземними мовами подано в перекладі автора.

² Солонин Ю. Н., Дудник С. И. Судьба субъективного жанра в контексте европейской культуры XVII–XX веков. XVII век в диалоге эпох и культур. СПб.: Санкт-Петербургское философическое общество, 2000. С. 11. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/solonin-yun/sudba-subektivnogo-zhanra-v-kontekste-evropeyskoy-kultury-xvii-xx-vekov>.

³ Коляструк О. Щоденники Астрід Ліндгрен як джерело з історії повсякденного життя шведів у роки Другої світової війни. Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. 2019. Серія: Історія. Вип. 30. С. 75. URL: <https://vspu.net/nzhist/index.php/nzhist/article/view/621>.

⁴ Гете Й. В. Поэзия и правда. Из моей жизни / пер. М. Холодковского; вступ. ст. Е. Браудо. М.: Рипол Классик, 2016. С. 16.

науковій традиції країн Західної Європи та США, де вони досліджуються як форма автобіографічної культури, конструювання та репрезентації особистості, причому предметом вивчення є не лише щоденники осіб, помітних у політичному й культурному житті свого часу, але й «людини з натовпу». ¹ Особлива увага надається щоденникам XIX ст., часу, коли такі тексти позиціонуються як засоби висловлювання людини про саму себе, як прийом репрезентації внутрішнього життя, властивий романтичному світоспогляданню, породженному Новим часом.²

В українських реаліях ще збережено тенденцію, коли щоденниковий матеріал використовується сuto утилітарно (настільки, наскільки спроможний розповісти про історичні події, побут певної доби чи обставини життя відомих осіб), а перевага в публікації надається текстам відомих політиків, письменників, діячів культури тощо, передусім датованим ХХ ст. Окрім того, аналіз щоденників як артефактів досі є прерогативою більше філологів, ніж істориків.³

Відтак публікація та інтерпретація щоденників, передусім таких, що входять до складу фамільних збірок, презентуючи автора як представника роду й водночас як особу, котра діє у певних історичних реаліях, не лише оновлюватиме джерельну базу історичних досліджень, але допомагатиме «розширити кордони загальнолюдської розмови» (К. Дж. Гірц).⁴ Особливо цінними є щоденники молодої особи, тому що в них самовідображення автора обумовлюється його віком – добою творення людини як особистості.

Саме до таких текстів належить «Журнал» Григорія Павловича Галаґана (1819–1888), крупного землевласника, одного з найпомітніших діячів в історії України в суспільно-політичній та культурній сферах, котрий у цьому тексті постає «на краю юності» у всій складності свого внутрішнього світу.

Публікація цього авто-документального твору в повному обсязі не лише доречна, але вкрай необхідна з кількох взаємопов'язаних причин.

По-перше, це забезпечує нові можливості для інтердисциплінарних розвідок у царині історичної науки на перетині історичної антропології,

¹ Зокрема, The Pleasures of diaries : four centuries of private writing; edited Bilythe R. New York: Pantheon Books, 1989. 488 р.; Виолле К. Малая космогония автобиографических произведений. *Известия АН. Серия литературы и языка*. 2004. Т. 63. № 2. С. 57–61.

² Steinitz R. Time, Space, and Gender in the Nineteenth-Century British Diary. New York : Palgrave Macmillan, 2011. 279 р.; Victorian Diaries: The Daily Lives of Victorian Men and Women. London, 2001. 144 р.

³ Коляструк О.А. Документи особового походження як джерела з історії повсякденності. *Український історичний журнал*. 2008. № 2. С. 145–153; Заварзіна Е. В. Щоденник як «матеріалізована» авторська свідомість. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. 2007. Серія: Філологія. Вип. 50. 177–180; Сірко І. Український щоденниково-познавчий дискурс: аналіз актуальних класифікаційних схем. *Науковий вісник Херсонського державного університету*. 2015. Серія : Лінгвістика. Вип. 22. С. 111–117.

⁴ Гірц К. Інтерпретація культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 21.

культурної антропології, історичної біографістики, соціокультурної генеалогії, історії повсякдення тощо. І передусім тому, що через життєвий досвід Г. Галаґана, відображенний у щоденнику, репрезентується регіональна спільнота (*«country community»*) межі 30-х – 40-х рр. XIX ст. У замальовках щоденника бачимо не лише найближчих родичів автора – матір, Катерину Василівну Галаґан, уроджену Гудович (1785–1868), молодшу сестру Марію Павлівну Галаґан (1822–1876), чий шлюб із Павлом Євграфовичем Комаровським (1812–1872) є однією з основних сюжетних ліній другої частини тексту, батька, Павла Григоровича Галаґана (1793–1834), котрого родина втратила лише за півтора року до початку записів у *«Журналі»*, дядька Петра Григоровича Галаґана (1792–1855) та його дружину Софію Олександровну, уроджену Казадаєву (1804–1864), але й численну рідню, осіб з числа українського дворянства, представників таких сімейств, як Гудовичі, Дуніни-Борковські, Кочубеї, Лизогуби, Маркевичі, Милорадовичі, Раковичі, Скоропадські, Тарновські тощо. Це відкриває нові можливості розгляду питання життєдіяльності української еліти в реаліях 1-ї половини XIX ст., що недостатньо презентоване у сучасних розвідках.

По-друге, це джерело хоча б частково заповнює лакуни українського гуманітарного дискурсу щодо проблеми психологічно-світоглядного становлення людини з елітної соціальної групи. Через особливості утворення, коли зображення народного життя обумовило тематику й проблематику творів, українська література XIX ст. оминула цей дискурс (ми не маємо белетристики на кшталт автобіографічної трилогії *«Дитинство»*, *«Отроцтво»*, *«Юність»* Л. Толстого або *«Виховання почуттів»* Г. Флобера). Але й у подальшому проблема дорослішання українського дворянина залишалася на периферії інтересів не лише письменників, але й науковців, а за час розвою гуманістики України в умовах незалежності не набула широкого попиту.¹ Зі сторінок цього документу постає майже невідома для дослідників тема – український молодик з аристократичного середовища як «герой свого часу» перед викликами доби, що обертаються потребами вибору ідентичності, лінії поведінки у різних соціальних колах (аристократичний Петербург, університетське оточення, поміщицький та селянський світ України), життєвої стратегії на майбутнє.

Не буде перебільшенням зазначити, що сам факт створення щоденника, заповнюваного, хоча й з перервами, впродовж майже п'яти років,

¹ Потреба оновлення принципів дослідження української еліти в реаліях XIX ст. у публікаціях джерел особового походження постає нагальнною за умов порівняння вітчизняного досвіду із результатами діяльності вчених Російської Федерації. Детальніше, зокрема: Вульф А. И. Дневник 1827–1842 годов. Любовные похождения и военные походы. М.: АСТ, 2016. 464 с.; Зорин А. Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной жизни конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.; Лямина Е. Э., Самовер И. В. «Бедный Жозеф». Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: опыт биографии человека 1830-х годов. М.: Языки русской культуры, 1999. 560 с.

був велими важливою культурною дією, яку його автор опанував вперше, але зробив постійною у майбутньому. Г. Галаган вів щоденники й нотатники майже до кінця життя, ці тексти різняться повнотою та змістовністю записів, нерідко в них лише реєструються щоденні витрати, фіксуються події, погодні умови тощо, але навички осмислення життєвого досвіду, окреслення повсякдення, дослідження власної ідентичності на письмі він набув, заповнюючи в ранній молодості сторінки «Журналу».

Головну роль у тому, що 16-річний Григорій Галаган взявся за перо взимку 1836 року, коли готовувався до вступу на юридичний факультет Петербурзького університету, відіграв його тодішній наставник, котрий залишився його другом і добрым знайомим усієї родини на довгі роки, – Федір Васильович Чижов (1811–1877), тоді – магістр математичних наук, ад'юнкт-професор університету, пізніше – журналіст, громадський діяч, підприємець. Сам Ф. Чижов регулярно вів щоденні записи, починаючи з 14-річного віку, ці тексти зберігаються у Відділі рукописів Російської державної бібліотеки.¹

Не зайвим є зазначити, що певна традиція написання авто-наративів мала місце в родині Галаганів ще до початку XIX ст. Прадід автора Іван Григорович Галаган (1739–1789) залишив два щоденники, написані під час закордонних мандрівок 1781 та 1785–1786 рр., коли він спочатку відвізив свого сина Григорія на навчання до Лейпцигського університету, а потім забирає його звідти: «Нотатки повсякденні» (за 1781–1785 рр.)² і «Журнал дорожній 1786 р.».³ Ці тексти так само вписалися в історико-культурний контекст останньої чверті XVIII ст., коли українська знать накопичувала досвід «Гранд-туру» – мандрівок зарубіжними країнами із освітньо-пізнавальними чи рекреаційно-лікувальними цілями, як юнацький щоденник Г. Галагана – у світоглядний простір другої чверті XIX ст., коли традиції Пізнього Просвітництва з його переосмисленням концепції «внутрішньої людини» Ж.-Ж. Руссо об'єдналися з романтичною апеляцією до особистого, а головною проблемою людини стала вона сама.

Поява «Журналу» Григорія Галагана якомога краще обґрутована історичними і соціальними реаліями першої половини XIX ст., коли процес самоусвідомлення мотивувався історичними подіями, що поглиблювали почуття ідентичності, прискорення соціальної мобільності породжувало невпевненість у собі, підштовхуючи авторів щоденників усвідомлювати власну життєву позицію, оцінювати думку оточення про себе.⁴ Щоденник

¹ Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 332. Ф. В. Чижов. Картон 1. №№ 1 за 1825–1844 гг. Картон 2. №№ 1–12 за 1844–1874 гг. Картон 3. №№ 1–5 за 1874–1877 гг.

² ИР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 1043. 90 арк.

³ ИР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 3420. 98 арк.

⁴ Корбен А. Закулисье // История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеаса и Ж. Дюби. Т. 4: От Великой французской революции до I Мировой войны; под ред. М. Перро. М.: Новое литературное обозрение. С. 467

відповідає історичному часові як за культурно-естетичними критеріями – у судженнях й уподобаннях автора зафіковано основні поведінкові моделі доби – від культу чуттєвості до захоплення музично-драматичними театральними формами, так і з конкретно-історичної позиції – хронологія подій з життя самого Григорія Галагана та його оточення, опис явищ зовнішнього світу – усе співвідносно з реаліями так званої «Миколаївської епохи» – правління Миколи I – в історії Російської імперії, коли беззаперечність абсолютизму монархічної держави ставала все більш наочною.

Попри зовнішню безсюжетність, за якою для «Журналу», як і для інших щоденників, притаманна дискретність історичних фактів, подій особистого життя автора й описуваних ним явищ (він може перерватися на півслові, відновити записи через кілька днів, а то й тижнів, повернутися до подій місячної давнини), цей текст внутрішньо організований на основі принципу автокомунікації, коли автор звертається до власного «Я», а метою його записів є не лише хронологічне відтворення подій чи запам'ятовування відомостей, але з'ясування власного внутрішнього стану.¹ Щоденник не має хронологічної кінцівки, і не лише через об'ективні причини (автор віддався розсіянню закордонного життя, до того ж листувався з рідними і Ф. Чижовим, це дещо задовольнило потребу в щоденних нотатках), але через те, що розвиток особистості не може мати ані підсумків, ані остаточних рішень. 22-річний Григорій Галаган, яким ми залишаємо його на останніх сторінках «Журналу», перебуває на перетині усіх викликів свого теперішнього й майбутнього життя, тому що поки «поки людина жива, вона не в змозі збігтися зі своєю власною формою»,² і щоденник унаочнює цю безкінечність людського становлення. Ще більше: у самого автора все попереду, але читач, передусім обізнаний в темі, знає, як розгорнатиметься життєвий сценарій цієї особи у прийдешньому (і може визначити, чи співпадатиме, чи ні цей сценарій з тим, яким його вимальовував сам Григорій Галаган), тим більше інтриги містить у собі сюжетно-дієва конструкція тексту.

І до речі: особливою принадою цього джерела є те, що багато описаного у ньому відбулося в житті автора вперше: він виступив у соціальній ролі студента, примірив на себе майбутні обов'язки поміщиця та власника інших людей, вперше вийшов за кордон, навіть пережив перше кохання, в якому з'єдналися чуттєва жага та чутливе захоплення.

«Журнал» Г. Галаган – справжній інтимний щоденник, в якому хронологія повсякденних подій постулюється сповідальній інтонації. Попри те, що текст буквально перенаселений людьми, автор знаходиться у ситуації духовної самотності, коли його співрозмовником є щоденник, тобто він сам. Г. Галаган усвідомлює це поступово, доходячи висновку,

¹ Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семисфера. СПб.: Искусство–СПБ, 2000. С.165.

² Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С. 1998. С. 47.

що нерідко не в змозі бути вповні відвертим навіть з найближчими людьми – матір'ю та наставником.

Автор будь-якого щоденника змінюється, але в тексті, що публікується, такі зміни особливо помітні. На перших сторінках щоденника, що її заповнює 16-річний підліток, котрий живе в Петербурзі з матір'ю та 13-річною сестрою, оповіді про міські події (як-то, жахлива пожежа на Адміралтейській площі) межують із звістками про уроки з репетиторами, про появу цуценят у собаки Норки (записи від 2–17 лютого 1836 р.). Чез два роки 18-річний автор з іронією зазначає, що його колишні нотатки переповнювалися пустими описами, але наразі він потребує щоденника, щоб передати йому всі відчування таємні: «Тепер журнал для мене те, що для іншого молитва»¹ (запис від 3 січня 1838 р.). Із дорослішанням Г. Галаґана сповіdalnyj пафос, суб'єктивність і правдивість розповіді зростають, так що публікація деяких сторінок, попри те, що їм без малого 200 років, потребує певних моральних зусиль.

Внутрішня логіка «Журналу» цілком відповідає послідовній зміні авторської мотивації, притаманній щоденнику як авто-комунікативному тексту: «від “фіксації” до “свідчення”, від “свідчення до створення світу” або “автопедагогики”»,² тобто звернень до себе з метою самоаналізу й самовдосконалення.

З описів зовнішніх подій, учасником і свідком яких був Григорій Галаґан, реконструюються основні складники соціального простору його життя – це родинні помешкання (чи то в Петербурзі, чи то у дідичній садибі у селі Сокиринці або в інших маєтках Галаґанів (і споріднених сімейств) на теренах Полтавщини й Чернігівщини); домівки родичів і знайомих, зокрема університетських приятелів, як у Петербурзі та інших містах Росії, так і в Україні. В окремих фрагментах щоденника розвиток зовнішніх подій обумовлено ситуацією подорожі – під час переїзду родини на літо з Петербургу в Україну або на початку закордонної мандрівки. Такі описи формують «тіло щоденника» – визначають теми, цінні як інформацією, так і самопрезентацією автора, з них складаються культурні шари тексту,³ що створюють кілька локусів дії, важливих для автора як з об'єктивних, так і з суб'єктивних причин: дім як асоціація з сім'єю (родинна сфера є вкрай вагомою для автора в обох частинах щоденника), вітальня – осереддя репрезентації автора в очах інших (як у петербурзьких і московських особняках, так і в заміських маєтках українського панства), село – простір апробації Г. Галаґаном його соціальної ролі поміщика, сад – особиста пристрасть автора не лише в юності, але

¹ Тут і в подальшому цитування тексту «Журналу» подано в перекладі з російського оригіналу.

² Кобрин К. Похвала дневнику. *Новое литературное обозрение*. № 61 (2003). С. 293. URL: <http://ec-dejavu.ru/d/Diary.html>.

³ Топоров В. Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исиакава Такубоку). *Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации*. М.: Наука, 1989. Вып. 4. С. 92.

й на майбутнє, дорога – обшир частих змін, як того, що автор побачив, так і його відчуттів.

Інформативно-дієві шари змісту «Щоденника» дозволяють прослідувати функціонування мережі¹ соціальних комунікацій дворянської спільноти, членами якої були сам автор і його рідні, побачити, наскільки консолідована вона була. В Петербурзі, в Москві, в Україні це товариство складається з близьких родичів, своїків, земляків, осіб, пов’язаних з Полтавщиною та Чернігівщиною якщо не народженням, то походженням родини чи обов’язками служби. Значний відсоток в оточенні Галаганів на сторінках «Журналу» склали родичі за жіночою лінією, передусім з сімейств Гудовичів, Маркевичі, Лизогубів – рідні матері автора, Милорадовичів – рідні його баби Ірини Антонівни, уродженої Милорадович. Причина переваги кревняків з боку жінок прихована в історії родини, «нешасливої фамілії», як сказано в щоденнику, де три покоління налічували лише по одній дитині чоловічої статі, а в п’ятому коліні – брати Петро і Павло Галагані – старший брат залишився бездітним, а в родині молодшого (котрий пішов з життя, лише подолавши сорокарічну межу) два сина померли у ранньому дитинстві.²

Особливо щільною ця мережа родинно-сусідських зв’язків, підкріплених родинно-господарськими й патронатно-клієнтальними зобов’язаннями, постає в описах перебування родини в Україні у дідичних маєтках (значна частина їх розбудувалася ще на початку XVIII ст.) самих Галаганів у селах і містечках Полтавської та Чернігівської губерніях – Сокиринці, Дігтярі, Гнилиця, Ічня, Прилуки, Мостище, Піски, Козелець (Покорщина) – й володіннях їхніх родичів – у Калюжинцях Милорадовичів, Васильківцях і Турівці Михайла Андрійовича та Миколи Андрійовича Маркевичів, Порошках, де були маєтності Пульхерії Іванівни Скоропадської, уродженої Маркевич, Качанівці Григорія Степановича Тарновського, Седневі Лизогубів. Це середовище юний автор бачив зсередини як приватно-родинне, але за замальовками сімейного повсякдення постала складна система колективних зобов’язань як підґрунтя соціальних ознак цієї спільноти.

Значущим ланцюгом тієї мережі комунікацій, в якій діє автор, є його університетське оточення – професори й студенти, особливо ті, з якими він заприятеливав, – Михайло Бочковський, Микола Жемчужников, Олексій Ульянін, але й ця спільнота зображена суб’єктивно. Як-от, ми бачимо Григорія Галагана в оточенні його друзів у неформальному колі (у

¹ Один з розробників мережевої теорії діяльності людських співтовариств у такий спосіб тлумачив дефініцію «мережа»: «Під словом “мережа” я розумію пов’язану низку дій, кожен учасник яких розглядається як повноцінний діяч». Латур Б. Пересборка соціально-го: введені в акторно-сетеву теорію / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 181.

² Згадаємо, що рід Галаганів перервався на сьому му коліні зі смертю у віці неповних шістнадцяти років Павла Григоровича Галагана в 1869 р.

світських вітальнях, під час підготовки до іспитів, у холостяцьких розвагах). Зображення цього товариства також визначено соціальним фактором. У поділі університетської спільноти на «аристократів» – вихідців з еліти й «демократів» – тих, з числа яких незабаром постане різночинна інтелігенція, Г. Галаган, безумовно належачи до першої групи, волів дотримуватися нейтралітету, хоча повсякчасно усвідомлював у собі намагання бути успішним у колі еліти, серед осіб з Англійської набережної Петербургу, серед тих, хто грає в карти без побоювання програти, хто їздить слухати циган і має дівчат на утриманні, хто прикачує на навчання у власному екіпажі й особливо не переймається, чи вийде зі званням кандидата з університетських стін: «У мене серце крається від думки, як я себе зіпсував у ставленні всіх товаришів, бажаючи увійти до товариства аристократів і відсторонитися від так званих демократів» (запис від 9 березня 1839 р.).

Чи не найважливішою проблемою успішної соціалізації стає для юного Григорія Галагана проблема комунікації з селянами та пошук власного ставлення до тієї суспільної ролі, на яку був приречений народженням («О, жорстока доле! Навіщо вклала ти мене в лоно дружини багатого поміщика?»). Знову ж таки, осмислення цього питання унаочнює світоглядно-психологічну еволюцію, що відбувалася з молодою людиною впродовж п'яти років. У переконаннях 16-ти – 17-річного Г. Галагана переважав ідеалістичний погляд на селян як «дітей», про яких піклується «батько» – господар-поміщик (за патерналістськими переконаннями доби): «Як я люблю Гнилицю!.. тут все наше, жодної людини не видно чужої, та як приемно, коли все це нас любить, до нас прихильно...» (запис від 21 травня 1836 р.). Патерналізм як позиція у ставленні до селянського світу зберігся у 22-річного автора «Журнала», але дещо трансформувався в бік розуміння ваги соціальної відповідальності поміщика, тоді як впевненість у любові селян до панів змінилася бажанням досягти цієї любові («Я хочу, щоб вони мене любили...») та наївною вірою, що таке порозуміння можливе («Я з ними поводжуся дуже лагідно, і як мені приемно чути від усіх, що вони мене звеличують...»). Сторінки «Журнала» репрезентують початок формування такої світоглядної позиції, що потребувала «шукати у сільському житті вищих цілей, поза виключної наслоди домом і садом»¹ та визначила життєві практики Г. Галагана на багато років вперед (свідченням цього є зокрема, низка текстів 1845–1852 рр.²).

¹ ИР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 6936.1зв.

² А. Л. Отрывок из дневника Г. П. Галагана за 1845 г. Киевская старина. 1899. Ноябрь. Т. 67. С. 228–242.; «Замечания и записки о всем, относящемся до крестьян, сокиренских и всех прочих экономий вообще, а также и о том, что относится до простого класса народа»: ИР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 6922. 45 арк. Обозрение 1849 г. по крестьянскому вопросу. 1850.: ИР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 6923. 14 арк. Автобиографические заметки об отношении к крестьянскому вопросу как предисловие к сельскому уставу: ИР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 6936. 9 арк.

Завдяки тому, що в щоденнику зовнішні події відтворено через призму особистих почуттів й автор відіграє роль посередника між поміщицьким і селянським світами, його приватний досвід самоідентичності, його прагнення народного блага постають в контроверсійній взаємодії з усталеною мережею соціальних зв'язків, де Г. Галаґану відведено місце одного з найбагатших поміщиків Полтавщини й Чернігівщини.

Водночас треба розуміти, що селянське питання було для юного Григорія Галаґана не лише соціальним, але сполученим з пошуками його власної національної ідентичності. «Журнал» надає матеріал для розуміння того, в який спосіб сформована Новим часом концепція нації як об'єднання людей, свідомих своєї спільноті за етнічним походженням і мовою, але різних за соціальним статусом, стала частиною картини світу молодого дворяніна з того регіону України, де дворянська спільнота (переважно козацько-старшинського походження) була середовищем, де зародився модерний національний рух, забезпечивши цій тенденції зв'язок з традиціями ранньомодерної «козацької України».

Національний компонент світогляду Г. Галаґана формувався за апробованою культурною моделлю, що базувалася на діях ототожнення та розрізнення, відокремлення «свого» від «чужого», зіставлення цих понять і вибору між ними.¹ Для автора «Журналу» такими концептами для співвідношення / порівняння є «Україна» («Малоросія») / «Росія»; «українець» («малорос») / «росіянин» (набагато рідше – «великорос»); «козак» або «селянин-малорос» / «селянин-великорос»; «свобода» / «деспотія» / «рабство». Г. Галаґан часто-густо вдається до відвертої критики політичного курсу уряду імператора Миколи I («одне слово найяснішого автократа може змінити нашу долю»), закидаючи йому придушенні свободи волевиявлення, збільшення апарату державних службовців, наступ на соціальні права українського козацтва (зрівняння цього стану з державними селянами), згубні для генофонду українського народу наслідки репресійних наборів («залишилися в селах одні малорослі, каліки, поганої статури, зосталися старі»). Порівнюючи українців з росіянами, в перших він знаходить почуття власної гідності («залишок колишньої їхньої незалежності»), недобророзличливість до панів, вміння поважати жінку, других називає «нечулими до будь-яких вимог особистості та волі», народом, «який не мав власної історії», «у якого жінка є річ, раба». Поняття «Малоросія» та «Росія» іноді зіставляються у високому емоційному реєстрі: «нешансна Малоросія» / «Русь презренна».

Бачення Малоросії / України на сторінках щоденника теж зазнало змін відповідно до духовного змужніння автора: якщо у першій частині батьківщина поставала для нього передусім в образі дідичного володіння в Сокиринцях, так що навіть історичний час усвідомлювався через

¹ Топоров В. Н. Пространство культуры и встречи в нем. // Восток–Запад. С. 8.

плин подій приватного життя, то у другій частині уявлення про Малоросію вже вийшло за межі панських володінь і автор картає себе за те, що досі не прочитав усього, про неї написаного. Для 17-річного Г. Галаґана важливо, що сокиринський селянин-довгожитель Матвій «пам'ятає ще, коли старий дім не будувався, потім – як він був зведений, як стояв 45 років, і, нарешті, як і його залишили й перейшли у новий», 22-річний – читає і коментує уривки з ще неопублікованої «Історії Малоросії» своєго двоюрідного брата М. Маркевича й ганьбить Д. Бантиш-Каменського за те, що у З-й частині його «Історії Малої Росії» «виставлені цари, російські тирані, благодійниками України, а козаки, котрі захищали свободу проти москалів, – бунтівниками».

Записи в щоденнику свідчать, що пошуки Г. Галаґаном національного в селянському житті відповідали світоглядним ідеалам і культурним нормам романтизму: 1) потяг до розмовних практик (жадав спілкуватися з селянами їхньою мовою, нею занотовував фрази у щоденнику) і до літературних творів українською («... я читаю «Енеїду» Котляревського, де така чиста й вірна наша мова», запис від 7 жовтня 1840 р.); 2) збереження і реконструкція ритуалів і фольклорної спадщини (радів кожен раз, коли чув старовинні українські пісні, цитати з їхніх текстів нерідко ставали ілюстрацією для виразу його внутрішнього стану, виконував на фортеці – на українські мелодії, волів повернути у народний побут давні звичаї, ініціював свята для селян у межах маєтку); 3) конструювання історичної самосвідомості народу (розмовляв з селянами про давні часи, але з жalem констатував, що навряд чи залишився ще старий в Сокиринцях, який би пам'ятає Гетьманщину, а молодь не в змозі «підтримати національність»).

В історії становлення світогляду 20-річного Григорія Галаґана, відображеній в щоденнику, закарбувався відносно короткий, але велими цікавий період життєдіяльності українського дворянства, коли принцип соціокультурної гомогенності як ідеал національного руху набув актуальності за умов збереження соціального розшарування та елітарного статусу дворян-землевласників, а образ молодої аристократи, котрий хоче по-розумітися з простолюдом «нашої національності», вивчаючи його мову, читаючи вірші Т. Шевченка та співаючи народних пісень, ще не нажив тих карикатурних рис, які мав в уявленні представників національного руху початку ХХ ст. (зокрема, в новелі А. Кримського «В народ!»¹). Сам Г. Галаґан усвідомлював значущість цього етапу свого життя, коли через 10 років згадував: «Любов до нашої національності, підсилена до фанатизму нерозлучною в той час з нею ліберальністю, розвинулася в мені сильно. Як в собі, так і у всіх мене оточуючих, а ще більше в народі я намагався попри все розвивати пристрасну любов до свого національного, повернення всього старого, відновлення в пам'яті нашого слав-

¹ Кримський А. Повістки та ескізи з українського життя. 1890–1894. К., 1919. С. 136–162.

ного козацтва й, нарешті, сильніше за все пробудження духу окремішності від ненависної тоді Московщини...».¹ Хоча у передмові до першої публікації «Журналу» О. Лазаревський майже всю заслугу у формуванні світоглядних переконань автора поклав на його наставника Ф. Чижова,² і насправді, вплив цієї людини на Г. Галагана, як у ранній молодості, так і пізніше, неможливо недооцінювати, зміст щоденника – красномовний доказ цього, але не скидаємо з важелів той факт, що дорослішання юна-ка відбувалося у сімейно-сусідському колі споріднених між собою дво-ріанських родин Лівобережної України, історія піднесення яких сягала доби Гетьманату. Ці родини були часткою того соціокультурного простору, в якому вже на межі XVIII – XIX сторіч поширилися автономістсько-консервативні настрої, вирізнився «козацький міф», якій став невід'ємною часткою винайдення української нації у XIX сторіччі. Микола та Михайло Маркевичі, Ілля та Андрій Лизогуби, інші представники лівобережного панства (в тексті щоденника згадуються розмови з П. П. Скоропадським, І. О. Якубовичем тощо) – таке оточення, безумовно, вплинуло на формування переконань Г. Галагана, хоча О. Лазаревський, послуговуючись народницькою антипатією до правлячих еліт, не вірив у щирість поведін-ки цих людей. Скажемо більше, навіть пізніше, Г. Галаган, аналізуючи власні погляди на «селянське питання» початку 1850-х рр., наголосив на тому, що перешкоджало його відвертості з Федором Чижовим: «... він все-таки москаль, а тому в особливих питаннях він у мене майже в сто-роні».³ Завдяки інтимно-довірливій інтонації щоденника пересвідчуємо-ся в тому, як у свідомості його автора ідея національного формувалася з напучувань Ф. Чижова про необхідність розвивати у собі демократичні, тобто гуманістичні, а не поміщицькі чесноти й уявлень представників українського дворянства про людей з народу як дійових осіб тієї історії, що позиціонувалася ними «як славне минуле» Малоросії, з її втраченими політичними правами.

Сповіданальність «Журнала» Григорія Галагана, коли особистість зобра-жена у процесі фіксування власних емоцій, думок, переживань, є запо-рукою ще одного вкрай значимого атрибуту цього документу: духовне становлення молодої людини тут відтворено передусім через історію емоцій, тобто у контексті того історичного часу, в якому чутливість і чут-тєвість отримали рівні права в поведінкових сценаріях людини, обумо-вивши утворення «емоційних співтоваристств» всередині соціальних груп та визначивши особливості комунікації між їхніми членами.⁴ Якщо істо-

¹ ІР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 6936. 1. зв.

² Материалы для биографии Г. П. Галагана. Отрывки из юношеского дневника Г. П. Галагана. Киевская старина. 1898. № 9. С. 193.

³ ІР НБУВ. Ф. I. Оп. 1. Спр. 6923. Арк. 11.

⁴ Rosenwein B. Problems and Methods in the History of Emotions. P. 11–12. URL: <https://www.passionsincontext.de/index.php/?id=557>.

рико-культурна ситуація другої половини XVIII ст. сприяла виникненню сентименталізму, «тоді як сльози було засуджено в Версалі, вони загосподарювали у театрах і салонах поза досяжності суду»,¹ то романтизм, створений на межі XVIII–XIX ст., повернув права чуттєвості² як емоційно-му притулку від життєвих тягот. «Внутрішня людина», занурена у своє «Я», переважала у текстах романтичної доби: «Внутрішній світ, зітканий з почувань, надій, страхів, жадань, гідних і негідних зазіхань, ...набував зна-чущості тієї єдиної сфери істинного життя, де відбувалися найважливіші для людини події та процеси...».³

Зміст щоденника дозволяє зрозуміти, як «публічні образи почування», «супільні символічні структури» (К. Гірц),⁴ запропоновані культурними практиками романтизму, у свідомості юного автора стають основою його власного духовного досвіду завдяки особисто-суб'єктивному сприйняттю як культурних артефактів (література й мистецтво), так і природи, яка теж є часткою «простору душі» молодої людини.

Літературні твори були для Г. Галаґана основою інтерпретації його власних почуттів («Великий Пушкін написав це для мене!») або моделлю для наслідування під час створення ним власних текстів, найчастіше ідилічно-сентиментального змісту. Для нього, як значної кількості людей його часу, література стає «школою чуттєвості», що пропонує зразки емоційного кодування у базових життєвих ситуаціях⁵ (як-от, у фрагментах створюваних ним самим текстів обіграються сподівання та побоювання самого автора), але цікаво, що літературні шаблони ранньої молодості залишаться дієвими й в подальшому. Гармонійний світ, втілований для юного Григорія Галаґана в образах, навіяніх європейською літературою межі XVIII–XIX ст., з її возвеличенням морального життя осіб з третього стану, набагато пізніше вже для зрілої людини асоціюватиметься з життям українського села.⁶ Погляд на сільську місцевість як оазу добро-чинності був утопічним як у часи Ж.-Ж. Руссо, так і в часи формування української народницької прози, але для Г. Галаґана зберіг свій сенс. Не менш важливим для розуміння ступеню «літературності» у сприйнятті автором «Журналу» навколошнього світу є те, що власний внутрішній стан

¹ Rosenwein B. Problems and Methods... P. 22.

² Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 29.

³ Солонин Ю. Н., Дудник С. И. Судьба субъективного жанра. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/solonin-yun/sudba-subektivnogo-zhanra-v-kontekste-evropeyskoy-kultury-xvii-xx-vekov>.

⁴ «Щоб ухвалювати рішення, ми маємо знати, що ми відчуваємо з приводу тих чи інших речей, а для того, щоб знати, що ми відчуваємо з їхнього приводу, нам потрібні публічні образи почування, які нам можуть надати лише ритуал, міф і мистецтво...»: Гирц К. Інтерпретація культур. С. 96.

⁵ Зорин А. Импорт чувств: к истории эмоциональной европеизации русского дворянства // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 120.

⁶ У паперах Г. Галаґана зберігся незавершеним (як і багато інших текстів) начерк «Опыт идиллии»: IP НБУВ. I.6856. 2 арк.

він нерідко зображує через образи природи, передусім природного світу дідичного маєтку в Сокиринцях. Зокрема, сокиринський парк постає мінливим простором – реальним, який треба облаштовувати, продовжуючи сімейну традицію, але разом – й повним прихованого сенсу, символічним, придатним як для смерті та поховання, так і для кохання. Заходило-схвильоване сприйняття краси сокиринських краєвидів, художньо видозмінених втручанням людини, стало важливим складником «ментального ландшафту», створеного в щоденнику. Для опису вражень від краєвидів «милої України» Г. Галаган використовує літературний зразок: «о природо! я, як Вертер, можу вигукнути: “Люблю тебе, захоплююсь тобою!..”» (запис від 26 червня 1839 р.). Пейзажні замальовки залучають природу до світу особистісних зацікавлень автора «Журналу», шо, окрім явних літературних і загальнокультурних ремінісценцій, є ознакою високого рівня розвитку його самосвідомості.¹

Значну рефлексивну зрілість демонструє Г. Галаган, описуючи власні враження від досить частих відвідин петербурзьких театрів. У реакції Г. Галагана на виступи музикантів-віртуозів, балетні та оперні вистави прагнення «йти в ногу» з модними уподобаннями часу (зокрема, балетоманією) поєднується з ширими враженнями від танцю Марії Тальоні (навіть у 1848 р. на виставі за участю ще однієї примадонни, Фанні Ельслер, у розмові з дружиною згадав М. Тальоні («вона була набагато граціозніше»)² чи піаніста-віртуоза С. Тальберга («від сильного хвилювання я не міг далі встояти. Я відчув задуху; я пішов у куток хорів і там, знявши шинель, закрив очі та уважно слухав» (запис від 5 лютого 1840 р.)). Щоденник відзеркалює цікаву тенденцію епохи – прагнення глядача слідувати не лише за тим, що відбувається на сцені, але й спостерігати за залом і водночас фіксувати власні враження від першого й другого.³ Г. Галаган часто-густо вдається до опису цих трьох аспектів емоційного сприйняття вистави.

Поведінкові стереотипи, притаманні романтичній культурі, у щоденнику Григорія Галагана набули «плоті та крові» не лише через те, що двоянська молодь Російської імперії до 30-х років XIX ст. успішно склала іспит «емоціональної європеїзації», споживаючи ті мистецькі образи, що поширювали єдині моделі почуттів через національні бар'єри й державні кордони,⁴ але й тому, що сам автор перебував у пограничній ситуації фізіологічного й психологічного змужніння. Завдяки цьому мотиви духовного напруження, навіть надрибу, сліз (які нерідко сприймаються як

¹ Топоров В. Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исиакава Такубоку). С. 90.

² ЦДІАК України. Ф. 1475. Оп. 1. Спр. 549. Арк. 4 зв.

³ Купцова О. «Экзажерация чувств»: особенности эмоциональной реакции русской театральной публики 1830–1840-х годов. // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 135.

⁴ Зорин А. Импорт чувств... С. 120.

полегшення чи як ознака винятковості, «теплого» (чутливого) серця), каяття у недоброчесних вчинках, особливо внаслідок бесід з Федором Чижовим (як у записі від 30 листопада 1839 р.: називає себе нікчемою, людиною нещирою, котра не має власної думки, або гордує іншими, або плавує перед ними, єгоїстом) є камертоном багатьох сторінок «Журналу». Нерідко важко визначити, що саме в авторських замальовках власного психічного стану – романтична поза і літературний штамп, а що – справжній стан молодої людини: «Чого бажаю я? чого мені бракує? Сам собі не можу чого звітуватися. Жахливе відчуття пустоти в моєму серці. Радше погоджуся на будь що, ніж на теперішнє. Сумно! Тісно душі моїй. Якщо б можна було, я б сам від себе від'рвався та полетів у невимірюване море чи то в розлоге чисте поле...» (запис від 3 грудня 1838 р.).

У «Журналі» відтворено культурну ситуацію, властиву Новому часові, коли чуттєвість стала викликом для людини, котра не в змозі опиратися таким спокусам, проблема тілесного опинилася у центрі приватного життя.¹ Ми бачимо юного автора, переповненого страхом смерті, залишеного сам на сам з власною сексуальністю, з її викликами (платонічні захоплення, мрії про майбутню дружину, прагнення чуттєвого задоволення, небезпека венеричних захворювань, взаємини з селянками – від інтрижки з покоївкою матері до щирої закоханості в кріпачку з Сокиринців). Саме у стосунках з сільськими дівчатами – Мотрею, Оксаною, Тетяною – Г. Галаган повсякчасно балансує між уявленнями про моральні права кожного й успадкованим від оточення «привілеєм господаря» – неписаним правом на сексуальну експлуатацію селянок.

Цей інтимний щоденник цілком побудований на індивідуальному висловлюванні, тому оповідна манера часто змінюється, вибір типу мовлення, стилю, настрою залежить від того, чи йдеться про події, які не дотичні внутрішнього світу автора, чи мовиться про нього самого, особливо тоді, коли молодик жадає проаналізувати власний психічний стан, власні вчинки, порівняти «автоконцепцію» – образ, якому він волів би відповісти, з «автоцінністю» – тим, наскільки він оцінює свою спроможність до самовдосконалення.² Тому окремі записи мають спокійний оповідальний тон, тут лише називаються події та люди, котрі беруть в них участь, а інші фрагменти є емоційно забарвленими, їхня інтонація збуджена, навіть гарячкова, іноді – сумовита, тужлива, іноді – радісна, захоплена. Спосіб оповіді може змінюватися навіть під час змалювання однієї події, яка розтяглена в часі, якщо автор особливо в ній зацікавлений (зокрема, в епізоді щодо женихівства Павла Комаровського, котрого Григорій Галаган не бажав бачити чоловіком сестри Марії, або у записі про інцидент з покоївкою Дуняшкою, котра завагітніла від молодого

¹ Корбен А. Закулисье. С. 463.

² Зорин А. Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной жизни конца XVIII – начала XIX века. С. 94.

пана, а звинуватили його камердинера). Багатство оповідної манери пов'язано з лексично-граматичними атрибутами тексту, чия наративна сутність обумовлює близькість до практичного мовлення, унаочнюючи співвідношення між письмом й усним висловлюванням, а також презентує ситуацію, коли для осіб з числа українського дворянства мова народу не лише легітимізується у ситуації усного спілкування, але за-войовує права літературної писемної мови.

Змістовний потенціал цього документу обумовлюється також природними нахилами автора як до усної (що відмічали майже всі, хто з ним спілкувався), так і до письмової розповіді (вподобу до літературних занять, окрім ведення щоденників, він зберіг на все життя). Хист повістяра – вміння сюжетно переповісти випадок з життя, виразність деталі, використання діалогів для відтворення ситуаційних розмов, спроможність створити словесний образ, який легко уявити, – белетризує текст, робить його цікавим навіть для нефахівця. «Журнал», особливо його друга частина, містить низку епізодів, що є завершеними й сюжетно, й за основною думкою, і за стилістикою, себто можуть тлумачитися як міні-новели (весілля Марії Галаґан у Сокиринцях, самогубство молодої селянки в парку маєтку, історія про сільського підлітка, который жадав стати ченцем, сцена ревнощів у саду між автором і його коханою тощо). Це ще раз підтверджує цінність «Журналу» Григорія Галаґана як історико-белетристичного наративу.

Маємо надію, що перша повна, без купюр, публікація «Журналу» Григорія Галаґана не лише збагатить джерельну базу розвідок у царині української історії, але сприятиме тому, щоб українська минувшина, в усій її справжній складності, з наявністю багатьох нездійснених альтернатив, ставала дедалі цікавішою «інтелектуальною поживою» для нашого сучасника, «пересічної людини», залишаючись надалі позитивним консолідаційним чинником для української нації, яка ще і досі намагається впоратися з викликами, що постали у «довгому XIX столітті».

Глосарій

Декохт (лат. *decoctum*) – відвар лікувальних трав.

Десятский – селянин, що виконував поліцейські обов’язки (наглядав за дотриманням порядку тощо).

Досвітки – вечірні зібрання селянської молоді для спільних розваг в осінній і зимовий час (інша назва – вечорници).

Женироватися (від фр. *gêner*) – ніяковіти, соромитися.

Записки – студентські конспекти лекцій викладачів.

Каролінна дорога (алея) – дорога, обсаджена каролінськими тополями (*Populus Caroliniana*).

Каштельян (кастелман) – завідувач господарством.

Комильфо (фр. *somme il faut*) – поведінка, що відповідала нормам спілкування, прийнятим у великосвітському товаристві.

Конкубина (лат. *concubina*) – жінка-утриманка, котра жила з чоловіком без укладення законного (церковного) шлюбу.

Кур-лист – друкований список осіб, що прибували до курортного міста.

Котерия (фр. *coterie*) – банда, зграя.

Лик – церковний хор.

Лінейка – візок, в якому сидять боком щодо напрямку руху.

Лон-лакей (нім. *Lohn-Laquaïs*) – найманий служник.

Ляпис (лат. *lapis*) – препарат нітрату срібла, що вживався для припікання ран, прищів тощо.

Петиметр (фр. *petit maître*) – модник, чепурун.

Полуимперіал – золота монета вартістю у 5 рублів.

Репетиція – заняття студентів з повторення матеріалу, раніше пройденого на лекціях.

Сговор – шлюбна угода.

Табльdot (фр. *table d'hôte*) – обід за загальним столом (у готелях тощо).

Чичероне (італ. *cicerone*) – провідник мандрівників при огляді пам’яток, гід.

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК ОСІБ, ЗГДАНИХ У ЖУРНАЛІ**А**

- Август, римський імператор 66
 Адельгейм, гувернер у родині Ульяніних 200
 Аксаков (Григорій?) 70, 87, 109
 Аліна – див. Гудович О. В.
 Амбіель, петербурзький кондитер 18
 Андреєви 113, 136
 Андрій Іванович – див. Гудович А. І.
 Андрюша 19
 Андрюша 38, 40 – див. Маркевич А. М.
 Анета – див. Гудович А. А.
 Анікей 100
 Анна Дмитрівна – див. Тарновська А. Д.
 Анна Костянтинівна – див. Милорадович А. К.
 Апраксін, Олександр Петрович, граф, український поміщик 37
 Аркадій Олександрович – див. Рігельман А. О.
 Афанасьєва, Уляна Іванівна, уроджена Милорадович, сестра Г. І. Милорадовича 40

Б

- Базиль – див. Гудович В. В.
 Байрон, Джордж Гордон, англійський поет-романтик 55, 59, 71,
 Бантиш-Каменський, Дмитро Миколайович, історик 170, 174
 Баршев, Яків Іванович, професор юридичного факультету Петербурзького університету 18, 22, 24, 60, 90, 91, 92, 111, 137, 141
 Батурін, Микола Сергійович 197, 199
 Бем, Франц, музикант 23
 Бертольд, музикант 153
 Берхем, Клас, голландський маляр доби Бароко, пейзажист, жанрист 214
 Бетманн, Моріц, франкфуртський банкір 201
 Бетховен, Людвіг ван, австрійський композитор 84, 155, 184
 Борковська, Катерина Яківна, уроджена Лизогуб, мати Надії, Василя та Петра Борковських 55, 119
 Борковська, Надія Дмитрівна (Надіна, Наденька, Nadine) 23, 46, 47, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 72, 73, 75, 80
 Борковський, Василь Дмитрович (Вася) 26, 28, 108, 118, 119
 Борковський (?), Дмитро Андрійович 28

- Борковський, Петро Дмитрович (Петя) 118, 119
 Борковський, Яків Дмитрович (Жак) 119
 Борковські, українська дворянська родина, родичі Галаганів 19, 22, 23, 25, 26, 46, 58, 72, 76, 82, 101, 109, 111, 113, 115, 116, 117, 118, 122, 134, 136,
 Бот, Ян та Андріс, брати, фланандські маляри доби Бароко 214
 Бочковський, Михайло, студент Петербурзького університету, приятель Г. Галагана 141, 142, 143, 144, 145, 167, 173
 Браге, Тихо, астроном й астролог при дворі імператора Рудольфа II Габсбурга у Празі 196
 Брейгель, Ян Старший, фланандський маляр доби Бароко, пейзажист, флорист 214
 Брижинський 38
 Брігіна (фон дер Брігген), Марія Олександровна 88
 Бугельський 140
 Булич, Іван Іванович 22
 Бурцов, Феодосій Васильович, лікар 154
 Буш, Іван Федорович, лікар 64

В

- Валленштейн, Альбрехт фон, австрійський полководець доби Тридцятілітньої війни 197, 204
 Ваня 129, 136 – див. Гудович І. М.
 Вана 155 – див. Де Парм І.
 Варвара Василівна – див. Де Парм В. В.
 Варвара Миколаївна – див. Казаде-ва В. М.
 Варенька – див. Маркевич В. А.
 Вар'я – див. Гудович В. К.
 Василь, кучер 70, 149
 Василь Олександрович – див. Хелмський В. О.
 Васильчиков, Олександр Іларіонович, князь, студент Петербурзького університету 87
 Вебер, Карл Марія, німецький композитор і піаніст 84
 Веббер 22
 Велде, Адріан ван дер, голландський маляр-пейзажист, гравер доби Бароко 214
 Венікс, Ян, голандський маляр доби Бароко, портретист, пейзажист, жанрист 214
 Вергелій, давньоримський поет 79

Верфф, Адріан ван дер, голландський маляр, портретист, автор релігійно-міфологічних творів 214
Верьовкін, Авенір, студент Петербурзького університету 87, 92,
Віра Іванівна – див Чорба В. І.
Вітгенштайн, князь 39, 41
Волкова, Варвара Петрівна, балерина 27
Володимир, київський князь 66
Володимир Олександрович – див. Казадаєв В. О.
Вольгемут, Міхаель, маляр і гравер, представник нюрнберзької художньої школи межі XV–XVI ст. 213
Вольф, петербурзький кондитер 18
Вольф, Андреас, німецький маляр доби Бароко 199
Воурман, Філіп, фландрський маляр доби Бароко, пейзажист, анімаліст, жанрист 214

Г

Гайдась 71
Галенковський, Андрій Осипович, троюордний брат Г. Галагана, музикант 109, 113, 149, 153, 154
Гамалія, морський офіцер 32
Ганка, Вацлав, філолог-славіст, діяч чеського національно-культурного руху 195
Гах, прикажчик у Сокиринцях 128
Гах, сокиринський селянин 177
Гедеон (Вишневський), архієпископ Полтавський і Переяславський 101
Гелдер, Аренд Йоханс де, голландський маляр доби Бароко школи Рембрандта 214
Геннефетер, опера співачка 213
Герхард, Хуберт, скульптор доби маньєризму раннього Бароко 210
Гете, Йоганн Вольфганг, німецький літератор 168
Гіршфельд, Крістіан К. Лоренц, німецький теоретик садово-паркового мистецтва 149, 156, 168
Голік, службовець економії Галаганів 162, 179
Голіцин, Аркадій, князь, студент Петербурзького університету 70, 105
Гольбейн, Ганс (молодший), німецький маляр доби Ренесансу 207, 213
Гораций, давньоримський поет 79
Горбач, Михайло, сокиринський селянин 187

Горленко 39, 113, 116
Григорій Іванович – див. Милорадович Г. І.
Григорій Степанович – див. Тарновський Г. С.
Григоровський 38
Грінвальд, фортеціанних справ майстер 37
Груша, циганка 133
Гудович, Андрій Іванович, граф, генерал-майор, московський губернський предводитель дворянства, двоюордний дядько Г. Галагана 31, 95
Гудович, Анна Андріївна (Анета), графиня, у шлюбі – княгиня Трубецька, дочка А. І. Гудовича 32
Гудович, Варвара Кирилівна (Варька, кузина), графиня, дочка К. І. Гудовича, троюордна сестра Г. Галагана 94
Гудович, Василь Васильович (Базіль, Вася), граф, син О. Г. Гудович, двоюордний брат Г. Галагана 19, 26, 102, 158, 161, 167, 172
Гудович, Євдокія Василівна (Ніна, кузина), графиня, дочка О. Г. Гудович, двоюордна сестра Г. Галагана 94, 158, 165
Гудович, Іван Михайлович (Ваня), граф, син М. В. Гудовича, двоюордний брат Г. Галагана 129, 136
Гудович, Катерина Миколаївна, графиня уроджена Залеська, у першому шлюбі – графиня Мантейфель, дружина А. І. Гудовича 31, 95
Гудович, Кирило Іванович, граф, генерал-майор, старший брат А. І. Гудовича 32
Гудович, Лідія Михайлівна (Ліда, кузина), графиня, дочка М. В. Гудовича, двоюордна сестра Г. Галагана 94
Гудович, Микола Михайлович (Нікола), граф, син М. В. Гудовича, двоюордний брат Г. Галагана 129, 136
Гудович, Михайло Васильович, граф, генерал-майор, дядько Г. Галагана 30, 45, 93, 94, 129, 131, 133, 135, 136, 167
Гудович, Михайло Михайлович (Міша), граф, син М. В. Гудовича, двоюордний брат Г. Галагана 31
Гудович, Наталя Кирилівна (Наташа, кузина), графиня, дочка К. І. Гудовича, троюордна сестра Г. Галагана 94
Гудович, Олександр Михайлович (Саша), граф, син М. В. Гудовича, двоюордний брат Г. Галагана 31, 94
Гудович, Олександра Григорівна, графиня,

уроджена баронеса Енгельгардт, тітка Г. Галагана 93, 94, 158, 159, 163, 164, 165, 172
Гудович Олександра Василівна (Аліна, кузина), графиня, дочка О. Г. Гудович, двоюродна сестра Г. Галагана 94, 158, 161, 165, 168, 169, 172
Гудовичі, родичі Г. Галагана з боку матері 58, 65, 93
Гузь, сокиринський селянин 178
Гуммель, Йоганн Непомук, австрійський композитор 63, 71, 201
Густав II Адольф, шведський король, воєначальник доби Тридцятирічної війни 204
Гого, Віктор, французький літератор 82

Г

Галаган, далекий родич Г. Галагана, митник у Радивилові на Волині 189
Галаган, Григорій Гнатович, прилуцький полковник, праپрадід Г. Галагана 138
Галаган, Ігнатій (Гнат) Іванович, прилуцький полковник, предок Г. Галагана, чоловік О. А. Галаґан 138
Галаган, Катерина Василівна, уроджена графиня Гудович, мати Г. Галагана *passim*
Галаган, Катерина Юхимівна, уроджена Дараган, прабабка Г. Галагана 99
Галаган, Марія Павлівна (Машенька, сестра), у шлюбі – графиня Комаровська, молодша сестра Г. Галагана 18, 19, 21, 22, 24, 30, 36, 38, 39, 40, 42, 43, 49, 53, 54, 66, 71, 76, 80, 83, 88, 89, 108, 115, 116, 118, 120, 121, 127, 128, 131, 136, 137, 138, 139, 140, 144, 145, 146, 147, 148, 151, 154, 158, 159, 160, 161, 165, 166, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 180, 186, 192, 204
Галаган, Олена Антонівна, уроджена Та-дрина, у першому шлюбі – Александрович, мати Григорія Гнатовича Галагана 138
Галаган, Павло Григорович, батько Г. Галагана (родитель, папенька, отець) 22, 35, 62, 65, 100, 103, 111, 138, 155, 167, 171, 177, 188
Галаган, Петро Григорович, дядько Г. Галагана (дяденька) 35, 36, 38, 39, 40, 41, 43, 45, 47, 50, 68, 69, 93, 97, 101, 102, 103, 104, 108, 110, 131, 138, 140, 146, 148, 150, 152, 155, 159, 160, 162, 166, 170, 186, 197
Галаган, Софія Олександрівна, уроджена

Казадаєва (тетенька), тітка Г. Галагана, дружина Петра Г. Галагана 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 77, 92, 131, 138, 139, 140, 141, 146, 149, 152, 163, 165, 197

Д

Давид, службовець маєтку в с. Мостище 148
Данило Якович – див. Лесик Д. Я.
Данилевський, Григорій Трохимович, музикант 43
Дараган 42
Де Брінь 19, 32
Де Парм, Варвара Василівна, графиня, уроджена Гудович, тітка Г. Галагана, мати Петра й Івана де Парм 97, 101, 155, 156
Де Парм, Петро (Петя) 155
Де Парм, Іван (Ваня) 155
Дейк, Антоніс ван (Ван-Дік), фламандський маляр доби Бароко, портретист 208, 214
Демаре (Десмареес), Георг, маляр-портретист стилю рокайль 214
Десятниченко, Михайло, служник 79, 196, 201
Джослін (Жоселен), лорд, британський аристократ 200
Діоклетіан, римський імператор 50
Дитріх, Крістіан Вільгельм Ернст, німецький маляр і гравер 214
Дмитро Андрійович – див. Борковський Д. А.
Долгоруков, Микола Андрійович, князь, малоросійський генерал-губернатор 159
Домонтович, Костянтин, студент Петербурзького університету 107
Дондуков-Корсаков, Михайло Олександрович, князь, попечитель Петербурзького навчального округу 58, 90, 137
Дондуков-Корсаков, Олександр Михайлович, князь, студент Петербурзького університету, син М. О. Дондукова-Корсакова 87
Донич, Микола, студент Петербурзького університету 70
Дунечка – див. Маркевич Є. А.
Дуняша, покоївка, коханка Г. Галагана 148, 149, 155, 164
Дуффет, Герард, фламандський маляр, автор історичних, релігійно-міфологічних творів 214
Дюваль, Александр, французький літератор 20

Дюрер, Альбрехт, німецький митець доби Ренесансу 205, 206, 207, 208, 213

Е

Евеноф, Петро, лікар 122

Елліс (Агар-Елліс), Джордж, англійський літератор 135

Енгельгардт 23

Ернестіна – див. Мантеїфель Е.І.

Є

Євдоким – див. Костенко Є.

Єлагін 140

Ж

Жанен, Жуль, французький літератор 78

Ждановичі 113, 117, 118

Жемчужников, Микола Аполлонович, студент Петербурзького університету, приятель Г. Галагана 45, 46, 50, 51, 54, 59, 60, 70, 76, 86, 107, 108, 109, 110, 112, 122, 134, 142, 167

Жорж – див. Комаровський є. є.

Жорж Санд (Аврора Дюдеван), французька літераторка 152

Жоселен – див. Джослін

Жуковський 39, 174

З

Закревська 154

Закревська, Анна Іванівна 159

Закревський 153

Зандрат, Йоахім фон, німецький маляр і теоретик мистецтва доби Бароко 214

Зварковські 134

І

Іван, службовець Галаганів 161, 186

Іван IV Грізний, московський цар 66

Іваненко 136

Івановський, Ігнатій Акінович, професор Петербурзького університету 85, 142

Ілля 109

Ілля Іванович – див. Лизогуб І. І.

Ільїн, службовець Галаганів 36, 38, 43

Іоанн, священик 20

Ісаєвичі 175

Ісаков, Яків Олексійович, петербурзький книгопродавець 25

К

Казадаєв, Володимир Олександрович, брат

С. О. Галаган 19, 64, 76, 77, 119, 139,

Казадаєв, Петро Олександрович, брат

С. О. Галаган 93

Казадаєва, Варвара Миколаївна, уроджена Селиванович, дружина В. О. Казадаєва 64, 75, 113, 150

Казадаєви 131

Кандиби 175

Кантакузіни 29, 30

Капніст, Олексій Васильович 197, 199

Карєва, Вікторія Йосифівна 154

Карєви, сестри 150

Кароліна, вдова баварського короля Максиміліана I 202

Карпинський, Степан Степанович 77

Катерина Миколаївна – див. Гудович К. М.

Катерина Яківна – див. Борковська К. Я.

Катенька – див. Маркевич К. В.

Кирило Іванович – див. Гудович К. І.

Кисельов, Павло Дмитрович, міністр державних маєтностей 105

Комаровська, Єлизавета Єгорівна, графіня, маті Єгора, Олексія та Павла Комаровських 137, 138

Комаровський, Євграф Федотович, граф, генерал від інфантерії, батько Єгора, Олексія та Павла Комаровських 131, 138, 140, Комаровський, Єгор Євграфович (Жорж), граф, старший брат П. є. Комаровського 143, 144, 145

Комаровський, Олексій Євграфович, граф, молодший брат П. є. Комаровського, університетський приятель Г. Галагана 122, 132, 137, 141, 142, 143, 144, 145, 158, 159, 160, 161, 162, 165, 167, 168, 169, 173, 178

Комаровський, Павло Євграфович (Поль), граф, зять Г. Галагана, чоловік його сестри Марії Павлівни 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 127, 128, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 143, 144, 145, 146, 147, 151, 152, 153, 154, 158, 159, 161, 165, 166, 168, 170, 171, 172, 175, 177, 179, 180, 184, 186, 192, 200, 204

Комаровські 144

Контіні, учитель музики М. Галаган 76

Корбе, Іван Михайлович, полковник, поміщик Прилуцького повіту 113, 151

Кореша 201

- Короленко, козак 186
 Костенко, Євдоким, камердинер Г. Галаґана 46, 55, 63, 109, 148, 149, 155, 156, 157, 161, 163, 185, 201, 202, 208, 212
 Костянтин Іванович – див. Ушаков К. І.
 Котляревський, Іван Петрович, український літератор 156
 Кох, Крістоф Гійом, історик 36
 Кочубей, Василь Васильович 164, 165, 177, 178, 179
 Кочубей, Марія Василівна, уроджена Ва- сильчикова, княгиня 200
 Кочубей, Олександр Васильович, сенатор 65
 Кочубей, Олена Василівна, дочка В. В. Ко- чубея 165
 Кочубей, Сергій Вікторович, князь, товариш Г. Галаґана по навчанню у Петербурзькому університеті 22, 27, 90
 Кочубей 34, 121
 Краєвський, Андрій Олександрович, вида- вець 70
 Кранах, Лукас (старший), німецький маляр доби Ренесансу 207, 213
 Краніхфельд, Олександр Іванович, профе- сор юридичного факультету Петербурзького університету 60, 105, 132, 137, 143
 Краузе, Домінік, музикант, капельмейстер оркестру Петра Галаґана в Дігтярях 184
 Крафт, Адам, німецький скульптор, архітек- тор доби пізньої готики 205, 206, 208
 Кржисевич, Андрій Ульянович, ніжинський поліцмейстер 154
 Круазет, Луїза, балерина 26, 27
 Кукольник, Нестор Васильович, літератор 24, 25
 Кунігунда, дружина імператора Священної Римської імперії Генріха II, католицька свята 207
 Куторга, Михайло Семенович, професор всесвітньої історії Петербурзького універси- тету, вчений-антикознавець 50, 58, 179
- Л
- Лаврентій Миколайович – див. Милорадо- вич Л. М.
 Лагода, Микола Фокич, управляючий маєт- ками Галаґанів 174, 178
 Легран, петербурзький ресторатор 120
 Лейхтенберзький герцог, Ежен де Богар- не, пасинок Наполеона I, французький
- воєначальник, зять баварського короля Максиміліана I 212
 Лейхтенберзький герцог, Максимілан, зять російського царя Миколи I 67
 Леман, петербурзький балаганщик 18
 Лермонтов, Михайло Юрійович, російський літератор 114
 Лесик, Данило Якович, прикажчик у маєтку Галаґанів у с. Піски 22, 42
 Лизавета Іванівна – див. Лизогуб Є. І.
 Лизогуб, Єлизавета Іванівна, уроджена Гудович, родичка К. В. Галаґан 102
 Лизогуб, Ілля Іванович 102
 Ліда – див. Гудович Л. М.
 Ліза – див. Хелмська Є. А.
 Ліст, Ференц, угорський музикант 200, 201
 Лобанов-Ростовський, Петро Олексійович, князь, студент-самогубець 134
 Лобанови 22
 Лонгинов, Дмитро, студент Петербурзького університету 87, 105, 107, 109,
 Лот, Йоганн Карл, німецький маляр доби Бароко 214
 Лукомський, Родіон Іванович 36, 39, 44
 Любаша, циганка 133
 Людвіг I, баварський король 202, 203, 206, 211, 212, 213
 Людовік XI, французький король 78
 Лютер, Мартин, провідник німецької Рефор- мації, один з фундаторів протестантизму 210
 Люція – див Мантейфель Л. І.
- М
- Магденки, брати, Андрій Васильович та Олексій Васильович, українські поміщики 200, 201, 202, 211
 Магеровська 38, 39
 Максимілан I Габсбург, імператор Священ- ної Римської імперії 206
 Мантейфель, Ернестіна, дочка К. М. Гудович від першого шлюбу з І. В. Мантейфелем 95
 Мантейфель, Люція, сестра Е. Мантейфель 95
 Мареес – див. Демаре Г.
 瑪麗亞 Іванівна – див. Милорадович М. І.
 瑪麗亞 Миколаївна, велика княжна, дочка імператора Миколи I 67
 Маркевич Андрій (Андрюша), син Миколи Андрійовича Маркевича, двоюрідний небіж Г. Галаґана 38, 40
 Маркевич, Варвара Андріївна (Варенька,

- кузина), у шлюбі – Ушакова, сестра Михайла та Миколи Маркевичів, двоюрідна сестра Г. Галагана 36, 38, 40, 42, 43, 98, 165
Маркевич, Євдокія Андріївна (Дунечка, кузина), сестра Михайла та Миколи Маркевичів, двоюрідна сестра Г. Галагана 36, 38, 40, 42, 43, 63, 98, 101, 187
Маркевич, Євдокія Андріївна, мати Івана Маркевича 44
Маркевич, Іван Петрович 44
Маркевич, Катерина Василівна (Катенька), уроджена Лобисевич, дружина Михайла Маркевича 35, 43, 44, 63, 97, 98, 101, 152, 153, 154, 172, 173
Маркевич, Микола Андрійович (Нікола), двоюрідний брат Г. Галагана, літератор, історик, етнограф, фольклорист 38, 42, 43, 98, 101, 139, 168
Маркевич, Михайло Андрійович (Міша, Мішель), двоюрідний брат Г. Галагана 35, 36, 38, 40, 43, 63, 74, 75, 76, 77, 81, 83, 87, 88, 92, 97, 98, 101, 108, 132, 148, 151, 152, 153, 154, 172, 173, 178
Маркевич, Уляна Олександрівна, дружина Миколи Маркевича 98, 167
Маркевичі, родичі Галаганів 103, 187
Массон 149, 184
Матвій, служник 67
Маурер, Людвіг Вільгельм, німецький музикант 136
Машель, ніжинський каретник 104
Машенька – див. Галаган М. П.
Маюрова, Олена Василівна, уроджена Коучубей 34
Мейнгардт, Адольф-Густав, музикант 23
Мейснери, брати-пражани 202
Меланхтон, Філіп, діяч німецької Реформації, лютеранський богослов, педагог 208
Меницький, Осип Андрійович 36
Миклашевський 23, 175
Миклашевський, Анатолій, студент Московського університету 31
Миклашевський, Павло 79, 110
Микола I, російський імператор 27, 33, 42, 50, 55, 58, 59, 64, 67, 76, 77, 81, 105, 136, 145
Микола Іванович – див. Милорадович М. І.
Микола Степанович – див. Огранович М. С.
Микола Фокич – див. Лагода М. Ф.
Милорадович, Андрій Степанович 153
Милорадович, Анна Костянтинівна 39
Милорадович, Варвара Миколаївна 40, 104
Милорадович, Григорій Іванович, двоюрідний дядько Г. Галагана, поміщик с. Калюжинці 36, 38, 39, 41, 43, 44, 174
Милорадович, Лаврентій Миколайович, поміщик с. Калюжинці 38, 153, 154, 186
Милорадович, Марія Іванівна, уроджена Арнольд, дружина Г. І. Милорадовича 38, 40, 43
Милорадович, Микола Іванович, молодший брат Г. І. Милорадовича 39, 102, 153, 154
Милорадович, Михайло Петрович, поміщик с. Калюжинці 39
Милорадович, Петро Іванович, молодший брат Г. І. Милорадовича 38, 102
Милорадович, Сергій Григорович 81, 83, 98, 116
Милорадовичі, родичі Галаганів 38, 43, 103, 181
Миницька, уроджена Кліца, гречанка, дружина Л. Миницького 44, 150, 154
Миницький, Леонід 44
Миницькі 182
Михайло – див. Десятниченко М.
Михайло, кондитер 149
Михайло Васильович – див. Гудович М. В.
Михайлі Павлович, великий князь, молодший брат російського імператора Миколи I, командир Гвардійського корпусу 112
Михайло Петрович – див. Милорадович М. П.
Міньон, Абрахам, німецький маляр доби Бароко, флюрист 214
Міша, 31 – див. Гудович М. М.
Міша, Мішель 35, 36, 38, 40, 43, 63, 74, 76, 77, 81, 83, 87, 88, 92, 97, 98, 101, 108, 132, 148, 151, 152, 153, 154, 173, 178 – див. Маркевич М. А.
Мішель, Андрій, студент Петербурзького університету 90
Модест, чернець Києво-Печерської лаври 170, 171
Мокрицький, Аполлон Миколайович, маляр, учитель малювання Г. Галагана 18, 22, 81
Моллеріус, приятель Г. Галагана 108, 109
Морланд, учитель 49, 52, 90
Мотря, дівчина-селянка, коханка Г. Галагана 161, 170
Моцарт, Вольфганг Амадей, австрійський композитор 63, 74, 201

Мусін-Пушкін, граф 197
 Мухін, фельдшер 162
 Мухортов, Захарій, студент Петербурзького університету 90

Н

Надіна – див. Борковська Н. Д.
 Наполеон I, французький імператор 65, 74, 191, 201
 Наруга, Артем Іванович, кріпак-музикант 153
 Нассау, граф 205
 Наташа – див. Гудович Н. К.
 Неклюдов 101
 Нефшатель, Ніколас, фландрський маляр доби Бароко, портретист 214
 Никифор, служник 156
 Нікітенко, Олександр Васильович, історик літератури, професор Петербурзького університету 46, 52, 60
 Нікола 38, 42, 168 – див. Маркевич М. А.
 Нікола 129, 136 – див. Гудович М. М.
 Ніна – див. Гудович Є. В.
 Новик, сокиринський селянин 156, 178
 Новик (Новичка), Анна, сокиринська селянка 157
 Ностіц, граф, богемський землевласник 196

О

Огранович, Микола Степанович, капітан гвардійської артилерії 38, 39, 41, 63, 69, 76, 112, 113, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 131, 140,
 Огранович, Степан Степанович 41
 Оксана, сокиринська козачка 156, 157, 161
 Олександр, кучер 78, 142
 Олександра Андріївна 18, 41
 Олександра Григорівна – див. Гудович О. Г.
 Олександра Миколаївна – див. Стражева О. М.
 Олександра Федорівна, дружина імп. Миколи I 59
 Олексій – див. Комаровський О. Є.
 Олена Василівна – див. Маюрова О. В.
 Опарін (Апарін), Олександр, родич Г.Галаґана 36
 Остап, сокиринський селянин 187
 Отрешков 34

П

Палладіо, Андреа, італійський архітектор,

теоретик мистецтва Пізнього Ренесансу 199

Паскевич, Іван Федорович, генерал-фельдмаршал, російський полководець, впливовий державний діяч у царювання Миколи I 33

Паудіс, Кристоф, німецький маляр доби Бароко, послідовник Рембрандта 214
 Пенц, Георг, німецький маляр і графік доби Ренесансу 214

Петро, слуга 149

Петро I, російський імператор 138

Петро Григорович – див. Галаґан П. Г.

Петро Никитич, службовець Галаґанів 73

Петя 118, 119 – див. Борковський П.Д.

Петя 155 – див. Де Парм П.

Пехе, Тереза, австрійська актриса 196

Пікерт, Абрахам, антиквар 205

Піхлау 23, 26

Пол 141

Полевої, Валеріан, студент Петербурзького університету 46, 50, 70, 86

Полевої, Микола Олексійович, російський літератор 134

Поль – див. Комаровський П. Є.

Потоцький, Альфред, граф 193

Поттс, Емілія, гувернантка М. Галаґан 20, 22, 24, 27, 28, 41

Почека 184

Прокоп, кучер 149

Пуарсон, Огюст Симон Жан, французький історик 22

Пульхерія Іванівна – див. Скоропадська П. І.
 Пушкін, Олександр Сергійович, російський літератор 55, 93

Р

Райковський, Андрій Іванович, протоієрей, професор богослов'я Петербурзького університету 52

Ракович 77

Рантцау-Брайтенбург, Куно Генріх Карл цу, граф 200

Расін, Жан Батист, французький драматург 32

Раух, Єгор Іванович, лікар 64

Рафаель, італійський маляр, архітектор доби Ренесансу 59, 74

Рейферт, каретник 200

Рембрандт, голландський маляр доби Бароко 214

Рєпнін, Микола Григорович, князь, колиш-

- ній малоросійський генерал-губернатор 19, 29
Рігельман, Аркадій Олександрович, чоловік П. Г. Рігельмана, батько М. Рігельмана 79, 81, 83, 87, 88, 135, 136, 139, 140, 141
Рігельман, Прасков'я Григорівна, уроджена Галаган, тітка Г. Галагана, дружина А. О. Рігельмана, мати М. Рігельмана 31
Рігельман, Микола Аркадійович (Нікола), двоюродний брат Г. Галагана, студент Московського університету 31, 94, 102, 104, 167, 168, 173
Рігельмани, родичі Галаганів 104
Ріттер 43
Ріхтер, викладач 18, 24
Ріхтер, Франц Ксавер Йоганн, бібліотекар Ольмюцького університету 194
Родіон Іванович – див. Лукомський Р. І.
Рождественський, Микола Федорович, професор Петербурзького університету 91
Романович, власник хутора біля Ічні 36
Романько, сокиринський селянин 179
Роос, Йоганн Генріх, німецький маляр та офортист доби Бароко 214
Россе (Генрієтта Гроссер?), оперна співачка 196
Рубенс, Пітер Пауль, flamandський маляр доби Бароко 214
Рьозель фон Розенхоф, Франц, німецький маляр доби Бароко, анімаліст 214
Рязанов, петербурзький кондитер 18
- С
- Сазановичева 149
Сакени 169
Салов, Федір Андрійович, генерал 200
Сангorskий 22
Саша – див. Гудович О. М.
Сверчков, Дмитро, студент Петербурзького університету 79, 90, 107, 109, 142, 143
Свет, Ісаак Якович 104
Свет, Петро Ісаакович 23, 24
Селецька (Аделаїда Дмитрівна?) 150
Селиванович, Уляна Миколаївна, уроджена Милорадович, теща В. О. Казадаєва 64
Сенковський, Осип Іванович, літератор 93
Серафім (Глаголевський), петербурзький митрополит 113
Скоропадська, Пульхерія Іванівна, уроджена Маркевич, тітка Миколи та Михайла Марке-
- вичів 34, 35, 97
Скоропадський, Іван Михайлович 40, 68, 78
Скоропадський, Петро Петрович 175
Скоропадський, Яків Петрович 93
Скотт, Вальтер, британський літератор 67, 68, 168
Сократ, давньогрецький філософ 29, 47
Софія, служниця 33
Софія Олександровна – див. Галаган С. О.
Сперанский, Михайло Михайлович, російський державний діяч 80
Стахович, Катерина Гаврилівна, генеральша 119
Степан, кучер 149
Степаниця, сокиринська селянка 186
Стоги 22
Стражева, Олександра Миколаївна, уроджена Милорадович 22
Стражеви 22
Сухово-Кобілін, Олександр Васильович, московський студент 31
Сюбі, губернер Г. Галагана 18, 19, 21, 22, 23, 25, 26, 29, 30, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43
- Т
- Тальберг, Сигізмунд, австрійський композитор і піаніст-віртуоз 83, 84
Тальоні, Марія, балерина 67, 74, 76, 85, 111, 113, 122, 136,
Тарновська, Анна Дмитрівна, дружина Г. С. Тарновського 159, 163
Тарновська, Олександра Павлівна, уроджена Милорадович, троюрідна сестра Г. Галагана, дружина П. В. Тарновського 149
Тарновська, Уляна, дочка О. П. Тарновської 44
Тарновський Григорій Степанович, український поміщик, власник маєтку в с. Качанівка 38, 39, 77, 151, 154, 184
Тарновський, Петро Васильович 38
Тарновські 111, 119, 153
Терборх, Герард, голландський маляр доби Бароко, жанрист 214
Тетяна, сокиринська дівчина-селянка, коханка Г. Галагана 161, 162, 163, 164, 174, 180, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 189
Тихон Задонський, святий 95
Тібо, учитель Г. Галагана 18, 21
Тіллі, Йоганн Церклас, австрійський полководець доби Тридцятирічної війни 207

Ткачик, сокиринський селянин 178
 Толмачов, Яків Васильович, учитель 24, 26
 Толстой, Олексій Костянтинович, граф, московський знайомий Г. Галагана 31
 Торвальдсен, Бертель, данський скульптор, представник класицизму 208, 212
 Трифановська, Олена Олександровна, дружина С. М. Трифановського 150
 Трифановський, Семен Михайлович, прилуцький поміщик 155
 Трофимовський 38, 39
 Троцина (Варвара Єлісеївна?) 150
 Трубецький, Микола Іванович, князь, чоловік А. А. Гудович 94, 95
 Тулінов, Василь, студент Петербурзького університету, приятель Г. Галагана 50, 70, 86, 90, 91, 105, 109, 132, 137, 141
 Туманська 38
 Туманський 113, 119

у

Уваров, Сергій Семенович, міністр народної освіти 77
 Ульянін, Олексій, студент Петербурзького університету, приятель Г. Галагана 23, 46, 47, 50, 70, 73, 86, 105, 107, 108, 109, 111, 112, 113, 122, 134, 141, 142, 201
 Ульяніна, Надія 107, 119
 Ульяніна, Ольга 107, 119
 Ульяніни 47, 107, 111, 119, 121, 127, 136, 167, 200, 201
 Уляна Олександровна – див. Маркевич У. О.
 Устялов, Іван, студент Петербурзького університету 90
 Устялов, Микола Герасимович, професор російської історії Петербурзького університету 92
 Ушаков, Костянтин Іванович, чоловік В. А. Маркевич 98, 165
 Ушакови 101

Ф

Федір Васильович – див. Чижов Ф. В.
 Фейт, Ян, фландрський маляр і гравер доби Бароко 214
 Фердинанд I, австрійський імператор 191
 Фефелов, Іван, студент Петербурзького університету 107
 Філарет (Амфітеатров), київський митрополит 52, 171

Фіт – див. Фейт, Ян
 Фітінгоф, Катерина Олексіївна, генерал-майорша, директорка Одеського інституту шляхетних дівчат 76
 Фітінгоф, Софія, дочка К. О. Фітінгоф 71, 73, 76, 83, 88
 Фішер, дружина службовця Галаганів, компаньйонка К. В. Галаган 87, 177
 Фішер, Адам Андрійович, професор філософії Петербурзького університету 87, 92
 Фішер, Петер, німецький скульптор і ливарник доби Ренесансу 207
 Фосс, Йоганн Генріх, німецький літератор 56, 128
 Фрідріх II, прусський король 194
 Фріке, Логін Христіанович, маляр 81
 Фукс, Іван Іванович, музикант, педагог 18

Х

Хелмська, Єлизавета Андріївна (Ліза), уроджена Маркевич, сестра Миколи та Михайла Маркевичів, дружина В. О. Хелмського 101
 Хелмський, Василь Олександрович 118, 122, 136
 Хованська, Софія Юхимівна, княгиня, уроджена Дараган, сестра К. Ю. Галаган 99
 Христина, служниця 156
 Христіані, Карл, садівник 42

Ч

Чаруковський, лікар 64, 72, 73, 89
 Черкас, сокиринський селянин 181
 Чернишов, петербурзький кондитер 18
 Чижов, Федір Васильович, наставник Г. Галагана, ад'юнкт кафедри математики Петербурзького університету, літератор 19, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 45, 47, 49, 51, 52, 54, 58, 61, 62, 66, 68, 69, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 77, 80, 83, 85, 87, 88, 91, 93, 109, 110, 114, 115, 116, 119, 121, 122, 128, 129, 131, 134, 135, 137, 139, 141, 144, 145, 148, 152, 158, 159, 163, 164, 166, 168, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 187, 190, 196, 201, 204
 Чорба, Віра Іванівна, уроджена Галаган, двоюрідна бабка Г. Галагана 36, 37, 38, 98, 102, 148, 158, 170
 Чужбинський (Афанасьев-Чужбинский), Олександр Степанович, український літератор 70

Ш

Шакеєв Олександр Венедиктович, викладач всесвітньої історії Петербурзького університету 58
Шаховська, Катерина (Катенька), двоюрідна сестра Борковських 72
Шаховської, Микола (Ніколаша), двоюрідний брат Борковських 19, 23, 41
Шварц, Кристоф, німецький маляр 214
Шевченко, Тарас Григорович, український літератор, маляр, громадський діяч 153, 164
Шекспір, Ульям, англійський літератор 74
Шенборн, Йоганн Філіп Франц фон, вюрцбурзький князь-епископ 202
Шенк, Олександра Іванівна, губернантка 28, 151
Шереметєва 178
Шеффер, Олександр Федорович, прилуцький лікар 36, 38, 162, 164, 166, 167, 168, 170
Шецлер, Йоганн Лоренц фон, барон, фінансист, колекціонер витворів мистецтва 210
Шишмарьова, Ольга 129, 134
Шишмарьови, сестри 129, 134
Шліппер, Едуард Єгорович, викладач латини у Петербурзькому університеті 60
Шнейдер, Василь Васильович, професор римського права у Петербурзькому університеті 91, 92
Шнеусель (?), архітектор 199
Шнісс (К. Штільп?), скульптор 199

Шостова 39

Штаднфресер (Й. Я. Штайнфельс?), маляр 199
Штернберг, Василь Іванович, маляр 81
Штекер 153
Штігліц, Микола Бернгардович, молодший секретар російської дипломатичної місії в Баварії 211
Шуйковський, граф 192
Шуляк, селянин 152

Щ

Щеглов, Микола Тихонович, професор фізики у Петербурзькому університеті 22
Щербатова, княгиня 200

Я

Якубович, Іван Олександрович, предводитель дворянства Роменського повіту 159, 176

George Sand – див. Жорж Санд
Ficher – див. Фішер, компаньйонка
К. В. Галаган
Hummel – див. Гуммель Й. Н.
Janin, Jules – див. Жанен Ж.
Kotchoubéy – див. Коцубей В. В.
Legrand – див. Легран
Masson – див. Массон
Nadine – див. Борковська Н. Д.
Poirson – див. Пуарсон О. С. Ж.
Potts – див. Поттс Е.

ПОКАЖЧИК ГЕОГРАФІЧНИХ НАЗВ

А

Австрійська імперія (Австрія) 189, 197, 198
Алтиновка 35
Англія 18, 80
Аугсбург 208, 209, 210
Ашаффенбург 202

Богемія (Чехія) 195

Богородицьк 95
Боккенхайм 200
Бохня 193
Броди 189
Бронниці 29

Б

Баварія 199, 206, 209, 211
Байройт 199
Бамберг 200
Батурин 97, 146
Бахмач 175
Бельсько-Бяла 193
Білі Вежі 97
Богдановка 145

В

Валдайські гори 29
Вальдзассен 199
Васьківці, маєток Михайла Маркевича 40, 43,
Вейсенбург 208, 209
Величка 193
Веприк 37, 38
Вертах 209
Видропуськ 30

Вільдштейн 197
 Воронеж 93, 95, 96
 Волга 30
 Волоть 32
 Волхов 29
 Вормс 200
 Вюрцбург 202, 203

Г

Галичина 193
 Ганай 202
 Гвадалківір 78
 Гейдельберг 200, 202
 Гнилиця, маєток Галаганів 36, 38, 98, 148
 Городище 145, 146
 Городня (Тверська губернія) 30
 Греція 22
 Григорівка, маєток Скоропадських 173, 175
 Грузино 173

Д

Дейманівка 40
 Дігтяри, маєток Петра Г. Галагана 35, 39, 41, 42, 43, 93, 97, 101, 102, 149, 150, 152, 153, 154, 155, 158, 159, 166, 167, 170, 204
 Дмитрієв 34
 Дніпро 66, 146, 147
 Дон 95
 Донаувірт 209
 Дорогинка 104, 150
 Дрезден 190, 192
 Дунай 209

Е

Егер 196, 197, 198
 Егра 197, 198
 Еллінген 209
 Ельбоген 196
 Ерланген 205, 207

Є

Європа 27, 28, 48, 178
 Єдрово 29
 Єлець 95
 Єръоминський хутір 41
 Єфремов 95

Ж

Жадьківка, маєток Миколи Маркевича 167

З

Задонськ 95
 Зайцево 29
 Знаменське, маєток кн. Трубецьких 94

I
 Іваниця 36
 Івахники 41
 Іспанія 78
 Італія 64, 89, 175, 214
 Ічня, маєток Галаганів 36, 104

К

Калюжинці, маєток Милорадовичів 38, 165
 Карлсбад 196
 Качанівка, маєток Г. С. Тарновського 176, 182
 Кельн 204
 Київ 70, 171,
 Козелець 38, 99, 188
 Krakiv 193
 Кременчук 146
 Курінь 175

Л

Ланьцут 193
 Лемберг (Львів) 189, 190, 191, 192
 Леньків, маєток Михайла Маркевича 178
 Лех 209
 Листвен, маєток Борковських 104, 105
 Литва 172
 Литвишинський хутір 41
 Ліон 201, 204
 Лозовий, хутір 40, 152
 Лондон 28
 Lubny 146
 Люттіх (Льеж) 201

М

Майн 200, 203
 Майнц 200
 Малий Скуратов 33
 Малоросія 24, 33, 34, 35, 38, 50, 59, 64, 73, 74, 77, 91, 92, 93, 96, 104, 105, 106, 107, 118, 131, 132, 133, 146, 159, 168, 169, 174
 Мангейм 200
 Марінбад 194, 195, 196, 200
 Миколаїв 147
 Медное 30
 Молдай (Вітава) 195, 196
 Моравія 195
 Москва 31, 32, 33, 34, 65, 71, 74, 93, 94, 95, 136, 145, 146, 152, 167
 Mostiще, маєток Галаганів 36, 37, 38, 148, 158
 Мста 29
 Мценськ 33, 145
 Мюнхен 202, 209, 210, 211, 212, 213, 214

- Н**
Нева 107, 112
Ніжин 38, 43, 103, 104
Німеччина (Германія) 175, 199, 207, 209
Ніцца 201
Новгород 29, 30
Нойштадт 204
Нюрнберг 203, 204, 205, 206, 207, 208
- О**
Одеса 76, 97, 101, 146, 147
Ока 32, 33
Ольмоц 192, 193, 194, 195
Орел 34, 145, 158, 175
- П**
Париж 57
Пегніц 205, 206
Петербург 28, 30, 31, 32, 41, 43, 45, 60, 61, 64, 65, 81, 82, 89, 97, 104, 105, 145, 158, 165, 173, 200
Петровський хутір 41
Піски, маєток Галаганів 38, 41, 42, 44, 150, 186
Подгуже 193
Подольськ 32
Покорщина, маєток Галаґанів 99, 188
Полошки, маєток Скоропадських 34, 35, 96, 146
Полтава 146
Полтавська губернія 146
Поліваново, маєток Гудовичів 94
Польща 189
Померанськ 29
Прага 192, 195, 196, 202
Прилуки 36, 38, 43, 146, 148, 162, 163, 165, 166, 170, 174
- Р**
Радивилів 189
Рахіно 29
Рейн 200, 201
Ромни 71, 92, 101, 119, 146, 176
Росія 28, 35, 37, 64, 66, 81, 106, 112, 133, 145, 146, 147, 189
Рот 208
Русь 145
- С**
Саксонія 128, 197
Севськ 34
Седнів, маєток Лизогубів 104
Сергіївське 33
Серпухов 32
Симбірська губернія 30
Сілезія 193, 195
Сокиринці, маєток Галаґанів 22, 28, 35,
- 38, 42, 53, 58, 60, 63, 65, 67, 68, 74, 75, 86, 92, 97, 98, 102, 103, 107, 108, 111, , 121, 128, 133, 135, 136, 137, 138, 142, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 154, 155, 157, 158, 159, 160, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 174, 182, 186, 187, 188, 192
Спаська Полість 29
- Т**
Твер 30
Тешен 193
Тірольські Альпи 210
Торжок 30, 145,
Тосно 28
Тула 33, 34
Турівка, маєток Миколи Маркевича 98
- У**
Угорщина (Венгрия) 194
Україна 33, 145, 146, 151, 156, 164, 174, 175, 178, 179, 180, 183
Упорой 145, 146
- Ф**
Фалькенау 196
Фіхтельські гори 205
Франконські гори 205
Франкфурт 200, 202
Франценбад 196, 197, 199
Франція 27, 42, 80, 206
Фрідек 193
Форт 204, 205
- Х**
Харківська губернія 61
Херсонська губернія 146, 147
Хорол 146
Хотилово 30
- Ц**
Царське Село 19
Цвіттау 195
- Ч**
Чемерлайка 146
Чорна Грязь 31
- Ш**
Швабах 208
Швайнфурт 200
Швейцарія 67, 95
Шлессарт (Спессарт) 202
- Я**
Ясна Поляна 33

АНОТАЦІЯ

ГИГОРІЙ ҐАЛАГАН. ЖУРНАЛ (1836–1841)

Публікація юнацького щоденника («журнала») Григорія Павловича Ґалаґана (1819–1888), нащадка українського дворянського роду козацько-старшинського походження, одного з найпомітніших діячів в історії України в суспільно-політичній та культурній сферах, продовжуючи серію книг «Галаґанівського архіву», знайомить читача зі світом ідей та почуттів молодого аристократа, його вчинками та їхніми мотивами у соціокультурному контексті.

Цей щоденник, будучи оповідним текстом особистого походження (его-документом, авто-наративом), є репрезентацією історії змужніння молодої людини, охоплюючи період з 1836 до 1841 року – від підготовки 16-річного автора до вступу в Петербурзький університет до початку мандрівки країнами Західної Європи, що завершило його освіту. Український дворянин постає тут як «герой свого часу» перед викликами «Миколаївської доби» – часу правління Миколи I, коли Російська імперія переживала апогей абсолютизму, а водночас – зародження національних рухів, зокрема й українського, постає у різних просторах соціальної дії – в аристократичному салоні, в університетській аудиторії, в панській садибі. Цей текст містить цінний матеріал для осмислення того, як реагувало українське дворянство на соціокультурні новації свого часу, яке мало «вікно можливостей» у виборі життєвих стратегій. Щоденник Г. Ґалаґана дозволяє з'ясувати ставлення представників цього соціального прошарку до різних проектів національного й державного будівництва, прослідкувати, як модерний український національний рух проростав на ґрунті традицій «ранньомодерної «козацької України».

Текст, що оприлюднюється, робить спроможним поглиблене вивчення культурних пріоритетів української дворянської інтелігенції в найширшому антропологічному контексті – освітні практики, комунікації з інтелектуалами, художні пріоритети. Окрім того, цей щоденник містить цікавий матеріал з історії повсякдення дворянської спільноти, дозволяє реконструювати світобачення автора, що виявляється в тому, як він оцінює самого себе та інших, як ставиться до проблем статі, романтичного кохання, чуттєвої пристрасті, шлюбного вибору.

Варто відзначити, що «Журнал» Г. Ґалаґана має важому художньо-белетристичну значущість і повинен бути оцінений як вельми важлива частина культурної спадщини України.

Ключові слова: фамільний архів, его-документи, особистий щоденник, Григорій Ґалаґан, українське дворянство, історія почуттів.

ANNOTATION

THE DIARY OF HRYHORII GALAGAN (1836–1841).

The publication of the youth diary of H. P. Galagan (1819–1888), the heir to the Ukrainian noble family of Cossack-officer origin, one of the most prominent figures in the history of Ukraine of the 19th century in the socio-political and cultural fields, continuing the series of books “The Galagans’ Archive”, introduces the reader to the world of ideas and feelings of a young aristocrat, his actions and their motives in a sociocultural context.

This diary, being a narrative text of personal origin (egodocument, autonarrative), presents the story of a young man’s maturity, covering the period from 1836 to 1841, from preparing a 16-year-old author to enter the St. Petersburg University to the start of his travels in Western European countries that completed his education. The Ukrainian nobleman appears in it as the “hero of his time” before the challenges of the “Nicholas era”, that is the time of the reign of Nicholas I, when the Russian Empire was experiencing the apogee of absolutism, and at the same time the emergence of national movements, including the Ukrainian. He appears in different spaces of social action – in an aristocratic salon, in a university auditorium, in a landowner estate. This text contains valuable material for understanding how the Ukrainian nobility reacted to the sociocultural innovations of that time, which had a “window of opportunity” in choosing life strategies. H. Galagan’s diary allows you to find out the attitude of representatives of that social stratum to various projects of national and state building, to explore how the modern Ukrainian national movement sprouted on the basis of the traditions of the early-modern “Cossack Ukraine”.

The published text provides opportunities for an in-depth study of the cultural priorities of the Ukrainian nobility in the broadest anthropological context – educational practices, communication with intellectuals, artistic preferences. In addition, this diary contains interesting material for the history of the private life of the noble community, allows to reconstruct the author’s worldview, manifested in his assessments of himself and other people, in relation to gender issues, romantic love, sensual passion, marriage choice.

It should be noted that H. Galagan’s diary has considerable fiction significance and should be evaluated as a very important part of the cultural heritage of Ukraine.

Keywords: family archive, egodocuments, personal diary, H. Galagan, Ukrainian nobility, history of feelings.

АННОТАЦІЯ

ГРИГОРІЙ ГАЛАГАН. ЖУРНАЛ (1836–1841)

Публікація юношеского дневника («журнала») Григорія Павловича Галагана (1819–1888), наследника українського дворянського рода казацько-старшинського походження, одного із найбільше заметних діячів в історії України XIX століття в общественно-політическій і культурній сферах, продовжуючи серію книг «Галагановського архіву», знаходить читателя з миром ідей і чувств молодого аристократа, його поступками і их мотивами в соціокультурному контексті.

Цей дневник, будучи повествовательним текстом личного походження (єго-документом, авто-нarrативом), являється репрезентацією історії возмужання молодого человека, охоплюючи період з 1836 по 1841 рік – від підготовки 16-річного автора до поступлення в Петербурзький університет до початку подорожі по країнам Західної Європи, завершивши його освіту. Український дворянин представляє в ньому як «героем своєї епохи» перед викликами «Ніколаївської епохи» – епохи правління Ніколя I, коли Російська імперія переживала апогей абсолютизму, а одночасно – зародження національних рухів, в тому числі і українського, представляє в різних просторах соціального діяння – в аристократичному салоні, в університетській аудиторії, в поміщичьій усадьбі. Цей текст містить цінний матеріал для осмислення того, як реагувало українське дворянство на соціокультурні інновації той час, які мали «окно можливостей» в виборі життєвих стратегій. Дневник Г. Галагана дозволяє вирізнити ставлення представителів цього соціального шару до різних проектів національного і громадського будівництва, проследити, як сучасне українське національне рух містило на почві традицій раннімодерної «казацької України».

Публікуемий текст надає можливості для углибленого дослідження культурних приоритетів української дворянської інтелігенції в широкому антропологічному контексті – образовательні практики, комунікації з інтелектуалами, художественні предпочтения. Крім того, цей дневник містить цінний матеріал для історії повсякденності дворянського суспільства, дозволяє реконструювати міроощущення автора, проявлявшіся в його оцінках самого себе і інших людей, в ставленні до проблем пола, романтическої любові, чувственої страсти, брачного вибору.

Стоїть зазначити, що «Журнал» Г. Галагана має немалу художественно-беллетристическу значимість і повинен бути оценен как важливая частина культурного спадку України.

Ключові слова: фамільний архів, єго-документи, личний дневник, Григорій Галаган, українське дворянство, історія чувств.

Список ілюстрацій

1. Невідомий художник. Портрет Софії Юхимівни Дараган, у шлюбі – княгині Хованської. XVIII ст. Полотно, олія. ЧХМ ім. Г. Галагана.
2. Потапов М. Портрет Катерини Василівни Ґалаґан (ст.). Без дати. Полотно, олія. ЧХМ ім. Г. Галагана.
3. Потапов М. Портрет Петра Григоровича Ґалаґана. 1897. Полотно, олія. ЧХМ ім. Г. Галагана. Копія з більш раннього оригіналу.
4. Потапов М. Портрет Павла Григоровича Ґалаґана. 1897. Полотно, олія. ЧХМ ім. Г. Галагана. Копія з більш раннього оригіналу.
5. Нечаєв І. О. Портрет Марії Павлівни Ґалаґан. 1839. Папір, акварель. ЧХМ ім. Г. Галагана.
6. Невідомий художник. Портрет Марії Павлівни та Павла Євграфовича Комаровських. XIX ст. Папір, акварель. ЧХМ ім. Г. Галагана.
7. Сокиринці, маєток Ґалаґанів. Парк XIX ст. План: креслення. Ч. 1 (з описом). ДНАББ. Інв. номер 250754.
8. Волосков О.Я. Готичний місток у Сокиринському парку. 1846. Полотно, олія. ЧХМ ім. Г. Галагана.
9. Маєток Ґалаґанів у Сокиринцях. Ротонда в парку палацу. Проект: креслення, папір; архітектор П.А. Дубровський. 1820-і рр. ДНАББ. Інв. номер 250662.
10. Стілець зі столового гарнітура з маєтку Ґалаґанів у селі Дігтярі. XIX ст. Дерево, різьблення. ПКМ ім. В. І. Маслова.
11. Столик-підставка з маєтку Ґалаґанів у селі Сокиринці. Кінець 1880-х рр. Дерево, різьблення. ПКМ ім. В. І. Маслова.
12. Ротонда, оранжерея та теплиці маєтку Ґалаґанів у Сокиринцях. Вид з «Красного моста». Світлина 2-ї половини XIX ст. ЦДАМЛМ. Ф. 304. Оп. 1. Спр. 71. Альбом «Сокиринці». Арк. 48.
13. Готична альтанка в парку маєтку Ґалаґанів у Сокиринцях. Світлина 2-ї половини XIX ст. ЦДАМЛМ. Ф. 304. Оп. 1. Спр. 71. Альбом «Сокиринці». Арк. 30.
14. Дуб у «Святій долині» в парку маєтку Ґалаґанів у Сокиринцях з врізаною копією ікони Іржавецької Божої матері. Світлина 2-ї половини XIX ст. ЦДАМЛМ. Ф. 304. Оп. 1. Спр. 71. Альбом «Сокиринці». Арк. 36.

На 1 сторінці обкладинки:

Серебряков В. О. Портрет Григорія Павловича Ґалаґана. 1843. Полотно, олія. ЧХМ ім. Г. Галагана.

На 4 сторінці обкладинки:

Герб Ґалаґанів. ІР НБУВ. Ф. II. Оп. 1. Спр. 27 446. Арк. 5.

Скорочення

ІР НБУВ – Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського.

ЦДІАК України – Центральний державний історичний архів України, м. Київ.

ДНАББ – Державна наукова архітектурно-будівельна бібліотека імені В. Г. Заболотного.

ЧХМ ім. Г. Галагана – Чернігівський художній музей імені Г. Галагана.

ПКМ ім. В. І. Маслова – Прилуцький краєзнавчий музей імені В. І. Маслова.

ЦДАМЛМ – Центральний державний архів-музей літератури і мистецтва України.

ГРИГОРІЙ ГАЛАГАН
ЖУРНАЛ
(1836–1841)

Упорядники:
Марина Будзар, Євген Ковальов

Підписано до друку 10.06.2020 р.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура Франклін.
Наклад 500 прим.

Видавництво ФОП Антоненко Л.І. «StreamARline»
м.Київ, вул. Північна, 48 а, оф.65